

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

1

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Кравченко А.И. Бытие и быт как феномены и феноменология..... 6

Лю Ханвэй. Трансформация конфуцианских ценностей в китайском обществе XX–XXI веков: по материалам школьных учебников 13

Хаустов Д.С. Проблемы социального сопровождения участников СВО и членов их семей: эвристический потенциал экспертного интервью 19

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи 26

Бахматова Т.Г., Авилова В.А., Алсаева Ю.Г. Голоса участников буллинга: контент-анализ комментариев к документальному фильму..... 31

Маслодудова Н.В. Оценка реализации государственной программы «Информационное общество» глазами работающей молодежи 39

Седых О.Г., Тарабан О.В. Опыт организации социальной работы с лицами без определенного места жительства: мнение экспертов общественного сектора..... 46

Сушко В.А. Государственные меры поддержки повышения доступности цифровых услуг населению 53

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Савельева Ж.В., Алексеева Е.А. Ценности работников в условиях нелинейного социума: между стабильностью и свободой 59

Джибилова Е.Г., Фидря Е.С. Сценарное прогнозирование образа будущего в исследованиях российских и зарубежных авторов..... 64

Еничева А.И. Миграция в зеркале транснационализма: новый подход и критические замечания 70

Заякина О.А. Мнение студентов о семье и семейных традициях: опыт социологических исследований 74

Кирьянова А.М., Макаренко К.М. Самоидентификация студентов ВУЗов в новых субъектах РФ 77

Новичкова И.Ю. Проблемы формирования российской модели гражданственности 81

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Агекян С.В. Имидж как конкурентное преимущество (на примере строительной сферы)..... 85

Гончарова И.В., Пушкарева Н.Н., Гуров Г.А. Подготовка кадров для молодежной политики: социологические аспекты организации работы с молодежью в высшей школе 92

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус
Тел.: (495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добренков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организации и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силласте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Грабельных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренкова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории
Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Луиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзущев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.01.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Гремилов А.В.</i> Социологический анализ удаленной работы как современного формата занятости в Российской Федерации	100
<i>Игумнов О.А.</i> Социальный капитал в управлении организациями: социологическая перспектива социоресурсного подхода	105
<i>Семиколеннова Ю.А.</i> Принципы управления внутренней социальной политикой современной бизнес-организации: основное содержание и значение (социологический анализ)	112
<i>Фокин С.А.</i> Переход из школы в университет: проектная деятельность и успешность студентов, изучение школьного опыта	115

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Ван Синьцзы.</i> Культурное пространство и кросскультурная коммуникация в условиях глобализации современного общества	119
<i>Михайлова А.А., Пешков Д.А.</i> Чорю – «мягкая сила» или стратегия культурного экспорта КНДР	123
<i>Щербинина З.Н.</i> Этапы развития института образования в России: 1930–1953 годы	129

Ян Сюенань. Проявление коллективизма русским и китайским народами в межкультурной коммуникации 137

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Аникеева Е.Н.</i> Религиозная метафизика Василия Андреевича Жуковского и Серена Кьеркегора: опыт сравнения	141
<i>Ладыкина Т.А., Горелова И.Н.</i> Теоретическое осмысление социальных феноменов бедности и богатства в античной и средневековой философии	146

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Плужникова Н.Н., Саенко Н.Р. Власть техники и смена парадигмы в области технологий мышления 152

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ван Чуньсюе, Ли Хунхун, Чжан Мэн.</i> Исследование развития индустрии туризма снега и льда, способствующие модернизационному развитию провинции Хэйлунцзян, Китай	157
<i>Котусов С.А.</i> Опережающая профессиональная подготовка: передовые направления и перспективы развития	162

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kravchenko A.I. Being and everyday life as phenomena and phenomenology 6

Liu Hangwei. Transformation of Confucian Values in China in the 20th-21st Centuries: Based on School Textbooks 13

Khaustov D.S. Problems of social support for SMO participants and their family members: heuristic potential of expert interviews..... 19

EMPIRICAL STUDIES

Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security and social threats in the perceptions of young people..... 26

Bakhmatova T.G., Avilova V.A., Alsaeva J.G. Voices of bullying participants: content analysis of comments on the documentary 31

Maslodudova N.V. Evaluation of the implementation of the state program “Information Society” through the eyes of working youth..... 39

Sedykh O.G., Taraban O.V. Experience in organizing social work with homeless people: opinion of public sector experts 46

Sushko V.A. State measures to support increasing the availability of digital services to the public 53

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

Saveleva Z.V., Alekseeva E.A. Employee values in a nonlinear society: between stability and freedom 59

Dzhibilova E.G., Fidrya E.S. Scenario forecasting of the image of the future in the research of Russian and foreign authors 64

Enicheva A.I. Migration in the mirror of transnationalism: a new approach and critical remarks 70

Zayakina O.A. Students’ opinion on family and family traditions: the experience of sociological research 74

Kiryanova A.M., Makarenko K.M. Self-identification of university students in new subjects of the Russian Federation 77

Novichkova I.Yu. Problems of Formation of the Russian Model of Citizenship 81

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Agekyan S.V. Image as a competitive advantage (on the example of the construction sector) 85

Goncharova I.V., Pushkareva N.N., Gurov G.A. Personnel training for youth policy: sociological aspects of organizing work with youth in higher education ... 92

Gremilov A.V. Sociological analysis of remote work as a modern format of employment in the Russian Federation 100

Igumnov O.A. Social capital in the management of organizations: a sociological perspective of the socio-resource approach 105

Founded in March 2004. Published 12 times a year
 Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
 The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.
 Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226
 Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building
 Tel.: (495)9392405;
 email: socjournal.msu@gmail.com
 http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilevich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Social Sciences Abroad”; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadiyevna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
 Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 01/30/2025 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 “On the protection of children from information harmful to their health and development.”

Semikolenova Yu.A. Principles of managing the internal social policy of a modern business organization: main content and significance (sociological analysis) 112

Fokin S.A. Transition from school to university: project-based activities and student success, a study of school experience 115

SOCIOLOGY OF CULTURE

Wang Xinzi. Cultural space and cross-cultural communication in the conditions of globalization of modern society 119

Mikhailova A.A., Peshkov D.A. Choryu – «soft power» or the strategy of cultural export of the DPRK 123

Shcherbinina Z.N. Stages of development of the educational institute in Russia: 1930–1953 129

Yang Xuenan. The manifestation of collectivism by the Russian and Chinese peoples in intercultural communication 137

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Anikeeva E.N. The religious metaphysics of Vasily Andreevich Zhukovsky and Serena Kierkegaard: comparison experience 141

Ladykina T.A., Gorelova I.N. Theoretical understanding of the social phenomena of poverty and wealth in ancient and medieval philosophy 146

SOCIAL PHILOSOPHY

Pluzhnikova N.N., Saenko N.R. The power of technology and the paradigm shift in thinking technologies 152

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Wang Chunxue, Li Honghong, Zhang Meng. Research on the development of snow and ice tourism industry promoting the modernisation development of Heilongjiang province, China 157

Kotusov S.A. Advanced Professional Training: Advanced Directions and Development Prospects 162

Бытие и быт как феномены и феноменология

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Вещи обитают в пространстве непосредственного контакта с нами – визуальной близости, слуховой и тактильной доступности. Мы слышим, видим, ощущаем их, а они нас. Если мы можем здесь и теперь совершать с ними какие-то действия, то значит, они находятся в нашей повседневной реальности. Действия раскрывают самые нужные качества вещей – практические, эстетические, познавательные, за которые мы их ценим, любим или ненавидим точно так же, как любим и ненавидим людей, значимых других, раскрывающих свою глубинную сущность вовсе не в словах, а в поступках и делах. Вещи и люди из ближнего окружения – герои моего романа, романа, длящегося всю жизнь. Окружения, где быт и бытие, находясь в разных измерениях по своему исходному предназначению, вдруг встретились, пересеклись и совпали на то краткое мгновение, какое длится мое земное пребывание.

Ключевые слова: бытие, быт, бытование, безбытность, событие, событийность.

Писать о быте, значит заниматься хозяйствованием, писать о бытии, значит философствовать. Кажется, нет ничего более полярного. Но только не для С.Н. Булгакова, написавшего «Философию хозяйства» [1]. Он соединил земное и небесное, локальное и глобальное, но лишь ценой возвышения хозяйства до уровня всего общества, где хозяйство превратилось в экономику, труд – в религиозную аскезу, а философия стала богословием. Автор не станет подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку рассмотрел его в многочисленных статьях и главах, а пойдет другим путем – философско-этимологически-эпистемологическим.

Быт – сфера маленьких повседневных забот по обустройству домашнего комфорта и обслуживанию самого себя, охватывающая наши потребности в пище, одежде, тепле, воде, канализации, лечении, чтении и «телезрении», общении, отдыхе, развлечениях. В советской этнографии под **бытом** понимались семейные отношения (распределение ролей в семье, распорядок дня, характер питания, отношение к труду и др.). В современной социологии анализ феноменов быта постепенно замещается более широкой предметной областью – *социологией повседневности*.

Бытие – это необжитое пространство существования. **Быт** – обжитое человеком бытие: диван с полочкой для всяких безделушек, абажуры с бахромой, полосатые матрасы и скатерти с крупными яркими цветами. Можно менять свой быт как угодно много и долго, но изменить бытие никому еще не удавалось. От суеты быта к сути бытия – вектор движения. Противостояние быта и бытия – модус состояния. Бытие – одно из центральных понятий онтологии в философии. Бытие – способ существования подлинного.

Быт – молекулярная клеточка бытия, в масштабах вселенной столь малая, что заметна только человеку – субъекту быта. Этого субъекта называют то обывателем, то мещанином – без тени оскорбления. Интеллигенция сюда не входит. Она размышляет о бытии, но интеллигенция не озабочена бытом – она погружена в эфир бесконечной мысли, а не эфемерность преходящей повседневности. Интеллигенция – это, прежде всего, установка на «безбытность», «презрение» быта ради достижения идеального мира, т.е. ради романтизма, символизма, эстетизма. Философия быта как книга бытия.

Плохой быт является причиной эмиграции из России на запад, а хороший быт на западе –

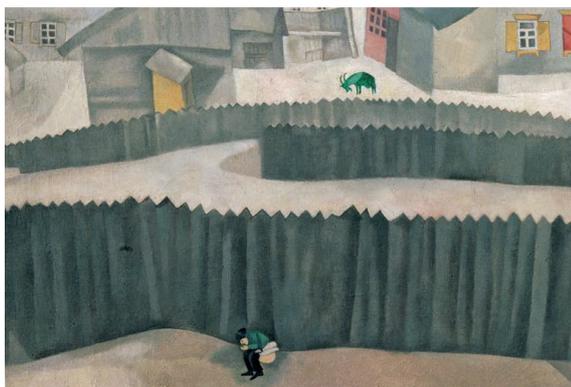

причиной притяжения людей со всех стран, где он хуже. Таким образом, чисто внутренний фактор является внешним, бытовой – политическим. Быт меняется не только от страны к стране, от эпохи к эпохе, но и внутри страны, особенно такой обширной, как Россия. Провинциальный быт совсем иной, нежели столичный.

Бытие и быт – как высшая математика и арифметика. Первой владеют единицы, второй – массы. Первое – собственность интеллигенции, второе – народа. У народа бытие определяет сознание, а в среде интеллигенции бытие не определяет сознание. Из-за того, что вторая стала жить хуже, мыслить, соображать и творить она вряд ли будет. Материальные ценности у нее не сильно связаны с духовными, а у кого связаны, те уже не интеллигенты. Масса живёт строго по законам иерархии потребностей Маслоу, взбираясь наверх по мере удовлетворения приземленных запросов. Интеллигенция и философия сразу прыгают на вершину, пренебрежительно поглядывая на остальных, застрявших в низине или с трудом ползущих высь. В терминах иерархии потребностей Маслоу быт расположен внизу, бытие – наверху.

Наверху

И внизу

Рис. 1. Марк Шагал. Над городом. 1914–1918

Быт – это формула массового бытия, которое определяет массовое сознание. Как и наоборот. В картине Марка Шагала очень точно отражено два начала: местечковый еврейский городок с приземистыми домишками, бесконечным забо-

ром, под которым обыватель справляет нужду. Таков художественный образ городского быта. А над городом парят две фигуры – мужчины и женщины, видимо, жителей Витебска (говорят, это сам Шагал с женой). Их нежная и красивая любовь – это песня вечного бытия человека (рис. 1).

Пока одни витают в облаках, а у других идет размеренная повседневная жизнь. Разумеется, не праздничная, не открыточная, зато реальная и очень правдашная. Такова повседневная вселенная Марка Шагала, где будничное и праздничное, вечное и преходящее, земное и небесное, быт и бытие слиты в неразрывном единстве. Возвышенная любовь не может существовать под забором, она отрывается от земли и устремляется к небу, которое вполне может олицетворять бытие. Быт – это смерть и опошление бытия. Вспомним: «Любовная лодка разбилась о быт...» (Маяковский) или обыденное определение жизненных неудач: «Погрыз(ла) в быту!».

Дом – это пересечение быта и бытия, самых глубоких человеческих привязанностей мужа к жене, родителей к детям, разворачивающихся на бытовой сцене в череде рутинных действий и повседневных забот. Дом – крест человека, его стремятся создать и в него стремятся вернуться после долгого отсутствия, и в то же время из дома рвутся на свободу, в открытую публичность всеми силами. Крест – бремя и распятие человека, его тяжелая земная ноша и одновременно место возвышения к Богу.

Именно так, как малую церковь, воспринимал дом и брак русский богоискатель В.Розанов. Церковь – просто здание, подобное городскому дому, но вместе с тем и дом Бога, место соединения небесного и земного, купола и почвы. Дом и церковь – это кров, место рождения и смерти человека, встречи пастыря и прихожан, диалог светского и сакрального.

Быт и бытие – земное и небесное, явление и сущность. Быт – замкнутость на материальном, бытие – открытость духовному. Бытия – созерцательность, быт – действие. Бытие – сфера изучения гуманитарных наук, быт – область экспериментирования технических дисциплин. Быт для каждого человека и семья свой, он индивидуален. Бытие одно на всех, это коллективное условие существования человечества. Первое понятие характеризует структуру *своего* мира, второе – структуру *всего* мира. Свой мир – мир прерывной повседневности, всеобщий мир – мир непрерывной неповседневности. Повседневность – малая родина, местечковость, неповседневность – глобализм, всеобщность. Бытие – это пространство, быт – место. Быт – жизненный уклад, повседневная жизнь, основанная на привычках, обычаях и традициях, имеющих этническую, религиозную и историческую специфику. Его изучение входит в задачи этнографии, социологии, истории, гигие-

ны. Бытие – объективная реальность, существующая независимо от нашего сознания.

Бытие определяет сознание, а сознание формирует наш быт. П. Бергер и Т. Лукман писали: «Повседневное знание – это знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни» [2].

Свойство *быть* ничего не сообщает о том, в какой форме, виде, статусе оно, то, что есть, существует. А вот *быт* конкретизирует абстрактное *бытие* до вполне зримого и конкретного проявления этого абстрактного. Человеку все равно, как бытие галактики реализуется в ее бытовой форме, а вот то, что рядом, по соседству, интересует его в первую очередь. Тем более, что *быт* – единственная управляемая, конструируемая нами и меняемая форма *бытия*. Все прочие нам недоступны, например, бытие квантов, черных дыр или ядра земли.

Бытие – это чистое бытие, незамутненная конкретность и не затемненное ничто. Когда они появляются на горизонте, в этот момент бытие переходит в разряд бытийственности, бывания, существования.

Быт – вполне себе земное существование вечного бытия, охватывающего все существующее в космосе и мировом пространстве. Быт – лишь малюсенький фрагментик такого бытия. Считается, что быт убивает любовь, а любимую девушку превращает в нереализовавшую себя домохозяйку.

Социология быта – область социологических исследований, связанная с повседневной жизнедеятельностью горожан после работы. Она включает такие темы, как стиль и образ жизни, условия и качества жизни, повседневная культурная жизнь, бюджеты времени, досуг и отдых, досуговое общение, виды бытовой деятельности, обмена информацией, оснащенность семей бытовой техникой, занятия, посвященные детям и семейному обслуживанию, структура семейного бюджета, покупки, пища, одежда, ремонт жилища, расходы на транспорт и обслуживание личной машины, здоровый образ жизни и здравоохранение; передвижение к месту работы и обратно, домашний труд (покупка товаров, приготовление пищи, уход за помещением, мебелью, приборами, уход за одеждой и обувью, уход за детьми, прочие виды домашнего труда); удовлетворение естественных потребностей (сон, еда, уход за собой, надомное лечение и т.п.); занятие свободного времени (учеба, самообразование, общественная работа, воспитание детей, физкультура и спорт, отдых и развлечения, творческая деятельность и любительский труд и пр.); бытовые практики; бытовые неурядицы и семейные дразги, пьянство как форма бытового разложения; советской и постсоветской повседневности и др.

Быт – это материальное обустройство повседневности. Он охватывает дом и домашнее хозяй-

ство, а повседневность – происходящее в них. Семья входит в сферу быта и повседневности не всем своим бесконечным многообразием, но только отдельными сегментами и элементами. Так, система родства в разных культурах или семейное воспитание, семейные традиции являются предметом изучения специальных дисциплин.

Бытие определяет сознание. А быт определяет сознание или что-то еще? Ничего другого, кроме бытия, нет. Быт – это социально упорядоченный человеком отрезок бесконечного и хаотического бытия. Это зона комфорта в океане беспокойного становления. Быт ощущается, бытие мыслится. Один человек в быту ищет смысл бытия, другой в бытии хочет видеть понятность быта. Быт – стилистически нейтральное слово, бытие – книжное, высокое, поэтическое понятие. У них разный этимологический ряд и разный эпистемологический вектор.

Бывание – нечто временное, преходящее и проходящее, мобильное, как гость, турист, командировочный, проезжий: побывал проездом в городе Н; и я там бывал; где я только не бывал. Бывание – это когда ты то здесь побывал, то там побывал, но нигде надолго не задержался. Пребывание – нахождение на данном месте.

Обывание – бывание – пребывание – отбывание – забывание – забвение – убывание – прибывание – обывательство.

Обывательство – это состояние, когда в жизни всякое бывало, а ты все пережил, выжил и продолжаешь «обывать». Обыватель – опытный боец в борьбе с бытовыми невзгодами и повседневными заботами.

Быть – быть собой, ничем не занимаясь, находиться где-либо, жить, не выясняя, зачем и почему, существовать, а не состояться.

Бытовуха – быт, который начинает вызывать в отношениях негативные чувства, т.к. пара не может прийти к компромиссу, разделить обязанности или решить, как вы хотите вести свое хозяйство. Бытовуха – обратная сторона быта. Быт – нечто позитивное, бытовуха – негативное: устал от быта и суеты, невымытой посуды, нехватки денег, ломающегося водопровода и электропроводки, протечек сверху, шума с боку. Это раздрай в семье по поводу бытовых неурядиц. Из *инета*: Ненавижу бытовуху. Этот бесконечный день сурка в плане готовки, стирки и уборки квартиры. Даже если заказывать готовую еду, закупить массу бытовых помощников и нанять домработницу, то всё равно эта домашняя рутина будет отнимать уйму времени. Как будто ты стоишь на конвейере и ежедневно выполняешь одну и ту же операцию, например, прикручиваешь одно колесо. Вжик... вжик... вжик... И так всю жизнь, с утра до вечера.

Быт – бытовуха, обыденщина, обиход, уклад жизни, уклад, общежитие. **Быт**: бытовая культура, культура быта, бытовые отношения, сфера быта,

история быта, бытовое обслуживание, бытовуха, бытовизмы, феноменология быта, сферы быта, бытовые неурядицы, бытовые проблемы, повседневного быта, народные традиции быта, повседневный быт горожан, быт горожан. Быт – производное от общеславянского «быти» в значении «становиться, расти, существовать».

Безбытность – отсутствие обустроенного быта, пренебрежение, равнодушие к бытовой стороне жизни. «Безбытность» русской интеллигенции – широко известное явление. «Безбытность» – субкультурная черта интеллигенции. Профессиональные особенности субкультуры врачей, учителей, научной и «творческой» интеллигенции. Проблема организации и проведения досуга в интеллигентской среде. «Безбытность» – установки на «презирание» быта, отказ от комфорта материального ради величия духовно-идеального (рис. 2).

Рис. 2. Безбытность – бытование есть, приюта нет, притон есть

Бытование – бытийность – бывание – бытность – бытовизм, бытовик, бытовист – бытовка – бытовуха – бытовушка – бытописание. «Наше бытованье – беспритонно» – Франческо Петрарка

Бытование – нечто основательное, оседлое, упорядоченное, неподвижное, несуетливое, никуда не спешащее, неспешное, обустройство со всем своим скарбом на этом месте, неотлучность с этого места.

Бытование слов – длительное употребление какого-то слова, так что оно стало элементом субкультуры, т.е. чем-то своим, свойским, обросло сленгом. Привлечение к сельскохозяйственным

ным работам граждан, занятых в других сферах экономики – организованное добровольно-принудительное привлечение граждан из других сфер народного хозяйства к сезонным сельскохозяйственным работам в СССР, а обиходное название – «поездка на картошку».

Бытование – практикование, повсеместное использование, популярность чего-либо: бытования письменного текста, обусловлено устным бытованием текста, сферу бытования фольклорных текстов, бытования традиции, активного бытования мифологических рассказов, рассмотрения ревности в контексте её культурного бытования, локализация индоевропейской прародины сужается до территории бытования культур шнуровых керамик, свидетельства бытования рукопашных боёв, к середине XX века былины почти полностью исчезли из живого бытования, способ бытования искусства, современного бытования мира цифровых технологий, имеющий специфическую среду бытования, широкого бытования сундуков, сфере бытования языка, исторического бытования памятников, повседневным бытованием, картины бытования куклы в современных условиях, культурные рамки бытования, подлинное бытование народных обычаев, народных праздников и народной танцевальной культуры, в период устного бытования саг. Бытование заимствованных слов в русском языке.

Бытийность (бытийственность) – у термина нет устойчивого значения. В одних словарях он передается через обиходность, в других – через существование, в-третьих – через теософию, в-четвертых – через переживание своей истинной природы, собственной уникальности (быть самим собой и ничего более). Бытийность: как быть собой в любых ситуациях.

Бытийность принимается индивидом, даётся им самому себе, либо достигается. Примеры бытийности – собственное имя человека, профессия, физические характеристики, роль в игре. Всё это вместе или по отдельности можно считать бытийностью.

Бытийствовать – жить, не мудрствуя лукаво. «...Жили мы... не мудрствуя лукаво. У всех был свой кусок хлеба, а впредь неведомо, что и как», – Д.Н. Мамин-Сибиряк (Хлеб, 1895). «Надо самому вжиться в эту жизнь, не мудрствуя лукаво, без всяких задних писательских мыслей», – А.И. Куприн (Яма, 1915).

Бытие – субстанция, бытийственность – находящаяся в бытии нечто, сделанное из определенной субстанции. Ничто снимает бытие, бытийственность его утверждает и укрепляет. Бытие никто не сотворил, бытийственность – сотворенное. Бытие – всеобщность, бытийственность – конкретность. У бытийственность есть беспредметность, у бытия ее нет.

Бытийствовать – что это такое? В литературе внятного ответа найти нельзя – только авторские догадки и домыслы. Домыслим и мы: бытийствовать – быть перед человеком, подлежать перед ним, быть в наличии у него. У вещей, которые мы не видим и не используем, просто существуют – это бытие. А зона человеческой активности – бытийствование. Человек заглядывает, высматривает, заботится и тем самым равнодушное бытие превращает в бытийствование, онтологию – в экзистенцию. Материальную объективность – в человеческую субъектность и даже субъективность (хотя это разные понятия).

Бытие просто есть, а не бытийствует. А вот сущность, форма, явления и прочее в этом бытии не есть, а бытийствуют, т.е. пребывают. Они конечны, возникли и умерли. Бытие бесконечно, оно не рождается и не умирает. Значит **бытие** и **бытийственность** – разные понятия, у них разные онтологии. У конечных вещей может появиться антропология, т.е. человеко-центричность, а у бытия не может. Оно ни в ком, а бытийственность в ком или в чем. У бытия нет антропологического измерения, у бытийственности есть. Но вся бытийственность к нему не сводится, а только ее сегмент. Его еще можно назвать экзистенциальностью. Бытийственность человека как существование – это экзистенциализм. Бытийственность человека как жизнь – это феноменология. Почему? Когда ты попал в экстремальную, или пограничную, ситуацию, тебе не до житья. Под вопрос поставлено все твоё существование – и не только выживание, но и нравственная сущность. Кем ты покажешь себя в бою – вопрос физический и нравственный. Тут не до вялотекущей повседневной жизни с заботой о насморке ребенка и невыключенном утюге.

Бывалоча – вводное слово. В русском языке в качестве синонимов к слову чаще всего используются: давно, прежде, как-то, однажды, когда-то. К редко используемым словам-синонимам относятся: когда-нибудь, бывало.

Бывалость – опытность, искушенность

Синонимы: бывалоча, в бывалошное время, в былое время, в прежнее время, в прошлом, в свое время, встарь, иногда, когда-то, некогда, одно время, случилось

Бывало – случилось в прошлом, прежде, нерегулярно случилось, повторялось в прошлом

«Бывалочи...», – так начинали рассказ о прошлом наши прабабушки. Народная мудрость, опыт, традиции, обычаи, приметы и поверья передаются из поколения в поколение, дополняясь все новыми и новыми, современными... Бывалочи, приляжешь с книгой... Бывалочи выйду голая на балкон, гляну вниз. Бывалочи сядешь на скоростной транвай и вжик уже в филармонии в Кемерово, или на Крапивинское водохранилище отдыхать... Сидишь бывалочи в саду... Лето, тепло,

птички поют... хорошо летом...шторку свяжешь, и сразу повесишь...

Формы «бывалочи»: бывалочить, бывалочил, бывалочила, бывалочило, бывалочили, бывалочу, бывалочим, бывалочишь, бывалочите, бывалочит, бывалочат, бывалочив, бывалочивши, бывалочимте, бывалочи, бывалочивший, бывалочившего, бывалочившему, бывалочившим, бывалочившем, бывалочившая, бывалочившей, бывалочившую, бывалочившею, бывалочившее, бывалочившие, бывалочивших, бывалочившими, бывалоченный, бывалоченного, бывалоченному, бывалоченным, бывалоченном, бывалочен, бывалоченная, бывалоченной, бывалоченную, бывалоченною, бывалочена, бывалоченное, бывалочено, бывалоченные, бывалоченных, бывалоченными, бывалочены

Бывало – случилось в прошлом, прежде, иногда. А бывалоча – лексически сниженное слово.

Три основных типа феноменов: ситуации, события и действия. Это все разновидности явления, которое пребывает в статусе самой общей для них категории. **События** – значимые для человека или/и общества явления, естественного или искусственного (социально сконструированные) происхождения. Они более глобальны, чем ситуации. **Ситуации** локальны и представляют стечение обстоятельств, условия или обстановку происходящего. **Действия** относятся только к людям, которых именуют акторами. Цепочка действий специального рода (трудовых, спортивных, творческих) называется деятельностью. У нее обязательно есть цель, тактика и стратегия, что необязательный для действий, которые могут быть, к примеру, эмоциональными, а не рациональными.

События, ситуации и действия функционируют и осуществляются в трех измерениях времени: прошлое, настоящее, будущее. Повседневность относится только к актуально происходящему здесь и сейчас.

Событие (со-бытие, со-бытийность) – все, что можно, сгрудилось в кучу и задвигалось. Приставка «со» указывает на объединение, но объединение не стоячее, не статичное, а действующее, происходящее, ибо слово «событие» предполагает нечто случившееся, произошедшее или сейчас происходящее. Когда в одном месте сходятся много разных факторов и сил, жди крупной беды. То эти факторы были в себе, в потенци, то, сойдясь, стали для себя – заговорили, зашумели, зашевелились. Событие – сфера явления, а не сущности, ко-экзистенциальность. Бытие скорее пространство, чем время. Со-бытие – пространство, приведенное в движения временем. Отсюда происходит слово со-временность: со-временны и со-бытийны. Со-бытие не одномерно, а со-временно. Со-временность – это событие, растянутое на более долгий исторический период. Со-бытие – маленькая современность, ее атом и молекула. Крупные события становятся переломным или

поворотным пунктом истории. Бытие – первичная основа со-бытия. Событие сродни явлению, если не одно и то же. Событие – это не совместное нахождение рядом, а совместное взаимодействие. Das Ereignis – событие – The event – L'événement

Устройство бытия, но обустройство быта. *Устройство* – это конструкция, система, структура, механизм, законы, т.е. нечто глобальное и все-ленское. *Обустройство* – вполне земная и будничная процедура налаживания своей жизни в данном месте со всеми причитающимися комфорту «причиндалами». Оно должно быть уместным, т.е. подходящим времени и пространству, времени «сейчас» и пространству «здесь». У-местность – процесс адекватного бытования у этого места как своего земного очага.

В словах «обыватель» и «бытописатель» слышится нечто общее. Вероятнее всего, это корень «быт» и про породненное с философским понятием «бытие», социоантропологическим «бытование», культурологическим «бытийность», социологическим «событийность». Быт и повседневность дают начало двум ветвям социологии – социологии быта и социологии повседневности

Бытописание – подробное описание жизни и быта большой социальной группы (профессия, занятие), общности (город, местечко, село) или исторической эпохи. Если речь идет о характеристике образа жизни, мировоззрения, традиций и привычек целого народа, то речь должна идти о нравоописании – описании нравов и обычаев, т.е. описание нравов народа через его быт и бытовое, повседневное поведение. Москва Гиляровского – это бытописание повседневной жизни знаковых мест – Хитровки, Хамовников, Сухаревки или Охотного ряда, которые составляют антропологический профиль столицы рубежа XIX–XX веков.

К их числу бытописателей XIX века отнести П.П. Свинына, М.И. Пыляева, М. Микишатъева, Д.А. Засосова, В.И. Пызина, С.В. Максимова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.С. Афанасьева-Чужбинского, В.А. Гиляровского, П. Виетенгофа, П.И. Богатырева, И.Т. Кокорева, Д.И. Никифорова, И.К. Кондратьева, П.Д. Боборыкина, И.Е. Забелина, К.Г. Паустовского, И.С. Шмелева, Ф.В. Булгарина, В.И. Даля, Д.В. Григоровича, И.А. Гончаров и др.

В живописи роль бытописателей выполняли **русские передвижники**: Василий Перов, Алексей Саврасов, Иван Шишкин, Илья Репин, Николай Ге, Василий Polenov, Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Василий Суриков, Архип Куинджи, Исаак Левитан, Владимир и Константин Маковские, Валентин Серов и Иван Крамской. Передвижники стремились реалистично отображать страдания социальных низов, быт и нравы простого народа, его повседневную и бытовую обстановку, вещи, которыми чаще всего пользуются различные слои населения. Совокупность художественно-

изобразительных приемов передвижников получила название **бытового жанра**.

Бытовой жанр – изображение сцен и событий, почерпнутых в повседневности, отражающих этапы жизни человека от рождения до смерти, его труд, отдых, развлечения. До русских передвижников он получил наибольшее развитие у «малых голландцев» XVII века: бытовые сцены из сельских хижин, подворий, городских таверн, рынков. В бытовом жанре работали Герард Терборх, Габриель Метсю, Питер де Хох, Ян Стен, Адриан ван Остаде, Франц ван Мирис Старший, Паулюс Бор. А первые бытовые картины появились на стенах пещер доисторического человека.

Передвижники сказали новое слово во всех жанрах живописи: в исторической и бытовой картине, в портрете и пейзаже. Они жили интересами современности, остро чувствовали, как в России после отмены крепостного права «все переворотилось и только укладывается». «Товарищество передвижных художественных выставок» сыграло исключительно важную роль в художественной жизни России XIX в. Лучшее из созданного на протяжении его полувековой жизни вошло в золотой фонд отечественной культуры, сохранило живую эстетическую ценность.

Обетование – обитание – обыватель – обывание – бывание – быватель – бывалый – быт – бытовка – первобытный – обитель – бытие – быть – быличка – былое – забыл – забытое – отбыл – прибыл – выбыл – прибыль – убыль – побывавший, бывший, бытующий, бывание, былые, прибытие, прибывание, пребывание. Обитать – жить в каком-либо месте. Обитель – место для проживания; жилище.

Обитать, обитель = о + бит + ать, о + бит + ель. Очевидно, что корнем является сочетание знаков – бит, что соответствует еврейскому термину – байт, бейт дом, жилище.

Обитель (ст. слав. – витать) – место длительного проживания и деяний человека, как правило, безлюдное, удаленное от суеты, тихое и скромное. Чаще всего так называют монастырь. «Обитель» – это возвышенное название жилища – церковного, духовного, душевного, поэтического пристанища человека, сознательно отвергшего земные радости или уставшего от их преходящих ценностей. – *Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога)*. – Екатеринбург. В.С. Безрукова. 2000.

Здесь-бытие и здешние. **Там-бытие** и тамошние. Вот две части мира повседневности. Тамошние абстрактны мне неизвестны, я с ними не знаком и кто они такие, мне по барабану, если они не вторгаются в мой дом и не пытаются стать здешними. Тогда начинаются разборки. Здесь-бытие – это сидеть в своем домике, смотреть на мир через свое окошечко, раздвинув милые занавесочки и попивая чай в прикуску. И что было в до-

мике тепло, нешумно и сытно. Ходить или ездить на работу кому-то далеко, но таких немного, либо близко, как в деревне, за околицу. Околица – границы ближнего мира, мира значимых других, знакомых, близких и родных.

Различая подлинное и неподлинное бытие, Хайдеггер определяет экзистенциализм как аналитику подлинного бытия человека, застигнутого «здесь и теперь», в непроизвольной сиюминутности его переживания. Отсюда два вывода: 1) здесь-бытие – это подлинное бытие, не абстрактное, не фейковое, не навязываемое нам через СМИ, не борьба за «того парня» или любовь ко всему человечеству, но только к тем, кого ты знаешь, а еще точнее, кого любишь; 2) повседневность есть та самая онтология, аналитикой которой и должен заниматься экзистенциализм. Экзистенциализм – переживание и сопереживание ближнему теперь здесь и сейчас, а не выдуманному там и когда-то. Тамошние пусть живут там, я к ним не лезу, но и к себе не пуцую, если они с враждебными целями. Тамошние, где бы они ни жили, для меня суть симулякры, виртуальные существа, которые исчезнут, как только я сниму специальные очки. Правда всегда рядом, это то, что я вижу и слышу, до чего могу дотянуться и с кем поздороваться, чьи микробы через рукопожатие, поцелуи или общие вещи переходят к моим микробам, составляя общую нам биоту. К этой биоте приспосабливается мой ребенок до двух лет. Они становятся его биотой, определяют его существование, болезни и настрой на все последующие годы. Особенно много полезных микробов в деревне, а деревня на Руси – синоним родины. Так что выражение «запах родины мне сладок и приятен» надо

понимать буквально – как общую нашему населению биоту. В чужой стране и биота чужая. Поэтому родина – моя биота, а биота – родина моя.

Литература

1. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства* / отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009.
2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. – М.: Медиум, 1995. С. 44.

BEING AND EVERYDAY LIFE AS PHENOMENA AND PHENOMENOLOGY

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

Things live in the space of direct contact with us – visual proximity, auditory and tactile accessibility. We hear, see, feel them, and they us. If we can perform some actions with them here and now, it means that they are in our everyday reality. Actions reveal the most necessary qualities of things – practical, aesthetic, cognitive, for which we value them, love or hate them in the same way as we love and hate people, significant others, who reveal their deep essence not in words, but in actions and deeds. Things and people from the immediate environment are the heroes of my novel, a novel that lasts a lifetime. Environments where everyday life and being, being in different dimensions according to their original purpose, suddenly met, intersected and coincided for that brief moment that my earthly stay lasts.

Keywords: being, everyday life, being, non-being, event, eventfulness.

References

1. Bulgakov S.N. *Philosophy of Economy* / ed. O. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2009.
2. Berger P., Lukman T. *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. – M.: Medium, 1995. P. 44.

Трансформация конфуцианских ценностей в китайском обществе XX–XXI веков: по материалам школьных учебников

Лю Ханвэй,

аспирант, кафедра теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: TartanLhw@gmail.com

Традиционное китайское общество до XX в. было в основном аграрным обществом. В структуре общественных отношений выделяются две основные иерархии: вертикальная «государь, подданные, отец и сын» и горизонтальная «служилые люди, земледельцы, ремесленники, купцы». Это соответствует конфуцианству, подчеркивающему иерархию, духовному представителю традиционного китайского общества. В конфуцианстве есть глубокие политические идеи и социальные теории, и даже в элементы философии жизни. Конфуцианство – это духовное богатство, которое мудрецы оставили своим будущим поколениям. Поэтому исследование конфуцианских ценностей имеет непреходящую актуальность. В начале XXI века в российской социологии и смежных социальных и гуманитарных науках исследование конфуцианских ценностей расширяется, рассматриваются его различные аспекты, которые мы можем затронуть лишь реферативно. В этой статье представлены основные ценности этики Конфуция и его школы в их аутентичных формулировках. Затем прослеживается их влияние на современную школьную систему как институт социализации (уроки литературы) с учетом социалистической образовательной политики. Делаются выводы о трансформации конфуцианских ценностей в современном Китае и их влиянии на разные поколения общества в области культуры с учетом современной политики.

Ключевые слова: конфуцианские ценности, система образования, образовательная политика, культурная политика, социалистические ценности.

Введение

Русский социолог Питирим Сорокин (1889–1968) имел достаточные основания считать Конфуция социологом повседневности. Он высоко ценил китайского мыслителя за то, что «...вся система конфуцианства – последовательная теория прагматической и сбалансированной рационализации социальной жизни, свободной от всяческого мистицизма и магии» [4, с. 612–613].

В начале XXI века в российской социологии и смежных социальных и гуманитарных науках исследование конфуцианских ценностей расширяется, рассматриваются его различные аспекты, которые мы можем затронуть лишь реферативно. Например, в социологическом исследовании Яо Линся (Москва) конфуцианство рассматривается как ценностно-нормативное ядро китайской национальной культуры и идейная основа формирования национально-культурной идентичности личности [9, с. 224–232]. В социологическом исследовании Ван Линь (Харбин) анализируются ключевые идеи конфуцианства и их значимость в истории и современном обществе. Отмечено, что конфуцианство унаследовало и развило гуманистические традиции китайских династий Инь и Чжоу, восстановив ритуальную и музыкальную систему (цивилизацию ритуалов и музыки) на основе этики добродетели, что заложило основу доминирующей китайской официальной идеологии [2, с. 155–159]. Много исследований посвящено связи конфуцианства с современной внутренней политикой и ее демократизацией в Китае, связи конфуцианства и традиционных ценностей. Однако не так много исследований о связи многочисленных реформ системы образования в Китае в начале XXI века, роли и места в них конфуцианства [6, с. 1427–1435]. Наше исследование является одним из таких. Как известно, общеобразовательная школа оказывает большое социализирующее влияние на молодежь. В отношении ценностей здесь важно содержание урока литературы. Именно этому и посвящена данная статья. Цель статьи – проанализировать конфуцианские ценности и их трансформацию в Китае XX–XXI веков.

Информационная основа исследования

В данном исследовании трансформация конфуцианских ценностей в Китае рассмотрена в исторические периоды с XX–XXI веков.

Исследование выполнено при поддержке Китайского совета по стипендиям (中国留学基金委, <http://www.csc.edu.cn>).

Материалом исследования являются типичные для каждого исторического периода школьные учебники литературы и передаваемые в них ценности культуры, прежде всего конфуцианские ценности, а именно следующее.

1. У Цзэнци. Учебник китайского языка для средней школы (吴曾祺. 中学国文教科书) (1908): в 10-и т. Это самый влиятельный учебник литературы для средней школы в конце правления династии Цин (1840–1912).

2. Хон Бэйпин, Хэ Чжонин. Литература: учебник [на байхуавэнь – современный китайский язык] (洪北平, 何仲英. 白话文范) (1920): в 4-х т. Этот учебник является началом подготовки учебников на современном китайском языке. С тех пор такие учебники стали быстро развиваться. В них были впервые включены иностранные художественные произведения для китайских школьников, что означало расширение их ценностного содержания и кругозора учеников.

3. Сунь Лянгун. Специальный учебник литературы для средних школ (孙良工. 中学国文特种读本) (1933): в 2-х т. Это самый ранний учебник литературы в Китае, который был официально составлен с учетом потребностей исторической ситуации. Он содержал пропаганду войны против Японии (1931–1945) с целью пробуждения национального духа китайцев.

4. Е Шэнтао, Ся Мянцзуэнь. 108 литературных произведений: учебник (叶圣陶, 夏丏尊. 国文百八课) (1938): в 4 т. Этот учебник был призван придать предметам «китайский язык» и «литература» научный характер и удалить неясные, загадочные и абстрактные концепции социальных ценностей.

5. Литература: учебник (文学) для средней школы (1955–1957): в 10-и т. Так было реализовано раздельное преподавание литературы и китайского языка.

6. Учебник китайского языка и литературы для школы (中学课本语文) (1958): в 12-и т. Китайский язык и литература снова были объединены в один предмет.

7. Пробный учебник китайского языка и литературы для средней школы Пекина. (北京市中学试用教材 语文) (1968): в 3-х т. Т. 1–2 для средней школы первой ступени. Т. 3 для высшей ступени. Это был первый учебник китайского языка и литературы для средней школы во время Культурной революции.

8. Учебник китайского языка и литературы для средней школы десятилетней очной формы обучения (全日制十年制学校中学课本 语文) (1978): в 10-и т.

9. Учебник китайского языка и литературы для средней школы шестилетней формы обучения (六年制中学语文课本) (1983, 1987, 1990, 2000, 2003): в 12-и т.

10. Стандартный экспериментальный учебник китайского языка и литературы для обычной учеб-

ной программы средней школы (普通高中课程标准实验语文教科书 (2007): в 11-и т. Т. 1–6 для первой ступени, т. 7–11 для второй ступени.

11. Учебник китайского языка и литературы для средней школы (全日制普通中学语文课本) (2019, 2022): в 8-ми т. Т. 1–6 для первой ступени, т. 7–8 для второй ступени).

Ценностное ядро конфуцианства

Когда речь идет о конфуцианских ценностях, необходимо отметить, что они являются ядром конфуцианской культуры. Они представляют собой базовую ценностную ориентацию и фундаментальное правила отношения к человеку, общине, природе и их взаимосвязям. Конфуцианские ценности включают в себя четыре аспекта.

1. Доброжелательность в отношениях между людьми, между людьми и природой. Этот вид доброжелательности простирается от любви к родственникам до любви к другим и любви к вещам. Конфуций (551 г. до н.э. – 479 г. до н.э.) считал, что нельзя причинять вреда насекомым и вредить растениям, что является нормой этики и воплощает чувство доброжелательности. (开塾不杀当天道也, 方长不折则恕也, 恕则仁也) [10]. Последователь Конфуция Мэн-цзы (372 г. до н.э. – 289 г. до н.э.) учил любить своих родственников и быть доброжелательным к народу, а также беречь всякую вещь. (亲亲而仁民, 仁民而爱物) [17].

2. В отношении общественного строя неизменной является система патриархальной иерархии, основанной на монархии и родственных отношениях. Это можно проверить по «Ли цзи» (Книга обрядов), «Есть четыре отношения, которые не меняются при смене династий: любовь к близким, уважение к предкам, уважение к старшим и неравенство между мужчиной и женщиной» (亲亲也, 尊尊也, 长长也, 男女有别, 此其不可得与民变革者也) [18].

3. Экономный образ жизни. Сюнь-цзы (荀子) (китайский мыслитель конфуцианской традиции (около 313 г. до н.э. – 238 г. до н.э.) учил, что экономные расходы, в том числе расходы материалов и уменьшение запросов нужны для исполнения будущих целей (节用御欲, 收敛蓄藏以继之也, 是于己长虑顾后, 几不甚善矣哉?) [5, с. 49].

4. Что касается взглядов на жизнь, следует обратить внимание на самосовершенствование и гармонию личности. В книге «Да сюэ» («Великое учение») написано, что независимо от статуса человека, от императора до простых людей, все они берут за основу самосовершенствование, чтобы они могли управлять семьей, управлять страной и принести мир во всем мире (自天子以至于庶人, 壹是皆以修身为本) [1, с. 19].

По мнению американского синоведа Р.Т. Эймса, конфуцианство одновременно атеистично и глубоко религиозно. Конфуцианство – это религия без

Бога, религия, выступающая за накопление человеческого опыта [8, с. 168]. Конфуцианские ценности фундаментально ориентированы на человека, и их фундаментальные характеристики заключаются в том, что они интегрируют священное и трансцендентное в светскость и природу человека, а также способны ощущать священный смысл и высшую ценность светской и человеческой жизни. С точки зрения конфуцианских ценностей, человек представляет собой открытую и динамичную систему, связанную с другими людьми, обществом, страной, человечеством и всем сущим во Вселенной. Как написано в «Да сюэ» («Великое учение»), «если мы сможем сохранять искренность и уважение ко всему, наши мысли будут правильными. Если наши мысли будут правильными, мы сможем совершенствовать себя. Если мы сможем совершенствовать себя, мы сможем хорошо управлять семьей. Если мы сможем хорошо управлять семьей, мы сможем хорошо управлять страной. Если страна будет хорошо управляться, мы сможем сохранить хорошее здоровье, если страна будет хорошо управляться, то государство спокойно и народ наслаждается миром» (物格而后知至, 知至而后意诚, 意诚而后心正, 心正而后身修, 身修而后家齐, 家齐而后国治, 国治而后天下平) [1, с. 19].

Примечательно, что вышеизложенная логика по существу совпадает с античной мыслью. Так, исследователь этики В.Г. Шолохов отмечает: «добродетели считаются как бы чертами характера человека. Но государство есть «большой человек» (Платон). «Добродетели» государства должны существовать в форме функциональных структур, которые обеспечивают достижение государственных целей» [7, с. 425].

Реформа системы образования в Китае и роль конфуцианских ценностей в школьных учебниках литературы

Итак, доказано что конфуцианство уже давно занимает важное место в китайском образовании, уделяя особое внимание нравственному воспитанию, в частности, с конца XIX века до основания Китайской Республики в 1911 г. После Первой опиумной войны (1840) правительство Цин начало изучать японский опыт проведения образовательных реформ, в результате чего в 1903 г. была создана система образования Гуймао (癸卯学制). В школе был введен предмет «чтение канонов», который является специализированным курсом конфуцианской этики и нравственного воспитания. Согласно уставу школы, в состав учебного содержания предмета входят «Книга сыновней почтительности» (孝经), «Четверокнижие» (四书), часть «Книги обрядов» (礼记), «Книга песен» (诗经), «Книга истории» (书经), «Книга перемен» (易经), «И-ли» (仪礼), «Чуньцю Цзо-чжуань» (春秋左传) (комментарии к хронике

«Чуньцю» 春秋, написанные Цзо Цюмином 左丘明; около IV в. до н.э.) и «Чжоуские ритуалы» (周礼).

В 1912 г. была провозглашена Китайская республика (1912–1949). В том же году обязательное изучение конфуцианства в школе было официально отменено. Кроме того, политическое движение за новую культуру (1915) и Движение 4 мая (1919) выступали за принятие западной демократии, науки и гражданских свобод. На китайское образование также повлияли образовательные идеи американского философа Д. Дьюи, в результате чего в 1922 г. была создана система образования Жэньсюй (壬戌学制), основанная на американском опыте. В этот период особое внимание уделялось развитию личности и способностей учащихся, в учебниках литературы стали появляться зарубежные писатели, их литературные произведения, несущие ценности западной культуры. Конфуцианство как система ценностей было пересмотрено и больше не стало основным содержанием обучения в школе.

Пережив тяжелый военный период 1930–1940-х гг., после основания КНР (1949), в 1956 г. система образования официально стала осуществлять раздельное обучение китайскому языку и литературе. В учебник литературы было включено большое количество зарубежных писателей, таких как А.С. Пушкин, М. Горький, Н.А. Островский, Ю. Фучик, Х.К. Андерсен, А. Доде и др. Однако конфуцианское этическое учение не было включено в учебники до 1982 г. Оно подверглось резкой критике в период культурной революции (1966–1976), для политики Большого скачка оно было не нужно.

Культурная революция закончилась в 1977 г., а в 1978 г. Китай начал проводить политику реформ и открытости. В учебниках постепенно увеличилось место конфуцианства и его ценностей. Согласно учебникам для средней школы, опубликованному издательством «Народное образование» в последние годы (2007–2022), было обнаружено, что конфуцианское учение, включенное в учебники, в основном сосредоточено на повышении учебной мотивации обучающихся, межличностных отношениях и управлении страной.

Путем анализа учебников литературы и обобщения материалов можно обнаружить, что все разделы, посвященные конфуцианству, собранные в китайских учебниках, можно разделить на следующие две категории: 1. Разделы из конфуцианской классики. В том числе «Шестикнижие», «Тринадцатикнижие» и «Сюньцзы»; 2. Разделы, непосредственно посвященные конфуцианским ценностям.

Судя по правилам отбора статей при составлении учебников литературы, в современных изданиях особо выделяются такие ценности, как «прилежно учиться», «добросовестность», «гармония», «сыновья почтительность», «воспитание личности благородного мужа», «твёрдая воля», «соблюдение

ние этикета». В то же время «патриотизм» и «основа жизни народа» намеренно сочетаются с социалистической культурой. Поскольку важность обучения необходимо подчеркивать на этапе обучения в средней школе, в учебниках наибольший упор делается на «старательно учиться». «Добросовестность» и «гармония» могут помочь учащимся сформировать гармоничные межличностные отношения, «воспитание личности благородного мужа» и «сыновья почтительность» могут способствовать достижению хороших личных моральных качеств, а «твёрдая воля» и «патриотизм» отражают ориентиры на социалистические ценности. Такие правила отбора показывают, что авторы учебников надеются использовать конфуцианскую литературу, чтобы помочь молодым людям сформировать правильные моральные концепции и ценности, а также осознать многообразное воспитательное значение соединения морали, семьи, страны и социалистической культуры на основе патриотизма.

Итак, заметно, что в современном китайском социалистическом обществе особенно подчеркиваются конфуцианские ценности «прилежно учиться», «добросовестность», «воспитание личности благородного мужа», «твёрдая воля», «патриотизм» и «гармония». Начиная с XX века, с падением династии Цин (1912) и полным распадом более чем 2000-летней феодальной автократии Китая, на которую опиралось конфуцианство, и которая, поддерживала его, конфуцианские ценности претерпели существенные модификации. Прежде всего, из-за изменений в социальной структуре была оставлена патриархальность, которая была важной чертой конфуцианства. Ее дух заключается в установлении отцовской власти и поддержке кровной связи поколений для создания патриархальной общины, в которой действуют как классовые различия, так и родственные отношения. Во-вторых, отказ от патриархальной системы ведет к отказу от «глупой преданности» и «глупой сыновней почтительности» и пошатнул абсолютное послушание «трёх устоев» (полная власть государя над подданным и отца над сыном, мужа над женой). Наконец, с распадом патриархальной правовой системы исчезли и «троякая покорность женщины (подчиняться отцу до замужества, мужу – после замужества, сыну – после смерти мужа) и четыре достоинства (добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие)», требуемые нормами конфуцианского этикета от женщин.

Среди конфуцианских ценностей сегодня поощряются наблюдение своего внутреннего духа, отношение к обучению и высокая социальная ответственность, которые бы развивались и сохранялись в процессе социальной и культурной модернизации. Конфуцианские ценности интегрированы в современном Китае во внутреннюю поли-

тику и культурную политику. Как отмечает председатель КНР Си Цзиньпин, «богатые философские мысли, гуманистический дух, просветительские мысли, моральные концепции традиционной культуры Китая, включая конфуцианство, могут дать людям полезное знание для понимания и преобразования мира, дать вдохновение для управления страной, а также способствуют моральному развитию» [3].

Заключение

Подводя итог, отметим, что конфуцианские ценности обладают богатыми духовными ресурсами, но как продукт аграрной цивилизации и феодальных производственных отношений они ориентированы на сохранение патриархальных отношений. Невозможно полностью отрицать конфуцианские ценности только потому, что некоторые из них несовместимы с развитием современного общества и противоречат модернизации. В нынешних условиях активного диалога между восточной и западной цивилизациями усилия по раскрытию богатых духовных ресурсов конфуцианских ценностей и реализации их в современной трансформации Китая и некоторых других стран имеют большое значение в области культуры и образования.

В первые годы основания КНР социальные ценности были едиными, социалистическими основными из них были коллективизм и коммунизм, а также критическая позиция к традиционной культуре, в том числе конфуцианству. После перехода к политике открытости в 1978 г. в Китае постепенно установилась социалистическая рыночная экономическая система, и товарообмен Китая со всем миром поднялся на новый уровень. В то же время мозаичное соединение восточной и западной культур, конфликт между традиционной и современной культурой и популярность Интернета ускорили революцию в глобальных информационных сетях и привели к столкновению различных идеологий морали. Конфуцианство вернулось в школьные учебники литературы после многих лет критики и отрицания. Сегодня конфуцианские ценности включают дух предприимчивости и самосовершенствования, чувство социальной ответственности, принципы доброжелательности и этикета, бережливый образ жизни, добросовестность, их пропагандируют. Возобновление акцента на конфуцианских ценностях отражает официальную критику утилитаризма, поклонения деньгам и растущую духовную пустоту, имеющую некоторую связь с быстрым экономическим ростом современного китайского социалистического общества. Конфуцианские ценности, воплощающие стремление к здоровой личности, являются методом, помогающим достичь координации материальной и духовной культуры в процессе ускоренной модернизации.

Литература

1. Ван Госюань. Да сюэ (Великое учение) и Чжун юн (Учение о срединном и неизменном) / Пер. с древнекитайского на современный китайский язык с примечаниями. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 2007. – 164 с. (на кит. яз.).
2. Ван Линь. Реализация идей философских систем конфуцианства, буддизма и даосизма в китайской культуре // Социология. – 2024. – № 10. – С. 155–159.
3. Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Международной конференции, посвященной 2565-летию со дня рождения Конфуция и Пятой Генеральной ассамблеи Международной конфуцианской ассоциации. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-09/24/c_1112612018.htm (дата обращения: 09.11.2024).
4. Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. с англ. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; Вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар: Анбур, 2020. – 912 с. (второе издание).
5. Фан Юн, Ли Бо. Сюнь-цзы / Пер. с древнекитайского на современный китайский язык с примечаниями. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 2011. – 526 с. (на кит. яз.).
6. Чугунов Н.С. Реформирование высшего образования в КНР в начале XXI века и конфуцианство // Синергия наук. – 2018. – № 22. – С. 1427–1435.
7. Шолохов В.Г. Анализ позиций и отношения Питирима Сорокина к науке этике // *Biocosmology – neo – Aristotelism*. – 02014. – № 4. – С. 426–443.
8. Эймс Р.Т. Гармония, но разная: взаимодействие китайской и западной философии. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2009. – 428 с. (на кит. яз.).
9. Яо Линся. Конфуцианство как аксиологическое ядро китайской культурной идентичности // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2011. – № 4(36). – С. 224–232.
10. У Цзэнци. Учебник китайского языка для средней школы: в 10 т. – Шанхай: Коммерческое издательство, 1908. – 2190 с. (на кит. яз.).
11. Хон Бэйпин, Хэ Чжонин. Литература: учебник [на байхуавэнь – современный китайский язык]: в 4 т. – Шанхай: Коммерческое издательство, 1920. – 420 с. (на кит. яз.).
12. Сунь Лянгун. Специальный учебник литературы для средних школ: в 2 т. – Нанкин: Государственное издательство компиляции и перевода, 1933. – 424 с. (на кит. яз.).
13. Е Шэнтао, Ся Мяньюэнь. 108 литературных произведений: учебник: в 4 т. – Шанхай: Каймин (просвещенный) книжный магазин, 1938. – 741 с. (на кит. яз.).
14. Учебник литературы для средней школы: в 10 т. – Пекин: издательство Народное образование, 1956. – 1910 с. (на кит. яз.).
15. Учебник китайского языка и литературы для школы: в 12 т. – Пекин: издательство Народное образование, 1958. – 1068 с. (на кит. яз.).
16. Пробный учебник китайского языка и литературы для средней школы Пекина: в 3 т. – Пекин: Пекин Пресс, 1968. – 423 с. (на кит. яз.).
17. Учебник китайского языка и литературы для средней школы десятилетней очной формы обучения: в 10 т. – Пекин: издательство Народное образование, 1978. – 1630 с. (на кит. яз.).
18. Учебник китайского языка и литературы для средней школы шестилетней формы обучения: в 12 т. – Пекин: издательство Народное образование, 1990. – 4032 с. (на кит. яз.).
19. Стандартный экспериментальный учебник китайского языка и литературы для обычной учебной программы средней школы: в 11 т. – Пекин: издательство Народное образование, 2007. – 1023 с. (на кит. яз.).
20. Учебник китайского языка и литературы для средней школы: в 8 т. – Пекин: издательство Народное образование, 2022. – 1192 с. (на кит. яз.).

TRANSFORMATION OF CONFUCIAN VALUES IN CHINA IN THE 20TH-21ST CENTURIES: BASED ON SCHOOL TEXTBOOKS

Liu Hangwei

Saint Petersburg State University

Traditional Chinese society before the 20th century was mainly an agrarian society. In the structure of social relations, two main hierarchies are distinguished: the vertical “sovereign, subjects, father and son” and the horizontal “service people, farmers, artisans, merchants”. This corresponds to Confucianism, which emphasizes hierarchy, the spiritual representative of traditional Chinese society. Confucianism contains deep political ideas and social theories, and even elements of the philosophy of life. Confucianism is the spiritual wealth that the sages left to their future generations. Therefore, the study of Confucian values is of enduring relevance. At the beginning of the 21st century, in Russian sociology and related social and humanitarian sciences, the study of Confucian values is expanding, its various aspects are considered, which we can only touch on in a summary manner. This article presents the main values of the ethics of Confucius and his school in their authentic formulations. Then it traces their influence on the modern school system as an institution of socialization (literature lessons) taking into account the socialist educational policy. Conclusions are made about the transformation of Confucian values in modern China and their influence on different generations of society in the field of culture taking into account modern policy.

Keywords: confucian values, education system, educational policy, cultural policy, socialist values.

References

1. Wang Guoxuan. Da xue (Great Learning) and Zhong yong (Teaching of the Middle and Unchangeable) / Translated from Old Chinese into Modern Chinese with notes. – Beijing: Chinese Book Publishing House, 2007. – 164 p. (in Chinese).

2. Wang Lin. Implementation of the ideas of the philosophical systems of Confucianism, Buddhism and Taoism in Chinese culture // *Sociology*. – 2024. – No. 10. – pp. 155–159.
3. Speech by Xi Jinping at the Opening Ceremony of the International Conference Dedicated to the 2565th Anniversary of the birth of Confucius and the Fifth General Assembly of the International Confucian Association. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-09/24/c_1112612018.htm (accessed: 09.11.2024).
4. Sorokin P.A. *Contemporary Sociological Theories (including the first quarter of the 20th century)* / Translated from English and compiled by A.K. Konyukhova, V.V. Sapova; Introduction and commentary by V.V. Sapov. – Syktyvkar: Anbur, 2020. – 912 p. (second edition).
5. Fan Yong, Li Bo. *Xun Tzu / Translated from Old Chinese into Modern Chinese with notes*. – Beijing: China Book Publishing House, 2011. – 526 p. (in Chinese).
6. Chugunov N.S. Reforming higher Education in China at the Beginning of the 21st Century and Confucianism // *Synergy of Sciences*. – 2018. – No. 22. – pp. 1427–1435.
7. Sholokhov V.G. Analysis of Pitirim Sorokin's positions and attitudes to the science of ethics // *Biocosmology – neo – Aristotelism*. – 2014. – No. 4. – pp. 426–443.
8. Ames R.T. *Harmony, but Different: The Interaction of Chinese and Western Philosophy*. – Beijing: Peking University Press, 2009. – 428 p. (in Chinese)
9. Yao Lingxia. Confucianism as the axiological core of Chinese cultural identity // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. – 2011. – No. 4(36). – pp. 224–232.
10. Wu Zengqi. *Textbook of the Chinese language for secondary schools: in 10 volumes*. – Shanghai: Commercial Publishing House, 1908. – 2190 p. (in Chinese).
11. Hong Beiping, He Zhongying. *Literature: textbook [in baihuawen – modern Chinese]: in 4 volumes*. – Shanghai: Commercial Publishing House, 1920. – 420 p. (in Chinese).
12. Sun Lianggong. *Special textbook of literature for secondary schools: in 2 volumes*. – Nanjing: State Publishing House of Compilation and Translation, 1933. – 424 p. (in Chinese).
13. Ye Shengtao, Xia Mianjue. *108 literary works: textbook: in 4 volumes*. – Shanghai: Kaiming (enlightened) bookstore, 1938. – 741 p. (in Chinese).
14. *Textbook of literature for secondary school: in 10 volumes*. – Beijing: People's education publishing house, 1956. – 1910 p. (in Chinese).
15. *Textbook of Chinese language and literature for school: in 12 volumes*. – Beijing: People's education publishing house, 1958. – 1068 p. (in Chinese).
16. *Trial textbook of Chinese language and literature for Beijing secondary school: in 3 volumes*. – Beijing: Beijing Press, 1968. – 423 p. (in Chinese).
17. *Textbook of Chinese language and literature for ten-year full-time secondary school: in 10 volumes*. – Beijing: People's education publishing house, 1978. – 1630 p. (in Chinese).
18. *Textbook of Chinese language and literature for six-year secondary schools: in 12 volumes*. – Beijing: People's Education Publishing House, 1990. – 4032 p. (in Chinese).
19. *Standard experimental textbook of Chinese language and literature for the regular curriculum of secondary schools: in 11 volumes*. – Beijing: People's Education Publishing House, 2007. – 1023 p. (in Chinese).
20. *Textbook of Chinese language and literature for secondary schools: in 8 volumes*. – Beijing: People's Education Publishing House, 2022. – 1192 p. (in Chinese).

Проблемы социального сопровождения участников СВО и членов их семей: эвристический потенциал экспертного интервью

Хаустов Дмитрий Сергеевич,

к.э.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет экономики и права
E-mail: dmitry.khaustov1982@mail.ru

В статье представлены результаты двух серий полуструктурированного интервью с экспертами в области социальной работы с участника специальной военной операции и членами их семей. Сделан вывод о большом потенциале количественных и качественных методов исследования указанного проблемного поля. Экспертное интервью позволило наметить направления будущих исследований в области психологического сопровождения участников боевых действий в эпоху развития технологии военных дронов.

Ключевые слова: социальная работа, специальная военная операция, экспертное интервью, участник боевых действий, психологическое сопровождение, дрон.

Теоретические особенности исследования

Проблемы интеграции количественного и качественного подходов к исследованию заключаются в разнонаправленных интенциях этих двух групп методов: качественные методы во многом ориентированы на модель «серендипити» (модель «нежданно-негаданно»), когда непредвиденный, аномальный и стратегический исходный факт составляет основу научной теории. Подобный факт возбуждает любопытство исследователя и ведет его по необдуманной заранее ментальной колее, которая зачастую бывает эвристична – порождает свежие вопросы и гипотезы [5, с. 211–216]. Если же речь идет о рутинной операции, то крайне важна такая неуловимая субстанция как «знаточество» – в понимании этого слова в известном эссе Карло Гинзбурга, посвященного уликовой парадигме [2]. К. Гинзбург проводит революционные параллели между методом Шерлока Холмса, методом Зигмунда Фрейда и методом атрибуции произведений искусства Дж. Морелли, делая упор на исследование второстепенных деталей.

Противоречивая репутация количественных методов среди исследователей социальных явлений, которая представлена народной мудростью «С помощью статистики можно доказать все, что угодно», по мнению Д. Хаббарда, фактически означает, что «цифрами можно сбить с толку людей, особенно легковверных, кто не в ладах с математикой» [10, с. 34–36].

Считается, что количественные исследования могут только подтвердить или опровергнуть уже сформулированную гипотезу. Однако даже небольшое снижение неопределенности, вполне доступное при ограниченных по охвату, точности измерения и выделяемых на их проведение операций количественного исследования, вполне способно сообщить качественно новую информацию и окупиться в среднесрочной перспективе.

Как пишет сторонник количественного подхода к измерению социальных явлений в деловой сфере Дуглас Хаббард: «Обычно вещи, считающиеся в бизнесе неизмеряемыми, можно количественно определить с помощью простейших приемов наблюдения, как только люди поймут, что неизмеримость – всего лишь иллюзия» [10, с. 17].

В нашу эпоху переизбытка данных, которые можно получить, например, с помощью программ-анализаторов (screen-scrapers) или рынка пред-

сказаний и прочих big data во главу угла сами себя ставят проблемы анализа и обработки данных. Как интерпретировать полученные данные?

Существует как проблемы когнитивных искажений [1], так и специфически научная проблема воспроизводимости научного результата [7, с. 41–66].

К сожалению, здесь нет универсальных рецептов, кроме опоры на три столпа научного подхода: творческий взгляд на ситуацию, критический разум и здравый смысл.

Предложенное ниже исследование представляет собой две серии экспертных интервью. С одной стороны, подобные интервью необходимы по той причине, «что мы не можем увидеть чувства, мысли или намерения, как не можем и наблюдать поведение респондентов в прошлом. Обо всем этом приходится спрашивать» [3, с. 162–163]. Конечно, экспертный опрос – это «качественный» метод исследования.

С другой стороны, опрос ряда экспертов, занятых в специфической сфере – оказание социальной помощи участникам СВО и членам их семей – не может не наталкивать на гипотезу об однотипности видения возникающих проблем. Такая предварительная гипотеза может указывать на возможность осторожного движения в рамках количественной парадигмы.

Посмотрим, что получится в рассмотренной попытке увязать количественный и качественный подходы при изучении весьма актуальной проблемы.

Особенности исследования

Было проведено две серии экспертных опросов.

В рамках первого исследования социального сопровождения участников СВО и членов их семей имеет изучение мнения профильных специалистов о возникающих трудностях при осуществлении их работы, методах работы, возможностях выстраивания эффективного сотрудничества на территории специализированного учреждения. Методом представленного исследования выступило полуструктурированное интервью со специалистами ОГБУ «Управление социальной защиты и социального обслуживания населения по г. Зима и Зиминскому району», филиал государственного фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества» по Иркутской области. Было проинтервьюировано 4 специалиста, из них – 3 специалиста отдела по работе с участниками СВО и членами их семей и 1 – социальный координатор по г. Зима. Результаты, выводы и рекомендации формулировались на основании полученного эмпирического материала.

Вторая группа экспертных интервью была проведена с социальным работником, психологом-консультантом, юристом и работником Государ-

ственного фонда «Защитники Отечества» в г. Иркутске. Интервью проводилось на условиях анонимности. Экспертное интервью «Исследование деятельности работников организации «Единый центр сопровождения участников СВО и членов их семей» было подготовлено и проведено в период с 23 по 27 апреля 2024 г.

Анализ результатов исследования

В рамках первого экспертного опроса были сформированы 4 блока вопросов для решения задач изучения мнения специалистов о возникающих трудностях в их профессиональной деятельности.

Вопросы первого блока предполагали изучение мнения специалистов о приоритетах в работе с участниками СВО и членами их семей. Все респонденты единогласно отметили важность внимательного и чуткого отношения к проблемам обратившихся граждан, а также важность применения индивидуального подхода к каждой семье.

На вопрос о том, с какими вопросами чаще всего обращаются граждане, большинство опрошенных (3 из 4) дало ответ, так или иначе связанных с денежными выплатами («Выплата денежных средств по ранению», «Получение страховых выплат» «Выплата недополученной заработной платы и так далее»). Один из респондентов также отметил, что популярной темой запросов является получение удостоверения ветерана боевых действий.

На вопрос о том, каким способом специалистами обеспечивается индивидуальный подход и насколько он эффективен, 2 специалиста рассказали, что в своей работе они стараются больше проводить индивидуальных консультаций с гражданами для выявления точечных потребностей, один из специалистов сообщил о попытках наладить эмоциональный контакт с посетителями центра. Можно сказать, что именно доверительная связь позволяет наиболее полно выявить потребности. Наконец, социальный координатор добавил, что для обеспечения индивидуального подхода специалист помогает в организации повседневной жизни: выезжает при необходимости к обратившимся гражданам на дом, сопровождает их в другие организации и тому подобное.

Следующий блок вопросов был посвящен выявлению мнений специалистов о проблемах взаимодействия с органами власти и другими организациями по работе с участниками СВО и членами их семей. На вопрос о том, с какими организациями чаще всего приходится взаимодействовать, все эксперты дали примерно один перечень организаций: Министерство обороны РФ, военные комиссариаты, Социальный фонд России, администрация муниципального образования, поликлиники и больницы. Интересно отметить, что один из интервьюируемых – социальный координатор –

часто обращается за содействием в военную прокуратуру как к надзорному органу.

Интересно мнение экспертов относительно вопроса о сложностях выстраивании взаимоотношений между организациями на территории муниципалитета: все специалисты отметили, что выстраивание взаимодействия на территории является одним из самых актуальных вопросов в их работе («Как правило, все организации, расположенные на территории и работающие с участниками СВО понимают важность и приоритетность задач, поставленных перед нами»). Экспертами называются следующие проблемы: длительное ожидание ответов на запросы в силу объективных обстоятельств, отсутствие информации по причине отсутствия единой базы данных для удобства в использовании всеми организациями.

На вопрос о том, какими методами можно было бы улучшить взаимодействие в рамках муниципального образования, 3 респондента из 4 предложили чаще проводить совещания между всеми организациями, работающими с участниками СВО и их семьями, проводить обучающие семинары в формате видео-конференций, один из опрошенных предложил разработать электронную систему обмена информацией, в которую могли бы иметь доступ все специалисты, работающие с участниками СВО.

В третьем блоке экспертного интервью изучалось мнение специалистов о возникающих проблемах в их работе, а также возможные пути их решения. В вопросе о проблемах, с которыми сталкиваются работодатели респондентов в осуществлении своей деятельности, два эксперта выделили эмоциональное состояние обратившихся граждан («Семьи испытывают стресс, тревогу и беспокойство из-за опасности, связанной с участием их близких в операции», «Они могут также столкнуться с посттравматическим стрессовым расстройством или другими психологическими проблемами») как самую распространенную проблему.

В качестве возможных путей решения указанной проблемы респонденты эксперты отмечали важность предоставления семьям доступа к медицинской помощи, психологической поддержке, убеждения обратившихся граждан в важности работы со специалистами.

Два респондента среди проблемных вопросов также выделили: финансовые трудности, («часто нужна помощь именно материальная, которая выходит за рамки законодательства, поэтому важно взаимодействовать с волонтерскими организациями»), вопрос изменений в роли супруга и родителя («В отсутствие одного из родителей или супруга, другой родитель или супруг может столкнуться с дополнительными обязанностями и ролями, с которыми они могут быть не знакомы. Это может вызывать стресс и неуверенность, для того чтобы

справиться с этими трудностями, важно предоставить семьям поддержку»).

Таким образом, проведенное исследование выявило ряд проблемных вопросов, возникающих при осуществлении специалистами учреждений работы с участниками СВО и членами их семей. К ним относятся:

- недостаточность и недостоверность информации при работе с гражданами ввиду отсутствия информационного обмена между организациями;
- тяжелое психологическое состояние обратившихся граждан, что затрудняет процесс общения между специалистами и самими гражданами;
- недостаточная правовая информированность участников СВО и членов их семей;
- отсутствие единой теоретической базы, разрозненность нормативного регулирования.

Второе исследование было ориентировано на определение особенностей работы изучаемой организации, занимающейся социальной поддержкой участников СВО и членов их семей; определение методов работы организации, их эффективность; выявление проблем, с которыми сталкиваются участники СВО и члены их семей.

Объектом исследования являются социальные отношения в связи с обеспечением социальных гарантий участникам СВО и членам их семей.

Предмет исследования – содержание, опыт и проблемы организации социальной работы с участниками СВО и членами их семей.

К свободному обсуждению были предложены следующие вопросы.

1. С какими проблемами сталкиваются участники СВО и члены их семей?
2. На какие нормативно-правовые акты в своей работе опираются сотрудники организации?
3. Какие значимые мероприятия проводит центр?
4. За какими мерами поддержки чаще всего обращаются?
5. Какова эффективность предлагаемых мер поддержки?
6. На кого не распространяются указанные меры поддержки?
7. Какие учреждения занимаются оказанием поддержки участникам СВО?
8. Какую поддержку оказывает фонд «Защитники Отечества» участникам СВО?
9. Обращаются ли за поддержкой к психологу участники СВО и члены их семей?
10. Обращаются ли за юридической поддержкой участники СВО и члены их семей?

Отвечая на первый вопрос, один из экспертов отметила, что работники центра занимаются консультированием граждан либо через социальные сети, либо в очной форме. Помощь оказывается при оформлении различных социальных выплат и льгот. Работники центра отмечают, что членов

семей участников СВО в основном интересует, какие меры поддержки положены их детям.

Один из респондентов – специалист по социальной работе – выделила основные проблемы, с которыми сталкиваются участники специальной военной операции, и указала их причины. Первая – несвоевременная выплата денежных пособий.

Причины:

- ошибки при заполнении документов;
- несвоевременная сдача документов;
- частая кадровая перестановка в Министерстве обороны, при которой новые сотрудники не всегда бывают компетентны в вопросе денежных выплат.

Вторая причина – высокая степень зарегулированности при сборе подтверждающих документов.

Третья – отсутствие по разным причинам военного журнала, в котором учитывается заработная плата военнослужащих.

На второй вопрос специалист по социальной работе ответила, что в Иркутской области действует 39 мер поддержки для военнослужащих и членов их семей, которые опираются на законы РФ и нормативно-правовые акты.

Ответ на третий вопрос («Какие значимые мероприятия проводит центр?») был таким: «Единый центр сопровождения участников СВО и членов их семей» проводит мероприятия, направленные на воспитание чувства патриотизма у детей и подростков. Различные акции, уроки и другие мероприятия привлекают внимание не только детей, но и другие категории граждан.

Такие акции и мероприятия поднимают дух нашим военнослужащим. Они знают, что их подвиги и иные заслуги перед народом и Отечеством не будут забыты».

Эксперт отметила, что чаще всего в профильные организации обращаются члены семьи участников СВО. В свою очередь, в основном их интересует, какие меры поддержки положены детям участников СВО.

Эксперты полагают, что меры социальные поддержки существенны как для участников специальной военной операции, так и членов их семей.

Отвечая на шестой вопрос, один из экспертов отметил, что часто в центр социальной помощи обращаются участники частных добровольческих формирований. К сожалению, меры поддержки федерального и регионального уровней на них не распространяются. С юридической точки зрения частных военных компаний в России не существует. И наемничество в нашей стране уголовно преследуется. В связи с этим меры социальной поддержки перекладываются на ЧВК. Однако участники добровольческих формирований могут получить статус «Ветеран боевых действий». В этом им оказывает содействие Государственный фонд «Защитники Отечества».

Среди учреждений, оказывающих меры поддержки участникам СВО и членам их семей эксперты назвали фонд «Защитники Отечества» и «Центр занятости населения». Например, «Центр занятости населения» имеет специальную программу по трудоустройству участников СВО. Помимо этого, существуют некоммерческие организации, которые участвуют в различных акциях, мероприятиях, оказывают гуманитарную помощь. К ним относятся «Оберег», «Так надо», «Любимый город», «Звезда», «Народный фронт».

Один из интервьюируемых экспертов стал работник Государственного фонда «Защитники Отечества».

Отвечая на предложенные вопросы, работник фонда – бывший военнослужащий, ветеран боевых действий, сообщил, что фонд занимается поддержкой военнослужащих, которые уже были уволены с военной службы, поддержкой членов их семей, захоронением погибших участников СВО. Он также отметил, что затруднения с получением статуса ветерана боевых действий чаще всего возникают у участников боевых действий, заключивших контракт с добровольческими формированиями, частными военными компаниями. Такие участники СВО приходят в организацию за помощью в оформлении официальных документов.

Отвечая на девятый вопрос из указанного выше перечня, один из экспертов (психолог) выделил среди профильных проблем участников СВО следующие:

- нарушения сна;
- посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР);
- иные психические заболевания у участников СВО.

Мерами поддержки, оказываемыми психологической службой, чаще всего пользуются семьи участников СВО. Чаще всего они обращаются к психологу по поводу беспокойств, связанных с утратой родственника.

Сами участники СВО редко обращаются за психологической поддержкой. Самая распространенная причина – стеснение, боязнь, что кто-то узнает об этом. Участники СВО подвержены влиянию социальных стереотипов, которые рассматривают обращения к психологу как слабость. В связи с этим остро стоит проблема как убедить участников СВО обратиться за помощью к психологу. После возвращения с линии боевого столкновения люди совершенно по-другому мыслят, меняются взгляды, поведение, досуг, мировоззрение, ценности. После участия в СВО мировоззрение и миропонимание человека меняются кардинально, поэтому с участниками специальной военной операции нужно проводить долгую работу. Люди после возвращения с ЛБС в целях эмоциональной стабилизации начинают употреблять наркотические вещества, алкогольные напитки, что может привести

к негативным последствиям: ссорам в семье, разводам, формированию алкогольной и наркотической зависимости, безработице, вовлечении в преступную деятельность. Как известно, СВО продолжается, поэтому массовых увольнений военнослужащих пока не произошло. Кроме того, не все могут уволиться: есть мобилизованные, которые будут находиться до формального окончания СВО, что отличает их от контрактников, которые находятся в зоне СВО определенный промежуток времени. По этой причине нам еще придется встретиться со многими проблемами, перечисленными ранее. Для повышения эффективности помощи участникам СВО необходимо запустить социальную рекламу, должен быть высокий уровень поддержки со стороны родственников. В целом можно сказать, что государственные учреждения не остались в стороне и осознают проблемы, с которыми может столкнуться государство и общество. Например, «Центр занятости населения Иркутской области» подготовил специальную программу, направленную на трудоустройство участников СВО, о чем мы уже упоминали. Работники «Единого центра поддержки участников СВО и членов их семей» уже разработали несколько психологических мер поддержки: профилактика, коррекция когнитивных нарушений мышления, памяти; различные упражнения, реабилитация, музыкотерапия. Также существует комплекс психологической коррекции «КОМБАТАНТ», который применяется в качестве профессионального инструментария для специалистов (психологов, психотерапевтов, психиатров и врачей-реабилитологов) для коррекции психологических расстройств и реабилитации лиц, имеющих различные психоэмоциональные, поведенческие, личностные и функциональные расстройства и нарушения, прямо или косвенно связанные с участием в боевых действиях, включая ПТСР. Также в анализируемом учреждении имеется сенсорная комната, с массажными креслами, демонстрацией медитативного видеоряда в сопровождении релаксирующей музыки. Однако проблема заключается в том, что спроса нет на эту комнату.

Отвечая на заключительный вопрос экспертного интервью, один из респондентов (юрист) выделяет следующие проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются участники спецоперации и члены их семей:

- несвоевременная выплата;
- проблемы с присвоением статуса ветерана боевых действий.

Данный эксперт занимается преимущественно разъяснительной работой. В случае нарушения норм законодательства по отношению к военнослужащим и членам их семей, в дело вступает военная прокуратура. Респондент помогает гражданам оформлять заявления в военную прокуратуру. Он отмечает, что больше всего за юридической

поддержкой обращаются члены семей участников СВО, а не сами участники. Львиная доля мер поддержки состоит в выплате пособий и только 10% – нематериальные виды поддержки.

По словам эксперта-юриста, можно выделить положительные стороны поддержки со стороны государства. В самом начале специальной военной операции обнаружилось множество проблем, а именно: некомпетентная работа военных комиссариатов, непродуманная система социальной поддержки. Однако в настоящий момент можно говорить, что государственные структуры последовательно устраняют те ошибки, которые были допущены ранее: появились специализированные центры, основная цель работы которых – помощь участникам СВО; каждый субъект РФ развивает свои меры поддержки, но их специфика зависит от бюджета, населения и спроса; окончательно утвержден статус участников СВО и членов их семей. Например, в Иркутской области действуют 39 мер поддержки. С 2024 года была повышена единовременная выплата, которая по сейчас составляет 400 тыс. руб., (ранее – 200 тыс. руб.) Меры поддержки, надо полагать, продолжают развиваться и расширяться. В то же время, нельзя сказать, что сейчас все проблемы решены – у государства еще очень много работы.

В ходе исследования выяснилось, с какими проблемами сталкиваются члены семей участников СВО. На оформление документов, являющихся основанием для выплат в связи с ведением СВО, гражданам приходилось тратить много времени. Отмечены прецеденты невозможности возобновить материальные выплаты участникам СВО и членам их семей.

Результате экспертного интервью можно обобщить следующим образом.

К выявленным проблемам, требующим решения, можно отнести следующее:

- участники СВО и члены их семей не всегда вовремя могут получить социальную поддержку от государства. Несвоевременно приходят пособия, выплаты;
- процесс сбора документов для получения социальных услуг занимает много времени и вызывает недовольство у граждан. Последних отправляют из одного государственного учреждения в другое, зачастую без каких-либо внятных результатов;
- участники добровольческих формирований, к сожалению, не имеют право на получение государственных социальных мер поддержки, так как имеется законодательная лакуна по отношению к участникам ЧВК. Однако они имеют право получить статус ветерана боевых действий, где предусмотрены определенные меры поддержки. Тем не менее, возникают трудности и в получении статуса ветерана боевых действий;

- проблемы со здоровьем участников СВО остаются актуальными, но сами они предпочитают не обращаться к врачам, психологам из-за сложившихся в обществе негативных стереотипов. Необходимо выделить выявленные в ходе исследования положительные социальные явления:
- для участников СВО и членов их семей проводится множество мероприятий, акций, выступлений, фотосессий. Формируются различные патриотические движения среди молодежи, ориентированные на поддержку СВО и ее участников;
- высокий уровень культуры сотрудников при личном и дистанционном контакте с клиентами;
- присутствуют меры поддержки как на федеральном, так и на региональном уровне. Например, в Иркутской области действует 39 мер поддержки;
- меры поддержки по отношению к участникам СВО со временем расширяются. Например, с 1 января 2024 г. в Иркутской области единовременная денежная выплата повысилась с 200 тыс. руб. до 400 тыс. руб.;
- развивающиеся межведомственные взаимодействия не только с органами исполнительной власти, но и с некоммерческими организациями;
- «Единый центр сопровождения участников СВО и членов их семей» активно развивает социальные сети, где можно проконсультироваться у специалистов и узнать много полезной информации;
- проводятся мероприятия с детьми участников спецоперации (мастер-класс «Коллаж», «Письмо солдату» и др.);
- активно распространяется информация (баннеры и листовки) для участников СВО (автовокзалы, ЖД вокзалы).

Выводы

Если говорить о количественном аспекте рассмотренного исследования, то предложенные в предыдущем разделе выводы достаточно тривиальны. Предположения о бюрократической неразберихе, сложностях с оформлением положенных льгот, неопределенности правового статуса сотрудников ЧВК, необходимости решать психологические проблемы участников СВО и членов их семей, наличии отложенных проблем в связи с массовой демобилизацией, которая последует после формального окончания СВО, были более или менее прогнозируемы априори.

Необходимо дальнейшие количественные исследования для уточнения описанных гипотез.

Может ли качественный аспект проведенных экспертных интервью натолкнуть на какие-то относительно нетривиальные выводы?

Общим местом в зарубежных исследованиях считается наступление так называемой постгероической эпохи. «Боевые дроны – оружие, характерное для постгероического общества: они позволяют сократить собственные потери и в то же время не допускают взаимного признания бойцов в какой бы то ни было форме. <...> ...развитию постгероических ориентиров способствует разрушение религиозной составляющей» [6, С. 156–157]. В целом это типично для стран западной цивилизации. В обозначенных условиях как никогда актуальна проблематика культивирования традиционных ценностей российской цивилизации – уже в иных социальных и технологических обстоятельствах [9]. Можно ли в исследованиях психологических проблем ветеранов боевых действий углядеть экзистенциальный кризис, характерный в целом для поколения Z [4]?

Как развитие новых технологий ведения войны может повлиять, например, на форматы предоставления психологической помощи? В последнее время стали писать не только о ПТСР, но и о «травматическом стрессе, вызванном активным действием» – речь о попытках выделить активную составляющую ПТСР, связанную с совершением актов насилия. Мрачную актуальность приобретает психологические реалии дроноводов, у которых могут быть кошмары, подобные воспоминаниям палачей о последних минутах приговоренных к смертной казни [11, С. 125–126]. Или, может быть, стоит говорить о профессиональном выгорании, когда «классический» ПТСР немного отступает на второй план [8]? В то же время, дроноводы СВО из уютных офисов вдали от линии боевого соприкосновения массово переместились в прифронтовую полосу – о чем это может нам сказать?

Нами перечислены лишь некоторые поисковые гипотезы, на которые нас натолкнули результаты проведенных экспертных интервью.

Предложенное исследование может стать небольшой ступенькой к процессам осмысления крайне актуальной проблемы о путях приложения государственных усилий по реинтеграции участников СВО и членов их семей в мирную жизнь. И здесь, конечно, необходимы как количественные, так и качественные методы исследования.

Литература

1. Ведантам Ш., Меслер Б. Иллюзия правды. Почему наш мозг стремится обмануть себя и других? – М.: Индивидуум, 2022. – 272 с.
2. Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни / Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Сборник статей. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 189–241.
3. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин,

- Е. Ковалев, А. Левинсон; под ред. И. Штейнберга. – СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с.
4. Кыштымова И.М. Образы жизни и смерти в сознании молодежи: психосемантический анализ / И.М. Кыштымова, Ю.П. Зубарева. – DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1372-1380. – EDN WTEQES // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 1372–1380.
  5. Мертон К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.
  6. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XXI XXI веках. – М.: Кучково поле, 2018. – 384 с.
  7. Ричи Р. Научнообразная чушь. Разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. – М.: АСТ: CORPUS, 2024. – 432 с.
  8. Седых О.Г. Синдром профессионального выгорания: опыт изучения в социальной практике / О.Г. Седых, Ю.Г. Алсаева. – DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(4).1624-1637. – EDN GCIQJK // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 1624–1637.
  9. Федорова О.В. Некоторые аспекты реализации государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / О.В. Федорова. – DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).880-890. – EDN YILQTQ // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 880–890.
  10. Хаббард Д. Как измерить все, что угодно. Оценка стоимости нематериального в бизнесе. – М.: ЗАО «Олимп-пресс», 2009. – 320 с.
  11. Шамаю Г. Теория дрона. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 280 с.

PROBLEMS OF SOCIAL SUPPORT FOR SMO PARTICIPANTS AND THEIR FAMILY MEMBERS: HEURISTIC POTENTIAL OF EXPERT INTERVIEWS

Khaustov D.S.

Baikal State University

The article presents the results of two series of semi-structured interviews with experts in the field of social work with participants in a special military operation and members of their families. The conclusion is made about the great potential of quantitative and qualitative methods for studying this problem field. The expert interview made it possible to outline directions for future research in the field of psychological support for combatants in the era of the development of military drone technology.

Keywords: social work, special military operation, expert interview, combatant, psychological support, drone.

References

1. Vedantam S., Mesler B. Useful Delusions. – Moscow: Individuum, 2022. – 272 pp.
2. Ginzburg C. Miti emblemici. Morfologia e storia. – Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2004. 189–241 pp.
3. Qualitative methods. Field sociological research / I. Steinberg, T. Shanin, E. Kovalev, A. Levinson; edited by I. Steinberg. – St. Petersburg: Aletheya, 2014. – 352 p.
4. Kyshtymova I.M., Zubareva Yu.P. Images of Life and Death in the Consciousness of Young People: Psychosemantic Analysis. Baikal Research Journal, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 1372–1380. (In Russian). EDN: WTEQES. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1372-1380.
5. Merton R. Social Theory and Social Structure. – Moscow: AST: AST Moscow: Khranitel, 2006. – 873 pp.
6. Muenkler H. Kriegssplitter. Die Evolution der Gewalt im 20. und 21. Jahrhundert. – Moscow: Kuchkovo Pole, 2018. – 384 pp.
7. Ritchie S. Science Fictions. Exposing Fraud, Bias, Negligence and Hype in Science. – Moscow: AST: CORPUS, 2024. – 432 pp.
8. Sedykh O.G., Alsaeva Yu.G. Review of Experience in Studying Burnout Syndrome in Social Work Practice: Secondary Analysis of the Results of Sociological Research. Baikal Research Journal, 2024, vol. 15, no. 4, pp. 1624–1637. (In Russian). EDN: GCIQJK. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(4).1624-1637.
9. Fedorova O.V. Some Aspects of the Implementation of State Policy to Preserve Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Baikal Research Journal, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 880–890. (In Russian). EDN: YILQTQ. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).880-890.
10. Hubbard D. How to Measure Anything. Finding the Value of “Intangibles” in Business. – Moscow: Olym Press, 2009. – 320 pp.
11. Chamayou G. Theorie du drone. – Moscow: Ad Marginem Press, 2020. – 280 pp.

Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Адилев Айбек Насырович,

д.ю.н., профессор, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева
E-mail: ibek2000@mail.ru

В статье представлено исследование особенностей восприятия социальной безопасности и социальных угроз в общественном сознании молодежи. В результате опроса молодых людей выявлены основные направления смыслов социальной безопасности, выявлены основные угрозы безопасности, с которыми сталкиваются молодые люди и о которых имеют только общее представление. А также сформулированы необходимые направления работы для государства и личные качества для людей, которые помогут справиться с угрозами социальной безопасности.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальные угрозы, представления молодежи, социальная динамика, социальная среда.

Тема социальной безопасности достаточно актуальна в современном обществе. Любую сферу общества можно рассматривать в контексте безопасности. К традиционным форматам военной и государственной безопасности стали добавляться новые виды, а вместе с тем и смыслы безопасности, отражающие разные стороны общественной жизни.

В современном общественном дискурсе выделяют экономическую, политическую, правовую, культурную, религиозную, демографическую, духовно-нравственную, продовольственную, экологическую, информационную, виртуальную и многие другие направления. Это все можно включить в понятие общественной безопасности, но при этом изучать ее в столь многоаспектном состоянии достаточно проблематично. Отсюда возникает потребность исследования каждого аспекта социальной безопасности в отдельности. Также следствием такого положения дел выступает отсутствие единого определения безопасности и множества смысловых полей социальной безопасности как на бытовом уровне представлений, так и в фокусе исследований различных наук тех или иных аспектов социальной безопасности.

Почему встает потребность изучения столь разнообразного поля безопасности? Потому что мир усложняется, новые взаимодействия приводят к скрытым или явным конфликтам, манипуляциям, провокациям и т.д. Это может иметь серьезные последствия для общественного развития и национальных интересов любого государства.

Социальная безопасность опирается на сознание людей и эффективную работу правоохранительных органов (Р.Г. Ардашев [1], Н.В. Маслодудова [2], Т.Т. Шамурзаев [3]), развитие гражданской и национальной идентичности и в целом, национальных основ жизни граждан страны (П.А. Бавев [4–6]), вопросы социальной напряженности, рисков безопасности и реализации в этих условиях просоциальных практик (О.А. Полюшкевич [7–9]).

Социальная безопасность создает условия для выживания и развития общества, определяет рамки и механизмы воспроизводства основных его принципов и условий и позволяет формировать стратегии адаптации к новым условиям. Эти процессы реализуются через нормативные условия (законы, моральные рамки), а также особенности личной и групповой адаптации к новым условиям

жизни в сфере экономики, политики, культуры, виртуальности и проч.

Социальная безопасность выступает основой личной безопасности человека, проживающего в определенном государстве, имеющего права и обязанности, условия и возможности для реализации личных и общественных благ через соблюдение норм или их нарушение. Социальная безопасность может касаться как людей (отдельных личностей и социальных групп), так и естественных объектов (территории, природы), а также социальных объектов (символов духовно-нравственного содержания, экономических условий и политических возможностей, демографических стратегий и иных социально маркированных сфер жизни).

Если имеются угрозы социальной безопасности личности и общества в целом – можно говорить об угрозах безопасности. Угрозы социальной безопасности могут быть внутренними (человек или группа людей их самостоятельно спровоцировали, например через аддиктивное поведение) или внешними (воздействие третьих лиц, групп, государств на привычный социально безопасный уклад жизни с целью его разрушения, дезинтеграции общества, разрушения его идентичности, солидарности, традиционных принципов и основ работы, разрушения функционирования традиционных институтов и стагнация общественного развития). Нарушение социальной безопасности личности и общества может стать фатальным для граждан страны.

Можно утверждать, что социальная безопасность имеет системный характер. Решение вопросов связанных с решением угроз социальной безопасности требует комплексного подхода, постоянного мониторинга и регулярного анализа и моделирования социальных последствий. Для того чтобы понимать особенности восприятия социальной безопасности и социальных угроз, мы провели исследование представлений молодежи в данной сфере.

Особенности исследования

Исследование проходило в виде массового опроса, в котором приняли участие 1200 молодых людей, в возрасте от 18 до 25 лет, обучающиеся в вузах России, 55% девушек и 45% юношей. Выборка квотная: по полу, возрасту, месту жительства и месту обучения.

Мы специально отбирали студентов высших учебных заведений, чтобы отследить социальные представления о социальной безопасности и социальных угрозах среди тех, кто получает более комплексное образование. Так как это позволяет отследить влияет ли образование на знания о социальной безопасности и социальных угрозах, или это повседневный опыт, который можно получить

через межличностное взаимодействие и переработку информации из СМИ и сети интернет.

Анализ результатов исследования

Мы интересовались тем, что молодые люди понимают под социальной безопасностью. И ответы, на этот открытый вопрос, мы получили достаточно разнообразные. По мнению 25% социальная безопасность – это милитаристски ориентированная деятельность (безопасность от внешних угроз, причем как от военных действий, так и использования биологического оружия, террористических и экстремистских угроз и прочее). Возможно, это наследие от более традиционных контекстов понимания социальной безопасности, но в новых условиях жизни. Риском данной группы безопасности выступает нарушение целостности границ, гибель граждан страны в ходе активных агрессивных действий со стороны противника.

Для 23% молодых людей, социальная безопасность – это защита социокультурного уникального опыта (сохранение истории, культуры, обычаев, языка, религии, личной и родовой истории). В данном контексте, социальная безопасность – это социокультурный пласт сохранения преемственности поколений и связи между современниками через культурный опыт и морально-нравственные ценности, религиозные убеждения и взгляды. Риском безопасности этого уровня выступает утрата значимости собственной истории и культуры и замена ее чужими образцами культурных норм и правил и как следствие – проживание жизни не свойственной нашему народу.

Для 22% это социально-демографический срез социальной реальности, который предполагает сохранение демографического потенциала жителей страны, его разрушение приводит к утрате национально-культурных особенностей и растворению народов в представителях других рас, народов, культур. Риском безопасности данного уровня выступает уничтожение народа как вида, через смешивание крови.

Для 17% это социально-публичная безопасность в сфере экономики (использование чуждой валюты и как следствие зависимость от нее); вестернизация политической жизни приводит к рискам зависимости от интересов стран Запада в сфере социальной политики. Риском безопасности этого уровня является то, что наша страна становится донором ресурсов, а чужая экономика и политика разрушают на корню самостоятельные условия развития и воспроизводства.

Для 13% это информационно-виртуальная безопасность, которая приводит к замене реальной жизни на виртуальную. Риски данной сферы безопасности заключены в подмене ощущений, в утрате собственной идентичности, жизни в мире симулякров и прочее.

Отвечая на вопрос, – какие вызовы современности несут большую угрозу для социальной безопасности, молодые люди указывали на: массовую культуру, пропагандирующую деструктивные ценности, которые разрушают личность изнутри – 10%; открытость информации в виртуальном пространстве – 15%; экономические и политические игры, которые строятся на теориях заговора – 13%, чрезвычайные ситуации экологического и технологического происхождения – 10%, терроризм и войны – 7%; наивность людей, их вера в лучшее – 15%, отсутствие знаний о рисках и угрозах социальной безопасности – 13%, болезни – 10%, негативный опыт социализации и отсутствие возможностей изменения жизни – 7%. Иными словами, половина угроз социальной безопасности строится на основании внешнего воздействия (55%), а другая половина – на основании личностных особенностей граждан страны (45%).

Респонденты указали, что нужно для того, чтобы справиться с угрозами социальной безопасности. Их ответы можно разделить на два блока: первый – что необходимо государству, второй – что необходимо человеку (личностные качества) для обеспечения социальной безопасности и того, что может помочь противостоять социальным угрозам.

Государству необходимо для обеспечения социальной безопасности:

- иметь подготовленные кадры, способные противостоять угрозам (30%);
- сформировать техническую и технологическую базу для противостояния угрозам социальной безопасности (27%);
- постоянно развивать техники и технологии социального мониторинга, моделирования и прогнозирования угроз социального воспроизводства общества (22%);
- повышать уровень просвещения населения в области социальной безопасности и информирования о необходимых действиях, при выявлении угрозы социальной безопасности общества (13%);
- разработать концепцию стратегического развития социальной безопасности государства (8%).

Человеку необходимо для обеспечения социальной безопасности:

- знать основы безопасного поведения в социуме (быть наблюдательным, не взаимодействовать с деструктивными и/или опасными группами лиц, не бывать в опасных районах и проч. – 24%);
- знать основы безопасного поведения при чрезвычайных ситуациях (экологические и техногенные катастрофы, террористические акты, военные действия, эпидемии и т.д.) – 36%;
- уметь выстраивать социальные взаимодействия с людьми (15%);

- уметь находить и фильтровать информацию, критически ее оценивать (13%);
- нести ответственность за себя и других (12%).

При этом, молодые люди указывали на то, что социальная безопасность опирается на существующие в обществе законы (36%), преемственность поколений и особенности социализации (24%), соблюдение техники безопасности во всех смыслах (25%), умение избегать конфликты и решать непростые ситуации (15%). Эти ответы показывают, что основные ориентиры при обеспечении социальной безопасности молодые люди отводят себе, своим личным качествам и характеристикам и значительно меньше надеются на государство. Это один из показателей того, что риски социальной безопасности для государства более глубокие и опасные, чем можно было подумать. Потому что население, не рассчитывающее на помощь государства легко спровоцировать на протестные акции и революции.

В общественном сознании, существуют идеи, что не стоит надеяться на Бога, Президента или кого-то еще, надо самим за себя отвечать (*на Бога надейся, но сам не плошай*). Это один из показателей низкого институционального доверия власти, государству и большой акцент на опору самого себя и личных связей (инструментальное доверие). Если не менять данное положение, то процессы дезинтеграции социального развития будут усиливаться, и угрозы социальной безопасности приобретать все новые и новые формы.

Данные процессы повышают уровень тревожности за свое будущее и будущее своих близких у 76% опрошенных. Знание о том, как противостоять угрозам не означает, что этим знанием смогут воспользоваться на практике. Это также один из тревожащих молодых людей факторов своего будущего.

Проведенное исследование о представлениях молодежи о социальной безопасности и угрозах, с которыми они сталкиваются, содержит много важных аспектов. Однако в перспективе необходимо его дополнить и расширить обсуждение в следующем ключе.

- Необходимость образования и просвещения. Немаловажным вопросом является разработка программ образования и просвещения, направленных на повышение осведомленности молодежи о социальных угрозах и механизмах противостояния им. Это может включать курсы по критическому мышлению, медиаграмотности и правам человека.
- Роль государства и общественных организаций. Необходимо активное участие государства и неправительственных организаций в создании платформ для диалога между молодежью и властью. Это поможет создать доверие и вовлеченность молодежи в процессы принятия решений, касающихся их безопасности.

- Психологическая поддержка. Важно обеспечить доступ к психологической помощи и поддержки для молодежи, особенно в условиях растущей тревожности и неопределенности. Программы психосоциальной поддержки могут помочь молодым людям справляться с их страхами и беспокойствами.
- Социальные инициативы и волонтерство. Рассмотреть роль молодежи в социальных инициативах и волонтерских проектах, которые могут помочь им не только развить навыки противостояния угрозам, но и укрепить чувство общности и социальной ответственности.
- Инновационные подходы. Возможность внедрения инновационных подходов, таких как использование технологий и социальных медиа для информирования и мобилизации молодежи в вопросах социальной безопасности.
- Исследования и мониторинг. Дальнейшее проведение регулярных исследований и мониторинга состояния социальной безопасности, чтобы выявлять новые угрозы и адаптировать политику в соответствии с изменяющимися условиями.
- Международный опыт. Изучение и использование социального опыта других стран, где были успешно реализованы программы по повышению социальной безопасности и вовлечению молодежи в эти процессы. Это может служить вдохновением для разработки аналогичных инициатив в наших странах.

Выводы

Создание устойчивой системы социальной безопасности требует совместных усилий всех членов общества, включая молодежь, государственные органы и гражданское общество. Это позволит не только снизить уровень тревожности, но и создать более безопасное и стабильное общество в целом.

1. Проведенное исследование показывает, что в молодежной среде достаточно противоречивые представления о социальной безопасности и угрозах социальной безопасности, существующих в современном обществе. С одной стороны, есть понимание, что государство должно обеспечить стабильность и безопасность, с другой – нет веры в это, поэтому вопросами личной и социальной безопасности необходимо заниматься самим молодым людям.

2. Угрозы социальной безопасности исходят из разных сфер. Эти угрозы молодые люди идентифицируют, но не всегда обладают ресурсами им противостоять (начиная от угроз массовой культуры или информационной пропаганды в сети Интернет, заканчивая экономическими санкциями в стране). Это приводит к повышению уровня тревожности и беспокойства и неуверенности в безопасности завтрашнего дня.

3. Социальная безопасность достаточно многогранна. Она активизирует как личностные, так и социальные ресурсы для противостояния угрозам и рискам безопасности. Но без целенаправленной, продуманной политики противостояния рискам и угрозам социальной безопасности общественные представления и установки о собственной подготовленности к процессам противодействия угрозам социальной безопасности останутся только словами, чтобы население и все иные социальные институты было готово к противодействию, необходимо их к нему подготовить – целенаправленно и системно. Это, на наш взгляд является основной задачей социального моделирования общественного развития.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
2. Ардашев Р.Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, Инст. МВД, 2024. С. 361–363.
3. Ардашев Р.Г., Шамурзаев Т.Т. Обеспечение безопасности от террористических угроз на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 101.
4. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
5. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 48–52.
6. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросскультурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 39–43.
7. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.

8. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 467–471.
9. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, БГУ, 2023. С. 159–163.

SOCIAL SECURITY AND SOCIAL THREATS IN THE PERCEPTIONS OF YOUNG PEOPLE

Ardashev R.G., Adilov A.N.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs, Irkutsk State University, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after E.A. Aliyev

The article presents a study of the peculiarities of the perception of social security and social threats in the public consciousness of young people. As a result of a survey of young people, the main directions of the meanings of social security were identified, the main security threats that young people face and about which they have only a general idea were identified. And also the necessary areas of work for the state and personal qualities for people who will help to cope with threats to social security were formulated.

Keywords: social security, social threats, youth perceptions, social dynamics, social environment.

References

1. Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // *Sociology*. 2024. No. 7. P. 59–64.
2. Ardashev R.G., Maslodudova N.V. Sociocultural foundations for ensuring social security by law enforcement agencies of the Russian Federation // *Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXIX international scientific and practical conference*. Irkutsk, Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2024. P. 361–363.
3. Ardashev R.G., Shamurzaev T.T. Ensuring security from terrorist threats at sports competitions // *Theory and practice of physical education*. 2024. No. 7. P. 101.
4. Baev P.A. Civic and national identity of Russians // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 69–76.
5. Baev P.A. National Heroes of Russia in the Virtual World // *Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference*. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 48–52.
6. Baev P.A. National Foundations of Russian Statehood in a Multipolar World // *Ethnopsychological and Cross-Cultural Problems and Resources for the Formation of a Multipolar World (Eastern and Western Approaches)*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, D. Banzarov Buryat State University. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 39–43.
7. Polyushkevich O.A. Social Security and Social Tension // *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice*. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. P. 28–31.
8. Polyushkevich O.A. Social risks of ideological security // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. P. 467–471.
9. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of pro-social practices // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, BSU, 2023. P. 159–163.

Голоса участников буллинга: контент-анализ комментариев к документальному фильму

Бахматова Татьяна Георгиевна,

к.э.н., доцент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
E-mail: BahmatovaTG@bgu.ru

Авилова Вероника Анатольевна,

студент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», руководитель проектов АНО ЦСК «Импульс»
E-mail: nika.school.avi@gmail.ru

Алсаева Юлия Гавриилловна,

студент кафедры конституционного и административного права, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
E-mail: uliaalsaeva5@gmail.com

Рассмотрены причины, последствия, виды школьного буллинга на основе контент-анализа 372 комментариев к видеофильму «Я встретил тех, кто меня травил / фильм проекта «Нормальные люди»», размещенных на видеохостинге YouTube. Выявлено, что чаще всего подвергаются травле дети, «отличные» от других по ряду признаков, а также неконформисты и защищающие аутсайдеров. Проанализированы виды буллинга, долгосрочные последствия буллинга для жертв травли и агрессоров. Изучены позиции и стратегии поведения свидетелей буллинга. Дана оценка роли учителя по отношению к школьной травле. Обоснованы исследовательские возможности и преимущества количественно-качественного контент-анализа по сравнению с опросными методами исследования буллинга.

Ключевые слова: комментарии, причины буллинга, последствия буллинга, контент-анализ, жертва, агрессор, свидетель, учитель.

Введение

Буллинг приводит к значительным негативным последствиям, в том числе долгосрочным. Особенно это значимо для детей и подростков, у которых еще не сформированы механизмы конструктивного межличностного взаимодействия. Американская академия педиатрии определила травлю как серьезный риск для здоровья подростков. В нынешнюю эпоху социальных сетей и смартфонов этот риск для здоровья приобрел новые формы и расширил свое влияние [25, с. 357].

Термин «буллинг» появился достаточно давно (1905), благодаря исследователю К. Дьюксу. Однако в последнее десятилетие проявляется качественно иная трансформация девиантного поведения молодежи, получают распространение новые формы насилия в образовательных учреждениях [13, с. 579].

Определение данного феномена как научной категории, которое чаще всего используется в настоящее время, принадлежит Д. Олвеусу (1993): «буллинг – преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы» [27].

Буллинг можно классифицировать следующим образом:

- в зависимости от проявлений (физический, вербальный, сексуальный, экономический, кибербуллинг и прочее) [17];
- в зависимости от положения жертв и агрессоров (вертикальный, горизонтальный) [1];
- в зависимости от места, где происходит буллинг (в образовании, на рабочем месте, в семейных взаимоотношениях, в армии, пенитенциарной системе и т.п.).

Буллинг-структура включает в себя три основные роли: жертва, агрессор и свидетель (наблюдатель). Большинство публикаций посвящены исследованию участников, выступающих в ролях агрессоров и жертв: Р.Г. Ардашев [2–7], О.Л. Глазман [14], В.Р. Петросянц [20], В.Н. Бутенко, О.А. Сидоренко [10], Д.Н. Соловьев [21], Е.Г. Норкина [18].

Роли же иных участников буллинг-структуры на сегодняшний день недостаточно изучены [8]. К ним, например, можно отнести роль свидетелей (наблюдателей).

Многие исследователи в процессе изучения буллинга выделяют проблему, которая включает-

ся в трудности получения информации о происходящей травле. Жертвы буллинга склонны к замалчиванию своего нахождения в буллинг-структуре в позиции жертвы из-за многих причин:

- чувство стыда за невозможность самостоятельно выйти из виктимного положения;
- боязнь раскрытия анонимности, что во многих случаях является главным фактором замалчивания проблемы;
- отсутствие людей, которые могут выслушать или помочь в разрешении возникшей травмы.

Таким образом, получить информацию о пережитом буллинге представляется весьма проблематичным. Однако, существуют платформы, на которых люди, побывавшие в буллинг-структуре, могут анонимно и достаточно подробно рассказать о своем опыте. Так, например, YouTube, являющийся популярнейшим видеохостингом и вторым сайтом в мире по количеству посетителей, активно используется исследователями, в том числе, для контент-анализа травли.

Единицей анализа чаще всего выступают комментарии, реакции пользователей, например, контент-анализ комментариев на YouTube для изучения феномена кибербуллинга в молодежной среде [16], тематический анализ реакций на обсуждения офлайн- и онлайн- травли в комментариях, размещенных на каналах YouTube 34 популярных британских женщин-инфлюенсеров [28]. Иногда в качестве единицы анализа выбираются отдельные истории травли [25]. Проводятся исследования, направленные на оценку количественных и качественных характеристик источников на YouTube, связанных с издевательствами [24]. Отдельным направлением является изучение излучения слухов [15].

В качестве объекта исследования нами были выбраны комментарии о пережитом буллинге к видеоролику «Я встретил тех, кто меня травил / фильм проекта «Нормальные люди»».

Целями исследования являются: выявление причин и особенностей последствий (в том числе долгосрочных) школьного буллинга для агрессоров, и жертв буллинга; определение исследовательского потенциала метода контент-анализа комментариев.

Методика исследования

В качестве метода был выбран количественный и качественный контент-анализ комментариев, размещенных на видеохостинге YouTube под видеороликом «Я встретил тех, кто меня травил / фильм проекта «Нормальные люди»». На момент исследования (июль 2024 г.) видеоролик собрал 12239 комментариев, большинство из которых повествует о пережитом случае буллинга и нахождении комментаторов в буллинг-структуре. Объем выборки (доверительная вероятность 95%, дове-

рительный интервал – 5%), составил 372 комментария.

Исследовательские вопросы.

1. Какие причины буллинга чаще всего описываются в комментариях жертв?
2. Какой вид буллинга (горизонтальный или вертикальный) доминирует в комментариях?
3. В чем проявляются долгосрочные последствия буллинга для жертвы и агрессора?
4. Какой была позиция и стратегии поведения свидетелей травли?
5. Как в комментариях оценивается роль учителя в ситуации травли?

Результаты исследования

Исследование было проведено в пять этапов для поиска ответов на поставленные исследовательские вопросы.

Этап 1. Причины буллинга, указанные в комментариях жертв.

По результатам анализа были выявлены 282 комментария, написанные жертвами школьного буллинга (75,9% от общего количества комментариев).

Причины буллинга, представленные в комментариях жертв, достаточно хорошо изучены. Это, прежде всего, внешность (телесность) (табл. 1).

Таблица 1. Причины буллинга, по мнению комментаторов-жертв

Причина буллинга	Частота упоминания	
	абсолютная, раз	в% от комментариев, оставленных жертвами, в которых указана причина
Внешность	18	21,69
Особенности здоровья	13	15,66
Заступился за жертву	12	14,46
Перевод в другой класс	9	10,84
Тихоня	9	10,84
Бедность семьи (неблагополучие)	7	8,43
Национальность	5	6,02
«Слишком умный»	4	4,82
Сирота	3	3,61
Одежда	3	3,61
Итого	83	100

Полученные результаты коррелируют с результатами подобных исследований. Масштабные международные исследования, проводимые ВОЗ,

«свидетельствуют о том, что дети, которые воспринимаются как «отличные» в каком-либо отношении, подвергаются большему риску виктимизации» [23, с. 2].

Данные ЮНЕСКО также свидетельствуют, что «от насилия в школьной среде в непропорционально большей степени страдают определенные группы учащихся по признакам пола, сексуальной ориентации, социально-экономического статуса и другим признакам идентичности» [29].

Зачастую жертвой становятся люди, обладающие обостренным чувством справедливости, когда берут на себя инициативу по защите аутсайдеров. По мнению комментаторов, очень немногие могут встать на защиту чужих и своих интересов, отстоять и дать соответствующий отпор агрессору, прекратив тем самым череду травли.

• *Я был в школе тем, кто вступался за слабых парней и девочек, которых задирали. Несколько лет у меня всё удачно складывалось противостоять силам зла, но в старших классах задирающие других стали объединяться в банды. Бандам один я противостоять не мог. В итоге задирать стали меня.*

Жертвами часто становятся как «новички», так и слишком «тихие» («домашние») участники образовательного процесса, чья позиция объективно более уязвима, особенно, в случае использования неадаптивных копинг-стратегий.

• *Травля началась просто из-за того, что я была новенькая и на уроках тянула руку и работала... Все это привело к скатыванию в оценках и ненависти к школе...*

Материальное благополучие (неблагополучие) семьи является достаточно актуальной причиной травли в общеобразовательном учреждении, поскольку вызывает у агрессора деструктивные чувства превосходства или зависти.

• *У нас в школе хорошо чувствовали себя дети спонсоров, я же был из бедной семьи и подвергался травле. Еще хорошо учился.*

Нередко выделяют такую категорию жертв как «слишком умные»: «ботаники», интроверты, которые обладают способностью к независимым суждениям, не готовы проявлять конформизм.

Обстоятельство сиротства жертвы иногда становится определяющим фактором в процессе травли, поскольку статус сироты стигматизирован и дискриминирован в современном обществе.

Этап 2. Доминирующий вид буллинга.

Анализ показал, что в большинстве своем, по словам жертв, в качестве их агрессора выступали такие же ученики, как и они – 218 комментариев (79,85%), то есть в комментариях преобладает горизонтальный буллинг. К вертикальному буллингу относятся действия учителей – 55 комментариев (20,15%) (табл. 2).

Причем, причины горизонтального и вертикального буллинга во многом совпадают, напри-

мер, комментаторы часто описывают такую причину, как конформизм:

- *У нас был классный руководитель, которая ненавидела ярких детей, она выбрала себе несколько жертв и начала их систематически унижать. Я практически сразу отказалась это терпеть, вставала с места и открыто ей противостояла. Она сразу же добавила меня в свой список и стала подвергать таким же унижениям.*
- *У моих знакомых на девочку в первом классе начала травлю сама учительница. Девочка развита не по годам, имела на все свое мнение и не стеснялась его озвучивать, это-то и не нравилось учительнице.*

Таблица 2. Виды буллинга

Статус агрессора	Частота упоминания	
	абсолютная, раз	в % от комментариев, оставленных жертвам, в которых указан статус агрессора
Ученик	218	79,85
Учитель	55	20,15
Итого	273	100

Этап 3. Долгосрочные последствия буллинга для жертвы, агрессора.

Последствия длительной травли имеют травмирующие и долгосрочные последствия, проявления которых достаточно многочисленны и разнообразны. Последствия можно сгруппировать в три широкие категории: образовательные последствия в детстве и подростковом возрасте, последствия для здоровья в детстве и подростковом возрасте и все последствия во взрослой жизни [23, с. 3].

По понятным причинам, больше всего комментариев с описанием долгосрочных последствий буллинга содержится в комментариях жертв. Независимо от того, является жертва случайной или нет, она чувствует себя беспомощной, испытывает стресс, унижение, беспокойство, гнев, потерю уверенности в себе [9, с. 93].

Так, в 28 (45,16%) комментариях было упомянуто, что жертва вспоминает о случившемся всю оставшуюся жизнь (табл. 3).

Комментаторы описывают такие деструктивные последствия травли, как (приведены типичные примеры):

• проблемы социализации:

Я жертва буллинга, мне уже 25 лет, а я до сих пор вспоминаю это с болью. Мне тяжело социализироваться, я боюсь оценок окружающих.

• расстройство пищевого поведения (рпп):

Мне 20 лет. С детства была полной девочкой. Был эмоциональный буллинг, когда любой желающий (в основном мальчики) мог высказаться о моей фигуре. Именно этот буллинг довел меня

до резкого сброса веса (20 кг за год). Нервная анорексия, булимия, суицидальные наклонности, рпп по сей день.

Таблица 3. Долгосрочные последствия буллинга для жертвы

Последствия буллинга	Частота упоминания	
	абсолютная, раз	в % от комментариев, оставленных жертвами, в которых указаны последствия буллинга
Вспоминаю всю жизнь	28	45,16
Душевная травма	23	37,1
Комплексы	4	6,45
Боюсь оценок окружающих	3	4,84
Физические проблемы со здоровьем	3	4,84
Проблемы со сном	1	1,61
Итого	62	100

- заниженная самооценка, комплексы:

Я была ростом маленькая, очень стеснительная. Меня гнобили одноклассники. Я не хотела идти в школу, это был кошмар. Плакала, но мамочке не жаловалась. Страдала все эти года, пока не закончила школу с кучей комплексов, что я не такая как все.

Мне сейчас 34 года и иногда, когда кто-то шепчется или смотрит на меня, мне кажется, они точно меня обсуждают.

- ухудшение здоровья в результате физической травмы:

В 4 классе меня ударил одноклассник по спине, да с такой силой, что это закончилось для меня удалением легкого, и я стала инвалидом 2-группы с детства. Вся моя дальнейшая жизнь пошла не так как бы хотелось мне.

В 24 комментариях (6,45%) жертв травли присутствовало описание жизненной траектории обидчика, преимущественно, негативного характера: наркомания, алкоголизм, бездомность, семейное и/или материальное неблагополучие, смерть или болезнь обидчика. В 15 комментариях (4,03%) отмечалось, что судьба жертв травли сложилась лучше по сравнению с агрессорами: *Один человек 10 лет портил мне жизнь. Кончил он скверно. Заразился ВИЧ, залез в петлю...Его нет, а я есть.* С другой стороны, травля подростков может подтолкнуть их самих на совершение противоправных действий, что, например, по мнению многих специалистов, и произошло со студентом колледжа в Керчи, расстрелявшим своих сверстников [18, с. 237].

Комментариев, в которых агрессоры описывают свое отношение к опыту школьного буллинга

и его последствия, оказалось меньше – 18 (4,84% от всех опубликованных комментариев участников буллинг-структуры). Это может объясняться несколькими причинами.

1. Боязнь осуждения за свои поступки. Так, комментарии, оставленные агрессорами, часто сопровождаются резкими оценками жертв буллинга.

2. Опыт нахождения в роли агрессоров не рассматривается как «нечто ужасное», «ненормальное», требующее анализа и обсуждения, особенно, с течением времени:

• Те, кого травили, помнят до конца жизни, а кто травил, забывают после школы. Я как-то встретила с девочкой, которая мне «стрелки» назначала, в ступор впала от воспоминаний, а она так радостно мне рассказывала о жизни и на прощание чмокнула в щеку. Это было омерзительно.

Тем не менее, в половине комментариев агрессоры обозначили те переживания и последствия своих действий, которые сохраняются долгое время:

- чувство стыда – 7 человек (38,89%):

Я тот парень, что издевался над одноклассниками. До сего времени совесть мне не дает покоя за некоторые случаи. Мне порой ниоткуда приходят воспоминания и с ними стыд и чуть ли не слезы, я переоценил это в себе, но легче не на много. Дети почему-то очень жестокие.

- чувство вины – 6 человек (33,3%):

Сейчас мне уже 30 лет, но эта картина перед глазами, будто вчера было. Я искренне извинюсь перед своим одноклассником за то унижение, которому его подвергла. Сейчас вспоминая моменты какие-то, больно сжимается сердце, что когда-то я могла проявить такую жестокость и отсутствие эмпатии.

Чувство раскаяния не испытывают 27,78% агрессоров (5 человек), находя аргументы для оправдания своего поведения:

- *...все дети над кем-то издеваются, ничего такого в этом нет, просто инстинкт, к тому же с возрастом проходит и все живут, спокойно вспоминая происходящее в школе с ностальгией и улыбкой.*
- *Если человек не может ничего сделать – это его проблемы, а не проблема общества. Ему никто ничем не обязан. Можно делать все что угодно, если у тебя хватает сил, возможностей, духа, ресурсов.*
- *Те, кого травили, заслуживали это! И из них ничего примечательного не получилось!*

Этап 4. Позиция и стратегии поведения свидетелей травли

Было выявлено 72 комментария свидетелей буллинга (19,35%). В основном, свидетели являлись: родителями – 30,56%, одноклассниками – 18,06% (табл. 4).

Таблица 4. Статус свидетеля буллинга, по отношению к жертве

Статус свидетеля	Частота упоминания	
	абсолютная, раз	в % от комментариев, оставленных свидетелями, в которых указан их статус по отношению к жертве
Родитель	22	30,56
Одноклассник	13	18,06
Иной ученик	12	16,67
Друг	7	9,72
Иные родственники	5	6,94
Родитель другого ученика	4	5,56
Статус свидетеля не упомянут	9	12,5
Итого	72	100

Помимо этого, была проанализирована стратегия поведения свидетелей буллинга. Распределение комментариев по наличию или отсутствию вмешательства показало, что свидетели попытались противостоять буллингу в 74,19% случаях и не попытались в 25,81% (табл. 5).

Таблица 5. Стратегия поведения свидетелей буллинга

Стратегия поведения	Частота упоминания	
	абсолютная, раз	в % от комментариев, оставленных свидетелями, в которых указана их стратегия поведения
Свидетель вмешался (борьба)	23	74,19
Свидетель не вмешался (уклонение)	8	25,81
Итого	31	100

Свидетели, попытавшиеся прекратить буллинг, действовали чаще всего из чувства справедливости и испытывали эмпатию к жертве: *В какой-то момент я понимаю, что для меня это край, и я говорю хватит. Вечное насилие. Но у меня ярко выражено чувство справедливости. Я все ещё не могу терпеть, когда происходит что-то неправильное, и вмешиваюсь, даже зная, что есть шанс за это получить. Чувствую эмоции человека ...будто это происходит со мной.*

Пассивное поведение (уклонение) было во многом продиктовано опасениями или страхом свидетелей-одноклассников оказаться на месте жертв: *Я сама сейчас анализирую и не понимаю, почему я не заступилась тогда... Видимо, для этого нужна какая-то внутренняя сила, чтобы противостоять большинству или авторитетам в детском коллективе... А мне тогда было страшно.*

Отметим, что страх во многом оказался обоснованным. Из 23 комментаторов, которые попытались вмешаться в происходящее, 10 человек перешли в роль жертвы:

- ... она сразу же добавила меня в свой список и стала подвергать таким же унижениям, но я никогда об этом не жалела;
- ...один я противостоять не смог. В итоге задирать стали меня;
- ...компания решила переключится на меня, писали всякие гадости на школе на входе про меня, воровали мои тетрадки и книги.

Таким образом, можно отметить, что в одиночку буллингу противостоять сложно. Адаптивная копинг-стратегия предполагает обращение за помощью, объединение усилий, что с большей вероятностью приводит к прекращению буллинга: *...мы отреагировали моментально, встали толпой между хулиганами и нашим скромным одноклассником, отругали хулиганов и запретили им причинять ему вред, и как-либо обижать. Больше никакой травли в нашем классе не было никогда и даже с этими хулиганами нашли общий язык, и все вместе дружили, и были друг за друга горой.*

Этап 5. Роль учителя в ситуации травли.

Исследования показывают, что те, кто подвергся «издевательствам со стороны учителей, продемонстрировали более высокий риск оппозиционного поведения, увеличения числа драк, потери доверия, чувства безнадежности и суицидности, посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и депрессии» [26, с. 5].

Комментарии, в которых присутствовало описание позиции учителя (117) были распределены по пяти категориям анализа:

- учитель организовал буллинг или выступал в роли «булли» – 61 комментарий (52,14%);
- учитель знал о травле и не помог – 38 комментариев (32,48%);
- учитель оказал результативную помощь – 10 комментариев (8,55%);
- учитель попытался помочь, но безрезультатно – 4 комментария (3,42%);
- учитель не знал о травле – 4 комментария (3,42%).

К сожалению, в комментариях, в основном, прослеживается негативная роль учителя в ситуациях с буллингом, что свидетельствует о распространённости вертикального варианта травли в учебных заведениях.

Во многих комментариях именно учителя описываются как основные агрессоры или организаторы (провокаторы) буллинга. Так, учителя, обладая экспертной властью и авторитетом, зачастую запускают процесс травли (может быть, неосознанно): *... после учителя, над моей фамилией «посмеивались» 11 лет в разных формах. В итоге я от своей фамилии шарахалась, даже когда просто преподаватели в универе или врачи в больни-*

це меня называли. В 20 лет пошла в паспортный стол и сменила фамилию.

Распространенными оказались ситуации, в которых буллинг происходил с молчаливого одобрения учителей:

- *Учителя просто проходили мимо, они всё видели, но ничего не сделали. Классная руководительница тоже всё знала, но она не хотела этим заниматься.*
- *...учителя все прекрасно знали и видели, как одни дети издеваются над другими и абсолютно ничего не предпринимали, ненавижу школу и все, что связано с теми временами.*
- *Мой сын страдал в школе от побоев. Наваливалось сразу по 5 человек. Учителя знали, я приходила, просила помощи у них совета! Полное равнодушие! Осталась навеки злость!!! Дня учителя не существует. Подарки им дарить?? Не заслужили!*

«Зарубежные исследования показывают, что хотя учителя являются ключевыми фигурами в работе с ситуациями буллинга в школе, часто у них есть сложности с распознаванием буллинга и с реакцией на него. Учителя хуже распознают вербальный и социальный буллинг, а также часто им не хватает информации, чтобы разобраться в том, что является частью нормативных отношений между сверстниками, а что – буллингом» [22, с. 49].

Заключение и перспективы исследования

Исследование комментариев участников буллинга в сети Интернет методом количественно-качественного контент-анализа имеет преимущества по сравнению с опросными методами. Объектом исследования являются реальные истории, включающие информацию, расширяющую представления о феномене. Жертвы травли часто неохотно обращаются за официальной поддержкой и интернализируют свои эмоции. Участие в обсуждении травли в Интернете дает им возможность поделиться своими чувствами или получить косвенную поддержку со стороны участников обсуждения. В связи с этим, имеется возможность получить ответы на различные исследовательские вопросы, не только заранее сформулированные, но и поднимаемые участниками обсуждения в комментариях. В частности, таким вопросом был вопрос о роли учителя в процессе травли (вертикальный буллинг и отношение учителя к горизонтальному буллингу).

Выводы, сделанные по результатам исследования, коррелируют с выводами, полученными на основе применения других (преимущественно опросных) методов исследования, что свидетельствует о высоком исследовательском потенциале метода контент-анализа комментариев. Так, исследование показало, наиболее частыми причинами травли являются различные варианты «отлич-

ности», непохожести на представителей большинства, а также нонконформизм.

Были выявлены долгосрочные деструктивные последствия травли для всех участников процесса, в том числе для свидетелей, что необходимо учитывать в профилактической работе. «Основная задача программ профилактики по работе со свидетелями должна быть связана с трансформацией непродуктивных ролевых позиций подростков – помощников обидчика, сочувствующих жертве, пассивных наблюдателей – в активную позицию защитника» [12, с. 10].

Реализация антибуллинговых программ внутри образовательной организации, а также разработка внеучебных мероприятий по профилактике травли должна иметь комплексный характер.

«Поведение подростков как поведение социального экспериментирования нуждается в разработке и включении в образовательный процесс действенных механизмов обратной связи, в содержании которой должны быть представлены позиции ненормативности буллинга, разрушительности его воздействия как на жертву, так и на обидчиков и свидетелей буллинга» [11, с. 53].

Одним из таких каналов влияния и получения обратной связи являются комментарии в интернет. Исследования показывают, что читатели склонны воспринимать комментарии и оценки пользователей как барометр общественного мнения. Поэтому, дальнейшее изучение комментариев с помощью количественных и качественных методов представляется весьма перспективным для диагностики проблем буллинга и разработки механизмов профилактики.

Литература

1. Авилова В.А. Вертикальный буллинг как фактор риска для студентов вузов: результаты контент – анализа отзывов студентов о преподавателях / В.А. Авилова // Стимулирование научно-технического потенциала общества в стратегическом периоде: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Воронеж, 17 сентября 2023 года. – Уфа, 2023. – С. 96–102.
2. Ардашев Р.Г. Буллинг в образовательных учреждениях / Р.Г. Ардашев // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2024. – С. 280–286.
3. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе / Р.Г. Ардашев // Социология. – 2022. № 6. – С. 32–38.
4. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение / Р.Г. Ардашев // Социология. – 2022. № 5. – С. 23–30.

5. Ардашев Р.Г. Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании / Р.Г. Ардашев // Социология. – 2024. № 10. – С. 21–25.
6. Ардашев Р.Г. Обыденность насилия в образовательных учреждениях/ Р.Г. Ардашев // Социология. – 2024. № 5. – С. 22–30.
7. Ардашев Р.Г. Проблемы буллинга и кибербуллинга в образовательных учреждениях / Р.Г. Ардашев // Евразийский юридический журнал. 2024. – № 12.
8. Беляева Н.Н. Отношение подростков к буллингу и особенности буллинг-структуры школьного класса / Н.Н. Беляева // Альманах мировой науки. – 2017. – № 2–2(17). – С. 79–82.
9. Бочкарева Е.В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е.В. Бочкарева, Д.А. Стренин // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 91–97.
10. Бутенко В.Н. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» / В.Н. Бутенко, О.А. Сидоренко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2015. – № 3(33). – С. 138–143.
11. Волкова Е.Н. Подростковый буллинг: направления профилактической работы и организация помощи / Е. Н. Волкова // Вестник практической психологии образования. – 2019. – № 3 (3). – С. 50–57.
12. Волкова Е.Н. Социально-психологические и личностные особенности подростков – свидетелей буллинга / Е.Н. Волкова, И В. Волкова // Вестник Мининского университета. – 2020. – № 4 (33).
13. Волчецкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 578–591.
14. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга / О.Л. Глазман // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – С. 159–165.
15. Горбатов Д.С. Контент-анализ обсуждений ложных слухов в интернете / Д.С. Горбатов // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2017. – Т. 27. – № 1. – С. 19–26.
16. Катулина В.В. Контент-анализ комментариев YouTube как метод изучения феномена кибербуллинга в молодежной среде / В.В. Катулина // Вестник магистратуры. – 2022. – С. 16.
17. Матросова А.О. Понятие буллинга в школьной среде / А.О. Матросова, А.В. Шабаева // Человек в условиях социальных изменений: Материалы международной научно-практической конференции, Уфа, 18 апреля 2023 года. – Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2023. – С. 453–457.
18. Миронова С.М. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве / С.М. Миронова, С.С. Симонова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 234–241.
19. Норкина Е.Г. Методика на выявление «буллинг-структуры» / Е.Г. Норкина // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 3(8). – С. 170–174.
20. Петросянц В.Р. Проблема буллинга в современной образовательной среде / В.Р. Петросянц // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 6(108). – С. 151–154.
21. Соловьев Д.Н. Модель профилактики буллинга среди школьников подросткового возраста / Д.Н. Соловьев // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – № 3(22). – С. 155.
22. Стратийчук Е.В. Позиция учителя в школьном буллинге / Е.В. Стратийчук, Р.В. Чиркина // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8. – № 3. – С. 45–52.
23. Armitage R. Bullying in children: impact on child health. / R. Armitage // BMJ Paediatr Open. – 2021. – № 5 (1).
24. Basch CH, Ruggles KV, Berdnik A, Basch CE. Characteristics of the most viewed YouTube™ videos related to bullying / C.H. Basch, K.V. Ruggles, A. Berdnik, C.E. Basch // Int J Adolesc Med Health. – 2015. – № 29 (4).
25. Davis K. et al. «I was bullied too»: Stories of bullying and coping in an online community / K. Davis // Information, Communication & Society. – 2015. – Т. 18. – № 4. – P. 357–375.
26. Marraccini M.E. College students' perceptions of professor/instructor bullying: questionnaire development and psychometric properties / M. E Marraccini, L.L. Weyandt, J.S. Rossi // Journal of American college health. – 2015. – V. 63. – № 8. – P. 563–572.
27. Olweus D. Bullying at school: what we know and what we can do. / D Olweus // Malden M A: Blackwell Publishing. – 1993.
28. Thelwall M.S. Bullying discussions in UK female influencers' YouTube comments / M. Thelwall, S. Cash // British Journal of Guidance & Counselling. – 2021. – Т. 49. – № 3. – P. 480–493.
29. ЮНЕСКО: офиц.сайт. – Париж, 2024. – URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/nasilie-itravlya-v-shkolakh-yunesko-prizyvaet-usilit-zaschitu-uchaschikhsya> (дата обращения: 10.12.2024).

VOICES OF BULLYING PARTICIPANTS: CONTENT ANALYSIS OF COMMENTS ON THE DOCUMENTARY

Bakhmatova T.G., Avilova V.A., Alsaeva J.G.

Baikal State University

The article examines the causes, consequences, and types of school bullying based on a content analysis of 372 comments to the video "I Met Those Who Bullied Me / a film by the Normal People project" posted on the YouTube video hosting service. It was found that children who are "different" from others in a number of ways, as well as nonconformists and those who protect outsiders, are most often bullied. The article analyzes the types of bullying, the long-term consequences of bullying for victims and aggressors. The positions and behavioral strategies of bullying witnesses are studied. The role of the teacher in relation to school bullying is assessed. The research possibilities and advantages of quantitative and qualitative content analysis are substantiated compared to survey methods of studying bullying.

Keywords: comments, reasons for bullying, consequences of bullying, content analysis, victim, aggressor, witness, teacher.

References

1. Avilova V.A. Vertical bullying as a risk factor for university students: results of content analysis of students' reviews of teachers / V.A. Avilova // Stimulating the scientific and technical potential of society in the strategic period: Collection of articles of the International scientific and practical conference, Voronezh, September 17, 2023. – Ufa, 2023. – P. 96–102.
2. Ardashev R.G. Bullying in educational institutions / R.G. Ardashev // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. – Irkutsk, 2024. – P. 280–286.
3. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society / R.G. Ardashev // Sociology. – 2022. No. 6. – P. 32–38.
4. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: social dimension / R.G. Ardashev // Sociology. – 2022. No. 5. – P. 23–30.
5. Ardashev R.G. Mental health of young people: depression and suicide in public consciousness / R.G. Ardashev // Sociology. – 2024. No. 10. – P. 21–25.
6. Ardashev R.G. Everyday life of violence in educational institutions / R.G. Ardashev // Sociology. – 2024. No. 5. – P. 22–30.
7. Ardashev R.G. Problems of bullying and cyberbullying in educational institutions / R.G. Ardashev // Eurasian Law Journal. 2024. – No. 12.
8. Belyaeva N.N. Adolescents' attitude to bullying and features of the bullying structure of the school class / N.N. Belyaeva // Almanac of world science. – 2017. – No. 2–2 (17). – P. 79–82.
9. Bochkareva E.V. Theoretical and legal aspects of cyberbullying / E.V. Bochkareva, D.A. Strenin // All-Russian criminological journal. – 2021. – V. 15, No. 1. – P. 91–97.
10. Butenko V.N. Bullying in the school educational environment: experience of studying the psychological characteristics of "offenders" and "victims" / V.N. Butenko, O.A. Sidorenko // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of KSPU). – 2015. – No. 3(33). – P. 138–143.
11. Volkova E.N. Teenage bullying: directions of preventive work and organization of assistance / E. N. Volkova // Bulletin of practical psychology of education. – 2019. – No. 3 (3). – P. 50–57.
12. Volkova E.N. Social, psychological and personal characteristics of adolescents – witnesses of bullying / E.N. Volkova, I.V. Volkova // Bulletin of Minin University. – 2020. – No. 4 (33).
13. Volchetskaya T.S. Criminological characteristics and prevention of school shooting and cyberbullying in Russia and foreign countries / T.S. Volchetskaya, M.V. Avakyan, E.V. Osipova // All-Russian Criminological Journal. – 2021. – Vol. 15. – No. 5. – P. 578–591.
14. Glazman O.L. Psychological characteristics of bullying participants / O.L. Glazman // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – 2009. – No. 105. – P. 159–165.
15. Gorbatov D.S. Content analysis of discussions of false rumors on the Internet / D.S. Gorbatov // Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. – 2017. – Vol. 27. – No. 1. – P. 19–26.
16. Katulina V.V. Content analysis of YouTube comments as a method for studying the phenomenon of cyberbullying among young people / V.V. Katulina // Bulletin of the Magistracy. – 2022. – P. 16.
17. Matrosova A.O. The concept of bullying in the school environment / A.O. Matrosova, A.V. Shabaeva // A person in the conditions of social changes: Proceedings of the international scientific and practical conference, Ufa, April 18, 2023. – Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 2023. – Pp. 453–457.
18. Mironova S.M. Protection of the rights and freedoms of minors in the digital space / S.M. Mironova, S.S. Simonova // All-Russian Criminological Journal. – 2020. – Vol. 14. – No. 2. – Pp. 234–241.
19. Norkina E.G. Methodology for identifying the "bullying structure" / E.G. Norkina // Tavrichesky Scientific Observer. – 2016. – No. 3(8). – P. 170–174.
20. Petrosyants V.R. The problem of bullying in the modern educational environment / V.R. Petrosyants // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. – 2011. – No. 6(108). – P. 151–154.
21. Soloviev D.N. Model of bullying prevention among adolescent schoolchildren / D.N. Soloviev // Internet journal Naukovedenie. – 2014. – No. 3(22). – P. 155.
22. Stratiychuk E.V. The position of the teacher in school bullying / E.V. Stratiychuk, R.V. Chirkina // Modern foreign psychology. – 2019. – T. 8. – No. 3. – P. 45–52.
23. Armitage R. Bullying in children: impact on child health. / R. Armitage // BMJ Paediatr Open. – 2021. – No. 5 (1).
24. Basch CH, Ruggles KV, Berdnik A, Basch CE. Characteristics of the most viewed YouTube™ videos related to bullying / C.H. Basch, K.V. Ruggles, A. Berdnik, C.E. Basch // Int J Adolesc Med Health. – 2015. – No. 29 (4).
25. Davis K. et al. "I was bullied too": Stories of bullying and coping in an online community / K. Davis // Information, Communication & Society. – 2015. – T. 18. – No. 4. – P. 357–375.
26. Marraccini M.E. College students' perceptions of professor/instructor bullying: questionnaire development and psychometric properties / M. E Marraccini, L.L. Weyandt, J.S. Rossi // Journal of American college health. – 2015. – V. 63. – No. 8. – P. 563–572.
27. Olweus D. Bullying at school: what we know and what we can do. / D Olweus // Malden MA: Blackwell Publishing – 1993.
28. Thelwall M.S. Bullying discussions in UK female influencers' YouTube comments / M. Thelwall, S. Cash // British Journal of Guidance & Counselling. – 2021. – V. 49. – No. 3. – P. 480–493.
29. UNESCO: official website. – Paris, 2024. – URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/nasilie-i-travlya-v-shkolakh-yunesko-prizyvaet-usilit-zaschitu-uchaschikhsya> (date of access: 10.12.2024).

Оценка реализации государственной программы «Информационное общество» глазами работающей молодежи

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье проводится анализ практик разных регионов РФ по реализации государственной программы «Информационное общество», а также приводятся результаты качественного исследования студентов, в оценке реализации этой государственной программы. В ходе анализа фокус-группового интервью выявляются ключевые проблемные зоны, эффективные стратегии, проблемные места и перспективные направления развития.

Ключевые слова: информационное общество, государственная программа, опыт регионов, фокус-группы, молодежь.

Роль региональных органов государственной власти в реализации программ цифрового развития является ключевой, поскольку именно они осуществляют непосредственное управление и координацию государственных программ на местах, дополняя их региональной спецификой. Роль и вклад каждого субъекта Российской Федерации в итоге образуют единое пространство России по уровню цифровизации.

Региональные органы власти адаптируют и внедряют национальные стратегии цифрового развития в соответствии с региональными особенностями и потребностями, что обеспечивает более эффективное использование ресурсов, более того, региональные органы при реализации государственных программ нередко обогащают их дополнительными программами и стратегиями, которые отвечают интересам региона.

В подтверждении вышесказанного отметим, что «8 октября 2024 года премьер-министр России Михаил Мишустин объявил о создании цифровой платформы для управления развитием населенных пунктов, он подчеркнул при этом ключевую роль раскрытия потенциала регионов в формировании экономики предложения и повышении благосостояния граждан. Глава правительства России акцентировал внимание на необходимости системного подхода к развитию территорий с учетом их специфики и прогнозных потребностей».

Таким образом, региональные органы государственной власти выступают важным связующим звеном между государственными инициативами и реальными потребностями общества, обеспечивая успешную реализацию программ цифрового развития и повышая качество жизни граждан.

При выборе субъектов для анализа цифровых инициатив и проектов в России за основу брались несколько ключевых критериев: территориальное разнообразие (из-за административно-территориального устройства государства необходимо охватить разные территориальные зоны и проанализировать каждую), наличие успешных примеров цифровизации (те проекты, которые внедрены и успешно много лет функционируют в том или ином субъекте федерации), а также уровень вовлеченности граждан в процессы управления и взаимодействия с властями (на основании анализа успешности внедренных проектов).

На основании предложенных критериев выбраны следующие субъекты Российской Федерации:

Тюменская область, Иркутская область, Новосибирская область, Санкт-Петербург, Приморский и Пермские края, Республика Удмуртия, Псковская и Рязанская области.

В Тюменской области существует, например, приложение Телемед-72, с помощью которого можно записать на прием к врачу или вызвать врача на дом и приложение Транспорт 72, с помощью которого можно отслеживать расписание и маршрут автобуса.

В Иркутске существует приложение irkbus, которое позволяет отслеживать движение муниципального транспорта, а также приложение «Моя Иркутская область», которое позволяет всем жителям Иркутской области, не тратя времени на заполнение бумажных документов, эффективно взаимодействовать с властью и реально влиять на развитие родного города и региона.

В г. Санкт-Петербург реализуется проект «Безопасный Санкт-Петербург» – это комплекс различных информационных систем и инфраструктурных решений, обеспечивающих безопасность Санкт-Петербурга», смысл которого в том, чтобы в случае какого-либо происшествия подключаться к ближайшей камере с мобильного приложения и отслеживать события.

В Приморском крае реализуется проект «Цифровое Приморье», в рамках которого создано единой приложения с информацией о свободных парковочных местах города, «Карта учащегося» – для детей и родителей, отображается актуальная информация о мероприятиях культуры и спорта и т.д.

Таким образом, каждый субъект имеет свои особенности и разнообразные проекты реализации программы «Информационное общество».

Традиционные лидеры в цифровизации среди российских субъектов – Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан, Якутия, Новосибирская область.

Проведенный анализ показал, что Москва реализует более 300 цифровых проектов, охватывающих все сферы городского хозяйства и социальной жизни, что делает город более комфортным для жизни и бизнеса, а также позволяет планировать его развитие и предоставлять качественные услуги горожанам и туристам, эти проекты можно поделить на три основные категории.

1. Развитие цифровой экосистемы. Город предлагает более 400 электронных услуг, включая записи к врачу и онлайн-бронирование книг в библиотеках. Экосистема включает портал mos.ru, мобильные приложения и контактный центр, устраняя необходимость в предоставлении более 105 миллионов бумажных документов за первые полгода 2023 года.

2. Цифровая трансформация и управление. Искусственный интеллект и анализ больших данных становятся неотъемлемой частью работы городских служб. Москва использует Цифровой двой-

ник города – 3D-копию всей территории для планирования в градостроительстве и безопасности, что позволяет анализировать, как новые здания впишутся в существующую инфраструктуру.

3. Применение интернета и ИИ. В городе внедрены более 80 проектов с использованием ИИ, которые снижают рутинную работу, позволяя специалистам сосредоточиться на более сложных задачах. Например, системы видеоаналитики выявляют нарушения в благоустройстве, а голосовые помощники обрабатывают половину звонков на горячие линии. Интернет вещей контролирует работу коммунальных служб, позволяя в режиме реального времени отслеживать состояние спецтехники и эффективность уборки территории.

В Санкт-Петербурге в рамках проекта «Государство для людей» реализуется концепция клиентоцентричности в органах исполнительной власти. На базе многофункциональных центров (МФЦ) работает региональный центр оптимизации, который улучшает госуслуги, делая их более удобными для пользователей и разрабатывая эффективные клиентские пути для различных жизненных ситуаций. Это связано с проектом «Эффективный регион», целью которого является ускорение и упрощение предоставления государственных и муниципальных услуг.

Также в городе активно развивается комплекс «Безопасный город», который включает увеличение числа камер видеонаблюдения и внедрение новых алгоритмов видеоаналитики. В 2022 году компания ROBIN начала сотрудничество с Санкт-Петербургским информационно-аналитическим центром, внедряя программных роботов для оптимизации процессов в исполнительной власти. Например, в Комитете финансов использование первых двух роботов позволило высвободить время работы до 15 сотрудников, что дало возможность сосредоточиться на более сложных задачах.

В Новосибирской области внедрена система электронного документооборота (СЭДД), охватывающая все уровни власти – от аппарата губернатора до сельских поселений и муниципалитетов. Модернизация СЭДД в 2021–2022 годах позволила использовать межведомственный юридически значимый электронный документооборот с электронной подписью. Министерство цифрового развития работает над сокращением сроков оказания социальных услуг с помощью цифровых инструментов, таких как информационные системы и приложения. Услуги предоставляются в электронном виде на проактивной основе, улучшая качество обслуживания при использовании принципов клиентоцентричности.

В здравоохранении внедрена Единая государственная информационная система, которая соединяет более 70 функциональных модулей и подключена ко всем государственным медучреждениям региона. В образовании функционируют си-

стемы «Электронный детский сад», «Электронная школа» и «Электронный колледж», а с 1 сентября 2022 года запущен единый доступ к образовательным сервисам «Моя школа».

Новосибирская область также впервые в России представила возможность получения электронных разрешений на охоту через мобильное приложение «Моя охота», которое упрощает процесс получения и передачи данных. В планах доработка системы «Инспектирование жилищного фонда», что облегчит работу инспекции и сократит время на реагирование на инциденты.

В Удмуртской республике внедрение цифровых технологий в государственное управление включает несколько ключевых задач: создание безопасного межведомственного электронного взаимодействия, повышение доступности государственных данных, перевод массовых социально значимых услуг в электронный формат, и улучшение взаимодействия граждан с государственными органами. Уже более 80 таких услуг переведены в электронный вид, и примерно 79% запросов подаются через порталы «Госуслуги» и Региональный портал. В Удмуртии также активно развивается электронный документооборот, прежде всего, с долей электронных документов свыше 80%. Внедряется система автоматизированного архивного хранения, и запускается Интеллектуальная система обработки документов, использующая ИИ для обработки обращений граждан. Реализован проект «Централизованная бухгалтерия» на облачной платформе «1С-Фрэш», охватывающей 257 учреждений.

В Псковской области осуществляется проект управления образованием на основе данных через региональную ГИС, разработанную на Low-code платформе. Это решение интегрируется с федеральными системами и обеспечивает единое хранилище данных для образовательной сферы. Псковская область использует уникальный подход к цифровизации, имея единую базу данных, вместо разделения данных на разные сегменты, что значительно улучшает обмен сведениями. Автоматизированный сбор данных для аттестации педагогов позволяет более эффективно учитывать их участие в мероприятиях.

В Рязанской области активно развивается межведомственная система электронного документооборота и делопроизводства (МСЭДД), охватывающая порядка 600 организаций, включая правительство и местные власти. В 2022 году через эту систему было передано более 400 тысяч документов, а в 2024 году более 800, что ускорило обработку обращений граждан. МСЭДД интегрирована с интернет-приемными, что дополнительно улучшает взаимодействие с населением. Также планируется расширить обмен данными через СМЭВ и интегрировать с различными системами, такими как Единый регистра населения и «Почта России».

В Пермском крае успешно функционирует Единая централизованная сервисная платформа для государственных и муниципальных услуг, а также система «Большие данные» и единая платформа для электронного документооборота. В регионе работает более 50 ГИС и 150 информационных систем, задача ИТ-специалистов заключается в корректном объединении данных для аналитики. Информация обрабатывается в системе «Большие данные» и выводится на дашборды для руководителей. Этот подход позволил сократить время разработки аналитических сервисов в три раза. В крае также применяется единая технологическая политика для разработки ИТ-решений с использованием стандартов.

Таким образом, анализ некоторых субъектов Российской Федерации показывает, что каждый регион выбирает стратегию цифрового развития в зависимости от потребностей территории и его населения, в зависимости от технологической оснащенности и дальнейших перспектив. Отмечаются и общие тенденции развития, например, во всех анализируемых регионах внедрены системы электронного документооборота, к которым подключены все государственные и муниципальные органы, а также порядка 500 организаций, что свидетельствует о единстве цифрового развития. Ведутся работы по интеграции региональных порталов и государственных услуг, что повышает уровень взаимодействия между государственными органами и образуете единообразную практику среди субъектов.

Исследованные регионы осуществляют работу для достижения единой цели – повышения качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий (что соответствует цели государственной программы «Информационное общество»).

В литературе также обосновываются различные аспекты информационного общества. Важными акцентами выступает проблема безопасности личности в виртуальном пространстве [1, 2] и трансформации сознания в цифровую эпоху [3]; виртуализации социальной поддержки в России [4–6]; оценке влияния информационного общества на социальные отношения и мировоззрение [7–9]; процессы социального моделирования через информационные изменения общества [10–12].

Особенности исследование

Для того чтобы проверить актуальность реализации теоретических идей и эффективность применения практического опыта различных субъектов Российской Федерации мы провели 6 фокус-групп среди социально активной молодежи (волонтеры, члены студенческого профсоюза, члены городских и ре-

гиональных дум, участники молодежных отделений политических партий в регионах и т.д.). Всего приняло участие 54 человека в возрасте от 23 до 35 лет, 60% мужчины и 40% женщины. Все они являются молодыми специалистами в государственном секторе Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ.

Целью исследования было выявление качественных оценок реализации государственной программы «информационное общество».

Анализ результатов исследования

Социально активные молодые люди из разных регионов РФ достаточно положительно оценивают эффективность реализации программы «Информационное общество», так как все 100% участников фокус-групп сталкивались с ней с разных сторон. Разработка перспективных направлений цифрового развития – это стратегически важная задача, которая влияет не только на экономическое и социальное развитие региона, но и на повышение качества жизни его жителей. Вложение в цифровизацию создает основу для устойчивого и успешного будущего. Технологии стремительно развиваются, и ИТ-решения, актуальные сегодня, могут стать устаревшими завтра, поэтому разработка перспективных направлений позволяет оставаться на шаг впереди.

Исходя из существующих проблем, названных во время групповых интервью, мы смогли формулировать перспективные направления реализации программ цифрового развития России.

1. Повышение эффективности работы на труднодоступных территориях РФ для прокладки сетей сообщения и обеспечения доступа граждан к цифровизации.
2. Выделение дополнительных средств на обеспечение прав граждан на доступ к информации на аналоговых носителях и сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг.
3. Увеличение количества высококвалифицированных рабочих мест, что приводит к снижению привлекательности региона для талантливых специалистов в ИТ-сфере.
4. Формализм в вопросе освещения нововведений, и как следствие низкая конверсия и использования государственных систем ввиду отсутствия технической возможности внедрения цифровых технологий у бизнеса и граждан.
5. Рост количества бытовых киберпреступлений и массовые утечки персональных данных граждан требуют особого внимания к реализации информационного общества.

Остановимся подробнее на первом перспективном направлении. Как отмечали участники исследования: «спецификой регионального комплекса проблем информатизации является, в частности,

слабое развитие информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, это в первую очередь касается удаленных и малонаселенных районов» (Н.Ю., 24 года, ведущий специалист городской администрации, Красноярск). Недостаток инфраструктуры ограничивает доступ населения к современным цифровым услугам и информации, что, в свою очередь, может тормозить развитие региона в целом и ограничивает доступ к информации и цифровым услугам государства населения.

Кроме того, жители удаленных территорий сталкиваются с проблемами в получении доступа к образованию и здравоохранению, что негативно сказывается на уровне жизни и открывает вызовы для дальнейшей цифровизации.

«Эффективное решение данной проблемы требует интегрированного подхода, включающего инвестиции в инфраструктуру, внедрение новых технологий и внимание к потребностям местных жителей со стороны властей» (О. Е., 26 лет, аналитик городской администрации, Улан-Удэ).

Перспективным в этой связи видится комплексный подход к решению проблемы, а именно, прежде всего, требуется строительство новых линий связи, требуется дополнительное инвестирование в прокладку оптоволоконных и других видов сетей и внедрение спутниковых технологий для обеспечения связи в труднодоступных местах. Данные меры кроме непосредственно цифровизации могут помочь в освоении труднодоступных территорий молодежи, увеличат привлекательность сельской местности для молодых предпринимателей, уменьшат отток населения из удаленных районов.

Второе перспективное направление, в этой связи – усиление финансирования. Для реализации первого перспективного направления необходимо предоставление финансовой помощи операторам связи для подключения удаленных районов. Потребуется и установка базовых станций сотовой связи в удаленных населенных пунктах для предоставления доступа через мобильные сети. Не все территории РФ имеют доступ не то, чтобы к сети Интернет, а к сотовой связи, что буквально «отбрасывает» эти районы в развитии на десятилетия назад, а это недопустимо в современных реалиях.

«Взаимосвязана с удаленностью территорий и труднодоступностью их обслуживания проблема квалификации персонала, что является третьим перспективным направлением. В этой связи может быть организовано, финансировано и проведено обучение местных специалистов для обслуживания и поддержки инфраструктуры связи, что поможет снизить затраты на привлечения специалистов из других районов» (Г.О., 33 года, ведущий аналитик, администрация г. Красноярск).

Такой подход может существенно повысить уровень компетенции местного населения. Обу-

ченые специалисты будут лучше адаптироваться к специфике и потребностям своего региона, что обеспечит более эффективное и быстрое решение возникающих проблем, опять же, уменьшит отток населения их таких районов. Вовлечение местных жителей в процессы обслуживания связи способствует созданию новых рабочих мест и укреплению экономики региона.

Таким образом, организация и реализация программ подготовки специалистов в области связи становятся ключевым шагом к обеспечению стабильного и качественного доступа к услугам связи в удаленных и труднодоступных территориях. Предлагается *«возобновить финансирование программы «Кадры для цифровой экономики» и разработать направление – «Квалифицированные кадры обслуживания сетей сообщения сельской местности» (в разных регионах РФ)»* (О.А., 31 год, ведущий аналитик, администрация г. Иркутск). Такое направление позволит сосредоточиться на подготовке специалистов, способных эффективно обслуживать и поддерживать информационные и телекоммуникационные инфраструктуры в удаленных и труднодоступных районах. *«Важно не только обучить местных жителей техническим навыкам, но и повысить их квалификацию в работе с современными технологиями, что обеспечит устойчивое развитие сетей связи и улучшит качество предоставляемых услуг»* (О.Е., 26 лет, аналитик городской администрации, Улан-Удэ).

Возобновление финансирования программы также создаст новые возможности для занятости местного населения, позволит сократить расходы на привлечение кадров из других регионов и обеспечит защиту прав граждан на доступ к информации.

Таким образом, реализация данного направления будет способствовать развитию цифровой экономики и социальной инфраструктуры России. Реализация этих мер поможет обеспечить доступ к услугам связи в удаленных и малонаселенных территориях, что, в свою очередь, повысит качество жизни жителей и обеспечит их более полноценное участие в цифровом обществе.

Основная проблема дальнейшего развития региональной информатизации связывается с недостаточным финансированием, кадровым дефицитом, несогласованностью действий между разными уровнями власти и если вопрос согласованности уровней власти в регионе решается весьма успешно, то проблема работы с кадрами остается открытой. *«Многие специалисты в области IT и цифровых технологий стремятся работать в более развитых экономических центрах, где предлагаются лучшие условия труда, более высокая заработная плата и возможности для карьерного роста»* (Ж.Б., 29 лет, ведущий аналитик, администрации г. Улан-Удэ).

В Иркутской области, Красноярском крае, Республике Бурятия отсутствует достаточное количество высококвалифицированных рабочих мест, что приводит к снижению привлекательности региона для талантливых специалистов, при этом, власть не стремится ни увеличивать количество таких мест, ни создавать условия для перекалфикации и повышению квалификации таких специалистов, по крайней мере, в рамках программы «Кадры для цифровой экономики».

Наконец, главная перспектива и основное направление деятельности реализации программ цифрового развития в России должно касаться *«безопасности, в том числе, предоставления государственных услуг в цифровом формате»* (Т.О., 30 лет, ведущий аналитик, районной администрации Иркутской области), что является пятым перспективным направлением деятельности.

В целях стимулирования процессов модернизации государственного управления в сфере цифровизации общества, необходимо:

- гарантировать соблюдение на всех уровнях публичной власти общих принципов информационного обмена и единой технической политики в развитии систем безопасности граждан;
- обеспечить процесс качественной модернизации информационного, программного, технического и организационного обеспечения цифровых государственных услуг;
- оптимизировать распределение бюджетов всех уровней при реализации региональных программ.

Таким образом, перспективные направления реализации программ цифрового развития в Российской Федерации должны сосредоточиться на следующих ключевых аспектах.

1. Безопасность цифровых услуг через обеспечение надежной защиты персональных данных и информации граждан при использовании цифровых платформ благодаря комплексным мероприятиям.

2. Продолжение реализации программы «Кадры для цифровой экономики».

3. Расширение финансирования на повсеместное внедрение цифровой инфраструктуру, в том числе, в отдаленные и малонаселенные районы России.

4. Обеспечение доступа к инструментам цифровизации труднодоступных районов страны.

Выводы

Таким образом, программа «Информационное общество» нацелена на улучшение качества жизни граждан, оптимизацию работы государственных организаций и развитие экономического потенциала страны. Ключевыми направлениями являются развитие цифровых услуг через обеспечение широкого доступа к онлайн-сервисам для повышения

удобства взаимодействия граждан и госорганов (прокладка сетей сообщения, установка оборудования – создание необходимой инфраструктуры на всей территории Российской Федерации, в том числе, в труднодоступных и малонаселенных пунктах).

Реализация данной программы не представляется возможной без увеличения цифровой грамотности, для этого требуется обучение населения основам работы с цифровыми технологиями, что способствует более активному участию граждан в информационном обществе. Программа «Информационное общество» направлена на создание интегрированного и эффективного цифрового пространства, где информация становится основным ресурсом для устойчивого развития и благополучия общества, быстрого и комфортного взаимодействия с государством, а внедрение современных технологий открывает новые горизонты для граждан и бизнеса.

Анализ опыта субъектов Российской Федерации по реализации государственной программы «Информационное общество» показал, что каждый регион развивается в соответствии с собственными потребностями, внедряя те инструменты в работу государственных органов и жизни населения, которые больше всего необходимы.

Проведенное фокус-групповое исследование молодых экспертов в государственном секторе показало, что для успешной реализации проектов в цифровой сфере необходимо акцентировать внимание на устранении слабостей и угроз, а также активно использовать имеющиеся сильные стороны и возможности, что позволит создать устойчивую и эффективную цифровую инфраструктуру, которая будет способствовать социально-экономическому развитию региона.

Исходя из существующих проблем, сформулированы перспективные направления реализации программ цифрового развития в России.

Повышение эффективности работы на труднодоступных территориях Российской Федерации для прокладки сетей сообщения и обеспечения доступа граждан к цифровизации, которое можно достичь с помощью дополнительного финансирования и обеспечения рабочих мест местному населению.

Требуется и выделение дополнительных средств на обеспечение прав граждан на доступ к информации на аналоговых носителях и сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг.

Необходимым условием реализации перспективных направлений с учетом существующих проблем является увеличение количества высококвалифицированных рабочих мест, что приводит к снижению привлекательности региона для талантливых специалистов в ИТ-сфере.

Остро стоит вопрос с кибербезопасностью и сохранностью персональных данных – должны соблюдаться принципы работы с персональными данными, защитой информации и другими важными направлениями, в том числе, по работе с населением для обеспечения нормального функционирования и развития стратегии цифрового развития региона без цифровых угроз населению.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
2. Ардашев Р.Г. Иррационализация массового сознания и СМИ // ЛОМОНОСОВ-2022. Материалы Международного молодежного научного форума. 2022.
3. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 367–369.
4. Иванов Р.В. Виртуализация социальной поддержки населения в России // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 188–191.
5. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
6. Иванов Р.В. Роль цифрового пространства в профессиональной реализации человека // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 74–75.
7. Маслодудова Н.В. Влияние информационного общества на социальные отношения // Социология. 2022. № 6. С. 74–82.
8. Маслодудова Н.В. Изменяющаяся социальная реальность и новая мировоззренческая концепция // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты. Материалы международного научно-практического семинара. Отв.

редактор Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2023. С. 117–121.

9. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
10. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 7.
11. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 343–345.
12. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 227–232.

EVALUATION OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAM “INFORMATION SOCIETY” THROUGH THE EYES OF WORKING YOUTH

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the practices of different regions of the Russian Federation in implementing the state program “Information Society”, and also presents the results of a qualitative study of students, in assessing the implementation of this state program. During the analysis of the focus group interview, key problem areas, effective strategies, problem areas and promising areas of development are identified.

Keywords: information society, state program, regional experience, focus groups, youth.

References

1. Ardashev R.G. Personal security in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 8–11.
2. Ardashev R.G. Irrationalization of mass consciousness and media // LOMONOSOV-2022. Proceedings of the International Youth Scientific Forum. 2022.
3. Ardashev R.G. Transformation of Russians’ thinking in the digital age // Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda, 2021. Pp. 367–369.
4. Ivanov R.V. Virtualization of social support for the population in Russia // Social reality of virtual space. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. Pp. 188–191.
5. Ivanov R.V. Virtual interaction: truth and falsity // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. Pp. 161–165.
6. Ivanov R.V. The role of digital space in human professional development // Philosophy and culture of the information society. Eighth international scientific and practical conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020. Pp. 74–75.
7. Maslodudova N.V. The influence of the information society on social relations // Sociology. 2022. No. 6. Pp. 74–82.
8. Maslodudova N.V. Changing social reality and a new worldview concept // Counteracting the drug threat at the present stage: legal and socio-humanitarian aspects. Proceedings of the international scientific and practical seminar. Responsible. editor N.N. Tsukanov. Krasnoyarsk, 2023. Pp. 117–121.
9. Maslodudova N.V. Information space of the modern world // Sociology. 2023. No. 6. Pp. 27–34.
10. Polyushkevich O.A. Truth is modeled // In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 7.
11. Polyushkevich O.A. Social modeling with information and analytical data: truth in the flow or the result? // In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 343–345.
12. Polyushkevich O.A. Social modeling: post-virtuality of urban space // Social reality of virtual space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. Pp. 227–232.

Опыт организации социальной работы с лицами без определенного места жительства: мнение экспертов общественного сектора

Седых Ольга Геннадьевна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: SedyhOG@mail.ru

Тарабан Ольга Вячеславовна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: taraban.o@mail.ru

Статья исследует опыт организации социальной работы с лицами без определенного места жительства, основываясь на мнениях и рекомендациях экспертов в этой области. Лица БОМЖ – это категория населения, которая не поддается точному статистическому учету. Оказываясь в ситуации бездомности, человек пытается максимально упростить свою жизнь, происходит регресс навыков, и со временем бездомному сложнее вернуться в общество. По мнению специалистов, работа, направленная на реабилитацию бездомных лиц наиболее сложна. Так как бездомные лица с большим стажем часто не готовы менять свой образ жизни, и есть вероятность того, что в процессе или после реабилитации они вновь окажутся на улице, чтобы поддерживать свои «контакты». Анализируются существующие подходы, программы и стратегии, направленные на поддержку данной категории граждан. Уделяется внимание ключевым факторам, способствующим успешной реинтеграции и улучшению качества жизни бездомных, таким как индивидуализированный подход, межведомственное сотрудничество и вовлечение добровольцев. Эксперты делятся оценкой эффективности реализуемых инициатив, а также выделяют существующие проблемы и предложенные пути их решения.

Ключевые слова: лица без определенного места жительства, социальные проблемы, бездомность, некоммерческая организация, социальная работа, технологии социальной работы, социальная адаптация, социальная реабилитация.

Бездомность является одной из острых социальных проблем в современном обществе. Актуальность исследования проблемы организации социальной работой с лицами без определенного места жительства обусловлена необходимостью рассмотрения особенностей социальных проблем данной категории населения, с целью поиска наиболее эффективных технологий и методов эффективного оказания социальной помощи, а также необходимостью систематизации факторов, ограничивающих эффективность при предоставлении помощи лицам без определенного места жительства. Необходимо отметить одну общую сложность исследований в данной сфере – отсутствие официального статистического учета этой маргинальной категории населения.

Отечественные исследователи изучают различные аспекты организации социальной работы с лицами без определенного места жительства. Вопросы социальной адаптации рассматриваются в работах Н.Н. Хвоина [9], Е.Л. Шилкиной и Е.Г. Некрасовой [10], психологические аспекты бездомности и особенности социального портрета лиц без определенного места жительства в публикациях Н.Ю. Ключевой [3], И.А. Юрасовой, В.П. Кошарного, Ш.Г. Сеидова [11], анализ зарубежного опыта работы в работах И.И. Нехаева [4].

Роль некоммерческих организаций и социального предпринимательства в решении социальных проблем общества показана в работах Т.Д. Бурменко и Е.Г. Тархановой [2], Т.Г. Бахматовой [1], Т.А. Тереховой, Е.Л. Трофимовой, С.К. Малахаевой, Г.А. Кузьминой [6].

В нашей стране социальная работа с данной маргинализированной категорией населения ведется на двух уровнях: государственном и общественном. На сегодняшний день нет отдельного Федерального Закона, регулирующего социальное обслуживание лиц без определенного места жительства, а также статус таких лиц. Социальная работа с бездомными имеет следующую законодательную основу.

Федеральный Закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» гарантирует социальную адаптацию таким категориям граждан, как лица, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством, лица без определенного места жительства и другим категориям¹.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федер. закон РФ от 23.06.2016 № 182-

Правовое регулирование социального обслуживания лиц без определенного места жительства осуществляется на основании Федерального Закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»¹.

Правовые основы социальной работы с лицами без определенного места жительства регулирует ГОСТ Р 53064–2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий».

Данный стандарт распространяется на социальные услуги, предоставляемые лицам без определенного места жительства и занятий государственными и иных форм собственности поставщиками социальных услуг. Также стандарт устанавливает типы учреждений социального обслуживания бездомных граждан (получателей социальных услуг), состав, объемы и формы предоставляемых им социальных услуг. Лица без определенного места жительства являются одной из самых уязвимых групп в обществе и сталкиваются со многими проблемами: социальными, бюрократическими, материальными.

Проблема бездомности характерна не только для Российской Федерации, данная проблема является глобальной. Международное сотрудничество является важным инструментом в решении проблемы бездомности. Оно позволяет объединять усилия государств, международных организаций, неправительственных организаций и общественности для решения данной проблемы. Так, по данным Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в мире насчитывается более 100 миллионов бездомных людей. Около 1,6 миллиардов людей живет в плохих условиях, что также является условием риска развития проблемы бездомности [6].

В 2020 году Комиссия социального развития ООН приняла резолюцию по проблеме бездомности – «Доступное жилье и системы социальной защиты для всех для решения проблемы бездомности» [7]. Резолюция отмечает, что проблема бездомности препятствует правам человека, с ней необходимо бороться в глобальном плане. Также отмечается о том, что на развитие бездомности может влиять изменение климата. Так как изменение климата может привести к нерегулярности внезапных или медленно наступающих стихийных бедствий (ураганы, наводнения, засухи), все это может оставить людей без крыши над головой.

ФЗ // Гарант: [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (дата обращения: 18.11.2024).

¹ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федер. закон РФ от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Гарант: [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/70552648/> (дата обращения: 18.11.2024).

Важным замечанием в резолюции указано то, что бездомность – это не просто отсутствие жилья, это состояние, сопровождающееся нищетой, нехваткой занятости, потери семьи, связи с обществом. Помимо этого, к бездомным могут относиться граждане, которые проживают в непригодных для жизни условиях. Бездомность может возникать не только из-за экономической ситуации в стране, но и из-за уровня правовой и финансовой грамотности населения, а также социальными проблемами: наркомания, алкоголизм, уровень психического состояния населения. Также резолюция признает бездомность комплексной проблемой, для решений которой необходимо применять комплексные меры, начиная от экономической политики, заканчивая социальными вопросами (здравоохранение, социальная защита и так далее).

Резолюция призывает государства уделить особое внимание, а также собирать данные при исследовании данной проблемы, а именно: возраст, инвалидность, пол, а также устанавливать категорию бездомности. Помимо этого, необходимо государствам необходимо поддерживать минимальный уровень социальной защиты и поддержки населения. Также резолюция подчеркивает важность вмешательства в проблему бездомности не только государства, но и частный сектор, который может поспособствовать увеличению недорогого жилья.

Таким образом, резолюция призывает страны применять меры по устранению бездомности, предоставляя населению доступное жилье и необходимый уровень социальной защиты населения, обеспечивая доступ к базовым социальным услугам (образование, медицина, трудоустройство).

Проблема бездомности в разных странах решается по-разному. Широкое распространение получила практика «аутрич». Суть работы – социальный работник оказывает помощь бездомному на его «территории», то есть на улице, в местах скопления, в ночлежках. Это делается для сокращения сроков установления контакта с клиентом. Часто в аутрич работе задействован не только социальный работник, но и медицинский работник и психолог. Например, в Копенгагене осуществляет деятельность организация «Health Team». Работа заключается в том, что в рейс в ночное время выезжает водитель, врач и 4 медсестры, чтобы оказать первую медицинскую помощь нуждающимся гражданам. Также во многих западных странах существуют дневные центры, в которых бездомные могут получить социальную помощь (питание, душ, стирка, необходимая одежда). Ко всему прочему, там можно получить консультации у специалистов. Схожая деятельность существует и во Франции [4].

В Америке, к примеру, распространен метод решения проблемы при помощи волонтерского

движения. Так, с помощью волонтеров строятся временные дома для бездомных, что упрощает работу специалистов по социальной работе. Так как, получив крышу над головой, человек уже делает первые шаги к решению своей проблемы. Также в Америке действует программа «Housing first» («Жилье в первую очередь»). За данное жилье бездомный платит сам, но обычно первый месяц бесплатный. Обязанностью бездомного является его трудовая занятость или обучение. Согласно министерству жилищного строительства и городского развития, в 2018 году в США насчитывалось 553 000 бездомных или 0,17% от населения.

В Германии бездомные определяются как «Freiwillig» (добровольно) и «Unfreiwillig» (непреднамеренно). Тем, кто лишился жилья непреднамеренно обязаны запросить помощь в письменном виде. Функции помощи возлагаются на сотрудников полиции и местное управление. Бездомный может обратиться в социальное учреждение, после регистрации получить определенные выплаты, медицинскую страховку и оплату жилья на определенный период. Помимо государственной помощи в Германии распространен опыт волонтерского движения. Так, существует приют «Diakonie». В нем официально работают 8 сотрудников и 120 волонтеров (медицинские работники, стоматологи, парикмахеры), основной контингент волонтеров – люди на пенсии.

В Австралии организация «Backpack Bed» выдает бездомным гражданам спальные мешки. Они имеют внутренний карман, защищают от ветра и насекомых. Также опыт имеет ирландская благотворительная организация, которая выдает спальные мешки в цвете национального флага.

В Лондоне также есть нетипичный подход к решению проблемы бездомности. Например, там реализуется волонтерская программа, в которой участником может стать любой желающий в возрасте от 19 лет. Организация «The Simon Community» предоставляет для волонтеров жилье, питание, проезд и так далее. При этом волонтеры имеют обязанность находиться в центре полный рабочий день не реже 2 раз в неделю в течение 6 месяцев.

В Шотландии жители в холодное время года вешают теплые вещи на столбах. В Гамбурге привязывают шарфы, во Франкфурте группа дизайнеров выдает бездомным куртки, из которых можно сделать сумку или гамак.

Финляндия ведет активную политику социального включения бездомных людей. Также существует программа «Housing First». Особенность программы заключается в том, что человеку сначала предоставляют жилье, а затем проводится дальнейшая социальная работа. Ориентир идет не на обеспечение бездомного ночлегом, а предоставлением ему квартиры. Вначале помощь с оплатой жилья оказывает государство, затем эта обязанность переходит к гражданину. Так,

государство инвестировало в строительство домов и переоборудование приютов в отдельные «капсульные» квартиры. С помощью данной программы в Финляндии с 1987 года получили жилье 12 000 человек. Ежегодно страна экономит на услугах до предоставления жилья 9 600 евро одному человеку. Благодаря данной программе в Финляндии за 30 лет количество лиц без определенного места жительства уменьшилось в 3 раза.

Существуют различные программы, направленные на поддержку бездомных людей в поиске работы. Они могут получить помощь в написании резюме, профессиональной ориентации и подготовке к собеседованию. Существуют программы, которые помогают бездомным людям преодолеть социальную изоляцию и предоставляют им помощь в решении личностных проблем. Помимо этого, бездомные могут получать государственную финансовую помощь на жилье, питание и лекарства. К примеру, в 2020 году государство выделило бездомным финансовую помощь в размере 930 долларов. А также происходит развитие культурной интеграции: созданы программы, которые позволяют бездомным людям участвовать в культурной жизни страны, посещать музеи и выставки, театры и концерты.

В Японии законодательные инициативы по решению проблемы бездомных начали активно внедряться с 2002 года. Был разработан закон, который обязал местное самоуправление оказывать социальную помощь и поддержку бездомным лицам. Так, начали оказывать помощь при трудоустройстве, переезде в социальный приют или жилье. Также закон сделал более доступным получение медицинских услуг для бездомных. Одной из основных мер социальной поддержки является предоставление жилья. В Японии для бездомных созданы специальные приюты, где они могут получить бесплатное жилье на определенный период времени. Кроме того, местные власти предоставляют бездомным помощь в поиске жилья, например, помогают с арендой квартиры и обеспечивают финансовую помощь на оплату первого и последующих месяцев аренды. Другой вид социальной поддержки – это медицинская помощь. В Японии для бездомных работают специализированные медицинские центры, где они могут получить бесплатную медицинскую помощь. Также бездомным лицам предоставляют различные программы вакцинации, лечения болезней и профилактики заболеваний.

Кроме того, для социальной реабилитации бездомных лиц существуют тренинговые программы, направленные на их восстановление и возвращение в общество. Эти программы включают в себя профессиональное обучение, трудоустройство и консультации по преодолению социальной изоляции. Также бездомные могут получать различные социальные выплаты, к примеру, посо-

бия на детей, государственную помощь на жилье и льготы на общественный транспорт. Помимо государственной помощи в Японии социальную поддержку оказывают и благотворительные организации. К примеру, Токийский фонд Цукурои открыл кафе «Shio No Michi», который предоставляет питание бездомным лицам. Некоторые страны вводят определенные меры по борьбе с лицами без определенного места жительства на улицах.

Так, в Венгрии введен закон, запрещающий ночлег в общественных местах. Введение закона аргументировали тем, что такие меры будут помогать бездомным, обеспечивая дополнительные места в социальных приютах. Всех, кто проживает на улице, будут отправлять в социальный приют. Если бездомный несколько раз нарушит данный закон, то он будет арестован, а все его вещи – уничтожены. В некоторых странах местные жители ставят на бордюры камни, чтобы бездомные не могли там сидеть. А местное самоуправление делает «неудобную архитектуру», например, скамейки, на которых нельзя лежать, козырьки с щелями или шипы на тех местах, где чаще всего задерживаются бездомные.

Особенности исследования

Авторами в течение 2023–2024 гг. было проведено социологическое исследование организации социальной работы с лицами без определенного места жительства в рамках общественного сектора Иркутской области.

Целью исследования являлось выявление основных факторов, препятствующих ресоциализации бездомного, а также определение проблем организации социальной работы с данной категорией населения в негосударственных организациях, особенности взаимодействия с государственными структурами, а также определить пути преодоления выявленных трудностей.

Исследование было проведено методом нестандартизированного экспертного опроса. Использовалась невероятная критериальная выборка, репрезентативность обеспечивается тщательным отбором экспертов, советуемых заданным критериям. Отбор экспертов проводился на основе формальных критериев: во-первых, место работы эксперта – негосударственная общественная организация, работающая с бездомными, во-вторых, должностные обязанности связаны с ресоциализацией данных лиц, в-третьих, опыт работы в данной сфере не менее трех лет. Объем выборки составил 7 экспертов, что обеспечивает компактность выборки и покрытие целей исследования.

Результаты исследования

Большинство экспертов оценивают работу негосударственных общественных организаций в решении

проблемы ресоциализации бездомных эффективней по сравнению с государственными структурами. Такая точка зрения обосновывается более активной реализацией социальных проектов и менее затратной работой с финансовой точки зрения, а также отсутствием трудностей бюрократического характера в текущей деятельности.

Более половины экспертов удовлетворены взаимодействием с государственными социальными учреждениями, отметили четкость выстроенного взаимодействия и оценили его уровень как высокий.

Рассуждая о поддержке со стороны государства деятельности по социальной адаптации и ресоциализации бездомных в рамках общественного сектора, направленной на повышение ее эффективности, эксперты отметили ряд направлений. Прежде всего, упрощение получения документов, удостоверяющих личность, на втором месте по частоте упоминания – помощь в получении технических средств реабилитации для инвалидов, на третьем – финансовая поддержка. Также эксперты отметили необходимость «решения вопроса по людям, не имеющим паспорта гражданина РФ, которых нет в базе данных» и увеличение числа лечебных учреждений закрытого типа для людей с ментальными расстройствами.

В ходе опроса у экспертов попросили оценить динамику численности лиц без определенного места жительства. Мнения экспертов не были едины. Так, менее половины специалистов (42%) считают, что количество бездомных увеличится, другая часть экспертов считает, что останется неизменным: «Количество из года в год примерно одинаковое, мы обслуживаем в год примерно 200 человек».

Обобщив ответы экспертов, был получен типичный портрет клиента центра помощи бездомным. В основном – это мужчина от 40 до 70 лет. Обычно ему требуется медицинские и социально-правовые услуги, касающиеся восстановления документов, оформления инвалидности и (или) пенсии. Считают предоставление услуг своим правом и обязанностью центра помощи. «В основном мужчина, реже женщина. Имеет или утеряны документы. Требуется оформление инвалидности, пенсии и медицинская помощь, а также оформление в стационарное учреждение социального обслуживания. Принимает все как должное, не испытывает чувство благодарности. Обвиняет в своих проблемах всех, кроме себя».

Основным источником информации о центре помощи для бездомных являются знакомые и родственники. Очень редко самостоятельно пытались найти информацию об организации, куда можно обратиться за поддержкой.

Получатели социальных услуг находятся на бесплатном обслуживании. Многие с инвалидностью, чаще всего встречается вторая группа

инвалидности. Самой распространенной причиной потери жилья являются семейные проблемы. Можно заметить, что бездомными гражданами могут быть люди, имеющие регистрацию по месту жительства, но по каким-либо причинам, они там не могут проживать. За один год работы в семью возвращены были лишь два человека. По данному показателю можно понять, что вернуть человека в семью и наладить связь с родственниками – одна из сложнейших задач.

На вопрос о том, какие проблемы бездомных замедляют процесс реабилитации, эксперты отметили одинаковые проблемы, а именно: алкогольная зависимость, инвалидность, развитие иждивенчества. Также специалисты отметили низкую степень подготовленности бездомных к самостоятельным условиям жизни. На это обычно влияет наличие ментальных расстройств и различных зависимостей, чаще всего алкогольной. Эксперты особо отметили, чем дольше человек находится в Центре, тем меньше вероятность его возвращения к самостоятельной жизни.

Исходя из перспектив ресоциализации, можно разделить лиц БОМЖ на две категории.

1. Лица, которые выбрали данный образ жизни и не стремятся его изменить. Обычно человек приобретает такой настрой, находясь в ситуации бездомности более года. Ситуация характеризуется как «острая». За год человек вживается в роль бездомного, происходит трансформация психического и социального статуса личности. Человек начинает бороться за выживание (иждивенчество, воровство, жизнь в подвалах, алкоголизация).
2. Лица, которые хотят вернуться к нормальной жизни и нуждаются в помощи. Такие люди либо находятся в состоянии бездомности более короткое время, либо еще не перешли в состояние бездомности, но находятся в социально опасном положении. Потеря жилья может случиться с любым человеком независимо от пола, возраста, уровня образования и социального статуса.

Таким образом, можно сделать вывод, что возвращение лиц БОМЖ к самостоятельно жизни затруднительно. Теоретические данные подкрепляются мнением экспертов о том, что при длительном стаже бездомности, у человека притупляется желание работать. Мнения специалистов сошлись в том, что к возвращению к самостоятельно жизни препятствует алкогольная зависимость, наличие инвалидности и развивающееся иждивенчество людей. Но при этом существуют и исключения. Также стоит отметить о хорошо выстроенном взаимодействии общественных организаций с государственными социальными учреждениями (психоневрологические интернаты, КЦСОН и другие). Основной причиной, которая минимизирует эффективность работы, является алкоголизм кли-

ентов. После ухода из центра помощи, клиент, находясь в состоянии алкогольного опьянения, снова теряет работу, документы.

Выводы

Ресоциализация лиц без определенного места жительства – комплексный процесс, предполагающий тесное взаимодействие, как государственных учреждений сферы здравоохранения, образования, культуры, занятости, МВД, так общественных некоммерческих и благотворительных организаций.

Некоммерческие организации, занимающиеся помощью бездомным, сталкиваются с различными препятствиями в решении этой проблемы. Изучение факторов, препятствующих ресоциализации бездомного и факторов, способствующих более эффективной работе НКО, поможет улучшить ситуацию в этой области и выработать новые подходы к решению этой проблемы. Специфика социальной работы с лицами БОМЖ предполагает выбор средств, которые помогут вернуть человека к нормальной жизни. Их выбор зависит от двух факторов: «внутренний» и «внешний». К «внутреннему» фактору относится индивидуальная ситуация человека. То есть, насколько острая форма бездомности (наличие зависимости, стаж бездомности, отношение человека к своему положению). К «внешним» же факторам можно отнести наличие документов, возраст, состояние здоровья, образование, наличие социально-полезных связей с друзьями или родственниками, наличие регистрации.

Современные технологии имеют большое значение в решении проблемы бездомности. Они помогают найти новые пути для обеспечения бездомным людям доступа к жилью, работе, медицинским и другим услугам. Одним из примеров таких технологий является мобильное приложение для поиска ближайшего убежища. Это приложение помогает бездомным людям найти ближайшие приюты. Также современные технологии позволяют осуществлять международное сотрудничество. Примером такого сотрудничества может служить сайт «Международный форум бездомных». Сайт разработан специалистами по социальной работе из Австралии. Сайт создан для обмена опытом в решении проблем бездомности. В целом, использование современных технологий может быть важным шагом в решении проблемы бездомности.

За рубежом возникло такое явление, как «кибербездомность» и «макбездомность». Кибербездомные – это бездомные, которые ночуют в круглосуточных интернет-кафе. Такое явление начало распространяться в Японии. В свою очередь макбездомные – это люди, которые ночуют в круглосуточных «Макдональдах». Таким образом, можно сделать вывод, что международное сотрудничество имеет большое значение в решении про-

блемы бездомности. Основная цель социальных программ за рубежом – это вернуть гражданина в свой дом или предоставить ему жилье. Это объясняется тем, что такое решение экономически выгоднее, чем содержать бездомного в социальном учреждении или тюрьме. Также за рубежом активно развиваются волонтерские движения, помогающие лицам без определенного места жительства.

Экспертный опрос позволил выявить основные факторы, препятствующие ресоциализации бездомных людей, к ним относятся алкогольная зависимость, инвалидность, развитие иждивенчества. Также выявлены факторы, способствующие более эффективной работе НКО в решении проблемы бездомности, а именно: упрощение системы получения документов, удостоверяющих личность, помощь в получении технических средств реабилитации для инвалидов, финансовая помощь. Специалисты отметили низкую степень подготовленности бездомных к самостоятельным условиям жизни. На это обычно влияет наличие ментальных расстройств и различных зависимостей, чаще всего алкогольной.

Исследуемая социальная группа представляют собой сложную категорию населения, начиная от статистического учета, заканчивая социальными и психологическими проблемами. Для комплексной работы важно развивать взаимодействие между государственными и благотворительными организациями. Это ускорит процесс реабилитации данных граждан. При этом на локальном уровне должны развиваться социальные услуги и технологии, а на федеральном – разработка социальных программ, развитие сети учреждений и законопроекты [8]. Важно создание условий для обучения и трудоустройства данной категории граждан, а также содействие в установлении социальных связей и перемене ценностей.

Литература

1. Бахматова Т.Г. Социальное предпринимательство в России: институционализация и динамика развития // *Baikal Research Journal*. 2018. Т. 9, № 2. – URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22108> (дата обращения: 05.09.2024).
2. Бурменко Т. Д., Тарханова Е.Г. Некоммерческие организации как субъект современного рынка услуг // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. 2011. № 5. С. 31.
3. Ключева Н.Ю. Психология бездомного и бездомности // *Сибирский психологический журнал*. 2009. № 41. С. 15–18.
4. Нехаев И.И. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта деятельности социальных организаций // *Социология и право*. 2018. № 1 (39). С. 13–19.
5. Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. Нью-Йорк, 2023. – URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 05.09.2024).
6. Проблемы социального предпринимательства: мотивация и конкурентоспособность / Т.А. Терехова, Е.Л. Трофимова, С.К. Малахаева, Г.А. Кузьмина // *Baikal Research Journal*. 2020. Т. 11, № 4. – URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=24237> (дата обращения: 05.09.2024).
7. Резолюция Доступное жилье и системы социальной защиты для всех для решения проблемы бездомности от 12.02.2020. № E/CN.5/2020/L.5: принята Комиссией социального развития ООН.
8. Седых О.Г. Роль некоммерческих организаций в решении проблемы бездомности // *Baikal Research Journal*. 2024. Т. 15, № 1. С. 107–118. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.aspx?id=65645139> (дата обращения: 05.11.2024).
9. Хвоин Н.Н. Социальная адаптация лиц без определенного места жительства и занятий в условиях системы социальной защиты населения // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2017. № 1 (45). С. 118–126.
10. Шилкина Е. Л., Некрасова Е.Г. Социальная адаптация лиц без определенного места жительства в условиях специализированного учреждения // *Труды Ростовского государственного университета путей сообщения*. 2017. № 1. С. 123–128.
11. Юрасов И. А., Кошарный В.П., Сеидов Ш.Г. Социальный портрет лиц без определенного места жительства в Пензенском регионе // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2014. № 4. С. 105–113.

EXPERIENCE IN ORGANIZING SOCIAL WORK WITH HOMELESS PEOPLE: OPINION OF PUBLIC SECTOR EXPERTS

Sedykh O.G., Taraban O.V.
Baikal State University

The article examines the experience of organizing social work with homeless people, based on the opinions and recommendations of experts in this field. Homeless people are a category of the population that cannot be accurately statistically recorded. Finding themselves in a situation of homelessness, a person tries to simplify their life as much as possible, there is a regression of skills, and over time, it is more difficult for a homeless person to return to society. According to experts, work aimed at the rehabilitation of homeless people is the most difficult. Since homeless people with a long history are often not ready to change their lifestyle, and there is a possibility that during or after rehabilitation they will again end up on the street in order to maintain their "contacts". Existing approaches, programs and strategies aimed at supporting this category of citizens are analyzed. Attention is paid to key factors contributing to successful reintegration and improving the quality of life of the homeless, such as an individualized approach, interdepartmental cooperation and the involvement of volunteers. Experts share an assessment of the effectiveness of the initiatives being implemented, and also highlight existing problems and proposed solutions.

Keywords: persons without a fixed abode, social problems, homelessness, non-profit organization, social work, social work technologies, social adaptation, social rehabilitation.

References

1. Bakhmatova T.G. Social entrepreneurship in Russia: institutionalization and development dynamics // *Baikal Research Journal*. 2018. Vol. 9, No. 2. – URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=22108> (accessed: 05.09.2024).
2. Burmenko T. D., Tarkhanova E.G. Non-profit organizations as a subject of the modern services market // *Bulletin of the Irkutsk State University of Economics and Law (Baikal State University of Economics and Law)*. 2011. No. 5. P. 31.
3. Klyueva N. Yu. Psychology of the homeless and homelessness // *Siberian Psychological Journal*. 2009. No. 41. Pp. 15–18.
4. Nekhaev I.I. Comparative analysis of domestic and foreign experience of social organizations // *Sociology and Law*. 2018. No. 1 (39). Pp. 13–19.
5. United Nations: official website. New York, 2023. – URL: <https://www.un.org/ru/> (accessed: 05.09.2024).
6. Problems of social entrepreneurship: motivation and competitiveness / T.A. Terekhova, E.L. Trofimova, S.K. Malakhaeva, G.A. Kuzmina // *Baikal Research Journal*. 2020. Vol. 11, No. 4. – URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=24237> (accessed: 05.09.2024).
7. Resolution Affordable housing and social protection systems for all to address homelessness of 12.02.2020 No. E/CN.5/2020/L.5: adopted by the UN Commission for Social Development.
8. Sedykh O.G. The role of non-profit organizations in solving the problem of homelessness // *Baikal Research Journal*. 2024. Vol. 15, No. 1. Pp. 107–118. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65645139> (accessed: 05.11.2024).
9. Khvoyn N.N. Social adaptation of persons without a fixed abode and occupation in the context of the social protection system // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2017. No. 1 (45). Pp. 118–126.
10. Shilkina E. L., Nekrasova E.G. Social adaptation of persons without a fixed abode in the conditions of a specialized institution // *Proceedings of the Rostov State University of Railway Engineering*. 2017. No. 1. Pp. 123–128.
11. Yurasov I. A., Kosharny V.P., Seidov Sh.G. Social portrait of persons without a fixed abode in the Penza region // *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*. 2014. No. 4. Pp. 105–113.

Государственные меры поддержки повышения доступности цифровых услуг населению

Сушко Валентина Афанасьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В данной статье рассматривается роль государственного управления во взаимосвязи цифровых платформ и цифровых услуг с цифровыми технологиями, вклад в которые гарантированно отражается на эффективности электронного взаимодействия. Показана роль государства при реализации научно-технических проектов, программ поддержки по интеграции технологических решений в общественные процессы, а также важность государственных мер поддержки повышения доступности цифровых услуг населению.

Ключевые слова: государственные меры поддержки, стратегия цифрового развития, качество жизни, цифровые услуги для населения РФ.

Политика цифровизации государства способствует расширению спектра услуг и возможностей всех структур, оказывающих социальные услуги населению, поэтому необходимо оценить внедрение такой политики. Политика цифровизации на сегодняшний день является основным направлением, в котором движется практически каждая сфера жизни деятельности общества и государства.

Данные полномочия департаменты регионов по оказанию социальных услуг населению осуществляют посредством представительных государственных учреждений (например, многофункциональный государственный центр «Мои документы»). На данный момент такие услуги оказываются гражданам как в стационарном режиме, то есть в офисе учреждения, так и в дистанционном формате, посредством использования специализированного информационного сайта Госуслуги.ру.

Перенесение деятельности государственных учреждений по оказанию гражданам помощи в сфере занятости на цифровые платформы не подразумевает прекращения деятельности кадров данных учреждений. На онлайн-платформах население получает услуги в тех или иных вопросах. Использование цифровой платформы позволяет большому количеству сотрудников выступать в качестве онлайн-консультантов.

В настоящее время опыт внедрения цифровых технологий в сферу социального обслуживания достаточно большой, поскольку некоторые сферы социального обслуживания уже обеспечены необходимыми условиями для цифровизации. Региональное законодательство активно развивается в сторону цифровизации социальных услуг населению. Главная задача департамента государственной службы занятости граждан каждой области заключается в оказании гражданам помощи в поиске работы посредством постановки их на соответствующий учёт занятости, а также оказание временной поддержки для тех, кто находится в затруднительном положении.

Государственные учреждения оказывают услуги гражданам как в стационарном режиме, то есть в офисе учреждения, так и в дистанционном формате, посредством использования специализированного информационного сайта Госуслуги.ру. В этой связи предполагается минимизировать офлайн формат предоставления социальных услуг, одновре-

менно перенести оказание услуг гражданам исключительно в цифровой формат, поскольку в таком случае значительно уменьшатся переменные и особенно фиксированные издержки, не будет возникать проблем с недостатком кадров.

Опыт внедрения цифровых технологий в социальную сферу обслуживания можно увидеть в банковских системах, которые посредством специальных цифровых платформ оказывают гражданам услуги по открытию расчетных счетов и т.п. Будущее развитие IT-технологий вполне способно привести к тому, что на бизнес-модель «цифровой банк» будет переходить всё большее количество кредитных учреждений, цифровые банки в 2025 году могут полностью вытеснить с рынка традиционные банковские учреждения, что приведёт к кардинальным трансформациям в финансовой системе.

Опыт инновационных способов привлечения ресурсов в ПАО «Сбербанк» как крупной технологической компании позволит рассмотреть технологические заделы крупного бизнеса, не только конкурирующего с ведущими экосистемами мира, но и задающего стандарты для пользователей и, в конечном счете, для государства.

Физическим лицам Сбер предлагает несколько типов каналов обслуживания, среди которых Веб-версия и мобильное приложение «Сбербанк Онлайн», СМС-сервис «Мобильный банк», сайт

Сбербанка и сервис-мегапортал недвижимости «ДомКлик», позволяющий совершать сделки и получать ипотеку, проверять контрагента и запрашивать скидки, не выходя из приложения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что опыт использования цифровых технологий на территории регионов в целом широкий, имеет практическое значение, поскольку в настоящее время общество получает обслуживание услуг социального назначения преимущественно посредством цифровых платформ.

Цифровая политика в социальной сфере регулируется в рамках специального регионального мониторинга, который направлен, прежде всего, на оценку ключевых показателей цифровой трансформации отрасли.

Методология оценки уровня цифровизации социальных услуг – это методология «Цифрового паспорта». Цифровой паспорт – это набор ключевых показателей цифровизации социальных услуг, среди которых минимальная цифровая корзина, необходимая для предоставления базовых услуг, наличие цифровой инфраструктуры и человеческого капитала для цифровизации социальных учреждений и цифровая трансформация сектора в регионе.

Рассмотрим показатели оценки эффективности цифровой политики на территории регионов российского государства (табл. 1).

Таблица 1. Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме [1].

Субъект РФ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация	35,2	39,6	51,3	64,3	74,8	77,6	81,1	85,1
Республика Алтай	28,4	23,4	56,3	56,4	61,3	59,1	66,4	73,4
Республика Тыва	26,4	30,3	30,1	78,8	86,4	90,4	94,8	97,3
Республика Хакасия	17,1	21,2	38,5	64	80,0	73,9	72,2	79,0
Алтайский край	27,6	32,2	31,1	68,3	68,0	70,8	71,4	75,2
Красноярский край	35,8	31,5	31,8	80,4	77,5	83,1	76,4	80,8
Иркутская область	32,7	29,6	51,8	54,5	56,9	55,1	76,2	77,3
Новосибирская область	28,9	28,9	50,6	51,9	72,8	70,1	73,4	78,5

В соответствии с представленными статистическими показателями можно сказать, что, в целом, наблюдается рост предоставления социальных услуг населению через цифровые платформы.

В качестве примера можно обратить внимание на показатели Красноярского края, где действует положительная динамика цифровизации социальных услуг. Из показателей видно, что с 35,8% в 2014 г. до 80,8% в 2021 г. наблюдается рост по применению гражданами инструментов цифровизации для получения социальных услуг. Это свидетельствует о комплексном развитии цифровой инфраструктуры на федеральном и региональном уровне.

Говоря о правовом регулировании оценки показателей эффективности цифровой политики в со-

циальной сфере, следует выделить Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», который регламентирует цифровую трансформацию ключевых отраслей экономики и социальной сферы как один из стратегических векторов развития страны.

Данная мера является определённой реакцией на общее развитие мировых информационных технологий и их повсеместное внедрение. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая

трансформация» предусматривает учёт следующих показателей, характеризующих цифровизацию социальной сферы: достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде.

На «Госуслугах», по данным на конец 2023 г., можно было получить около 500 единиц услуг [2]. По итогам 2022 г. российским гражданам было оказано порядка 200 млн социально значимых услуг, наиболее востребованными из которых были запись к врачу (записались 20 млн. граждан), назначение социальных выплат и льгот (27 млн. обращений). Электронная запись может сэкономить гражданам время и упростить процедуру получения услуги. Особенно актуально это может быть тем, кому затруднительно получить такие услуги стационарно из-за занятости, состояния здоровья или удалённого расположения. Многие процедуры можно осуществлять с компьютера или смартфона.

Существенное развитие в предоставлении цифровых услуг ожидается по направлениям онлайн-образования, телемедицины и дальнейшей цифровизации государственных услуг. В здравоохранении запланировано внедрение электронных больничных листов и рецептов, которые смогут предоставляться после онлайн-консультации. Это особенно актуально для сельской местности, где не первый год идёт укрупнение социальных услуг вокруг районных центров, и шаговая доступность здравоохранения является роскошью.

В образовании уже отчётливо наметился тренд на увеличение количества онлайн-курсов и программ дополнительного образования (ДПО). По программе «Код будущего» школьники могут два года обучаться бесплатно на курсах по программированию.

Качественные изменения ожидаются и по регистрации браков, разводов и рождения ребёнка. Платформа Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИС-СО) [3] будет автоматически определять социальный статус пользователя и начислять ему соответствующие пособия (при потере работы, получении инвалидности, рождении ребёнка и др.). Изменение социального статуса будет фиксироваться в многофункциональном центре (МФЦ) или на портале «Госуслуги», а далее информация будет автоматически обновляться в ЕГИССО.

Цифровые социальные услуги выводят на новый уровень и коммерческие услуги. Например, ранее для получения налогового вычета по индивидуальному инвестиционному счёту (ИИС) было необходимо самостоятельно подготавливать документы для налоговой. У многих граждан это вызывало затруднения, что занимало много вре-

мени, внимания, а иногда и денег для оплаты налоговых консультантов. Сейчас же, благодаря синхронизации работы банков, порталов «Госуслуг» и налоговой службы возможна автоматическая отправка заявки в упрощённой форме на получение инвестиционного вычета. Все процедуры можно сделать с мобильного телефона любой точки мира, в том числе за счёт электронной подписи. Эта удобная и быстрая процедура повышает качество жизни граждан за счёт экономии времени и внимания, а также повышает привлекательность российского фондового рынка и финансовой системы.

Цифровые услуги меняют и сферу обеспечения безопасности граждан и соблюдения правопорядка. Так, автоматическое распознавание лиц по камерам видеонаблюдения помогает выявлять потенциальных преступников по фотороботам.

Цифровизация упростила и облегчила различные массовые социальные процедуры, в том числе получение пенсий, выплат, пособий и компенсаций, сократив время на стояние в очередях, подготовку справок, приём и у специалистов. Создаваемая для всех регионов единая система «Социальное казначейство» будет работать по принципу проактивности, когда многие социальные услуги будут предоставляться автоматически или с минимальным вовлечением гражданина.

Расширяющая цифровизация предоставления социальных услуг имеет и ряд ограничений. Во-первых, нормативно-правовая база цифровой экономики не всегда успевает за бурно развивающейся отраслью. Во-вторых, мощности персональных компьютеров или мобильных телефонов ряда граждан и их цифровая грамотность, особенно пожилых, не всегда соответствуют требованиям, необходимым для получения цифровых услуг. В-третьих, по-прежнему остро стоит вопрос с безопасностью и сохранностью личных данных граждан. Многие до сих пор жалуются, что после обращения в различные государственные или негосударственные организации и передачи части личной информации им начинают названивать и предлагать различные товары или услуги, в том числе мошеннические. В-четвёртых, некоторые категории граждан, особенно старшее поколение привыкли получать услуги в очном формате и не заинтересованы активнее использовать дистанционный, цифровой, формат (рис. 1).

По данным на начало 2024 года порядка 87% различных справок, социальных льгот и пособий можно получить в онлайн-режиме. Оставшиеся 13% планируется также сделать доступными в интернете к концу года. По итогам всего 2023 года было оказано 340 млн государственных услуг в электронном виде (в 2022 году – 240 млн, годовой прирост в 41,7%). Всемирный банк также отметил успехи цифровизации российского государственного сектора, включив Россию в список

из передовых 10 стран в этой сфере (The World Bank, 2022). В общем сравнении 198 стран российский уровень технологической зрелости правительства составил 0,897.

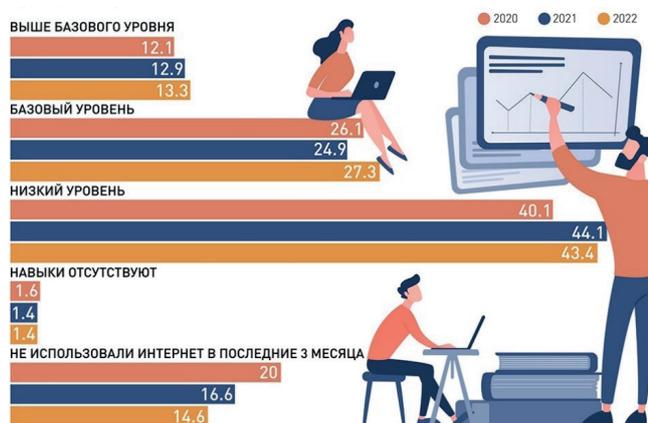

Рис. 1. Цифровые навыки россиян, % от общей численности населения от 15 лет и старше [4].

В рейтинге Всемирно Банка анализировались четыре основные составляющие: уровень развития основных государственных систем (например, гособлако и другие платформы); развитие государственных услуг и доступность электронных сервисов для граждан; развитие государственных институтов цифровизации, национальная инновационная система, стратегия цифрового развития и соответствующее законодательство; уровень вовлечённости граждан, открытость правительства и система обработки обратной связи. Средний показатель по всем странам составил 0,552 балла, у России – 0,897 балла. Лидеры рейтинга: Южная Корея (0,991), Бразилия (0,975) и Саудовская Аравия (0,971).

Портал «Госуслуг» стал 5-й цифровой экосистемой в России по показателям трафика и числа активных пользователей. Всего на Портале зарегистрировано примерно 115 млн учётных записей, 3,5 млн. из которых относятся к юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям. Ежедневная аудитория государственного ресурса составляет более 11 млн. пользователей (HSE-daily, 2024). Продолжаются работы по широкому внедрению мобильного приложения «Госключ», позволяющего бесплатно оформить электронную подпись.

На портале «Госуслуг» проходит тестирование и продукт искусственного интеллекта (ИИ) – робот Макс, который консультирует каждый день порядка 1 млн пользователей, помогая упростить им навигацию на портале.

Сейчас уже действует 13 суперсервисов: «Цифровое строительство», «Правосудие онлайн», «Безбумажные перевозки пассажиров и грузов», «Уведомление и обжалование штрафов за нарушения ПДД онлайн», «Рождение ребёнка», «Цифровое исполнительное производство», «Оформ-

ление европротокола онлайн», «Трудовые отношения онлайн», «Социальная поддержка онлайн», «Онлайн помощь при инвалидности», «Пенсия онлайн», «Поступление в ВУЗ онлайн», «Дальневосточный и Арктический гектар».

В основе цифровизации предоставления государственных услуг «заложен принцип трёх нулей: нулевой вход, ожидание и выход. Нулевой вход подразумевает, что гражданину не нужно вводить ничего вручную или предоставлять какие-либо документы или справки. Нулевое ожидание состоит в том, что межведомственные запросы осуществляются автоматически, а данные «подтягиваются» в момент их отправки. Нулевой выход означает приоритетность оформления в онлайн-режиме, без «корочек» и «бумажек» (Правительство России, 2024). В будущем услуги смогут предоставляться даже просто с помощью голосового помощника, а какая-то их часть будет оказываться автоматически по факту наступления типового события».

«Электронность» госуслуг основана на «мультиканальности уведомлений, автоматическом межведомственном взаимодействии, подтверждении данных граждан, электронном результате с электронной подписью, уведомлении с результатом. Именно эти свойства сервиса позволяют экономить время граждан на разных стадиях получения услуги» (Минцифры, 2024).

Центры «Мои документы» стали проводниками в экосистеме цифровых сервисов. Гражданин может вне очереди самостоятельно сформировать обращение на получение государственной услуги. В этих Центрах самые востребованные услуги можно получить в режиме «одного окна» в шаговой доступности от дома. Качеству обслуживания уделяется большое значение, чтобы подобные центры получения госуслуг могли конкурировать с частными компаниями по уровню сервиса и удовлетворённости клиентов.

«Роль российского государства в повышении доступности цифровых услуг населению имеет высокое значение. Российские власти осуществляют многолетнюю системную работу как по непосредственному развитию цифровых услуг, так и по поддержке смежных отраслей, экосистем и инфраструктур» [8].

Во-первых, государство создаёт институциональную среду, благоприятную для развития системы оказания цифровых услуг населению (государственных и частных). Это и законодательство, и стратегические документы, и соответствующие организационные структуры, помогающие развитию отрасли цифровой экономики, в том числе услуг населению.

Во-вторых, государство ведёт большую работу по просвещению, информированию и обучению широких слоёв населения, что позволяет вовле-

кать всё больше людей в систему оказания качественных и доступных цифровых услуг населению.

В-третьих, государство оказывает большой перечень мер финансовой поддержки проектов, помогающих повышать доступность качественных цифровых услуг.

В-четвёртых, государство активно осуществляет цифровую трансформацию государственных услуг, что создаёт фундамент для распространения доступных частных цифровых услуг.

В-пятых, государство реализует программы долгосрочной подготовки специалистов цифровой экономики, нацеленные на разные возрастные категории (школьники, студенты, взрослые специалисты и др.), что существенно расширяет кадровую базу цифровой экономики.

В-шестых, государство активно привлекает государственные корпорации, компании с государственным участием и частные компании для предоставления качественных цифровых услуг населению.

В-седьмых, государство непосредственно повышает собственный спрос на товары и услуги компаний цифровой экономики, что прямо и косвенно помогает распределять ресурсы в приоритетные «цифровые» направления.

Исходя из вышеизложенного, стоит подчеркнуть важность роли государства при протекании цифровых процессов в государстве, которые основываются на принципах прозрачности, безопасности и эффективности. Цифровые технологии лежат в основе цифровых платформ и цифровых услуг и требуют сопровождения в разработке объемной финансовой и регуляторной поддержки со стороны органов власти.

«Анализ роли государственного управления показал важность взаимозависимости цифровых платформ и цифровых услуг с цифровыми технологиями, вклад в которые гарантированно отражается на эффективности электронного взаимодействия» [8].

Роль государства чрезвычайно важна при реализации научно-технических проектов, программ поддержки по интеграции технологических решений в общественные процессы. Кроме того, государство является незаменимым участником регулирования отношений между гражданами и держателями цифровых платформ, вырабатывая грамотную политику по защите прав и свобод в соответствии с Конституцией РФ.

Литература

1. «Сбербанк Онлайн» полностью переделан // CNews. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-07-18_v_mobilnom_sberbank_onlajne_poyavilsya_adaptivnyj.
2. На основании данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) //

Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43568?format=excel>.

3. Степень цифровизации госуслуг в России стремительно растет / Узбекова А. // Российская газета. 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/10/24/fgotapridet-avtomatom.html>.
4. Единая государственная информационная система социального обеспечения // ЕГИССО. – URL: <https://egisso.ru/#/>.
5. Цифровое государственное управление // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/>.
6. Цифровое государственное управление. Цифровая экономика // Официальный сайт Национальных проектов Российской Федерации. – URL: <https://xn-80aarpampemcchfmo7a3c9e-hj.xn-p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-p>.
7. Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6.
8. Сушко В.А. Государственная политика по развитию цифровой экономики в рамках стратегии цифрового развития // Социология. 2024. № 10. С. 114–119.
9. Сушко В.А. Социологические подходы к исследованию цифровой политики и роль государства в формировании цифровых процессов в обществе // Социология. 2024. № 6. С. 87–97.

STATE MEASURES TO SUPPORT INCREASING THE AVAILABILITY OF DIGITAL SERVICES TO THE PUBLIC

Sushko V.A.

Lomonosov Moscow State University

This article examines the role of public administration in the relationship between digital platforms and digital services with digital technologies, the contribution to which is guaranteed to be reflected in the effectiveness of electronic interaction. It shows the role of the state in the implementation of scientific and technical projects, support programs for the integration of technological solutions into social processes, as well as the importance of government measures to support increased accessibility of digital services to the population.

Keywords: government support measures, digital development strategy, quality of life, digital services for the population of the Russian Federation.

References

1. «Sberbank Online» has been completely redesigned // CNews. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-07-18_v_mobilnom_sberbank_onlajne_poyavilsya_adaptivnyj.
2. Based on data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) // Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43568?format=excel>.
3. The degree of digitalization of public services in Russia is growing rapidly / Uzbekova A. // Rossiyskaya Gazeta. 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/10/24/fgotapridet-avtomatom.html>.

4. Unified State Information System of Social Security // EGIS-SO. – URL: <https://egisso.ru/#/>.
5. Digital public administration // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/>.
6. Digital public administration. Digital economy // Official website of the National projects of the Russian Federation. – URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-p>.
7. Vasiliev V.P. Electronic government in digital reality // Information society. 2019. No. 6.
8. Sushko V.A. State policy for the development of the digital economy within the framework of the digital development strategy // Sociology. 2024. No. 10. pp. 114–119.
9. Sushko V.A. Sociological approaches to the study of digital policy and the role of the state in the formation of digital processes in society // Sociology. 2024. No. 6. P. 87–97.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Ценности работников в условиях нелинейного социума: между стабильностью и свободой

Савельева Жанна Владимировна,

д.с.н., профессор кафедры общей и этнической социологии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: gedier@mail.ru

Алексеева Екатерина Александровна,

ассистент кафедры общей и этнической социологии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: e.alekseeva1808@gmail.com

В статье рассматриваются ценности работников в контексте разных видов социальности. На основе анализа современных социологических подходов российское общество характеризуется как нелинейный социум, сочетающий в себе модальности традиционного по типу периода советской индустриализации, современного современного общества, индивидуализированного общества позднего модерна или риска и переходного общества. Каждому типу модальности соответствует определенный набор ценностей работника. На основании данных массового опроса (n = 1271) и полужформализованного интервью (n = 17) с россиянами трудоспособного возраста выявлены социально-демографические особенности групп, разделяющих типы ценностей, соответствующих четырем модальностям общества. Выявлено, что преобладающими ценностями являются стабильность (73,6%), порядок (62%), постоянство (61,4%), что соответствует в авторской концептуализации традиционной перспективе варианта советской индустриализации.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, ценности работников, трансформация общества, нелинейный социум, традиционное общество, современное общество, общество риска, переходное общество.

В современном российском обществе наблюдаются структурные социальные изменения, связанные в настоящий период в том числе с воздействием геополитического и социально-экономического факторов [4]. Происходящие социальные разрывы и трансформации проявляются в трудовых отношениях и сказываются на трудовой занятости населения, усиливая диверсификацию форм трудовых отношений. Наблюдаются изменения ценностей и мотивации труда, трудовой путь конкретного индивида перестает быть предсказуемым и стандартным. Нарушение линейности социальных процессов проявляется на всех уровнях: от индивида до социальных институтов [1]. Это свидетельствует о том, что общество прошло определенный этап развития и вступило в состояние «сложного» социума [10].

Социальная трансформация и дискретность современного общества выражается в сосуществовании различных систем ценностей и целей трудовой деятельности, обусловленных комплексом факторов [7; 6; 8]. Наличие множества тенденций и векторов социокультурного ландшафта российского общества можно связать с большой территорией, климатическими различиями, а также с тем фактом, что на территории Российской Федерации проживает много этносов, культур и конфессий [12].

В современном социуме наличествуют довольно противоречивые социальные процессы, характерные для различных общественных укладов. С одной стороны, в современном российском обществе можно наблюдать централизацию власти, выраженный коллективизм и патерналистские практики, что позволяет его характеризовать как традиционное, воспроизводящее черты советской индустриализации [17]. Говоря о традиционном типе, мы не учитываем способ экономической жизнедеятельности, а основываемся исключительно на социокультурных аспектах [8]. Вместе с тем, отчетливо видны черты постиндустриального общества, с высокой ценностью знаний, институциональным доверием к системе, в том числе ее каналам социальной мобильности. С другой стороны, распространение ценностей свободы, самовыражения, творчества позволяет говорить о «креативном» классе индивидуализированного общества, общества риска или радикального модерна, со свойственной ему гибкостью, неопре-

деленностью, верой в иррациональные ценности (шанс и удача) [14]. Человек общества риска – это индивид, работающий не по плану, а занятый созидательным трудом [15]. Между стабильностью и свободой он выбирает второе и принимает всю зыбкость предыдущего опыта и знаний [2].

Многовариантность социальной структуризации, противоречия в ценностях, системные трансформации социально-экономической сферы нарушают линейность социальных процессов, способствуют появлению новых практик и трудовых стратегий, что свидетельствует, по мнению некоторых авторов, о «переходном» этапе развития российского общества [6]. Временная затянутость «переходного» общества или переходного этапа развития общества может быть объяснена высокой скоростью общественных изменений [10, с. 30]. У индивида в таком обществе происходит изменение жизненно важных референтов: авторитетов и ценностей, повседневные сценарии становятся разнонаправленными, горизонт планирования снижается, а приоритетными жизненными целями становится закрытие потребностей в краткосрочной перспективе [6].

Классическая интерпретация общества, как продукта общественного договора, базируется на действиях индивидов, взаимоотношения которых обусловлены ценностными ориентациями [16]. Изменение типа общества связано в том числе с изменениями ценностных ориентаций и, как утверждал М. Вебер, – трудовой этики. Ценности трудолюбия и служения сменяют ценности ответственности и достижения успеха, которые в большей степени характерны для общества высокого модерна [3]. Выраженность установок на данные ценности связывается учеными с экономическими достижениями того или иного общества [11], изменение ценностных ориентаций через изменения мотивации к действию сказывается на социокультурных подсистемах общества [13].

Ценности выполняют функцию регуляции деятельности как отдельных индивидов, так и социальных групп и во многом обуславливают как трудовую этику и социальные процессы идентификации, так и жизненные, трудовые стратегии, то есть являются компонентом трудовой деятельности [9; 3].

Целью данной статьи является выявление ценностных ориентаций населения трудоспособного возраста различных социально-демографических характеристик и их сопоставление с разными модальностями социума, представленными выше, которые условно можно обозначить как традиционное вариант советской модернизации, современное (модерное), общество радикального модерна (риска), переходное.

Представленные результаты базируются на исследовании ценностей россиян как элемента трудовой стратегии, проведенном в 2023 году методом массового анкетного опроса работающего на-

селения ($n = 1271$) и полужформализованного интервью ($n = 17$).

Выборочная совокупность представлена следующим образом: по гендерному признаку – 39% мужчин, 61% женщин; по возрасту – 7,2% молодежь до 24 лет включительно, 28,4% молодежь до 35 лет, 50% – респонденты среднего возраста (от 36 до 49 лет), 12% – от 50 до 60 лет, 2,4% – старше 60 лет; высшее образование имеет 61,4% опрошенных; по уровню должности: рабочие – 26%, специалисты – 53%, руководители 21%.

Полученные данные обработаны при помощи пакета SPSS. Для выявления значимых связей использован статистический критерий χ^2 .

В рамках изучения трудовых стратегий работников, ценностные ориентации являлись значимым компонентом исследовательского проекта. Они рассматривались через несколько однотипных вопросов: респондентам предлагался множественный выбор сначала среди предложенных ценностей, затем – установок, также было необходимо было выбрать составляющие такого понятия, как «успех».

Согласно полученным данным основной ценностью россиян трудоспособного возраста является *стабильность*, ее выбрали 73,6% опрошенных. Далее по значимости с небольшим разрывом идут такие ценности, как *порядок*, *постоянство* и *деньги* (62%; 61,4%; 60,5% соответственно).

Трудовые и близкие к ним ценности, такие как: *карьера*, *должность*, *социальные связи* находятся в середине списка ценностных приоритетов, а наименее значимыми ценностями для респондентов являются: *традиции*, *власть* и *счастливый случай* (рис. 1).

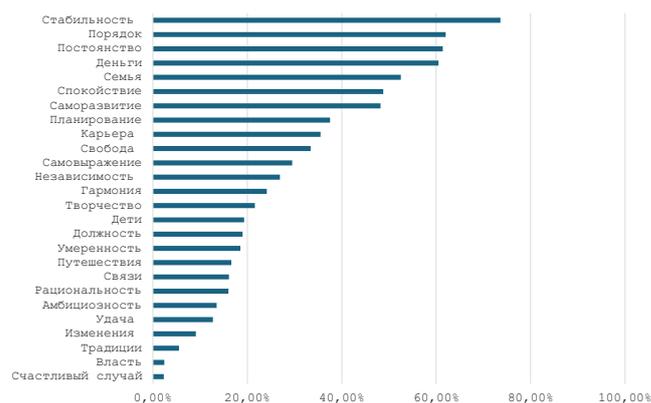
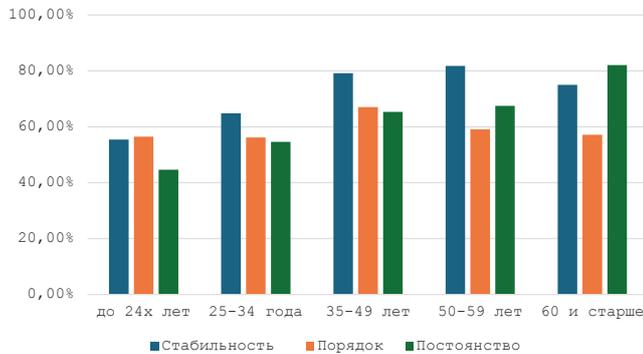

Рис. 1. Распределение ценностных приоритетов среди опрошенных (множественный выбор, в процентах к числу опрошенных)

Наиболее часто выбираемые работниками ценностные ориентации (*стабильность*, *порядок* и *постоянство*) условно можно отнести к ценностям, характеризующим человека общества варианта советской индустриализации (традиционного типа). Перечисленные переменные имеют статистически значимую связь с возрастом, образованием

и должностью респондентов. Так, значение *стабильности* и *постоянства* увеличивается с возрастом респондентов, а ценность *порядка* наиболее значима для работников, возраст которых старше 30 лет (рис. 2). При двухмерном распределении в зависимости от сферы занятости, данные ценности чаще выбирали работники промышленных предприятий в отличие от креативных индустрий и диджитал компаний.

Рис. 2. Распределение ценностей «традиционного» общества среди респондентов разных возрастов (в процентах к числу ответов)

При двумерном сопряжении указанных выше ценностей с образованием и уровнем занимаемой должности, получены данные, согласно которым ценности *стабильности*, *порядка* и *постоянства* наиболее важны для респондентов со средним или неоконченным высшим образованием, занимающих должности рабочих или специалистов (не руководителей). «Изменения на работе у нас бывают, они, конечно, нужны. Но если бы как бы по накатанной, все шло, как идет, я, конечно же, к этому бы лучше отнесся.» (Информант 1, муж, 49 лет, специалист)

Следующая группа ценностей характеризует в нашей условно выделенной классификации человека модерна. Данная модальность социума отсылает к ценностям *саморазвития* (48%), *планирования* (37,5%), *карьеры* (35,5%), *рациональности* (16%). Согласно результатам опроса данные ценности менее распространены среди российских работников по сравнению с ориентациями первой группы. Ценности *саморазвития* и *карьеры* в большей степени демонстрируют молодые люди; чем старше респонденты, тем реже они делали выбор в пользу данных ценностей. Также данные ценности чаще демонстрируют руководители и респонденты с высшим образованием. *Рациональность* значима для руководителей и респондентов с высшим образованием не зависимо от возраста. *Планирование* как ценностная ориентация имеет статистически значимую связь только с должностью респондентов – ее чаще выбирали респонденты, занимающие руководящие должности, которым свойственно активно формировать горизонт трудового пути и профессиональной траектории. Ценности *саморазвития* и *карьеры* в полуструктурированных интервью артикулировались инфор-

мантами следующим образом: «Ну то есть для меня успех – это когда выставленные задачи совпали с тем, что я сделала в реальности. Ну, то есть я хотела, я достигла, всё – успех, я крутая» (Информант 6, жен., 49 лет, руководитель) «Я дополнительно обучения проходила, переучивалась... это была полностью моя инициатива ... мне это интересно, мне надо развиваться, сидеть в своих 4 стенах тоже не вариант.» (Информант 13, жен. 34 года, руководитель)

Далее по распространенности можно выделить группу ценностей, условно относящихся к социальной модальности третьего типа, связанной с ценностями общества радикального модерна или общества риска – *свобода* (33,4%), *самовыражение* (29,5%), *гармония* (24,1%) и *творчество* (21,6%). Процентное распределение демонстрирует, что данные ценности в целом среди респондентов менее распространены. Связь с возрастом имеет только ценность *творчества*, причем она наиболее значима для респондентов старшего возраста, а наименьшее значение имеет для работников среднего возраста (35–49 лет). Все ценности в данной группе оказались статистически связаны с образованием и уровнем должности: ценности *свободы* и *самовыражения* характерны в большей степени для руководителей и специалистов с высшим образованием (реже представлены у рабочих), а ценности *гармонии* и *творчества* для специалистов с высшим и неоконченным высшим образованием (реже встречаются у работников со средним образованием). Характерным для представителей данной подгруппы ценностных ориентаций является высказывание одного из информантов: «Мы в трудовой деятельности, наверное, больше отталкиваемся от каких-то своих личных интересов. Как-то более гибкие люди стали и пытаются они работать в разных направлениях. Нет такого, чтобы вот я учился на инженера и буду работать только инженером. Скорее, я буду работать там, где мне интересно.» (Информант 10, жен., 25 лет, специалист)

Четвертую группу ценностных ориентаций, условно отнесенную к переходному типу общества, составляют такие ценности как *независимость* (26,9%), *амбициозность* (13,5%), *удача* (12,7%), *власть* (2,4%). *Независимость* как ценность имеет связь с гендером и должностью работников, то есть в большей степени независимость ценят женщины, занимающие руководящие должности. Статистическая связь с переменной возраста была выявлена с ценностями *амбициозности* и *удача*, причем, если значение *амбициозности* с увеличением возраста снижается, то ценность *удача* имеет меньше выборов среди респондентов среднего возраста (от 25 до 49 лет), а наиболее значимая для молодых людей до 24-х лет и для тех, кто старше 50 лет. Наиболее амбициозные – это респонденты с высшим образованием, занимающие

руководящие должности, а удача важна для тех, кто находится на должности рабочего и не имеет высшего образования. *Власть* как ценность имеет статистическую значимость с гендером и должностью и является в большей степени ценностью для мужчин, занимающих руководящие должности. Проявление ценностей переходного типа общества в трудовой деятельности информанты артикулируют, например, следующим образом: «*Точно не буду бегать за кем-то, чтобы даже идеальная работа стала моей ... я слишком для этого независимая... и еще я верю в удачу, мне повезет!*» (Информант 8, жен., 25 лет, специалист)

Ценности *деньги, семья, дети* и ряд других были определены как универсальные, базовые, вследствие чего не соотносились с выделенными модальностями.

Таким образом, в условиях сосуществования различных модальностей нелинейного социума, можно выделить группы работников, для которых приоритетными являются различные группы ценностей. На основе данных социологического исследования, удалось установить, что воспроизводимая с времен советской индустриализации модальность традиционного типа работников, с ориентацией на стабильность, постоянство, порядок преобладает, и чаще встречается среди старших возрастных групп. Вторая менее распространенная модальность, связанная с классическими идеями общества модерна и рациональными ценностями планирования, развития, построения карьеры характеризуется более молодым и образованным контингентом опрошенных, представляющим звено руководителей. Представители «креативного класса» общества радикального модерна и переходного общества по социально-демографическому составу неоднородны, их численность ниже в средних возрастных группах. Работники третьей модальности радикального модерна отличаются доминированием ценностных ориентаций индивидуализированного общества на свободу, самовыражение, гармонию и творчество, работники четвертой группы выбирали в качестве приоритетных ценности независимости и удачи.

Рецепция социологических подходов к интерпретации общества и выявленные особенности ценностных ориентаций работников позволяют делать выводы о жизненных и трудовых траекториях социальных акторов, их целях, ожиданиях, потребностях, особенностях горизонта планирования и организационной приверженности, что может служить основой для осмысления социально-управленческих технологий прогнозирования и моделирования кадровых процессов.

Литература

1. Алексеева Е.А. Трансформация ценностных ориентаций как фактор формирования нели-

нейных трудовых стратегий // VII Международная конференция «Казанские социологические чтения»: сборник научных трудов (Казань, 18–19 мая 2024 г.). 2024. С. 127–129. DOI 10.26907/ksr.7.2024.127

2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с. ISBN 5-98704-075-2
3. Беляева Е.В. Исследование нравственных ценностей в социологии труда // Труд и общество в реалиях XXI века: сборник научных статей / Отв. ред. Р.В. Карапетян. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», – 2017. – С. 111–118.
4. Бородкина О.И., Григорьева И.А. Социальное государство в эпоху постпандемии и неопределенности // Журнал исследований социальной политики. – 2023. – Т. 21. – № 3. – С. 397–398.
5. Быков А.В., Настина Е.А. Взаимосвязь ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи) // Социологические исследования – № 8, – 2020. – С. 67–77. DOI: 10.31857/S013216250009288-9
6. Горохов В.Ф. Современная Россия в зеркале типологии обществ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5–2. – С. 237–244.
7. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3(55). – С. 226–234. – DOI 10.31737/2221–2264–2022–55–3–15. – EDN EVVYVQ.
8. Капишин А.Е. О понятии «Традиционное общество» в социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2006. – № 2. – С. 53–56.
9. Козина И.М., Виноградова Е.В. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1. – С. 215–230. – DOI 10.14515/monitoring.2016.1.08
10. Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 29–45.
11. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России: Социология, этнология. 1998. Т. 7. № 4. С. 113–144.
12. Пантин В.И. Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 108–124. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.754
13. Руднев М.Г. Причины и следствия изменения массовых ценностей. [Рецензия] на кн.: Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. 464 с. М.Г. Руднев // Экономическая социология. Т. 12. № 2. С. 138–143.

14. Согомонов А.Ю. «Культура шанса»: две интерпретации «простой» современности // Вестник прикладной этики. 2003. № 22. С. 75–96.
15. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее/Ричард Флорида: пер. с англ. А. Константинов.-Москва, АСТ, 2011. – 418 с.
16. Фомин В.Н. Ценности в контексте взаимоотношений личности и общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 222–228.
17. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ, под ред. В.А. Ядова, – М.: Аспект Пресс, – 1996. – 416 с.

EMPLOYEE VALUES IN A NONLINEAR SOCIETY: BETWEEN STABILITY AND FREEDOM

Saveleva Z.V., Alekseeva E.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article considers the values of employees in the context of different types of sociality. Based on the analysis of modern sociological approaches, Russian society is characterised as a non-linear society combining the modalities of the traditional type of the Soviet industrialisation period, modern modern society, individualised late modern or risk society and transitional society. Each type of modality corresponds to a certain set of employee values. Based on the data of a mass survey (n = 1271) and semi-formalised interview (n = 17) with Russians of working age, the socio-demographic characteristics of the groups sharing the types of values corresponding to the four modalities of society have been revealed. It was revealed that the prevailing values are stability (73,6%), order (62%), constancy (61,4%), which corresponds in the author's conceptualisation to the traditional perspective of the variant of Soviet industrialisation.

Keywords: Values, value orientations, employee values, societal transformation, non-linear society, traditional society, modern society, risk society, transitional society.

References

1. Alekseeva E.A. Transformation of value orientations as a factor in the formation of non-linear labour strategies // VII International Conference 'Kazan Sociological Readings': collection of scientific papers (Kazan, 18–19 May 2024). 2024. С. 127–129 DOI 10.26907/ksr.7.2024.127
2. Baumann Z. The Individualized Society/Per. V.L. Inozemtsev. – М.: Logos, 2005. – 390 p. ISBN 5-98704-075-2

3. Belyaeva E.V. Research of moral values in the sociology of labour // Labour and society in the realities of the XXI century: Collection of scientific articles / Edited by R.V. Karapetyan. – Saint-Petersburg: Skifia-Print LLC, – 2017. – С. 111–118.
4. Borodkina O.I., Grigorieva I.A. Social state in the era of postpandemic and uncertainty // Journal of Social Policy Research. – 2023. – Т. 21. – № 3. – С. 397–398.
5. Bykov A.V., Nastina E.A. Interrelation of value attitudes and career achievements (according to the study of young people) // Sociological Studies – № 8, – 2020. – С. 67–77. DOI: 10.31857/S013216250009288-9
6. Gorokhov V.F. Modern Russia in the mirror of the typology of societies // Actual problems of humanities and natural sciences. – 2015. – № 5–2. – С. 237–244.
7. Zubarevich N.V. Regions of Russia in the new economic conditions // Journal of the New Economic Association. – 2022. – № 3(55). – С. 226–234. – DOI 10.31737/2221–2264–2022–55–3–15. – EDN EVVYVQ.
8. Kapishin A.E. On the concept of 'Traditional Society' in social sciences // Vestnik RUDN. Series: Sociology. – 2006. – № 2. – С. 53–56.
9. Kozina I.M., Vinogradova E.V. Young engineers: labour values and professional identity // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. – 2016. – № 1. – С. 215–230. – DOI 10.14515/monitoring.2016.1.08
10. Kravchenko S.A. Transition to a complex, non-linearly developing society: challenges for Russia // Bulletin of MGIMO. 2012. № 1. С. 29–45.
11. Magun V.S. Russian labour values: ideology and mass consciousness // The World of Russia: Sociology, Ethnology. 1998. Т. 7. № 4. С. 113–144.
12. Pantin V.I. Civilisational features of Russia's development in the context of modern social transformations // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. No. 4. С. 108–124. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.754
13. Rudnev M.G. Causes and consequences of changes in mass values. [Review] in the book: Inglehart R., Welzel K. 2011. Modernisation, cultural change and democracy. Moscow: New Publishing House. 464 c. M.G. Rudnev // Economic Sociology. Т. 12. № 2. С. 138–143.
14. Sogomonov A. Yu. 'Culture of Chance': two interpretations of 'simple' modernity // Vedomosti Applied Ethics. 2003. № 22. С. 75–96.
15. Florida R. Creative class: people who change the future / Richard Florida: Translated from English by A. Konstantinov. – Moscow, AST, 2011. – 418 с.
16. Fomin V.N. Values in the context of the relationship between the individual and society // Bulletin of Armavir State Pedagogical University. 2022. № 1. С. 222–228.
17. Stompka P. Sociology of Social Change / Translated from English, ed. by V.A. Yadov, – М.: Aspect Press, – 1996. – 416 с.

Сценарное прогнозирование образа будущего в исследованиях российских и зарубежных авторов

Джибилова Елена Геннадьевна,

к.с.н., ведущий эксперт Центра социальных исследований и технологических инноваций НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИНИОН РАН
E-mail: dzhibilovae@yandex.ru

Фидря Ефим Сергеевич,

к.с.н., заместитель директора Центра социальных исследований и технологических инноваций НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИНИОН РАН
E-mail: efim.fidrya@gmail.com

Статья посвящена исследованию методов сценарного прогнозирования будущего. Авторы понимают под образом будущего совокупность представлений о возможных и желаемых перспективах развития государства, которые формируются на основе личных ожиданий, общественных ценностей и объективных условий. Актуальность темы обусловлена глобальными социальными, экономическими и политическими изменениями, оказывающими значительное влияние на общество. В этих условиях точное прогнозирование социальных процессов становится не просто актуальным, но и необходимым инструментом для планирования будущего. В качестве методов исследования выступают: критический, конструктивный анализ опубликованных научных статей, исследовательских работ. Авторы пришли к выводу, что несмотря на достаточно широкую представленность исследований в области изучения образа будущего и сценарного прогнозирования, потенциал использования искусственного интеллекта в этой сфере еще не раскрыт полностью. Это открывает перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: образ будущего, сценарий, прогнозирование, социальные трансформации, неопределенность, ChatGPT, генеративная модель, нейросети.

Современная реальность отличается высокой скоростью изменений и сложностью геополитических процессов, что требует от исследователей и стратегов создания действенных методов прогнозирования будущего. В этих условиях сценарное прогнозирование выступает как один из наиболее результативных подходов к изучению возможных вариантов развития страны и формированию устойчивых управленческих стратегий. Этот метод не только помогает выявить потенциальные риски и угрозы, но и позволяет разработать способы их нейтрализации, а также минимизировать последствия кризисов.

Особенностью сценарного прогнозирования дает возможность учитывать широкий спектр факторов и создавать более комплексные и адаптивные модели будущего. Такой подход обеспечивает гибкость анализа, выявление ключевых драйверов изменений и адаптацию стратегий под различные условия развития событий.

Под образом будущего мы будем понимать это совокупность представлений о возможных и желаемых перспективах развития страны, формирующихся на пересечении личных ожиданий, общественных ценностей и объективных условий. Образ будущего может включать в себя набор факторов, например – технологический прогресс, устойчивое развитие, социальную справедливость.

В исследованиях российских и зарубежных авторов концепт «образ будущего» представлен довольно широко. Так, И. Макарьев и И. Желтикова проводили анализ понятий «образ» и «образ будущего», опираясь на изыскания голландского исследователя Ф. Полака. По мнению авторов статьи, именно термин «образ» представляется наиболее подходящим понятием для связи с понятием «будущее». В отличие от понятий «модель», «картина» или «контур», которые ограничены более формализованным или статичным представлением, «образ» допускает более динамичное и многовариантное осмысление будущего. Образ будущего является средством анализа ожиданий и перспектив. Его изучение требует философского и методологического подхода, что создает основу для дальнейших исследований как на теоретическом, так и практическом уровнях [1; 2].

Авторы статьи «Образ цифрового будущего как модель конституирования реальности: сценарии формирования и репрезентации» С. Володенков, В. Зотов, Г. Консон [3] определяют образ будущего

Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 124101700554–2 «Прогнозирование социальных трансформаций в России с помощью искусственного интеллекта». Реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

как «совокупность представлений и предположений, формирующих модели поведения в условиях цифровых трансформаций». Ученые выделяют шесть возможных сценариев формирования и репрезентации образа цифрового будущего, каждый из которых раскрывает различные подходы, их потенциал и риски для развития общества». Авторы статьи приводят 4 потенциальных сценария образа будущего. 1. стихийный (хаотичное формирование образа на основе разрозненной информации о цифровых технологиях); 2. мозаичный (целенаправленное конструирование образа различными акторами, отражающее их политические и социальные интересы); 3. суверенный (формирование образа государством в национальных интересах, т.е. просоциального образа цифрового будущего, отвечающего интересам и потребностям всех сторон (личности, общества и государства)); 4. компульсивный (навязывание образа извне (другими государствами), что может привести к подрыву национального суверенитета и разрушению общественного согласия); 5. транснациональный (создание образа глобальными корпорациями, преследующими собственные экономические и политические цели, что может угрожать общественным интересам); 6. артифициальный (формирование образа технологиями искусственного интеллекта, которые могут автономно влиять на сознание и поведение людей).

С. Володенков, В. Зотов, Г. Консон пришли к выводу, что для гармоничного развития государства требуется просоциальный образ будущего, основанный на традиционных ценностях и учитывающий интересы личности, общества и государства. Ключевым фактором успешного достижения таких целей, по мнению авторов, является «цифровой суверенитет государства и способность национальных элит сбалансировать интересы всех сторон».

Существует множество исследований, изучающих представления о направлениях развития страны, а также «разрывы» между образом будущего, который складывается в обществе, и тем, что предлагается государственными структурами. Т. Нестик, Е. Шестопал в своих статьях выделяют такие характеристики образа будущего в сознании россиян, как «неопределенность» и «размытость». Исследователи сходятся во мнении, что у граждан отсутствует четкая и согласованная картина общего будущего. Это объясняется слабой связью между будущим страны и личными ожиданиями респондентов [4; 5; 6].

В. Комаровский выделил факторы, влияющие на формирование образа желаемого будущего России. Эти факторы отражают совокупность глобальных и национальных изменений, особенностей экономического развития, политической обстановки и общественных настроений [7]. Среди них: глобальные изменения (изменение роли от-

дельных государств, участвующих в формировании миропорядка, новые технологии и др.); отсутствие экономического роста; президентские выборы; вступление в политическую жизнь нового поколения («поколения Z»).

О. Кондратьева и Ю. Игнатова на основе аналитических статей российского политолога В. Пастухова исследовали метафорические модели образа будущего России. Такой подход позволил авторам представить вероятную общественно-политическую ситуацию и возможные сценарии развития страны после завершения президентского срока В. Путина. Авторы статьи отмечают, что используемые политологом метафорические модели обладают преимущественно негативным прагматическим потенциалом. Президент описывается как стабилизирующая фигура, «плотина», сдерживающая хаос, и его уход может привести к глубоким политическим и социальным потрясениям [8].

В исследовании «Искусственный интеллект в России – 2023: тенденции и перспективы» авторы указывают на положительное влияние искусственного интеллекта на рынок труда за счет повышения эффективности и сокращения времени, затрачиваемого на рутинные задачи. В то же время, по мнению экспертов, опасения, что искусственный интеллект заменит людей, преувеличены. Согласно исследованию Всемирного банка, с 2023 по 2027 год исчезнут 83 профессии, но вместо них появятся 69 новых. Ожидается, что количество новых рабочих мест, созданных ИИ, превысит количество потерянных рабочих мест [9].

Одним из широко используемых подходов к созданию сценариев будущего в футурологическом направлении является «Метод четырех будущих» Манойской школы Джима Датора. Исходя из этой концепции, все сценарии будущего можно представить в виде четырех групп: «продолжение роста» (в этом варианте будущего доминирует экономический и технологический прогресс сценарий предполагает сохранение текущей траектории развития с увеличением богатства и возможностей); «коллапс» (в этой группе сценариев системы сталкиваются с кризисом и упадком, а текущая динамика приводит к разрушению существующих систем и порядков); дисциплина (будущее, согласно этому типу, основано на устойчивости и ограничениях, происходит переход к более контролируемому и регулируемому обществу, акцент делается на долгосрочной устойчивости, потребление ограничивается, ценности переосмыслены); трансформация (технологические и духовные открытия становятся основой радикальных, прорывных изменений) [10].

Авторы статьи «Целевые сценарии: новый метод прогнозирования для городского планирования» «Mission-oriented scenarios: a new method for urban foresight» использовали концепцию «Метод

четырёх будущих» и концепцию целевых сценариев инновационной политики М.Маццукато в целях разработки сценариев для итальянского города Турин, направленных на устойчивое развитие города [11]. По итогам проекта выделено шесть ключевых направлений работы: реиндустриализация города; создание единой структуры управления, объединяющей Турин и прилегающие горные районы; социальное благосостояние (борьба с бедностью, улучшение качества жизни населения, в том числе, за счет укрепления местной системы социальной поддержки); восстановление и переосмысление заброшенных городских территорий; укрепление мер по защите окружающей среды и продвижение концепции устойчивого развития; повышение вовлеченности населения в городскую культуру, развитие культурных инициатив.

Авторы этого исследования предлагают использовать гибридную методологию для трехэтапной разработки сценариев. Структура включает этапы:

- 1) идентификация (определение фокуса в направлениях, временных горизонтов);
- 2) дивергенция (создание палитры сценариев на основе факторов и драйверов изменений);
- 3) конвергенция (перевод сценариев в конкретные миссии, цели, задачи и действия).

В статье также представлены ограничения, которые акцентируют внимание на проблемах сценарного прогнозирования не только в рамках проекта, но и в целом актуальны для этого метода: недостаточная включенность местных властей (сценарии и миссии не нашли прямого отражения в одобренных органами управления городских проектах), не все созданные сценарии удалось преобразовать в конкретные цели; необходимость большого объема финансовых, временных и интеллектуальных ресурсов. В связи с этим, важное значение приобретает экспертная оценка – в рамках представленного проекта на каждом из этапов проводились семинары и воркшопы с участием экспертов. Метод Delphi использовался и для сбора мнений экспертов о социально-экономических и экологических тенденциях.

В статье «Шесть сценарных архетипов: системное исследование научно-фантастических фильмов о будущем» [12] авторы представляют результаты качественного исследования, на основе которого выделили несколько сценарных архетипов будущего. В ходе исследования проанализировано 140 научно-фантастических фильмов, действие которых разворачивалось в будущем. Для анализа авторами использовалась методология grounded theory. Шесть выявленных сценарных архетипов.

1. «Growth & Decay» («Рост и упадок»): характеризуется бурным развитием технологий и капиталистических систем, ослаблением роли государства, усилением власти корпораций, вы-

водит на первый план проблемы социальной и экологической деградации.

2. «Threats & New Hopes» («Угрозы и новые надежды»): описывает ситуацию катастрофы (природной или техногенной), а государство играет центральную координирующую роль в спасении человечества.
3. «Wasteworlds» («Миры отходов»): описывает мир после катастрофы, который представляет собой цивилизацию в состоянии упадка, дефицит ресурсов, общество находится в состоянии конфликтов и разобщения.
4. «The Powers that Be» («Правящие силы»): характеризуется верховенством тоталитарных режимов, технологии используются для контроля над обществом, для ограничения прав и свобод граждан.
5. «Disarray» («Разлад»): описывает мир, где много социальных проблем (например, преступность, бедность», а экономика и общество находятся в состоянии кризиса.
6. Inversion (Инверсия): люди оказываются подчинены более развитым формам жизни и технологиям.

В своем исследовании, которое представлено в статье «Прогнозирование поведения рынка с использованием моделирования» («Beaming market simulation to the future by combining agent-based modeling with scenario analysis») С. Stummer, L. Lüpke, S. Bacs, и M. Günther показывают возможности сценарного моделирования на примере рынка бытовой техники [13]. Тем не менее, метод интуитивной логики, который использовали авторы, применим не только для бизнеса и корпоративного сектора, но и для других сфер жизни общества. Впервые этот метод описан еще 1970 г., а авторы настоящей статьи изучали кейсы в книге Дж. Рингланд «Сценарное планирование: управление будущим» [14]. Процесс анализа, согласно этой методике, состоит из идентификации ключевых факторов, влияющих на будущее, разработке альтернативных проекций будущего для каждого фактора, сочетание проекций в согласованные сценарии, интерпретацию и использование сценариев для стратегического планирования. Авторы самого метода делали акцент на анализ факторов неопределенности, которые могли влиять на будущее. В ходе планирования проектировалось несколько альтернативных сценариев, основанных на комбинациях наиболее значимых факторов и драйверов изменений. Такой прогноз не ориентирован на разработку количественных показателей, а представляет качественный анализ.

Роль сценарного прогнозирования для сферы управления очень значима, т.к. позволяет формировать общую картину будущего и находить консенсусные решения, снизить влияние факторов неопределенности, обучать специалистов, способ-

ных комплексно анализировать ситуации, оценивать качество получаемых прогнозов.

Современный период характеризуется существенными изменениями, которые происходят во всех сферах общественной жизни, экономике, политике, связанные с широким распространением технологий искусственного интеллекта. Генеративные модели позволяют оперативно обрабатывать большие объемы информации, обращаться к огромной базе данных и т.п.

В своей статье «Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы» Ю.Давыдова, А. Матюхин, Е. Ананьевская рассматривают направления искусственного интеллекта в политической жизни общества [15]. Авторы на основании экспертных интервью выделили несколько проблем при работе с ИИ: «возможную субъективность и предвзятость при принятии решений, проблему прозрачности и защиты персональных данных». Исследователи также подчеркивают, что необходима разработка «нормативного фундамента и проведения регулярных проверок систем ИИ для поддержания доверия и эффективного использования цифровых технологий в политике».

Х. Хассани и Э.Сильва сравнивают точность прогнозов, полученных с помощью генеративных моделей (например, GhatGPT) и традиционные модели прогнозирования. Прогнозы на основе генеративных моделей искусственного интеллекта: на пути к новому эталону в практике прогнозирования (например, ARIMA, Holt-Winters, ETS) [16]. Прогнозы строились по трем временным рядам, среди тем исследования была смертность в США, туристические потоки, пассажирские потоки на авиатранспорте. Авторы приходят к выводу, что «генеративные модели демонстрируют сопоставимую или лучшую точность прогнозов по сравнению с традиционными моделями». Ключевыми факторами успеха такого прогноза становится качество самих данных, а также качества промта (запроса), задаваемого модели. Проблема, требующими решения, все еще остаются проблемы надёжности и интерпретируемости результатов.

А. Алиев в своей статье подчеркивает значимость использования инструментов ИИ для прогнозирования. Автор отмечает «использование искусственного интеллекта в прогнозировании позволяет выявлять скрытые закономерности в экономических данных, моделировать кризисные ситуации и прогнозировать их возможные последствия. Такой подход улучшает способность организаций адаптироваться к быстро меняющимся условиям и снижать возможные риски» [17].

П. Шенеггер и П. Парк в своей исследовательской работе сравнивают результаты прогнозов от ChatGPT по различным социальным и политическим явлениям с прогнозами, разработанными группой специалистов в рамках турнира по про-

гнозированию [18]. Среди тем были: большие технологии, вспышки вирусов и пандемия, конфликт на Украине, экономические прогнозы. Вызывает интерес тот факт, что для турнира в том числе были выбраны вопросы, связанные с политикой России, например «Примет ли Путин в Саммите G20 в Индии?», «Лишат ли генерала Суворовина командования до 11 июля?». По итогам своего проекта П. Шенеггер и П. Парк делают вывод, что даже современная версия LLM справляется с прогнозированием хуже, чем команда экспертов. Одной из ключевых причин этого они называют отсутствие у ChatGPT доступа к самым свежим данным. Именно информационный проблем, по мнению исследователей повлиял на точность прогноза. На момент написания настоящей статьи (январь 2025 г.) модель ChatGPT уже получила доступ в Интернет, что может свидетельствовать о нивелировании проблемы с доступом к информации и улучшению качества прогнозов.

Особую значимость в современных условиях приобретает использование инструментов искусственного интеллекта и генеративных моделей в процессе сценарного моделирования и прогнозирования социальных трансформаций. В книге А.Агравала, Д.Ганса и А. Голдфарба «От предвидения к власти: Как ИИ-прогнозирование трансформирует экономику и как использовать его силу в своих целях» отмечается, что для власти прогнозирование с помощью искусственного интеллекта становится ключевым инструментом [19]. Однако, для его эффективной работы может потребоваться перестройка всей системы принятия решений и адаптации действующих механизмов. ИИ по мнению авторов может существенно сократить время исследователя на разработку гипотез, а «если тратить времени на генерирование гипотез, то это позволит сосредоточиться на инновациях по более значимым инновациям [19, с. 160]. Авторы книги уверены, что «машины не обладают властью, поскольку суждения, обеспечивающие принятие решений, всегда исходят от человека, даже, если в итоге ИИ реализует решение» [19, с. 234], необходимо участие человека – «машины следуют инструкциям, которые должны откуда-то поступить [19, с. 188]. Возможная власть ИИ может заключаться в том, что «прогнозные машины часто отвечают за поступающую человеку информацию. «Если прогнозированием будет заниматься ИИ, то непременно появятся новые структуры, которые смогут воспользоваться преимуществами более качественных, быстрых и дешевых прогнозов, вынося более обоснованные суждения» [19, с. 233].

Таким образом, в литературе широко представлены исследования российских и зарубежных авторов, посвященные изучению образа будущего и сценарного прогнозирования. Однако использование возможностей искусственного интеллекта

для этих целей пока не раскрывается в полной мере. Авторы статьи видят в этом перспективные направления для дальнейших исследований.

Литература

1. Желтикова, И.В. Образ будущего как образ / И.В. Желтикова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – Т. 5. – № 55. – С. 75–101.
2. Макарьев, И.В. Образ будущего: методологические основания / И.В. Макарьев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Научный журнал. 2023. Т. 13. № 6. С. 255–266.
3. Володенков, С.В., Зотов, В.В., Консон, Г.Р. Образ цифрового будущего как модель конституирования реальности: сценарии формирования и репрезентации / С.В. Володенков, В.В. Зотов, Г.Р. Консон // Журнал политических исследований. – 2023. – № 4. – С. 33–46.
4. Нестик, Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ / Т.А. Нестик // Социодиггер. – 2021. – Т. 2. Вып. 9(14). – С. 6–48.
5. Нестик, Т. А., Ролдугина, В.Н. Образ будущего России у представителей поколения Z / Т.А. Нестик // Человек и мир. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 75–87.
6. Шестопал, Е.Б. Почему у нас не складывается образ будущего // Социодиггер. – 2021. – Т. 2. – Вып. 9 (14). – С. 91–95.
7. Комаровский, В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования / В.С. Комаровский // Власть. 2020. – Том 28. – № 1. – С. 45–50.
8. Кондратьева, О.Н. Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материале текстов Владимира Пастухова) / О.Н. Кондратьева, Ю.С. Игнатова // Political Linguistics. – 2019. – № 3. – С. 60–70.
9. Yakov & Partners. Artificial Intelligence in Russia – 2023: Trends and Outlook. 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://yakovpartners.com/upload/iblock/6af/c76e73a1nuff7dphdf31ig8h74m4u0zm/20231218_AI_future_eng.pdf (дата обращения: 05.01.2025).
10. Dator, J., Alternative Futures at the Manoa School / J. Dator // Journal of Futures Studies. – 2009. – 14(2). – P. 1–18.
11. Marciano, C., Fergani, A., Robiati, A. Mission-oriented scenarios: a new method for urban foresight / C. Marciano, A. Fergani, A. Robiati // Foresight. – Vol. 26. – No. 2. – pp. 351–364. <https://doi.org/10.1108/FS-06-2023-0119>. (дата обращения: 06.01.2025).
12. Fergani, A., Song, Z. The six scenario archetypes framework: A systematic investigation of science fiction films set in the future / A. Fergani, Z. Song // Futures. – Volume 124. – 2020. – 102645. ISSN 0016-3287, <https://doi.org/10.1016/j.futures.2020.102645>. (дата обращения: 26.12.2024).
13. Stummer, C., Lüpke, L., Günther, M. Beaming market simulation to the future by combining agent-based modeling with scenario analysis / C. Stummer, L. Lüpke, M. Günther // Journal of Business Economics. – 91. – pp. 1469–1497. <https://doi.org/10.1007/s11573-021-01046-9>. (дата обращения: 07.01.2025).
14. Рингланд, Дж. Сценарное планирование: управление будущим / Джилл Рингланд. – Чичестер: John Wiley & Sons, 1998. – 344 с.
15. Давыдова, Ю. А., Матюхин, А. В., Ананьевская, Е.А. Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы / Ю.А. Давыдова, А.В. Матюхин, Е.А. Ананьевская // Журнал политических исследований. – 2023. – № 4. – С. 100–113. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-4-100-113>. (дата обращения: 10.01.2025).
16. Hassani, H. Silva, E.S. Predictions from Generative Artificial Intelligence Models: Towards a New Benchmark in Forecasting Practice. – Information. – 2024, 15, 291. <https://doi.org/10.3390/info15060291> <https://doi.org/10.3390/info15060291>. (дата обращения: 09.01.2025).
17. Алиев, А. Концептуальные основы разработки и применения технологий искусственного интеллекта в прогнозировании экономических процессов / А. Алиев // Искусственные общества. – 2023. – Т. 18. – Спецвыпуск. [Электронный ресурс]. – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800028599-7-1/>. DOI: 10.18254/S207751800028599-7 (дата обращения: 09.01.2025).
18. Schoenegger P., Park P. Large Language Model Prediction Capabilities: Evidence from a Real-World Forecasting Tournament / P. Schoenegger, Peter S. // ArXiv. – abs/2310.13014. [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2310.13014>. (дата обращения: 12.01.2025).
19. Агравал А. От предвидения к власти: как ИИ-прогнозирование трансформирует экономику и как использовать его силу в своих целях / Аджей Агравал, Джошуа Ганс, Ави Голдфарб; перевод с английского Эльвиры Кондуковой. – Москва: Миф, 2024. – 398 с.: ил. – Библиогр. в примеч.: с. 356–392. – Пер. изд.: Power and Prediction / Ajay Agrawal, Joshua Gans and Avi Goldfarb. – Boston, 2022. – 16+. – 2000 экз. – ISBN 978-5-00214-381-8; Б. ц. – Текст: непосредственный (дата обращения: 24.12.2024).

SCENARIO FORECASTING OF THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE RESEARCH OF RUSSIAN AND FOREIGN AUTHORS¹

Dzhibilova E.G., Fidrya E.S.
HSE University, INION RAS

The article is devoted to the study of methods of scenario forecasting of the future. The authors understand the image of the future as a set of ideas about possible and desired prospects for the development of the state, which are formed on the basis of personal expectations, social values and objective conditions. The relevance of the topic is due to global social, economic and political changes that have a significant impact on society. In these conditions, accurate forecasting of social processes becomes not only relevant, but also a necessary tool for planning the future. The following research methods are used: critical, constructive analysis of published scientific articles and research papers. The authors concluded that despite a fairly wide range of research in the field of studying the image of the future and scenario forecasting, the potential of using artificial intelligence in this area has not yet been fully disclosed. This opens up prospects for further research.

Keywords: image of the future, scenario, forecasting, social transformations, uncertainty, ChatGPT, generative model, neural networks.

References

- Zheltikova, I.V. The image of the future as an image / I.V. Zheltikova // *Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences.* – 2013. – Vol. 5. – No. 55. – P. 75–101.
- Makaryev, I.V. The image of the future: methodological foundations / I.V. Makaryev // *Proceedings of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management.* – 2023. – Vol. 13. – No. 6. – P. 255–266.
- Volodenkov, S.V., Zotov, V.V., Konson, G.R. The digital future image as a model for constituting reality: scenarios of formation and representation / S.V. Volodenkov, V.V. Zotov, G.R. Konson // *Journal of Political Studies.* – 2023. – No. 4. – P. 33–46.
- Nestik, T.A. The image of the future, social optimism, and long-term orientation of Russians: a socio-psychological analysis / T.A. Nestik // *Sociodigger.* – 2021. – Vol. 2. – Issue 9 (14). – P. 6–48.
- Nestik, T.A., Roldugina, V.N. The image of Russia's future among Generation Z / T.A. Nestik, V.N. Roldugina // *Human and World.* – 2018. – Vol. 2. – No. 2. – P. 75–87.
- Shestopal, E.B. Why we fail to form an image of the future / E.B. Shestopal // *Sociodigger.* – 2021. – Vol. 2. – Issue 9 (14). – P. 91–95.
- Komarovsky, V.S. The image of the desired future of Russia: problems of formation / V.S. Komarovsky // *Power.* – 2020. – Vol. 28. – No. 1. – P. 45–50.
- Kondratyeva, O.N., Ignatova, Y.S. Metaphorical modeling of Russia's future in political forecasts (based on the texts of Vladimir Pastukhov) / O.N. Kondratyeva, Y.S. Ignatova // *Political Linguistics.* – 2019. – No. 3. – P. 60–70.
- Yakov & Partners. Artificial Intelligence in Russia – 2023: Trends and Outlook. 2023. – URL: https://yakovpartners.com/upload/iblock/6af/c76e73a1nuff7dphdf31ig8h74m4u0zm/20231218_AI_future_eng.pdf (date of request: 15.01.2025).
- Dator, J. Alternative Futures at the Manoa School / J. Dator // *Journal of Futures Studies.* – 2009. – Vol. 14. – No. 2. – P. 1–18.
- Marciano, C., Fergnani, A., Robiati, A. Mission-oriented scenarios: a new method for urban foresight / C. Marciano, A. Fergnani, A. Robiati // *Foresight.* – 2023. – Vol. 26. – No. 2. – P. 351–364. DOI: <https://doi.org/10.1108/FS-06-2023-0119>. (accessed: 06.01.2025).
- Fergnani, A., Song, Z. The six scenario archetypes framework: A systematic investigation of science fiction films set in the future / A. Fergnani, Z. Song // *Futures.* – 2020. – Vol. 124. – Article ID: 102645. ISSN 0016-3287. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2020.102645>. (accessed: 26.12.2024).
- Stummer, C., Lüpke, L., Günther, M. Beaming market simulation to the future by combining agent-based modeling with scenario analysis / C. Stummer, L. Lüpke, M. Günther // *Journal of Business Economics.* – 2021. – Vol. 91. – P. 1469–1497. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11573-021-01046-9>. (accessed: 07.01.2025).
- Ringland, J. Scenario Planning: Managing for the Future / J. Ringland. – Chichester: John Wiley & Sons, 1998. – 344 p.
- Davydova, Yu.A., Matyukhin, A.V., Ananyevskaya, E.A. Artificial intelligence in political governance: trends and prospects / Yu.A. Davydova, A.V. Matyukhin, E.A. Ananyevskaya // *Journal of Political Studies.* – 2023. – No. 4. – P. 100–113. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-4-100-113>. (accessed: 10.01.2025).
- Hassani, H., Silva, E.S. Predictions from Generative Artificial Intelligence Models: Towards a New Benchmark in Forecasting Practice / H. Hassani, E.S. Silva // *Information.* – 2024. – Vol. 15. – Article ID: 291. DOI: <https://doi.org/10.3390/info15060291>. (accessed: 09.01.2025).
- Aliev, A. Conceptual foundations for the development and application of artificial intelligence technologies in forecasting economic processes / A. Aliev // *Artificial Societies.* – 2023. – Vol. 18. – Special Issue. [Electronic resource]. – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800028599-7-1/>. DOI: 10.18254/S207751800028599-7. (accessed: 09.01.2025).
- Schoenegger, P., Park, P. Large Language Model Prediction Capabilities: Evidence from a Real-World Forecasting Tournament / P. Schoenegger, P. Park // *ArXiv.* – abs/2310.13014. [Electronic resource]. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2310.13014>. (accessed: 12.01.2025).
- Agrawal, A. From Foresight to Power: How AI Forecasting Transforms the Economy and How to Harness Its Power / A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb; translated from English by Elvira Kondukova. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2024. – 398 p. – Bibliography: p. 356–392. Original edition: *Power and Prediction* / Ajay Agrawal, Joshua Gans and Avi Goldfarb. – Boston, 2022. – 2000 copies. – ISBN 978-5-00214-381-8. (accessed: 24.12.2024).

¹ The article was prepared and published within the framework of project No. 124101700554–2 “Forecasting social transformations in Russia using artificial intelligence”. Implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Миграция в зеркале транснационализма: новый подход и критические замечания

Еничева Александра Игоревна,

аспирант, старший преподаватель Высшей школы лингводидактики, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 010290@togudv.ru

В данной статье рассматриваются современные миграционные процессы через призму концепции транснационализма, которая стала важным инструментом анализа в эпоху глобализации. В статье анализируются основные теоретические подходы к изучению транснационализма, включая в себя концепции Н. Глик-Шиллер, А. Портеса и Т. Файста. Рассматриваются ключевые аспекты транснациональных практик включая поддержание социальных сетей, а также влияние новых технологий на взаимодействие мигрантов со странами исхода. Также подчеркивается значимость транснационализма для современного понимания миграции, обращается внимание на его теоретические и практические вызовы, а также на перспективы дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: транснационализм, трансмиграция, миграционные процессы, социальные пространства, трансмигранты.

Введение

Феномен миграции стал определяющей чертой современного глобального ландшафта, когда миллионы людей пересекают границы в поисках лучших условий жизни или экономических возможностей. Это требует от социологов постоянного обновления методологических подходов и теоретических рамок для анализа миграционных потоков. Социологи, исследующие миграционные процессы, начали переосмысление существующих знаний и терминологии в области миграционных исследований, учитывая новые тенденции и поведенческие паттерны мигрантов. Традиционное деление на иммигрантов и эмигрантов перестало быть исчерпывающим, поскольку оно создавало образ постоянного разрыва между страной исхода и страной пребывания.

Основные теоретические подходы к изучению концепции «транснационализм»

Так, в последние десятилетия особый интерес вызывает тип мигрантов, одновременно пребывающий в двух пространствах: пространстве исхода и пространстве прибытия. При этом, в каждом из этих пространств они вполне адаптированы. Эти мигранты создают сети, осуществляют деятельность и ведут образ жизни, охватывающий как принимающее сообщество, так и страну исхода. Они пересекают национальные границы и объединяют два общества в единое социальное пространство¹.

Появление такого типа мигранта тесно связано с развитием теории трансмиграции, которая считается относительно новой концепцией, появившаяся в 1990-х годах как ответная реакция на теорию ассимиляции и критику мультикультурализма.

Исследования миграции до 1990-х годов рассматривали страны исхода и страны пребывания по отдельности и игнорировали отношения, которые люди поддерживали, даже когда они были географически разделены. Они были сосредоточены главным образом на исследованиях миграции на одной территории, ассимиляции и трудовой миграции. До появления концепции «трансмиграции», мало изучались взаимосвязи между мигран-

¹ Nina Glick Schiller, Linda Basch, Cristina Blanc-Szanton (1992), "Transnationalism: A New Analytic Framework For Understanding Migration", *Annals New York Academy Of Sciences*, 1992, pp. 1–2.

тами и их семьями, которые остались проживать в стране исхода. Но это не означало, что они такие связи не поддерживали.

Трансмиграция размывает так называемые границы между «здесь и там».

В своей работе «From immigrant to transmigrant»¹ (1995), коллектив ученых-антропологов во главе с Ниной Глик-Шиллер предложили новую концепцию для понимания опыта и мировоззрения этой новой группы мигрантов. Они назвали эту концепцию «транснационализмом», и описали новый тип мигрантов как «трансмигранты».

Авторы определили «транснационализм», как процесс, посредством которого иммигранты создают социальные сети между страной исхода и страной пребывания. Иммигранты, создающие такие связи, называются «трансмигрантами», т.е. это люди, которые активно участвуют в социальной и культурной жизни принимающей страны, и в тоже время они вовлечены в другие области жизни: они активно участвуют в жизни социума, поддерживая социальные связи, формируя институты, осуществляют транзакции и оказывая воздействие на локальные и общенациональные события в странах исхода.

«Трансмигранты» выстраивают и поддерживают разнообразные связи – семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические – которые не ограничиваются рамками одного государства. Они активно взаимодействуют в социальных сетях, где развивают свою идентичность и поддерживают связи с представителями двух и более сообществ одновременно.

Трансмигранты представляют собой новый тип мигрантов в том смысле, что в отличие от более ранних, они не оторваны от дома навсегда. Новые коммуникационные технологии, а также развитие транспортного сообщения играют большую роль в создании и поддержании регулярных контактов и обмена информацией между трансмигрантом и его родной страной. Находясь в постоянном контакте с родной страной, «трансмигрант живет как бы и «здесь», и «там», с двух сторон границ государств, языков и культур»².

Важно подчеркнуть, что само понятие «транснационализм» не является чем-то новым. Еще в 1920-е годы, данный термин использовался по отношению к международной экономике («транснациональная экономика»). В 1970-е годы понятие «транснационализм» использовался для обозначения увеличивающейся международной зависимости стран друг от друга. Но та интерпретация, которую предложила Н. Глик-Шиллер не была связана с вышеизложенными определениями.

¹ Schiller, Nina Glick, et al. "From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration." *Anthropological Quarterly*, vol. 68, no. 1, 1995, pp. 48–63.

² Степанов, А.М. Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях / А.М. Степанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 116–127. – DOI 10.21638/11701/spbu12.2018.110.

Хотя Н. Глик-Шиллер и ее коллеги были первыми, кто стал изучать «транснационализм», данный подход подвергся критике в виду того, что отсутствовало разграничение понятий мигрант и «трансмигрант». Не было дано конкретных критериев, по которым можно было бы отличить мигранта от «трансмигранта». Также отсутствовало разграничение между новой концепцией и теорией ассимиляции и мультикультурализма. (Kivisto, 2001)³.

А. Портес предлагает критерии, которые выделяют «транснационализм» в отдельную область исследования. Он и его коллеги определяют «транснационализм» как «деятельность, предполагающая постоянные и стабильные социальные взаимодействия, выходящие за пределы национальных границ»⁴. Это результат формирования социальных пространств, в которых устанавливаются и развиваются межгосударственные социальные связи. Интенсивность и систематичность таких связей с родной страной отличают данный процесс от других форм миграции. Важно отметить, что А. Портес, в отличие от Н. Глик-Шиллер, избегает использование термина «трансмигрант», считая, что этот термин не применим ко всем мигрантам. Однако транснациональные практики оказывают значительное влияние на обе стороны, участвующие в процессе трансмиграции.

П. Левитт, в рамках концепции «транснационализма» призывает рассматривать всех участников транснационального процесса миграции. Он утверждает, что, даже уезжая из родной страны, мигрант не утрачивает свою идентичность, а наоборот, после адаптации в стране прибывания, продолжает оставаться частью своей родины. А в результате постоянно поддерживаемых социальных связей со страной исхода, влиянию также подвергается и его жизнь на родине⁵.

Наиболее теоретически обоснованным является исследование транснациональных социальных пространств Т. Файстом. Транснациональные социальные поля это – «комбинаций социальных и символических полей и их контекстов, позиций в социальных сетях или организациях, или сетях организаций, которые распространяются на два или более национальных государства»⁷. Социаль-

³ Kivisto P. Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // *Journal of Ethnic and Racial Studies*. – July 2001. – Vol. 24, No.4. – P. 549–577.

⁴ Эндришко А.А. Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России // *Общественные науки и современность*. – 2021. – Номер 5. С. 56–71. – URL: <https://ons-journal.ru/s086904990014798-9-1/>. DOI: 10.31857/S086904990014798-9

⁵ Levitt P. *The Transnational Villagers* / P. Levitt. – University of California Press, 2001. – 281 p.

⁶ Levitt P. *Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends* / P. Levitt, N. Jaworsky // *Annual Review of Sociology*. – 2007. – Vol. 33. P. 129–156.

⁷ Faist T. *Transnationalism* // *Routledge International Handbook of Migration Studies* / Edited by Steven J. Gold and Stephanie J. Nawin. – 2013. – P. 450.

ные пространства могут пересекаться с национальными границами, но не всегда соприкасаются с ними. Они состоят из ряда индивидуальных, социальных институциональных взаимодействий между мигрантами, членами принимающего общества и теми, кто остается в стране исхода. Они представляют собой глубокую взаимозависимость, в которой повседневная жизнь мигранта и его семьи сильно зависит от объектов материальной культуры, свободной циркуляции ценностей, идей, смыслов, между двумя странами.

С этой точки зрения, не-мигрант становится частью транснационализма. Когда социальные и финансовые отношения поддерживаются через границы с помощью различных средств связи, те, кого раньше не рассматривали в миграционных исследованиях, внезапно стали объектом исследования, наряду с мигрантами.

Концепция социального пространства нарушает устоявшееся разделение между социальными связями, существующими на локальном, национальном, транснациональном и глобальном уровнях.

Т. Файст разработал типологию «транснациональных полей», основанную на взаимосвязи между длительностью пребывания и степенью вовлеченности (интеграции) как в социальные процессы страны исхода, так и в стране пребывания. Данная типология выглядит следующим образом¹ (табл. 1).

Таблица 1

Включенность социальные процессы страны исхода, так и в стране пребывания Время пребывания	Слабая	Сильная
Кратковременное пребывание	Зоны контактов и диффузии. Разрыв социальных связей со страной исхода. Быстрая (культурная) ассимиляция в стране пребывания	Малые группы, в частности, родственные. Связи со страной исхода поддерживаются в «первом» поколении мигрантов. Обратная миграция
Пребывания на долгий период	Сети, ориентированные на решение конкретных проблем. Транснациональные сети. Социальные связи используются в одной или нескольких областях (например, бизнес)	Транснациональные

¹ Faist T. (1998) Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // Archives Européennes de Sociologie. Vol. 39 (2). P. 213–247.

Заключение

В заключение стоит сказать, что концепция транснационализма имеет неоспоримую значимость для современных исследований миграционных процессов. Данный подход расширяет горизонты исследования, позволяя им выйти за узкие рамки традиционных представлений о социальной реальности, в которой национальные государства выступают основными структурными элементами и единицами анализа.

Но также хотелось бы отметить, что в настоящее время транснациональный подход становится объектом критики, в виду его неоднозначности и необходимости дальнейшего теоретического осмысления. Одной из ключевых проблем является размытие границ между данной концепцией, теориями ассимиляции и мультикультурализма. Так, Р. Уолдингер отмечает, что «ни транснационализм, ни ассимиляция не смогли адекватно отразить конфликты, возникающие при пересечении национальных границ. Кросс-границный подход выявляет несогласование, а противоречия между теориями ассимиляции и транснационализма. Этот подход подчеркивает, как международная миграция становится источником напряжения для обеих сторон»².

Сегодня одной из болевых точек в исследовании миграции выступает проблема адаптации мигрантов в принимающем сообществе. Как правило, здесь рассматриваются различные государственные и общественные программы и действия, осуществляемые в отношении мигрантов. Но, как представляется. Фигура трансмигранта и создаваемые им социальные сети сами по себе выступают важнейшим инструментом социальной адаптации. Однако это – совсем другая история.

Литература

1. Степанов А.М. Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях / А.М. Степанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 116–127. – DOI 10.21638/11701/spbu12.2018.110.
2. Эндрюшко А.А. Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России // Общественные науки и современность. – 2021. – Номер 5. С. 56–71. – URL: <https://ons-journal.ru/s086904990014798-9-1/>. DOI: 10.31857/S086904990014798-9
3. Faist T. Transnationalism // Routledge International Handbook of Migration Studies / Edited by Steven J. Gold and Stephanie J. Nawin. – 2013. – P. 450.

² Waldinger, R. A cross-border perspective on migration: beyond the assimilation/transnationalism debate // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2017. – VOL. 43, No 1. – P. 3–17.

4. Faist T. (1998) Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // Archives Européennes de Sociologie. Vol. 39 (2). P. 213–247.
5. Nina Glick Schiller, Linda Basch, Cristina Blanc-Szanton (1992), “Transnationalism: A New Analytic Framework For Understanding Migration”, Annals New York Academy Of Sciences, 1992, pp. 1–2.
6. Schiller Nina Glick, et al. “From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration.” Anthropological Quarterly, vol. 68, no. 1, 1995, pp. 48–63.
7. Kivisto P. Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // Journal of Ethnic and Racial Studies. – July 2001. – Vol. 24, No.4. – P. 549–577.
8. Levitt P. The Transnational Villagers / P. Levitt. – University of California Press, 2001. – 281 p.
9. Levitt P. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends / P. Levitt, N. Jaworsky // Annual Review of Sociology. – 2007. – Vol. 33. – P. 129–156.
10. Waldinger R. A cross-border perspective on migration: beyond the assimilation/transnationalism debate // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2017. – Vol. 43, No 1. – P. 3–17.

MIGRATION IN THE MIRROR OF TRANSNATIONALISM: A NEW APPROACH AND CRITICAL REMARKS

Enicheva A.I.

Pacific National University

This article examines contemporary migration processes through the prism of the concept of transnationalism, which has become an important analytical tool in the era of globalization. The article analyzes the main theoretical approaches to the study of transnationalism, including the concepts of N. Glick-Schiller, A. Portes and T. Faist. Key aspects of transnational practices are considered, in-

cluding the maintenance of social networks, as well as the impact of new technologies on the interaction of migrants with countries of origin. The importance of transnationalism for the modern understanding of migration is also emphasized, attention is drawn to its theoretical and practical challenges, as well as to the prospects for further research in this area.

Keywords: transnationalism, transmigration, migration processes, social spaces, transmigrants.

References

1. Stepanov A.M. Transnational approach in modern migration studies / A.M. Stepanov // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. – 2018. – Vol. 11, No. 1. – P. 116–127. – DOI 10.21638/11701/spbu12.2018.110.
2. Andrejshko A.A. Transnational practices of migrants from post-Soviet states in Russia // Social Sciences and Modernity. – 2021. – Issue 5. – P. 56–71. – URL: <https://ons-journal.ru/s086904990014798-9-1/>. DOI: 10.31857/S086904990014798-9
3. Faist T. Transnationalism // Routledge International Handbook of Migration Studies / Edited by Steven J. Gold and Stephanie J. Nowin. – 2013. – P. 450.
4. Faist T. (1998) Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // Archives Européennes de Sociologie. Vol. 39(2). P. 213–247.
5. Nina Glick Schiller, Linda Basch, Cristina Blanc-Szanton (1992), “Transnationalism: A New Analytic Framework For Understanding Migration”, Annals of the New York Academy of Sciences, 1992, pp. 1–2.
6. Schiller Nina Glick et al. “From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration.” Anthropological Quarterly, vol. 68, no. 1, 1995, pp. 48–63.
7. Kivisto P. Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // Journal of Ethnic and Racial Studies. – July 2001. – Vol. 24, No. 4. – P. 549–577.
8. Levitt P. The Transnational Villagers / P. Levitt. – University of California Press, 2001. – 281 p.
9. Levitt P. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends / P. Levitt, N. Jaworsky // Annual Review of Sociology. – 2007. – Vol. 33 P. 129–156.
10. Waldinger R. A cross-border perspective on migration: beyond the assimilation/transnationalism debate // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2017. – VOL. 43, No. 1. – P. 3–17.

Мнение студентов о семье и семейных традициях: опыт социологических исследований

Заякина Ольга Александровна,

к.с.н., доцент кафедры гуманитарных наук, АНО ВО
«Московский международный университет»
E-mail: zayakinaolga@mail.ru

В статье актуализируется важность исследования на современном этапе отношения студентов к семье и семейным ценностям. Автором приводится обзор результатов социологических исследований и статистических данных, посвященных рассмотрению семейных традиций, отношения студентов к браку, помощи молодой семье со стороны государства. В статье отмечается, что в семьях большинства опрошенных студентов есть семейные традиции, а также большинство студентов поддерживает традиционные семейные ценности. В результате исследований выяснилось, что идеальная семья в представлениях молодежи – это семья, в которой царит взаимопонимание, взаимоуважение, забота друг о друге, а также счастливая, дружная и гармоничная семья. Автором делается вывод, для осуществления эффективной семейной политики в отношении молодых семей требуются следующие виды помощи со стороны государства: льготная семейная ипотека, финансовая помощь (в том числе, и на получение образования), выплата пособий семьям с маленькими детьми.

Ключевые слова: молодежь, семья, семейные традиции, студенты, семейные ценности.

Введение

Современный этап характеризуется повышением интереса нашего государства к проблемам семьи. Понятие «семейные традиции» используется в различных науках и представителями различных научных направлений. В литературе встречается большое количество определений понятия «семейные традиции». Среди всех определений можно выделить понимание семейных традиций как принятых, прочно установившихся в семье норм, манер поведения, привычек, уклада жизни, ритуалов, обрядов, обычаев и взглядов, «которые, как правило, передаются из поколения в поколение» [6]. Семейные традиции отображают специфику каждой семьи. В традиционной семье, состоящей из носителей семейных, культурных традиций нескольких поколений, сохранялись поддержка друг друга, уважение, любовь и забота.

Степень научной разработанности темы

В постсоветский период вопросы, связанные с анализом отношения студентов к семье и семейным традициям являлись актуальными для отечественной науки. Важное место в социологических исследованиях семьи занимает изучение проблемы выполнения этим социальным институтом его основных функций. Репродуктивное поведение семьи рассматривали Антонов А.И., Бойко В.В., Голод С.И., подготовка молодежи к семейной жизни исследовалась в трудах Вишневого Ю.Р., Павлова Б.С. и др., экономическое положение семьи анализировалось Герасименко А.В., Заславской Т.И., Римашевской Н.М.

Отношение молодежи к семейным традициям и ценностям изучалось Вишневым Ю.Р., Дементьевой И.Ф., Исуповой О.Г. и др. При анализе отношения студентов к семейным традициям основной акцент учеными делается на системе подготовки студентов к семейной жизни (Усманов С.М., Черникова Т.А.), воспитательном потенциале семейных традиций (Пашина Л.Н., Иванова Е.К.), рассмотрении видов семейных традиций и их взаимосвязи с успешностью обучения студентов (Декман И.Е.).

Методология исследования

Выявление отношения студентов к семье и семейным ценностям осуществлялось на основании си-

стемного изучения текстов отечественных социологов и психологов, анализа статистических данных и результатов социологических опросов студентов (проведенных, в том числе, и автором статьи). В декабре 2024 года мы провели анкетирование ста пятидесяти трех студентов московских ВУЗов. Опрос включал в себя несколько основных аспектов: рассмотрение семейных традиций, отношение студентов к браку, помощь молодой семье со стороны государства.

Особенности отношения студентов к семье и семейным ценностям

Рассмотрение отношения студентов к браку и семье является особенно актуальным сегодня, поскольку государство уделяет этим вопросам первостепенное внимание. Президент РФ В.В. Путин не раз отмечал в своих обращениях к гражданам России важность соблюдения семейных традиций, передающихся из поколения в поколение [4]. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для корректировки мер семейной политики в отношении молодежи, а также формирования позитивного отношения студентов к браку и семье.

В опросе студентов, проведенном нами, мы получили следующие результаты. На вопрос: «Есть ли в Вашей семье какие-либо традиции?» 78% респондентов ответили положительно, и лишь 13% выбрали ответ – «нет». Таким образом, в семьях большинства опрошенных есть семейные традиции.

Какие же традиции преобладают в семьях опрошенных? На первом месте – отмечание праздников (Нового года, 8 марта и т.п.), данный факт указали 73% респондентов. На втором месте – празднование дней рождений (63% опрошенных). На третьем месте был ответ «ездим всей семьей за город, на природу» (36%). Среди менее популярных ответов были следующие ответы: совместный отпуск (35%), семейные советы (20%), соблюдение религиозных обрядов (18%), совместные настольные игры (17%), посещение театров (9%).

Остановимся на отношении молодежи к традиционным семейным ценностям. Термин «традиционные семейные ценности» имеет разные значения в литературе. Присоединимся к мнению ученых, понимающих традиционные семейные ценности как «систему передающихся из поколения в поколение представлений и нравственных правил, способствующих семейному благополучию и утверждающих идеалы семейной жизни» [2].

В проведенном нами исследовании студентам задавался вопрос о том, как они относятся к традиционным семейным ценностям. По результатам опроса, около 80% опрошенных поддерживают традиционные семейные ценности (44% скорее поддерживают, чем не поддерживают, и 35% полностью поддерживают).

В исследовании ВЦИОМ 61% молодых россиян в возрасте от 25 до 34 лет придерживается мнения, что «важно сохранять традиционные семейные ценности, культуру материнства и отцовства, поддерживать многодетность» [5].

Особое место в социологических исследованиях семьи занимает изучение представлений молодых россиян об идеальной семье. В социологическом опросе, проведенном Всероссийским центром изучения общественного мнения, как раз задавался вопрос о том, как представляют респонденты идеальную семью. В результате исследования выяснилось, что идеальная семья в представлениях молодежи – это семья, в которой царит взаимопонимание, взаимоуважение, забота друг о друге (78% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, 54% – от 25 до 34 лет), а также счастливая, дружная и гармоничная семья (31 и 27% соответственно) [3].

В проведенном нами социологическом опросе, мы спрашивали студентов о том, для чего нужно создавать семью. Ответы распределились следующим образом: для обретения счастья – 63%, чтобы иметь надежного друга на протяжении всей жизни – 53%, для получения поддержки – 35%. Особо отметим, что 34% респондентов считают, что семью нужно создавать для продолжения рода.

Опрошенные студенты также придерживаются мнения, что молодой семье нужна помощь со стороны государства. В первую очередь, молодая семья, по их мнению, нуждается в льготной семейной ипотеке (76%), финансовой помощи, в том числе, и на получение образования (75%), выплате пособий семьям с маленькими детьми (69%).

В конце 2024 года Президент РФ В.В. Путин на заседании Госсовета в Кремле подвел итоги Года семьи и объявил о «новых мерах поддержки семей, в частности, предложил повысить пособия для молодых мам, а также расширить семейную ипотеку» [1]. Поэтому хочется выразить надежду, что помощь со стороны нашего государства семьям с детьми будет продолжаться.

Выводы

В целом, результаты исследований показали, что в семьях студентов преобладают семейные традиции, связанные с отмечанием праздников, празднованием дней рождения, выездом на природу всей семьей и совместным проведением отпуска. Совместный досуг способствует благоприятной атмосфере в семье, сближает членов семьи друг с другом, дает ребенку чувство уверенности в завтрашнем дне. При этом отметим, что значительная доля молодых россиян придерживается мнения о важности сохранения традиционных семейных ценностей. Студенты также выделяли важность помощи молодой семье со стороны государства. Озвученные

Президентом РФ Путиным В.В. новые меры поддержки, очевидно, внесут вклад в решение многих проблем молодых семей.

Литература

1. Герейханова А. Владимир Путин подвел итоги Года семьи в РФ и объявил о новых мерах поддержки // Rg.ru. – URL: <https://rg.ru/2024/12/22/semeynyj-soviet.html?ysclid=m62dfft628403127732> (дата обращения: 18.01.2025).
2. Кривец А.А. Традиционные семейные ценности: сущность понятия и характеристика. – URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/40052/1/88-90.pdf?ysclid=m5o4kjjz8m8116253284> (дата обращения: 18.01.2025).
3. Идеальная семья – 2023. Аналитический обзор. 06.07.2023. – URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023?ysclid=m5muxg9qvd722462136> (дата обращения: 18.01.2025).
4. Путин в поздравлении к православным напомнил о традициях, семье и идеалах. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2025/677c45859a79473550c417b9?ysclid=m5mtukr3x8199872572> (дата обращения: 18.01.2025).
5. Традиции в эпоху перемен. Аналитический обзор. 28.12.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 18.01.2025).
6. Филиппова А.Ф. Семейные традиции жителей города Саратов. Саратов, 2021. – URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2021/39-03-01_006.pdf (дата обращения: 18.01.2025).

STUDENTS' OPINION ON FAMILY AND FAMILY TRADITIONS: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Zayakina O.A.
Moscow International University

The article highlights the importance of research at the present stage of students' attitudes to family and family values. The author provides an overview of the results of sociological research and statistical data on family traditions, students' attitudes to marriage, and government assistance to a young family. The article notes that the families of most of the students surveyed have family traditions, and the majority of students support traditional family values. As a result of the research, it turned out that the ideal family in the minds of young people is a family in which mutual understanding, mutual respect, caring for each other, as well as a happy, friendly and harmonious family prevail. The author concludes that the following types of government assistance are required to implement an effective family policy for young families: preferential family mortgages, financial assistance (including for education), payment of benefits to families with young children.

Keywords: youth, family, family traditions, students, family values.

References

1. Gereikhanova A. Vladimir Putin summed up the results of the Year of the family in the Russian Federation and announced new support measures // Rg.ru. – URL: <https://rg.ru/2024/12/22/semeynyj-soviet.html?ysclid=m62dfft628403127732> (accessed: 18.01.2025).
2. Krivets A.A. Traditional family values: the essence of the concept and characteristics. – URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/40052/1/88-90.pdf?ysclid=m5o4kjjz8m8116253284> (accessed: 18.01.2025).
3. The ideal family is 2023. Analytical review. 07/06/2023. – URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023?ysclid=m5muxg9qvd722462136> (accessed: 18.01.2025).
4. In his message of congratulations to the Orthodox, Putin recalled traditions, family and ideals. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2025/677c45859a79473550c417b9?ysclid=m5mtukr3x8199872572> (accessed: 18.01.2025).
5. Traditions in an era of change. Analytical review. 12/28/2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (accessed: 18.01.2025).
6. Filippova A.F. Family traditions of Saratov residents. Saratov, 2021. – URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2021/39-03-01_006.pdf (accessed: 18.01.2025).

Самоидентификация студентов ВУЗов в новых субъектах РФ

Кирьянова Анастасия Михайловна,

ведущий аналитик ООО «Институт социального маркетинга»,
младший научный сотрудник ИНИОН РАН
E-mail: asjunya@mail.ru

Макаренко Кирилл Михайлович,

к.п.н., старший преподаватель кафедры социологии
и политологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный
университет»
E-mail: Makarenko_km@volsu.ru

В статье представлены итоги проведенных фокус-групп со студентами высших учебных заведений Луганска и Мариуполя. Определено, что в методологическом плане идентичность представляется в качестве социального конструкта, изменяемого как в результате трансформации внешней среды, так и личного выбора индивида. Самоидентификация студентов ВУЗов новых регионов РФ содержит ряд особенностей интеграционного характера. Выявлено, что для студентов ВУЗов новых субъектов РФ сильно выражена местная, региональная идентичность, а также распространена практика внешнего позиционирования своей идентичности в межличностной коммуникации как жителей южных регионов России (в т.ч. Ростова-Дону).

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, политический процесс, молодежь, новые регионы.

Введение

В рамках данной статьи будут представлены результаты исследования самоидентификации студентов ВУЗов Луганской и Донецкой областей РФ, основанные на проведении 2 фокус-групп. Участниками фокус-групп стали студенты и студентки разных ВУЗов Луганска и Мариуполя. В этой связи перед нами стоит задача определения проблем, с которыми сталкиваются студенты ВУЗов (как особая социально-демографическая группа) новых субъектов РФ в процессе самоидентификации и публичной демонстрации идентичности в межличностном общении.

Методология и методы

Методологической основой исследования выступают принципы социального конструктивизма (в интерпретации П. Бергера, Т. Лукмана [3]), согласно которым идентичность является конструируемым феноменом, изменяемым в соответствии с преобразованием как внешней, так и внутренней среды. Как отмечала О.Ф. Русакова, идентичность – это нечто «конструируемое, неоднозначное, подвижное» [7, с. 284]. Тем самым, идентичность не может быть установлена единообразно и находиться в неизменяемом состоянии длительное время. Признаками соотнесения себя с определенной социальной группой, выступающей в качестве «своих», являются «разделение определенных чувств и мнений, единоклассные относительно сфер активности и целей жизни, единые символы и т.д.» [5, с. 92]. Ключевыми категориями статьи являются понятия «идентификация» (самоидентификация) и «идентичность», которые семантически соотносятся между собой как процесс и результат соответственно [6, с. 95].

Идентичность и идентификация: соотношение категорий

В конце 1980-х годов Дж. Тернер предпринял попытку классифицировать различные виды идентичности, выделив три уровня самокатегоризации (он также называл их тремя уровнями идентичности): субординарный, промежуточный, суперординарный [10]. Движение в данной типологии представлено от индивидуального, личностного уровня к групповому, а затем и супергрупповому, т.е. к более широкой общности: религиозной, этнической, национальной.

Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 124101700567–2 «Формирование общероссийской идентичности молодежи новых субъектов РФ: риски и перспективы». Реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

В современном мире именно национальная идентичность имеет особую важность. При этом идентичность не является монолитным, статичным и не подверженным изменениям феноменом, так как нация является разновидностью «воображаемых сообществ» [1]. Т.е. имеет возможность к «пересборке» и переосознанию себя.

Некоторые страны и регионы обладают ярко выраженной идентичностью, которая находит свое отражение в культуре и паттернах поведения жителей, тогда как другие не выделяют свою этническую или национальную идентичность в качестве значимой и требующий акцентирования.

В этой связи особого внимания требует анализ идентичности молодых жителей Луганска и Мариуполя, которая характеризуется эклектичностью. За последние 10 лет у региона Донбасса трижды изменился юридический статус и, соответственно, государственная принадлежность: 1) до 2014 г. – Украина; 2) 2014–2022 гг. – ДНР и ЛНР; 3) после 2022 г. – Российская Федерация. Подобные метаморфозы не могли не отразиться на самоидентификации жителей данного региона. В этом контексте интерес вызывает исследование К.В. Черкашина, В.И. Теркулова, Т.Ю. Тамерьяна, которые отмечали приоритет региональной («житель Донбасса») самоидентификации, а также политизацию этничности, что отражалось на внешнем позиционировании идентификации себя с «русским» и «украинцем» [9, с. 113]. Тем самым вопросы идентичности, как многогранного социально-психологического и политического феномена, приобретают конкретное практическое и научное значение, а проблема самоопределения и адаптации жителей «новых» или «исторических регионов» в контекст общероссийской цивилизации становится все более актуальной и требующей соответствующей реакции, как со стороны власти, так и гражданского общества.

Коллективом авторов Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления В.И. Антоновым, О.А. Очировой и А.А. Петровой отмечалось, что при исследовании этнической идентичности следует акцентировать внимание на следующих моментах (данный алгоритм может быть применим и к анализу национальной или гражданской идентичности):

1. Исследование идентичности требует учета его многоуровневости.
2. Анализ идентичности проводится с учетом переживаемого опыта индивида, в контексте окружающих социально-исторических обстоятельств.
3. Этнос как психологическая общность формирует ценностные ориентиры и выступает в качестве как источника самоидентификации индивида, так и ее логичного результата.
4. «Индивид может почувствовать себя в составе этногруппы при условии одновременного со-

измерения положения этой группы во всей социальной структуре» [2, с. 117].

В условиях нарастания нестабильности окружающего мира повышается важность национальной (государственной) идентичности как феномена, обеспечивающего прочную, надежную и понятную ценностную конструкцию. В этой связи усиливается чувство внутригруппового единства. Ощущение идентификации с чем-то великим позволяет выйти из «состояния социальной беспомощности» [4, с. 177].

Студенты ВУЗов традиционно являются «сложной» социально-демографической группой, уникальность которой определяется обучением и социализацией в особых условиях высших учебных заведений, поиском себя и стремлением к преобразованиям, активным позиционированием на рынке труда. Анализ формирования, принятия и закрепления национальной идентичности для этой социальной группы имеет крайне актуальное значение.

Результаты

Наши выводы будут базироваться на результатах проведенных фокус-групп со студентами ВУЗов Луганска (Луганская область) и Мариуполя (Донецкая область). В качестве подтверждения тех или иных положений будут использоваться цитаты информантов.

У студентов ВУЗов бывших Народных Республик, ныне являющихся субъектами РФ, проявляется высокая степень местной идентичности («*Меня, конечно, держит многое, та же семья. У меня там [маленький город под Луганском] осталось очень много друзей. Большинство из них не хотят уезжать*» фокус-группа, Луганск, студентка) с акцентом на стремлении внести самостоятельный вклад в развитие малой родины. «*Я бы хотела, даже если не получится куда-то уехать, что-то поменять. Что-то изменить, внести свой вклад*» (фокус-группа, Луганск, студентка). Тем самым наличествует некоторая амбивалентность, связанная как с желанием, с одной стороны, уехать, попробовать что-то большее, а с другой – остаться с семьей, друзьями, внести вклад в изменения.

Идентичность динамична, она конструируется и внешне позиционируется в зависимости от контекста и ситуации. «*Когда я приезжал, я говорил, что я с юга России. Были варианты, что я из Ростова. Потом, когда я с людьми общался, уже стало проще, особенно сейчас. Теперь, я могу сказать, что я с Луганска. Но, у некоторых есть проблема до сих пор, когда я говорю: «я с Луганска». Начинается: «Ой, как вы там живете, у вас обстрелы!». Начинается столько вопросов!» (фокус-группа, Луганск, студент).*

«*Когда нас кормили [в лагере], там стояла женщина повар. Она у меня спросила: «Вы откуда?».*

Я говорю: «Мы из Луганска». Она: «Да вы же мои хорошие! Бедненькие!». Я думаю: «Господи, да мы не бедненькие». Мы еще живее всех живых» (фокус-группа, Луганск, студентка).

«Я часто приезжала в Московскую область, в Ростовскую, была в Грозном. Мы если группой, ни для кого не было проблемой сказать: «Я из Луганска». Вообще никакой проблемы! Но когда ты разговариваешь с десятым или двадцатым человеком и каждый раз: «Как вы там живете? Почему вы не переедете?». [Говорю] Я с Ростова. Все!» (фокус-группа, Луганск, студентка).

Как мы видим, среди респондентов распространена практика самоидентификации себя как жителей Ростова-на-Дону (юга России). Подобная модель поведения может говорить как о наличии общей южной идентичности, так и о желании избежать лишних вопросов, связанных с повседневностью непосредственного проживания в Луганске.

Самоидентификация, во многом, носит не только эмоционально окрашенный, но и рациональный характер. Индивиды, определяя социальные рамки, внешне позиционируют «удобную» для себя идентичность. «За границей, я бы представлялся: Я из Луганска. Мне это было бы выгодно. Если бы я туда приехал на работу устраиваться. Да, я из Луганска. Я беженец! Я думаю, они удивляются, если в Европе сказать, откуда я. Ничего себе!» (фокус-группа, Луганск, студент).

На самоидентификацию жителей новых регионов РФ оказывает влияние и некоторая степень неприятия частью жителей России изменившейся политической, социальной и юридической реальности. «Я тут общался с представителями других регионов. Они немножечко нас недолюбливают. Мы для них еще не до конца россияне. Они нас все равно, воспринимают не как часть другого региона, как допустим, Воронеж, Казани, Москвы» (фокус-группа, Луганск, студент). «Многие в России до сих пор не знают, что Луганск стал частью России» (фокус-группа, Луганск, студентка).

В этой связи, особый интерес в вопросах самоидентификации и внешнего позиционирования идентичности обретает ответа участника фокус-группы в Мариуполе на вопрос модератора:

«Модератор: А гражданство своё вы бы как обозначили?

Мужчина: Сложно. Вообще Россия» (фокус-группа, Мариуполь, модератор-мужчина).

Заключение

Ответ, как нам представляется, является результатом не закрепленной в окончательном виде национальной идентичности. В качестве объяснительной конструкции может быть использована формулировка С.В. Рыжова, согласно которой этническая (или в нашем случае национальная) идентичность в зависимости от ситуации может варьироваться

от номинальной, до субъективно значимой [8, с. 46]. Т.е. в одних ситуациях идентичность не будет обладать сущностной значимостью для индивида, тогда как в других станет приобретать важное, в том числе, эмоциональное значение. Тем самым, самоидентификация студентов ВУЗов новых регионов РФ в целом зависит от ряда факторов, которые условно можно разделить на объективные (геополитическая и юридическая реальность) и субъективные (социально-психологическая обстановка, в которой происходит коммуникация, требующая выражения идентичности). В зависимости от силы воздействия этих факторов будет зависеть внешнее позиционирование идентичности индивида (или социальной группы).

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
2. Антонов В.И., Очирова О.А., Петрова А.А. Особенности национальной идентичности российских этносов: уровни и факторы (на примере современных бурят) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 2 (34). С. 116–121.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Бураева О.В. Этническая и религиозная идентичность на пограничье культур (конец XX – начало XXI в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. № 18. С. 175–184.
5. Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Социология и жизнь. 2019. № 4. С. 89–103.
6. Лошкарева-Имгрунт С.И. «Идентичность» и «Идентификация»: семантические грани понятий. Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 89–95.
7. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепт, дискурс, 2012. 399 с.
8. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. – М.: Альфа- М., 2011. – 280 с.
9. Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 113–128.
10. Turner J.C. A Selfcategorization theory // Rediscovering the Social Group: A Self Categorization theory. – Oxford, 1987. – Pp. 42–67.

SELF-IDENTIFICATION OF UNIVERSITY STUDENTS IN NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kiryanova A.M., Makarenko K.M.

Russian Academy of Sciences, Volgograd State University

The article presents the results of focus groups with students of higher educational institutions of Lugansk and Mariupol. It has been determined that, in methodological terms, identity is presented as a social construct that changes both as a result of the transformation of the external environment and the personal choice of an individual. Self-identification of students of higher educational institutions of the new regions of the Russian Federation contains a number of features of an integration nature. It has been revealed that for students of higher educational institutions of the new subjects of the Russian Federation, local, regional identity is strongly expressed, and the practice of external positioning of their identity in interpersonal communication as residents of the southern regions of Russia (including Rostov-on-Don) is widespread. Funding. The article was prepared and published within the framework of project No. 124101700567–2 “Formation of the All-Russian Identity of the Youth of the New Subjects of the Russian Federation: Risks and Prospects”. Implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Keywords: identity, self-identification, political process, youth, new regions.

References

1. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. Translated from English by V. Nikolaev. introduction by S.P. Bankovskaya. – Moscow: Kuchkovo Pole. 2016. – 416 p.
2. Antonov V.I., Ochirova O.A., Petrova A.A. Features of the National Identity of Russian Ethnic Groups: Levels and Factors (using the Example of Modern Buryats) // *Bulletin of Kalmyk University*. 2017. No. 2 (34). Pp. 116–121.
3. Berger P., Lukman T. *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. / Translated by E.D. Rutkevich. – Moscow: Medium. 1995. – 323 p.
4. Buraeva O.V. Ethnic and Religious Identity on the Borderland of Cultures (Late 20th – Early 21st Century) // *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. 2016. No. 18. Pp. 175–184.
5. Kovaleva A.I. Types of Social Identity: Approaches to Classification // *Sociology and Life*. 2019. No. 4. Pp. 89–103.
6. Loshkareva-Imgrunt S.I. “Identity” and “Identification”: Semantic Facets of Concepts. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2013. No. 11. Pp. 89–95.
7. Rusakova O.F. *Modern Political Philosophy: Subject, Concept, Discourse*, 2012. – 399 p.
8. Ryzhova S.V. *Ethnic identity in the context of tolerance*. – Moscow: Alfa-M, 2011. – 280 p.
9. Cherkashin K.V., Terkulov V.I., Tameryan T. Yu. Ethnic self-identification of Donbass residents // *Political linguistics*. 2023. No. 1 (97). Pp. 113–128.
10. Turner J.C. *A Self-categorization theory // Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization theory*. – Oxford, 1987. – Pp. 42–67.

Проблемы формирования российской модели гражданственности

Новичкова Ирина Юрьевна,

д.с.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: novichkova-irina@yandex.ru

Статья посвящена основным проблемам, с которыми сталкивается социолог при исследовании феномена гражданственности, а именно определению её современной модели. Цель исследования – теоретически изучить проблемы формирования российской модели гражданственности. Гражданственность как явление и процесс в современной России находится на стадии непрерывного развития, что связано с динамичными политическими и социально-экономическими событиями, происходящими в стране. В конце прошлого столетия в России гражданственность как характеристика личности практически была аннулирована в содержательном и оценочном аспектах. С началом нового столетия её значение стало возрождаться и приобретать знаковую роль в построении новой системы гражданского общества. Выше сказанное обусловило актуальность и выбор темы исследования – «Проблемы формирования российской модели гражданственности».

Ключевые слова: гражданственность, гражданская активность, гражданственность личности, гражданское общество, модель, процесс формирования, российское общество.

В последние годы произошло расширение пространства публичной политики, общественных дискуссий о насущных проблемах и перспективах жизни общества, в том числе речь идет о гражданской активности россиян. Актуальным стало изучение реализации гражданского участия, индивидуальной гражданской мобилизации во благо коллективного общественного развития.

Гражданская сплоченность относится к некоторому социальному притяжению, которое тесно объединяет людей. В смысле гражданского целого и гражданской интеграции относится к определенной социальной силе, которая регулирует или координирует противоречия, конфликты и споры между различными факторами общества и превращает их в единое целое. Это не только духовный и психологический процесс социальной общественной конвергенции, но и основная функция гражданской мобилизации и интеграции социальных институтов. Единство гражданского общества является важной особенностью групп, организаций, а также широко распространенным и разнообразным явлением, влияющим на поведение общества в целом [8].

Вопрос формирования модели российской гражданственности затрагивает политические, экономические и социальные изменения в России после распада Советского Союза, а также влияние этих изменений на процесс формирования гражданственности. После распада Советского Союза Россия унаследовала советское наследие, но столкнулась с фундаментальными институциональными изменениями. В конце XX столетия Россия переживала самый трудный исторический период за сотни лет. Формирование модели гражданственности в современной России происходит одновременно с изменениями всей системы. Общее развитие направлено на создание гражданского общества и развитие ценностей, трансформацию и модернизацию.

Гражданское общество – это общество, в котором граждане являются основной частью, люди обладают автономией. Здесь слово «общество» может использоваться в трех масштабах: широком, среднем и узком. В широком смысле общество – это сама цивилизация, включая все содержание этой цивилизации. Гражданское общество может соответствовать «субъектному обществу» [4]. В узком смысле «общество» относится к «объединениям», а гражданское общество – к самоорганизации. Современное гражданское общество представляет собой самоорганизующийся поря-

док, основанный на индивидуальной автономии [2].

Современное политическое развитие сделало гражданственность универсальной квалификацией, отражающей «цивилизационный» процесс непрерывного расширения гражданского общества.

Большое количество различных социальных групп, организованных самими гражданами, являются основной организационной формой, позволяющей людям разнообразно и добровольно решать возникающие перед ними проблемы, удовлетворять общие потребности на основе взаимопомощи и взаимности.

Несмотря на достаточно широкий спектр междисциплинарных, комплексных исследований, представителями различных научных школ и направлений, разработка, собственно социологических аспектов феномена гражданственности, ещё далека от завершения [6]. Исследование динамики гражданственности в переходных состояниях гражданского бытия и гражданского духа в российском обществе имеет теоретическое и практическое значение. Большое количество исследований в известной степени восполняет существующие проблемы в категориально-понятийной интерпретации феномена гражданственности и его операционализации.

С позиций современной социологии гражданственность можно отнести к классу сущностных черт социализированной личности, выступая синтетической характеристикой ее личностных и социальных начал, синтезом сознания и публичного самовыражения. Но субъектами гражданственности являются и личность, и семья, и трудовая, общественная корпорация, гражданственность может быть присуща и иным социальным субъектам [3].

Гражданственность как феномен выполняет в современном обществе разноплановые функции, направленность которых и формируется в определенную модельную структуру. Гражданственность позволяет обществу и социальным организациям существовать и развиваться, тем самым объединяя рассеянные отдельные силы во власть всей организации и общества. Гражданственность выполняет огромную стабилизирующую функцию. Она объединяет членов общества, уменьшает и устраняет разногласия и конфликты, тем самым превращая организацию в стабильную структуру. Гражданственность также может генерировать сильную власть. Сплоченность в организации – это не только средство достижения вышеуказанных целей, но и самостоятельная цель, которую должно преследовать гражданское общество. Гражданственность возникает из зависимости личности от коллектива, она рассматривает гражданские интересы как источник и гарантию индивидуальных интересов. Именно на основе этого общего интереса возникает гражданское

единение личности и ее идентификация со всем обществом посредством гражданственности [1]. Само гражданское общество является важнейшим объектом идентификации. Однако этот абстрактный объект всегда должен быть выражен в конкретной форме.

Структурность гражданственности образует диспозиционно расположенные – гражданский менталитет, гражданские потребности, интересы, гражданские мотивы и ценностные ориентации, гражданские поступки и способы их рефлексии. Подобный подход к осмыслению структуры гражданственности безусловно предполагает необходимость использования комплексной методологии познания, далеко выходящей за рамки предметных социологических специализаций.

Выделяется еще одна принципиальная особенность, характерная для отечественной базовой модели гражданственности, её поколенческая преемственность. Однозначно, при социологическом исследовании необходимо обратить внимание и на другие возрастные группы российского общества с точки зрения их гражданского потенциала. Сейчас чаще всего социологами изучается гражданственность молодежи и это вполне закономерно, но оптимизация процессов формирования гражданственности связана с передачей жизненного опыта старшим поколением, трансляцией исторических примеров гражданских поступков, характеризующих меры готовности членов общества как граждан, выступать в роли активных защитников и радетелей дела процветания своего Отечества [5]. И здесь возникает ряд противоречий, потому что родители современной молодежи – представители разных поколений: часть из них – люди более старшего возраста, личность которых сформировалась в условиях СССР, а часть родителей принадлежит к поколению 1990-х годов. Это две совершенно разные идеологии, нравственные ориентиры. Поэтому при проведении социологического исследования данную проблему следует учитывать, так как поколенческий фактор напрямую связан с формированием модели гражданственности современного общества.

Выше сказанное тесно соприкасается с понятием «гражданская активность», содержание которого относится к вкладу людей своей воли, эмоций и действий в общественные дела посредством открытых возможностей участия в функционировании общества. Социологическое исследование гражданственности направлено на изучение наиболее типичных её свойств и проявлений легитимных социальных субъектов – личности, семьи, социальной группы, общественно-политической ассоциации и т.д.

Социальная трансформация России – это, по сути, переход от традиционного общества к современному обществу, а гражданское общество –

это направление трансформации. Современное гражданское общество демонстрирует такие характеристики, как глобализация, рациональное просвещение, промышленная революция, рыночная экономическая система, либерально-демократическая политика, правовой порядок, национальное государство и т.д. [7]. Это «современная» особенность гражданственности. Различные исследования современности выявляют такой феномен, как возникновение личной субъективности. Гражданская личность становится самостоятельной единицей общества, а личная автономия приобретает законное значение.

Гражданское общество можно рассматривать как практику на этом пути. Перед лицом современного мобильного и информационного общества традиционных организационных ресурсов уже недостаточно. Создание универсальной и масштабируемой модели гражданственности, то есть поиск пути роста гражданского общества России, является задачей, которую необходимо решить в процессе трансформации российского современного общества.

Попытки игнорирования отечественного опыта становления гражданственности в России в конечном итоге привели к искажению в российском общественном сознании собственных идеалов и нравственных ценностей. Традиции становления российской гражданственности коренятся в диалектичности ментальных ресурсов российского населения, включая национальный характер, объективных социоисторических условиях, обстоятельствах, субъективно-поведенческих факторах. Данный тезис задает своеобразный исследовательский ориентир для социологов при определении содержания и особенностей генезиса российской гражданственности, а также последующей аналитической деятельности.

Российская модель гражданственности основывается на формировании гражданского общества, которое подразумевает необязательное коллективное поведение, основанное на общих интересах, целях и ценностях. Данная модель является ни частью правительства, ни частью экономики. Это область между «общественным» и «частным». Формирование данной модели опирается на идеологические и нравственные составляющие граждан. В современных условиях этот процесс актуален в связи с внешнеполитическими событиями. Не следует забывать и о внутренних проблемах российской общественности.

Модель российской гражданственности призвана содействовать гармоничному социальному развитию: гражданское сознание усиливает стремление людей к социальной справедливости, способствует разрешению социальной несправедливости, достижению социальной гармонии и стабильности. Развитие гражданской сознательности связано с чувством национальной идентичности

и социальной принадлежности, повышением чувства ответственности и миссии перед обществом. Путем совершенствования индивидуальной моральной этики, правовых концепций и общественной осведомленности, воспитание гражданской сознательности способствует повышению общественной морали.

Литература

1. Абражеева Д.В. Гражданское общество современной России // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). – М.: Буки-Веди, 2017. – С. 1–4.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
3. Маленков В.В. «Гражданственность»: некоторые проблемы определения понятия // Вестник ГОУ ВПО Уральского государственного технического университета – УПИ № 3 (55). Часть 2. Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии. Материалы Всероссийской научно-технической конференции «XV Уральские социологические чтения «Возрождение России: общество – управление – образование – культура – молодежь». Екатеринбург: Издательство ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. С. 9–10.
4. Морозова Т.И. Проблема формирования гражданской ответственности и патриотизма у современной молодежи // Научные ведомости. 2010. № 20 (91). Вып. 14. С. 95–99.
5. Омеличкин О.В. Гражданская культура России: проблемы формирования // Вестник КемГУ. 2015. № 2–2 (62). С. 76–80.
6. Орлова И.В. Теория гражданского общества: к истории вопроса // Философия и общество. 2006. С. 116–134.
7. Рубанова М.Е., Мамочкина Е.М. Гражданское общество в российской федерации в условиях современных вызовов и угроз // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 51–56.
8. Шульга М.М. Модели манифестирования гражданской ответственности современной российской молодежи // Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 206–209.

PROBLEMS OF FORMATION OF THE RUSSIAN MODEL OF CITIZENSHIP

Novichkova I.Yu.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the main problems that a sociologist faces when studying the phenomenon of citizenship, namely, defining its modern model. The purpose of the study is to theoretically study the problems of forming the Russian model of citizenship. Citizenship as a phenomenon and process in modern Russia is at the stage of continuous development, which is associated with dynamic political

and socio-economic events taking place in the country. At the end of the last century, citizenship as a characteristic of a person was practically annulled in Russia in terms of content and evaluative aspects. With the beginning of the new century, its significance began to revive and acquire significance in the construction of a new system of civil society. The above determined the relevance and choice of the research topic – “Problems of Forming the Russian Model of Citizenship”.

Keywords: citizenship, civic activity, citizenship of the individual, civil society, model, formation process, Russian society.

References

1. Abrazheeva D.V. Civil society of modern Russia // Actual problems of law: materials of the VI Int. scientific conf. (Moscow, December, 2017). Moscow: Buki-Vedi, 2017. Pp. 1–4.
2. Almond G., Verba S. Civic culture: political attitudes and democracy in five countries. – Moscow: Mysl, 2014. – 500 p.
3. Malenkov V.V. “Civic consciousness”: some problems of defining the concept // Bulletin of the State Educational Institution of Higher Professional Education Ural State Technical University – UPI No. 3 (55). Part 2. Transformation of Russian society and actual problems of sociology. Proceedings of the All-Russian scientific and technical conference “XV Ural sociological readings “Revival of Russia: society – management – education – culture – youth”. Ekaterinburg: Publishing house of the State Educational Institution of Higher Professional Education USTU-UPI, 2005. Pp. 9–10.
4. Morozova T.I. The problem of formation of citizenship and patriotism in modern youth // Scientific news. 2010. No. 20 (91). Issue 14. Pp. 95–99.
5. Omelichkin O.V. Civic culture of Russia: problems of formation // Bulletin of KemS U. 2015. No. 2–2 (62). Pp. 76–80.
6. Orlova I.V. Theory of civil society: on the history of the issue // Philosophy and society. 2006. Pp. 116–134.
7. Rubanova M.E., Mamochkina E.M. Civil society in the Russian Federation in the context of modern challenges and threats // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 2 (133). P. 51–56.
8. Shulga M.M. Models of manifestation of citizenship of modern Russian youth // Tambov: Gramota, 2015. No. 11 (61): in 3 parts. Part III. P. 206–209.

Имидж как конкурентное преимущество (на примере строительной сферы)

Агемян Сона Вачагановна,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХИГС)

E-mail: Sonaagekyan97@mail.ru

В работе анализируется репутация имиджа как основного конкурентного преимущества в строительной отрасли. Рассматривается, как привлекательный имидж компании влияет на репутацию среди клиентов, а также их лояльность и на подбор подрядчика. Важное внимание уделяется критериям, которые формируют имидж, как например качество обслуживания, социальные гарантии и прогрессивные технологии. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена напряжённой конкуренцией в строительной сфере на современном этапе, в которой различные компании сталкиваются с потребностью в индивидуализации среди множества вариантов. Понимание подходов к формированию и построению имиджа предоставляет возможность строительным компаниям как привлекать, так и удерживать клиентов, тем самым создавая долгосрочное партнерство, а также повышая собственную репутацию. Целью данного исследования является определение влияния имиджа компании на конкурентные преимущества строительных компаний, в том числе для разработки рекомендаций по формированию имиджа. Задачи исследования: выявить ключевые компоненты имиджевого статуса строительной компании; проанализировать влияние имиджа данной компании на выбор подрядчика для заказчиков; рассмотреть эффективные практики развития имиджа компании в строительной отрасли; разработать дополнительные рекомендации по улучшению имиджевого статуса компании для развития конкурентных возможностей. Материалами исследования послужили анкеты для заказчиков и специалистов в строительной сфере; статистические показатели рынка строительных работ; кейс-стади влиятельных строительных компаний с привлекательным имиджем. Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что строительные компании с привлекательным имиджем имеют наиболее высокую степень доверия со стороны заказчиков и способствуют увеличению количества заказов и повторных контрактов. Вывод. Имидж представляется основным конкурентным достоинством для строительных организаций, а развитие требует комплексного подхода и с учетом мнений заказчиков.

Ключевые слова: строительная сфера, социальная ответственность, конкуренция, преимущество, имидж, брендинг, заказчики, обслуживание, технологии.

В научной работе рассматривается имидж как конкурентное преимущество на примере строительной сферы.

В контексте глобализации и ускоренного развития технологий имидж компании является одним из основополагающих принципов, которые определяют выбор заказчиков.

Объект исследования: строительные организации, которые работают на рынке жилого строительства и строительства коммерческих объектов.

Новизна исследования состоит в системном анализе различных факторов, которые формируют имидж строительных организаций, а так же их влияния на конкурентоспособность в контексте возрастающей конкуренции на рынке в условиях санкционного давления ряда стран Запада.

Методы исследования: в работе применяются методы качественного анализа и количественной оценки, которые состоят из анкетирования клиентской базы и всех сотрудников строительных компаний; оценки второстепенных данных, как например, отзывы, комментарии и рейтинговые показатели; сопоставительного анализа эффективных кейсов.

Рынок строительных услуг на современном этапе характеризуется высокой конкурентоспособностью и нестабильность потребительских интересов. В данных условиях строительные компании должны как предоставлять качественные услуги, так и интенсивно работать над собственным публичным образом. Имидж состоит из восприятия строительной компании заказчиками, партнерами и социумом в целом, как правило, влияет на доверительное отношение и лояльность клиентов [9].

«Теоретический интерес и практическое значение имеет разграничение понятий «имидж», «бренд» и «репутация» территории¹. В литературе по маркетингу до сих пор нет единого мнения по определению сущности бренда вообще. Тем более остается открытым вопрос о дефинициях бренда территории. Признанные зарубежные и российские специалисты в области маркетинга территорий этот вопрос обошли своим вниманием, ограничившись исследованиями территориального имиджа (Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс, В. Вонг, А. Панкрухин) либо практикой территориального брендинга (А. Стась)» [2, с. 7].

Тезис имидж мы понимаем как совокупность различных представлений о строительной компа-

¹ В рамках данной статьи мы понимаем этот термин в качестве обобщения сферы деятельности компании, ее продукта, услуги.

нии, которая развивается посредством взаимодействия, концепции маркетинга и коммуникации с заказчиками, которые состоят:

- из авторитета строительной компании определяется качеством реализованных проектов;
- активной деятельности в социальных программах и устойчивости экосистем;
- построения индивидуального бренда, соответствующего надежности и высокому уровню профессионализма;
- открытость коммуникации с заказчиками и с партнерами.

Позитивный имидж строительной компании, как правило, способствует привлечению новых заказчиков.

«Позитивный имидж увеличивает конкурентоспособность компании на рынке за счет привлечения покупателей и партнеров и облегчения доступа к ресурсам (экономическим, информационным, человеческим, вещественным). «Добрая слава» компании значительно повышает ее «рыночную силу»» [15, с. 191].

Имидж, в том числе, играет важную роль в удержании заказчиков. Разные компании с привлекательным имиджем имеют повышенный уровень лояльности клиентской базы и существенно сокращают расходы на маркетинг и повторные сделки.

По мнению Калошиной М. (директора бизнес-направления ORM&SERM Demis Group) организации с позитивным имиджем быстрее устанавливаются связи с различными компаниями, тем самым способствуя развитию бизнеса и расширению деятельности [17].

«Компании стремятся иметь несколько видов имиджа, так как в комплексе это помогает достигнуть нужного результата. Составляющие элементы имиджа: 1) общая известность компании; 2) сложившаяся репутация; 3) скорость реагирования на рыночную ситуацию; 4) степень развитости инноваций; 5) престижность продукции; 6) политика рекламного характера; 7) присутствие связей за рубежом; 8) показатель уровня конкурентоспособности» [16, с. 152].

Пример 1. Строительная компания, как например, «АРС»¹ проявила себя как надежный исполнитель, который, как правило, завершает строительные проекты в срок и высшего качества. Благодаря позитивным отзывам заказчиков и эффективным кейсам, которые привлекают новых клиентов, независимо от наличия бюджетных альтернатив.

Пример 2. Строительно-производственная компания «Эко Дом»² принимает активное участие в экологических проектах, как например, реконструкция зеленых зон и применение надежных материалов, что создает привлекательный имидж

среди заказчиков, которые высоко оценивают экологическую осведомленность, что позволяет строительной компании превосходить конкурентов, которые не занимаются данными проектами.

Пример 3. Известная компания «Комфорт Дом»³ обеспечивает высокий уровень обслуживания заказчиков, которые включают в себя индивидуализированный подход, а также поддержку и продвижение на всех уровнях проекта, что формирует привлекательный имидж, в том числе способствует положительным откликам от довольных заказчиков.

Пример 4. Строительная компания «Строй Мастер»⁴ активно применяет брендинг для продвижения собственного имиджа.

Указанные выше примеры подтверждают выдвигаемую автором научной работы гипотезу о том, что имидж компании влияет на конкурентное преимущество в строительной сфере.

Запоминающийся логотип, качественно разработанный сайт, а также активное участие в социальных сетях помогают данной компании превосходить конкурентов и притягивать интерес предполагаемых заказчиков [21].

Обзор литературы

Исследование имиджа как важного конкурентного преимущества в бизнесе привлекает внимание исследователей и практиков. Так, Бельских И.Е. в своей работе «Имидж недвижимости и строительном комплексе» анализирует значение имиджа в целом для сектора недвижимости и строительной отрасли, ученый отмечает, что имидж предприятия, как правило, влияет на представление услуг компании клиентам, что, преимущественно, отражается на финансовых данных [1]. Автор выделяет основные факторы, которые формируют имидж, как например, уровень качества предлагаемых услуг, уровень клиентского обслуживания, а также активную деятельность в социальных программах. Автор научной работы «Имидж и репутация территории» Важенина И.С. отмечает, что привлекательный имидж пространства поддерживает инвестиционную привлекательность и туристических потоков, что представляется особенно важным для строительной сферы. Дьяконова, К. А. в своей работе «Имидж строительных компаний» определяет три основных аспекта, как качество выполненных обязательств, уровень обслуживания заказчиков и прозрачность работы [3]. В работе «Имидж компании: 3 шага формирования» определяется три важных шага: оценка текущего имиджа, разработка эффективной стратегии для улучшения и интеграции полученных в процессе рекомендаций для практического применения. Данное руководство может являться полезным для разных строительных предприятий,

¹ APC <https://экодомподключ.рф/>

² Эко Дом <https://экодомподключ.рф/>

³ Комфорт Дом <https://domcomfort.ru/>

⁴ Строй Мастер <https://zabivkasvai.ru/about-our-company/>

которые стремятся улучшить собственную репутацию, а также повысить уровень конкурентоспособности. Кашинская, Е. М. в своей работе исследует специфику формирования цифрового имиджа строительной организации, а также влияние онлайн технологий на развитие имиджа строительных предприятий [7]. Так же обсуждаются методы управления репутацией, которые включают в себя работу с комментариями на информационных площадках и цифровых ресурсах, в том числе, активное применение социальных платформ, отмечается, что в мире цифровой имидж является важной частью общего восприятия строительной компании на современном этапе. Комарова С.Н. и Прокопец Т.Н. в научной работе «Разработка процесса формирования имиджа организации и методика его оценки» совместно исследуют систематический подход к развитию и анализу имиджа компании [8]. Анализируются этапы стратегического планирования управления имиджем, в том числе методы исследования эффективности. Данная работа может являться полезной для различных строительных компаний, которые стремятся к эффективному улучшению собственной репутации. Энциклопедия маркетинга «Комплекс маркетинговых коммуникаций» подчеркивает необходимость системного подхода к коммуникационным стратегиям для развития имиджа данной компании, отмечается важность интеграции разных каналов взаимодействия для достижения наивысшего результата в процессе управления репутацией [9]. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И. и Хайдер Д. в совместной работе «маркетинг мест» обращают свое внимание на роль имиджа пространства для привлечения ресурсов и эффективного развития бизнеса [10]. Ученые анализируют разные аспекты разработки имиджа местности, которые включают в себя как инфраструктуру города, культурную специфику и социальные гарантии. Панкрухин А.П. в своем исследовании «Маркетинг территорий» обращает внимание на эффективный маркетинг пространства, что требует системного подхода, который включает исследования потребностей клиентов и заказчиков и применение разных каналов для взаимодействия, автор определяет роль местных объединений в развитии привлекательного имиджа, что представляется наиболее актуальным для строительной сферы [11]. Сабиров В.Д. и Тихонова А.Д. рассматривают «имидж организации как основу ее стабильного развития» [12], а также анализируют взаимодействие между имиджем компании и развитием на постоянной основе. Предлагаются методы анализа имиджа и обращают внимание на важности мониторинга на постоянной основе для обеспечения стабильности в процессе, стремительно меняющемся рыночном пространстве. Сократилина Е. описывает в своей научной работе «Методы и технологии социологического исследования: можно ли измерить имидж», которые активно применяются для анализа имиджа строительных

предприятий, автор отмечает важность комплексного подхода к исследованию имиджа, включающего не только внутренние, но и внешние аспекты [14]. Соловьева И.П. и Нефедова Е.Е. в совместной работе «к вопросу формирования позитивного имиджа организации» выявляют факторы, которые способствуют развитию привлекательного имиджа компании [15]. Так же анализируются разные коммуникационные стратегии, в том числе PR-активность и социальная ответственность компании. Соловьева И.П. и Нефедова Е.Е. определяют важность вовлечения работников в развитие имиджа и может существенно улучшить корпоративную этику компании. Свиридович С.В. в работе «Имиджелогия: роль имиджа организации строительной отрасли в процессе выхода на зарубежные рынки» определяет важность формирования привлекательного имиджа для эффективной конкуренции на мировом уровне [16]. В рассматриваемом информационном ресурсе «Формирование имиджа компании» (Дэвис групп) представлены основополагающие принципы развития имиджа компании, которые включают в себя различные стратегии и механизмы, которые применяются для повышения имиджа [17]. Работа обращает свое внимание на необходимости системного подхода к процессу управления собственным имиджем, в том числе и работу с отзывами заказчиков, а также применение социальных медиа на постоянной основе. Данный ресурс «Формирование корпоративной культуры» (Каус групп) обращает внимание на связь между корпоративной культурой и привлекательным имиджем компании, отмечая, что положительная корпоративный стиль является важной основой для развития позитивного имиджа, так как влияет на удовлетворенность работников данной сферы и уровень вовлеченности в рабочий процесс [18]. Работа «Что такое потребительская лояльность» (платформа email-маркетинга) определяет, что значительная лояльность заказчиков напрямую взаимосвязана с привлекательным имиджем строительной компании, а также репутации данной компании на рынке [19]. Шакирова Д.М. и Панфилова Д.В. в совместной научной работе «Имидж как инструмент управления организацией в контексте цифровой трансформации» изучают влияние технологического обновления на процесс управления имиджем компаний [20].

Представленный подробный обзор литературы демонстрирует, что развитие и управление имиджем компаний являются основные аспекты их эффективного функционирования в контексте современного коммерческого пространства. Данные исследования подчеркивают значимость системного анализа к управлению публичным образом, включают в себя не только внутренние факторы, как например, корпоративная культура, так и внешние аспекты, как например, различные маркетинговые стратегии. Представляется возможным подчеркнуть нарастающую значимость цифровых тех-

нологий в формировании имиджа, открывая актуальные возможности для строительных компаний в строительной отрасли и различных секторах экономики.

Цель – проанализировать факторы, которые влияют на выбор строительной организации заказчиками, с акцентом на имидж компании и ее цифровое присутствие. В условиях текущей экономической и социальной обстановки в стране, важно понять, какие аспекты наиболее значимы для потребителей в строительной сфере.

Период проведения исследования.

Данное исследование проводилось в течение трех месяцев, с сентября 2024 г. по ноябрь 2024 г.

В процессе исследования 35 клиентов участвовали в анкетировании, которые обратились в строительную организацию за услугами.

Вопросы и ответы клиентов (табл. 1).

1. Вопрос: Какой аспект был определяющим при выборе строительной организации?

Ответы клиентов: на данный вопрос положительно ответили 85% клиентов, воздержались 5%, ответили отрицательно 10%.

Вывод (расшифровка). Таким образом, полученные результаты подтверждают вывод о том, что доверие к строительной организации основывается на репутации компании и восприятия в целом.

2. Вопрос: обращаете ли Вы внимание на ценообразование?

Ответы клиентов: на данный вопрос положительно ответили 75% клиентов (обращают внимание на ценообразование), воздержались 20%, ответили отрицательно 5%.

Вывод (расшифровка). Таким образом, полученные результаты подтверждают вывод о влиянии ценового предложения на окончательный выбор в пользу той или иной компании.

3. Вопрос: что влияет на выбор строительной компании в первую очередь?

Ответы клиентов: на данный вопрос в сети интернет положительно ответили 85% клиентов, воздержались 12%, ответили отрицательно 3%.

Вывод (расшифровка). Таким образом, полученные результаты подтверждают вывод о том, что участие в социальных сообществах и пользовательских онлайн комментариях в сети интернет определяет важность этичного поведения строительных компаний в представлении клиентов.

4. Вопрос: Каково ваше мнение о строительной компании (оценивая ее финансовую статистику)?

Ответы клиентов: на данный вопрос в сети интернет положительно ответили 35% клиентов (отметив увеличение выручки), воздержались 50%, ответили отрицательно 15%.

Вывод (расшифровка). Таким образом, полученные результаты подтверждают вывод о том, что положительный имидж строительной компании и высокая динамика указывает на прямую зависимость не только между имиджем строительной компании, но и финансовыми показателями компании.

Таблица 1. Ответы респондентов

Вопросы	Ответы клиентов
Какой аспект был определяющим при выборе строительной организации?	Положительный имидж рассматриваемой строительной организации (составляет 75%)
Обращаете ли Вы внимание на ценообразование?	На ценообразование обращают внимание 75%
Что влияет на выбор строительной компании в первую очередь?	Участие в социальных сообществах и пользовательских онлайн комментариях в сети интернет 85%
Как социальные инициативы и экологические программы влияют на выбор строительной компании?	Активное участие в различных инициативах 85%
Каково ваше мнение о строительной компании (оценивая ее финансовую статистику)?	Положительный имидж строительной компании и высокая динамика (увеличение выручки на 35%)

Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что 85% клиентов выбирали строительную компанию, основываясь как на позитивном имидже, так и на ценовой политике, что подтверждает представленную гипотезу, что положительный имидж является основным фактором при выборе исполнителя [4].

Клиенты отметили (75%), что активное участие строительной компании APC в социальных платформах и сообществах (Rutube), онлайн комментариях и отзывах (YouTube) существенно влияет на определенное восприятие имиджа, что подчеркивает необходимость цифрового продвижения для развития общественного восприятия [6].

Компании, которые активно принимают участие в социальных программах и экологических начинаниях, продемонстрировали наиболее высокие показатели (85%) от заказчиков, которые подчеркнули, что социальные гарантии строительной компании влияют на данный выбор (компания APC принимала участие в таких проектах, как Яндекс, Экспобанк, Абсолют недвижимость, Инград, Avito и др.).

В контексте анализа инвестиционных показателей строительных компаний с положительным имиджем¹ определено, что они показывают на 35% повышенные темпы увеличения выручки

¹ Топ10 застройщиков РФ по объему текущего строительства <https://erzrf.ru/news/opublikovan-top-zastroyschikov-rf-potekushchemu-stroitelstvu-na-1-yanvary-2023-goda?tag=ТОП>

в сопоставлении с конкурентами с наименее положительным имиджем [5].

Результаты проведенного исследования отмечают значимость имиджа как конкурентного достоинства в строительной индустрии. Заказчики преимущественно ориентируются на престиж компании, делая процесс управления имиджем основополагающим фактором стратегического планирования.

Доверие заказчиков формируется на основе впечатлений от имиджа компании. Строительные компании, как правило, активно работающие над собственной репутацией, смогут учитывать лояльность заказчиков, а также рассчитывать на повторное сотрудничество.

В контексте цифровизации необходимость онлайн-присутствия невозможно недооценить, так как строительные компании, как правило, активно применяют соцсети и различные платформы для комментариев и отзывов, для управления собственным имиджем, а также для своевременного реагирования на негативные отзывы [4].

В процессе исследования проведено анкетирование 35 клиентов строительных работ, которые являлись клиентами компании APC (строительная компания полного цикла услуг, которая занимается планированием, проектированием, строительством, отделкой, инженерным оснащением и реновацией помещений в городе Москва)¹.

Данное анкетирование проводилось с марта 2023 года по декабрь 2023 года.

В исследовании участвовали определенные категории, как например, руководители строительной компании, менеджеры, строители, а также клиенты компании, которые пользовались услугами.

Результаты экспериментальной работы демонстрируют, что имидж компании может быть значимым фактором для принимаемого клиентом решения в пользу нашей компании. В контексте финансовой нестабильности, а также социальных трансформаций, клиенты больше всего ориентируются на авторитет строительных компаний.

Кроме того, строительные организации, которые активно работают над собственным имиджем и информационной активностью, имеют основания для возобновления деловых отношений, а повторные обращения к нашим услугам отмечены у большого количества наших клиентов (выполнили 51 проект), мы рассчитываем также на лояльность клиентов в будущем².

Актуальность данного исследования подкрепляется действием внутренней политики на выбор заказчиков. Представляется важным принимать во внимание то, что гарантии социальной

поддержки (жилые помещения), а также активное участие в социальных проектах (Ingrad, Абсолют Недвижимость)³ являются значимыми факторами целевой аудитории, что на данном этапе требует от строительных организаций (фирм) долгосрочного планирования и работы над имиджем.

Воздействие на потребительские предпочтения: данное исследование продемонстрировало, что клиенты, как правило, выбирают строительные компании с привлекательным имиджем, подчеркивая необходимость репутационного менеджмента и бренда «сочетание фактур, насыщенных цветов и декоративных элементов, современного освещения и неона – всем этим может похвастаться новый офис IT-департамента Совкомбанка»⁴

Успешные стратегии, как например, применение цифровых платформ, участие в общественных событиях, помощь в экологических начинаниях, которые способствуют развитию положительного имиджа, а также конкурентного преимущества. Строительные компании с положительным имиджем имеют улучшенные возможности для устойчивого роста, а также развития, кроме того, компании могут более эффективно привлекать финансирование и развивать сотрудничество.

Дальнейшие перспективы

Представляется важным продолжать исследование эффекта имиджа на конкурентоспособность в разных областях строительной индустрии, в том числе анализировать влияние инновационных технологий на развитие общественного восприятия.

Литература

1. Бельских И.Е. Имидж недвижимости и строительный комплекс // ЭКО. 2006. № 7 (385).
2. Важенина И.С. Имидж и репутация территории // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 23.
3. Дьяконова К.А. Имидж строительных компаний / К.А. Дьяконова // Экономика: Актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 35–37. – EDN TSMJTF.
4. Имидж компании: 3 шага формирования // Маркетинг для руководителей. – URL: <https://inscale.ru/blog/imidzh-kompanii> (дата обращения: 10.09.2024).
5. Имидж организации: его цели // Продажи и маркетинг. – URL: <https://blog.calltouch.ru/imidzh>

¹ APC – строительная компания полного цикла услуг <https://arc-fitout.com/about>

² Данные были получены в ходе собственного внутреннего анализа динамики развития клиентской базы в 2023 году.

³ APC – строительная компания полного цикла услуг <https://arc-fitout.com/about>

⁴ Гик-офис IT-хаба Совкомбанка – акцентный и артистичный <https://rutube.ru/channel/17263785/>

- organizaczii-cto-eto-kak-sozdatpolozhitelnyj-imidzh-kompa (дата обращения: 10.09.2024).
6. Имидж и репутация строительной организации // Энциклопедия маркетинга. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81648/1/978-5-91416-007-1_2016-261.pdf (дата обращения: 10.09.2024).
  7. Кашинская Е.М. Специфика формирования цифрового имиджа строительной организации / Е.М. Кашинская // Оригинальные исследования. – 2020. – Т. 10, № 5. – С. 75–79. – EDN TUKRBH.
  8. Комарова С.Н. Разработка процесса формирования имиджа организации и методика его оценки / С.Н. Комарова, Т.Н. Прокопец // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2019. – № 1(65). – С. 95–99.
  9. Комплекс маркетинговых коммуникаций // Энциклопедия маркетинга. – URL: <https://www.marketing.spb.ru/read/article/a44.htm> (дата обращения: 10.09.2024).
  10. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
  11. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. 2-е изд. СПб: Питер, 2006.
  12. Сабилов В.Д. Имидж организации как основа ее стабильного развития / В.Д. Сабилов, А.Д. Тихонова // Экономические исследования и разработки. – 2022. – № 12. – С. 22–28.
  13. Рюмшин С.А., Хагуюев Р.Р. Феномен медиа-образа региона в конфликтологическом дискурсе (на примере Чеченской Республики) // Коммуникология. 2023. № 1. С. 118–129.
  14. Сократилина Е. Методы и технологии социологического исследования: можно ли измерить имидж? Оценка имиджа строительных компаний / Е. Сократилина // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. – С. 212–216.
  15. Соловьева И.П. К вопросу формирования позитивного имиджа организации / И.П. Соловьева, Е.Е. Нефедова // Актуальные вопросы управления персоналом: сборник научных статей II Национальной научно-практической конференции, Москва, 09–11 декабря 2020 года. – Москва: Типография «Формат», 2020. – С. 187–194.
  16. Свиридович С.В. Имиджелогия: роль имиджа организации строительной отрасли в процессе выхода на зарубежные рынки / С.В. Свиридович // Фотинские чтения – 2021 (весеннее собрание): Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Ижевск, 25–27 марта 2021 года. – Ижевск: Издательство УИР ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2021. – С. 151–159.
  17. Формирование имиджа компании // Дэмис групп. – URL: <https://www.demis.ru/articles/formirovanie-imidzha-kompanii/> (дата обращения: 10.09.2024).
  18. Формирование корпоративной культуры // Каус групп. – URL: <https://www.kaus-group.ru/knowledge/300-articles/category/personnel/material/789/> (дата обращения: 10.09.2024).
  19. Что такое потребительская лояльность // Сервис рассылок. – URL: <https://www.unisender.com/> (дата обращения: 10.09.2024).
  20. Шакирова Д.М. Имидж как инструмент управления организацией в контексте цифровой трансформации / Д.М. Шакирова, Д.В. Панфилова // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 144–146. – DOI 10.34755/IROK.2023.18.40.097.
  21. Шарков Ф.И. Константы гудвилла: стиль, публичности, репутация, имидж и бренд фирмы: учебное пособие / Ф.И. Шарков. – 5-е изд., стер. – Москва: Дашков и К^о: Издательство Шаркова, 2020. – 272 с.

IMAGE AS A COMPETITIVE ADVANTAGE (ON THE EXAMPLE OF THE CONSTRUCTION SECTOR)

Agekyan S.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The paper analyzes the reputation of the image as the main competitive advantage in the construction industry. It considers how an attractive company image affects the reputation among customers, as well as their loyalty and the selection of a contractor. Much attention is paid to the criteria that form the image, such as quality of service, social guarantees and advanced technologies. The relevance of the topic of this study is due to the intense competition in the construction industry at the present stage, in which various companies are faced with the need for individualization among many options. Understanding the approaches to the formation and construction of the image provides an opportunity for construction companies to both attract and retain customers, thereby creating a long-term partnership, as well as enhancing their own reputation. The purpose of this study is to determine the impact of the company's image on the competitive advantages of construction companies, including the development of recommendations for image formation. Research objectives: to identify the key components of the image status of a construction company; to analyze the impact of the image of this company on the choice of a contractor for customers; to consider effective practices for developing a company's image in the construction industry; to develop additional recommendations for improving the company's image status to develop competitive opportunities. The study included questionnaires for customers and specialists in

the construction industry; statistical indicators of the construction market; case studies of influential construction companies with an attractive image. The results of the study demonstrated that construction companies with an attractive image have the highest degree of trust from customers and contribute to an increase in the number of orders and repeat contracts. Conclusion. Image seems to be the main competitive advantage for construction organizations, and development requires an integrated approach and taking into account the opinions of customers.

Keywords: construction industry, social responsibility, competition, advantage, image, branding, customers, service, technology.

References

1. Belskikh I.E. Real estate image and construction complex // ECO. 2006. No. 7 (385).
2. Vazhenina I.S. Image and reputation of the territory // Regional economy: theory and practice. 2010. No. 23.
3. Dyakonova K.A. Image of construction companies / K.A. Dyakonova // Economy: Actual issues of theory and practice: collection of articles of the II International scientific and practical conference, Penza, November 15, 2022. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – P. 35–37. – EDN TSMJTF.
4. Company image: 3 steps of formation // Marketing for executives. – URL: <https://in-scale.ru/blog/imidzh-kompanii> (date of access: 10.09.2024).
5. The image of the organization: its goals // Sales and marketing. – URL: <https://blog.calltouch.ru/imidzh-organizacii-cto-to-kak-sozdatpolozhitelnyj-imidzh-kompa> (date of access: 10.09.2024).
6. The image and reputation of the construction organization // Encyclopedia of marketing. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81648/1/978-5-91416-007-1_2016-261.pdf (date of access: 10.09.2024).
7. Kashinskaya E.M. Specifics of Forming a Digital Image of a Construction Organization / E.M. Kashinskaya // Original Research. – 2020. – Vol. 10, No. 5. – Pp. 75–79. – EDN TUKRBH.
8. Komarova S.N. Development of the Process of Forming an Organization's Image and Methodology for its Assessment / S.N. Komarova, T.N. Prokopets // Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH). – 2019. – No. 1 (65). – Pp. 95–99.
9. Marketing Communications Complex // Encyclopedia of Marketing. – URL: <https://www.marketing.spb.ru/read/article/a44.htm> (accessed: 10.09.2024).
10. Kotler F., Asplund K., Rein I., Haider D. Marketing of Places. Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2005.
11. Pankrukhin A.P. Marketing of Territories. 2nd ed. SPb: Piter, 2006.
12. Sabirov V.D. Image of an Organization as a Basis for Its Stable Development / V.D. Sabirov, A.D. Tikhonova // Economic Research and Development. – 2022. – No. 12. – P. 22–28.
13. Ryumshin S.A., Khagiev R.R. Phenomenon of the Media Image of a Region in Conflictological Discourse (on the Example of the Chechen Republic) // Communicology. 2023. No. 1. P. 118–129.
14. Sokratilina E. Methods and technologies of sociological research: is it possible to measure image? Assessing the image of construction companies / E. Sokratilina // The Fourth Industrial Revolution: Realities and Modern Challenges. X Anniversary St. Petersburg Sociological Readings: collection of materials of the International scientific conference, St. Petersburg, April 13–14, 2018. – St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University», 2018. – P. 212–216.
15. Solovieva I.P. On the issue of forming a positive image of the organization / I.P. Solovieva, E.E. Nefedova // Actual issues of personnel management: collection of scientific articles of the II National Scientific and Practical Conference, Moscow, December 09–11, 2020. – Moscow: Typography «Format», 2020. – P. 187–194.
16. Sviridovich S.V. Imageology: the role of the image of an organization in the construction industry in the process of entering foreign markets / S.V. Sviridovich // Fotinsky readings – 2021 (spring meeting): Proceedings of the VIII International scientific and practical conference, Izhevsk, March 25–27, 2021. – Izhevsk: Publishing house of UIR Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, 2021. – P. 151–159.
17. Formation of the company's image // Demis group. – URL: <https://www.demis.ru/articles/formirovanie-imidzha-kompanii/> (date of access: 10.09.2024).
18. Formation of corporate culture // Kaus group. – URL: <https://www.kaus-group.ru/knowledge/300-articles/category/personnel/material/789/> (date of access: 10.09.2024).
19. What is consumer loyalty // Mailing service. – URL: <https://www.unisender.com/> (date of access: 10.09.2024).
20. Shakirova D.M. Image as a tool for managing an organization in the context of digital transformation / D.M. Shakirova, D.V. Panfilova // Actual aspects of the development of science and society in the era of digital transformation: Collection of materials of the VII International scientific and practical conference, Moscow, April 28, 2023. – Moscow: Limited Liability Company «ALEF Publishing House», 2023. – P. 144–146. – DOI 10.34755/IROK.2023.18.40.097.
21. Sharkov F.I. Goodwill constants: style, publicity, reputation, image and brand of the company: a textbook / F.I. Sharkov. – 5th ed., reprinted. – Moscow: Dashkov i K : Sharkov Publishing House, 2020. – 272 p.

Подготовка кадров для молодежной политики: социологические аспекты организации работы с молодежью в высшей школе

Гончарова Ирина Валентиновна,

д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики, Государственный университет управления
E-mail: 79208195393@yandex.ru

Пушкарева Наталья Николаевна,

к.с.н., директор центра социологических исследований «14–35», Государственный университет управления
E-mail: nn_pushkareva@guu.ru

Гуров Григорий Александрович,

к.э.н., доцент кафедры государственного муниципального управления, Государственный университет управления
E-mail: ga_gurov@guu.ru

В статье излагаются результаты исследования, проведенного Центром социологического исследования «14–35» по заказу Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Была изучена эффективность системы подготовки кадров по направлению подготовки «Организация работы с молодежью» в контексте вузовской среды. Использовались следующие методы: онлайн-опрос студентов, обучающихся на данном направлении, проектная исследовательская сессия со старшеклассниками и интервью с экспертами. Это позволило получить комплексное представление о существующих проблемах и перспективах в области подготовки кадров для молодежной политики в вузах. Результаты исследования имеют целью не только выявление сильных и слабых сторон текущей системы подготовки, но и разработку рекомендаций для ее улучшения, что, в свою очередь, поспособствует более эффективному решению задач молодежной политики в стране.

Ключевые слова: молодежь, организация работы с молодежью, специалист по молодежной политике, кадры, молодежная политика, образовательная программа.

Введение

Молодежь, выступая основой кадрового обеспечения в современных условиях, представляет собой ключевой фактор модернизации общества и стратегический приоритет для страны. В связи с этим большое значение придается формированию высококвалифицированного кадрового потенциала среди молодежи и для молодежи [2]. Утвержденное Правительством Российской Федерации в 2014 г. распоряжение «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года» впервые закрепило статус специалиста по работе с молодежью как «работника, обладающего соответствующей профессиональной квалификацией в федеральном, региональном или муниципальном органе исполнительной власти, а также в органах местного самоуправления и в организациях различных форм собственности, занимающихся деятельностью, связанной с молодежью» [5].

Как отмечает В.А. Луков, инвестиция в молодежь «является социальным проектированием будущего страны» [1, с. 153]. В условиях глобализации и цифровизации, диктующих быструю смену социально-экономической действительности, молодые люди сталкиваются с социальной изоляцией, профессиональной неопределенностью и низкой активностью, исходя из чего возрастает потребность не только квалифицированных специалистов по работе с молодежью, но в новых подходах к их подготовке. Эффективное управление молодежной политикой требует квалифицированных специалистов, которые будут способны адаптировать существующие стратегии к меняющимся условиям и потребностям молодежи [6]. В этой связи направление подготовки «Организация работы с молодежью» в высшей школе превращается в одну из важнейших задач, требующих комплексного подхода и глубокого понимания социологических аспектов. Не может быть недооценена взаимосвязь социологии управления и молодежной политики, поскольку социология предоставляет инструменты для анализа социального контекста, в котором осуществляется управление. Понимание социальных процессов позволяет будущим специалистам предлагать более адекватные решения, соответствующие реальным вызовам, с которыми сталкивается молодежь.

Центром социологического исследования «14–35» по заказу Министерства науки и высшего об-

разования РФ в апреле – июне 2024 г. было проведено исследование «Организация работы с молодежью. Подготовка кадров для молодежной политики в высшей школе» [3]. Оно было направлено на изучение эффективности системы подготовки кадров в вузовской среде по направлению «Организация работы с молодежью» (далее – ОРМ).

В ходе исследования, проведенного Центром социологического исследования «14–35», были использованы следующие методы:

- онлайн-опрос, проведенный среди 363 студентов направления подготовки ОРМ, охватывающий 8 ФО, 72 субъекта РФ, включая в себя новые;
- проектная исследовательская сессия со старшеклассниками 10–11 класса, в которых приняло участие 56 человек (22 муж., 34 жен.) из Москвы, Нижнего Новгорода, Ставрополя и Екатеринбурга;
- интервью, проведенные среди 11 экспертов [4].

Цель статьи: исследовать систему подготовки кадров для молодежной политики и предложить пути её оптимизации на основе социологических данных и экспертных оценок.

Результаты онлайн-опроса студентов

В рамках онлайн-опроса была использована двухступенчатая выборка [4]. На первой ступени сплошная выборка: ссылка на онлайн-анкету и приглашение к участию для студентов вузов в опросе рассылались в вузы, подведомственные Минобрнауки РФ, где реализовывалось направление подготовки бакалавриата ОРМ. На второй ступени использовалась конформная выборка: в опросе приняли участие все желающие представители целевой группы.

По итогам онлайн-опроса было выявлено, что респонденты чаще всего узнавали об ОРМ в момент подачи документов при поступлении в вуз (58%), что может свидетельствовать о недостаточном информировании абитуриентов о данном направлении подготовки. 22% респондентов узнали про него в интернете, что подчёркивает важность цифровых ресурсов при получении информации о направлениях подготовки. Наконец, всего 20% опрошенных узнали об ОРМ от родителей, друзей и знакомых, что подтверждает значимость ближайшего круга абитуриента при выборе образовательного направления [4].

Таким образом, результаты опроса указывают на необходимость повышения уровня информированности абитуриентов о направлении подготовки ОРМ задолго до подачи документов. С этой целью вузы и другие образовательные учреждения должны разработать ряд профориентационных просветительских мероприятий, повысить качество и доступность образовательных ресурсов в сети, в том числе активнее использовать социальные сети. Следует также подчеркнуть значимость ближнего

круга абитуриента при выборе профессионального вектора, на информированность которого о карьерных возможностях ОРМ могут повлиять представители университетов.

Результаты опроса демонстрируют, что основным мотивом поступления на данное направление подготовки является возможность обучения за счёт бюджетных средств (67%). Данный факт также подтверждают ответы респондентов в строке «Свой вариант», например, «Не прошёл(ла) на бюджетную форму обучения другого направления» или «Нежелание проходить службу в армии», желание просто получить высшее образование выбрали 22%. Это подчёркивает, что абитуриенты выбирают специальность, руководствуясь своими прагматичными интересами или сложившимися на данный момент обстоятельствами, а не осознанным интересом к профессии. Осознанным выбором руководствовалась лишь треть (30%) от всех опрошенных, что указывает на то, что большинство поступающих не имеют ясного видения своего профессионального будущего или не придают этому должного значения на этапе поступления. Всего лишь 19% респондентов отметили широкий и разнообразный выбор дальнейшего трудоустройства, подчёркивая универсальность направления [4].

Говоря про отношение к направлению подготовки в процессе обучения, абсолютное большинство (86%) опрошенных довольны своим выбором. При этом желание сменить направление подготовки возникало у 40% обучающихся. Причинами служили, во-первых, туманный образ карьерных траекторий (54%), что в целом связано с неосознанностью выбора при поступлении, когда главным мотивом выступало возможность обучения на бюджетной основе. Во-вторых, у опрошенных есть страх, связанный со сложностью трудоустройства по специальности (29%). Тревожные настроения могут быть вызваны высокой динамикой на рынке труда, искаженной или недостаточной информацией о реальных возможностях. В-третьих, 25% опрошенных не удовлетворены условиями труда и заработной платой специалистов по работе с молодежью. Больше половины студентов считают, что для освоения направления подготовки «Специалист по работе с молодежью» достаточно обучения на бакалавриате.

Особый интерес представляет оценка образовательного процесса обучающимися. Среди сильных сторон ОРМ они выделяют интересную разностороннюю образовательную программу (55%), а также возможности: быть в курсе событий молодежной политики (45%), успешно совмещать учёбу и активную общественную деятельность (34%), познакомиться с интересными людьми из сферы молодежной политики (33%) и совмещать учёбу и работу (28%) [4].

В определении слабых сторон 20% респондентов затруднились ответить. 30% считает, что

у ОРМ нет слабых сторон. Однако некоторые опрошенные отметили отсутствие баз для практики и не практико-ориентированное обучение (18%), сильный разрыв между теорией и практикой (15%), свидетельствующие о необходимости приведения учебной базы в соответствие с вызовами времени. Отсутствие возможности совмещать учёбу и работу считают слабой стороной 15% опрошенных, при этом мнение 28% опрошенных противоположно, данное противоречие может быть связано с графиком реализации образовательной программы или адаптивностью самих студентов. Устаревшие методы обучения и слабую образовательную программу отметили 13 и 12% соответственно. Таким образом, несмотря на выделенный ряд преимуществ, существуют и недостатки, главные из которых – отсутствие практико-ориентированного обучения и неактуальные подходы к образовательному процессу, что требует системной коррекции с учетом потребностей студентов и реалий рынка труда [4].

Чаще всего студенты проходили практику в таких молодёжных общественных организациях, как «Движение Первых», «Российские студенческие отряды», «Российский союз молодежи» и т.д. (18%), в некоммерческих организациях, благотворительных фондах (15%), в управлении по делам молодёжи города (15%), в министерстве молодёжной политики региона (15%). При этом студенты 3 курсов чаще всего проходили практику в молодёжных общественных организациях, а студенты 4–5 курсов – в министерстве молодёжной политики региона (39 и 32% соответственно). Однако треть опрошенных ещё не имела опыта в прохождении практики, что свидетельствует о необходимости совершенствования системы стажировок. В строке «Свой вариант» респонденты отметили, что они проходили практику в детских лагерях, молодёжных центрах и в своём вузе. В целом, опрошенные удовлетворены прохождением практики (4,2 балла из 5). Особенно высоко они оценили работу руководителя практики (4,4 балла) и атмосферу в коллективах, где проходила практика (4,5 балла) [4].

Большинство студентов ОРМ занимают активную жизненную позицию (74%), которая напрямую коррелируется с возрастом: чем старше становится студент, тем активнее начинает выражаться его жизненная позиция. Так, если на 1–2 курсах большинство студентов (46%) проявляет от случая к случаю, то к 4–5 курсу доля студентов, всегда проявляющих свою позицию, возрастает (51%), а во время обучения в магистратуре она составляет 63%, что может быть обусловлено приобретением жизненного опыта и более глубоким осознанием своих возможностей. Активность проявляется как в постановке и достижении собственных жизненных целей (68%), обсуждении интересных тем с друзьями, родителями, знакомыми (53%),

так и в голосовании на выборах, референдумах (46%), что подтверждает развитие политической культуры и становление гражданской позиции. Помимо этого, результаты опроса демонстрируют большую вовлеченность студентов во внеучебные (69%) и научные мероприятия (59%), кроме акций с соревновательной составляющей. Так, 52% опрошенных не участвует в грантовых конкурсах, 53% – не участвуют в олимпиадах, а 59% респондентов не участвуют в спортивных соревнованиях, предпочитая исследовательскую деятельность, самообразование и научное взаимодействие [4]. Таким образом, прослеживается необходимость создания благоприятной среды и ценностей здоровой конкуренции.

Примечательно, что говоря о приобретённых компетенциях в рамках освоения образовательной программы ОРМ, студенты низко оценивают теоретические знания по молодёжной политике. Так, свои знания в области: государственного и муниципального управления они оценили на 3,8 балла из 5, функционирования цифровых систем и баз, обеспечивающих молодёжную политику – на 3,6 балла, функционирования молодёжных НКО, благотворительных фондов, знания в области финансово-экономической деятельности молодёжной политики (в том числе субсидии и гранты) – на 3,8 балла. При этом, свои т.н. «мягкие навыки» – деловую коммуникацию, публичные выступления и организацию мероприятий студенты оценивают на 4,1 балла, создание презентаций и работу в команде – на 4,3 и 4,4 балла соответственно.

Составляя профессиональный портрет специалиста по работе с молодёжью, опрашиваемые студенты выделили следующие навыки: коммуникабельность (78%), управление командой, персоналом (54%), психологическую наблюдательность (53%), творческое мышление (53%), гибкость и адаптивность (53%), ответственность (53%), стрессоустойчивость (53%), лидерство (51%), инициативность (48%), умение выступать на публику (48%) [4].

Большинство респондентов оценивает профессию специалиста по работе с молодёжью как престижную, а университетский диплом – как универсальный, что свидетельствует о положительном социальном имидже этой специальности. Они также считают, что данное направление подготовки является отличной основой для карьерного роста и развития в условиях социального пространства рынка труда.

При этом с тезисом: «Специалист по работе с молодёжью – это та работа, о которой мечтают многие молодые люди», – 39% респондентов согласились, 31% – не согласились, а 30% – затруднились ответить. Неоднозначность реакции обуславливается относительной новизной ОРМ и недостаточностью примеров успешных карьерных

кейсов выпускников. Работать по специальности планируют менее половины опрошенных (43%). Чаще всего студенты были трудоустроены в результате приглашения работодателя после взаимодействия во время совместных мероприятий, волонтерской деятельности (26%), а также после прохождения практики (23%). 15% студентов нашли работу по рекомендации своего окружения [4].

В рамках проведенного онлайн-опроса студентов вузов по направлению подготовки ОРМ удалось выяснить несколько ключевых аспектов в отношении информированности абитуриентов, карьерных мотиваций и оценки образовательного процесса. Во-первых, низкий уровень предварительного информирования о профессии, во-вторых, возможность бюджетного обучения превалирует над осознанным интересом к профессии. Несмотря на широкую удовлетворенность (86%) студентов своим выбором, 40% студентов выражают желание сменить направление из-за неясности карьерных перспектив и тревог относительно трудоустройства. Студенты высоко оценивают свои «мягкие навыки» и выражают позитивное отношение к профессии, но при этом лишь 43% из них планируют работать по специальности. Для будущего ОРМ необходимо сочетание теории с практическими навыками и активное продвижение профессии среди молодежи, в том числе при помощи цифровых ресурсов.

Основные итоги проектной сессии со старшеклассниками

Проведенные 4-х проектные сессии среди школьников от 14 до 18 лет (в т.ч. являющихся активными участниками проектов и программ «Движения Первых» и «Российского Союза Молодежи»), показали следующие результаты.

- Школьники не имеют сформированного образа специалиста по работе с молодежью. Во время сессии они называли огромное количество ассоциаций, которые совпадали в единичных случаях у меньшей части участников. Чаще всего звучали отдельные качества, которые, по мнению респондентов, присущи человеку, занимающемуся работой с молодежью, но при этом отразить настоящий смысл профессии участникам не удалось. В их восприятии специалист по работе с молодежью – это любой человек, который постоянно контактирует с детьми, подростками и молодежью (педагог или организатор мероприятий).
- Школьники не связывают ОРМ с молодежной политикой, государственной и/или общественной деятельностью. Ни один из респондентов за все проведенные сессии ни разу не упомянул о том, что специалист по работе с молодежью – это работник из сферы молодежной

политики. Косвенно затрагивались лишь молодежные и детские общественные организации и волонтерство. Очевидно, школьников важно вовлекать в дискуссии о роли молодежной политики для общества.

- Подавляющее большинство респондентов даже не знали о данном направлении подготовки. Соответственно, осознанного интереса к ОРМ нет. Профессию специалиста по работе с молодежью не считают престижной и перспективной, поэтому выбирая между бесплатным обучением на ОРМ и платным на желаемом направлении подготовки, они в большей части выбирают второй вариант.
- По мнению обучающихся специалист по работе с молодежью обязан постоянно общаться с людьми. При этом коммуникация является одновременно как привлекательным, так и отталкивающим фактором в их глазах. Среди плюсов этой профессии называются: льготы, бесплатные путешествия, мерч с мероприятий. Минусы ОРМ вытекают из образа профессии, ассоциируемого с педагогами дополнительного образования, вожатыми и учителями: низкие зарплаты и большая ответственность за детей. Школьники испытывают страх перед потенциальными трудностями такими, как эмоциональное выгорание и неспособность эффективно взаимодействовать с подопечными. По мнению респондентов, данная профессия нужна молодежи для правильного направления и развития, государству – для контроля данного процесса, детям и подросткам – для помощи в социализации. Многостороннее понимание функционала свидетельствует о наличии определённого уровня социальной ответственности школьников и осознании ими важности профессии. Но при этом большая часть школьников считают сферой деятельности специалиста ОРМ организацию досуговых мероприятий для детей и молодежи, направленных на яркое, активное и счастливое времяпрепровождение. В единичных случаях старшеклассники связывают данную деятельность с наставничеством, поддержкой, особенно в профессиональной сфере [4].

По итогам сессий можно составить социальный портрет специалиста по работе с молодежью в восприятии старшеклассников. Это молодой человек, обладающий развитыми коммуникационными навыками, который сможет поддержать разговор, найти подход к любому представителю молодежного сообщества, настроить взаимосвязь старшего и младшего поколения, быть лидером. Он эмпатичен, имеет базовые психологические знания. Психоэмоционально он находится в состоянии счастья, стрессоустойчив, излучает позитив для окружающих. Он следит за трендами, модой и главными событиями для того, чтобы не потерять контакт с молодежью. Его деятельность свя-

зана с проведением мероприятий для молодых людей, в том числе, детей и подростков. Он помогает молодёжи в решении их проблем, в первую очередь, связанных с профессиональной реализацией.

Таким образом, исследование, проведенное среди школьников 10–11 классов, выявило, что участники не сформировали целостного образа данной специальности, ассоциируя её главным образом с педагогами и организаторами мероприятий, без связи с молодёжной политикой или социальным субъектом. Большинство респондентов не знали о направлении подготовки ОРМ. Положительное восприятие профессии связывается с активным взаимодействием с молодёжью, однако страх перед трудностями – эмоциональным выгоранием и высокими требованиями – подавляет интерес к данной сфере. Результаты исследования подчеркивают необходимость вовлечения подростков в обсуждения ролей и функций молодёжной политики, а также активизации профориентационной работы для повышения осознанного интереса к этой профессии.

Экспертная оценка и компетентностный портрет специалиста по работе с молодёжью

Интервью с 11 экспертами, среди которых были представители административной, образовательной и научной сфер, руководители молодёжных общественных организаций, затрагивало круг вопросов, связанных с организационным и содержательным компонентом реализации направления подготовки ОРМ и проблемой подготовки кадров для молодёжной политики в целом [4].

Анализируя факторы выбора ОРМ для обучения на уровне бакалавриата, все эксперты сошлись на двух тактиках выбора данного направления.

1. Большинство абитуриентов, поступающих на ОРМ, узнают о нём во время приемной кампании, руководствуясь портфелем ЕГЭ, возможностью получить образование за счет бюджетных средств или доступной стоимостью обучения, а также предположением, что будет интересно учиться, а в перспективе работать с молодёжью предпочтительнее, чем с какой-либо другой категорией населения.

2. Абитуриенты целенаправленно поступают на ОРМ в единичных случаях. Они определяются под воздействием школьного опыта общественной или волонтерской деятельности, участия в молодёжных и общественных организациях, либо под влиянием значимого взрослого из сферы молодёжной политики.

Относительно факторов выбора ОРМ для обучения на уровне магистратуры, эксперты предположили, что в приоритете для поступающих, которые уже связаны со сферой молодёжной поли-

тики, документ об образовании для формального подтверждения профессиональной деятельности и возможности карьерного роста. Есть процент и тех магистрантов, которые планируют оптимальный вариант написания магистерской диссертации. Как правило, они имеют личные контакты с преподавателем данного направления, который предложил обучение по магистерской программе. Наконец, есть небольшой контингент тех студентов, кто учился на бакалавриате и продолжил обучение в магистратуре, под влиянием преподавателей и при наличии бюджетных мест

В отношении факторов выбора ОРМ в качестве дополнительного профессионального образования, эксперты отметили его формальность. По мнению экспертов, для студентов данный формат сегодня не востребован из-за неактуальной программы. При этом формат ДПО очень востребован среди работодателей. В случае наличия качественных очных или гибридных программ ДПО, работодатели поощрили бы повышение квалификации своих сотрудников.

По мнению экспертов, образовательная программа ОРМ, вне зависимости, от степени или формы реализации не совсем ясна как абитуриентам и их родителям, так и работодателям, поэтому предпочтение отдаётся более широким и понятным направлениям подготовки.

Отвечая на вопрос, повышаются ли шансы осознанного выбора данного направления в случае активного участия школьника в общественной и волонтерской деятельности, мнения экспертов разделились. Около половины из них считают, что однозначно влияет, подчёркивая, что активная деятельность «Движения Первых» может помочь в продвижении направления подготовки и увеличения контрольных цифр приёма. Вторая половина экспертов не видит прямой взаимосвязи воспитательной работы в школе и выборе ОРМ. По их мнению, школьник, участвуя в общественных мероприятиях, актуализирует свои таланты и способности, но не связывает их со своим профессиональным самоопределением.

Большинство экспертов отстаивают необходимость сохранения всех ступеней подготовки кадров ОРМ (бакалавриат, магистратура, ДПО). Некоторые из них предлагают развивать научное направление и аспирантуру. При этом, эксперты подчёркивают приоритет содержательной части образовательных программ, ориентированных на запросы работодателей.

Анализируя сильные и слабые стороны направления подготовки, экспертам было предложено ответить на вопрос о замене направления ОРМ более широкими профилями общественно-гуманитарного блока (психология, педагогика, социология, политология и т.п.). Большинство из них сходятся во мнении, что ОРМ является уникальным направлением и должно сохранить целостность

в структуре социогуманитарного знания. Ряд экспертов отметили, что ОРМ является широким направлением подготовки, формирующим кругозор, разнообразный набор компетенций, и в итоге, гармонично развитую личность. Большинство выразили мнение, что если абитуриент хочет связать свой дальнейший профессиональный путь с работой с молодёжью, то, поступать нужно именно на данное направление.

Эксперты сходятся во мнении, что в современных условиях отсутствует маркетинговое продвижение профессии «специалист по работе с молодёжью». Вместе с тем, чтобы начать информационную кампанию по популяризации данной профессии, необходимо составить понятный компетентностный портрет специалиста по работе с молодёжью.

Сгруппировав ответы экспертов по 5 категориям, мы получаем компетентностный портрет специалиста по работе с молодёжью.

1. Личный опыт участия в молодежных мероприятиях и программах. Опыт является практической базой, которая позволяет специалисту устанавливать контакт с молодёжью, опираясь на схожесть жизненных ситуаций. Он способен оказывать поддержку молодым людям в их социальной и профессиональной навигации, благодаря насыщенному жизненному опыту и непосредственному участию в молодёжной политике. Специалист также должен понимать и быть знаком с типичными жизненными ситуациями, с которыми сталкивается молодёжь, что способствует созданию доверительных отношений.

2. Владение актуальной повесткой и историческим контекстом. Ключевым аспектом компетенции является знание актуальной повестки в сфере молодёжной политики, а также понимание исторического контекста ее развития в России. Это включает осведомленность о событиях и мероприятиях на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, понимание политических процессов, владение новыми подходами к реализации молодёжной политики. Специалист должен ориентироваться в текущих событиях страны и их влиянии на молодёжь, а также иметь представление об исторических векторах развития России.

3. Личные характеристики и ролевое поведение. Доминирующими личными характеристиками представителя данной профессии являются инициативность, критическое мышление и стрессоустойчивость. Важными качествами являются умение работать в условиях многозадачности и соблюдение этических норм. Он должен быть примером для молодёжи, проявляя лидерство и ответственность, а также быть коммуникабельным, чтобы эффективно взаимодействовать с различными группами.

4. Навыки. Ключевыми навыками специалиста являются организация и проведение массовых ме-

роприятий, умение выявлять потребности молодёжи и эффективно их удовлетворять. Специалист должен обладать исследовательскими навыками и уметь работать в цифровой среде, используя цифровое прогнозирование. Навыки социального проектирования, продвижения и рекламы также необходимы для успешной работы с молодёжью и её потребностями.

5. Знания. Специалист должен обладать обширной теоретической базой в области возрастной психологии и педагогики, а также знанием особенностей работы с различными молодёжными группами, включая в себя инклюзивные и девиантные. Правовая грамотность и понимание основных документов, касающихся молодёжной политики, в том числе специфики работы общественных молодёжных организаций, также крайне важны. Завершает компетентностный портрет наличие базовой медицинской подготовки и навыков оказания первой медицинской помощи.

Таким образом, комплексный компетентностный портрет специалиста по работе с молодёжью включает в себя широкий спектр личных, профессиональных и организационных качеств. Он должен стать ключевым в построении карьерной траектории для всех акторов молодёжной политики и основополагающим для профориентационной работы. И здесь, по мнению экспертов, партнёрами должны выступить молодёжные организации, и в первую очередь – «Движение Первых» [8].

Анализируя рынок труда, эксперты отмечают наличие спроса на кадры в отрасли молодёжной политики и воспитательной деятельности, но вместе с тем подтверждают наличие кадрового дефицита, подчёркивая, что специалисты по работе с молодёжью нужны не только в госсекторе, но в НКО, на госпредприятиях, в крупном бизнесе, везде – где много молодых сотрудников. Это обусловлено и особенностью молодёжной политики РФ, которая реализуется на основе взаимодействия между федеральными органами власти, органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при участии гражданских общественных организаций, юридических лиц и физических лиц [7]. Ряд экспертов подчёркивает, что нужно вести учёт востребованности кадров в сфере молодёжной политики: выстроить систему количественного запроса от работодателей, региональную карту потребностей, проводить мониторинг выпускников вузов. При этом, важно осознавать, что наибольший кадровый дефицит – в муниципалитетах, и отдельной задачей является подготовка кадров для работы в малых городах и поселениях.

Модернизация сферы ОРМ должна начинаться с работы со школьниками совместно с «Движением Первых» по трём направлениям: 1) популяризация направления подготовки «Организация работы с молодёжью» среди абитуриентов; 2) созда-

ние полноценного маркетинга профессии; 3) ознакомление студентов с компетентным портретом и карьерными возможностями.

Помимо этого, эксперты рекомендуют развивать профессиональное сообщество специалистов в сфере ОРМ и тех, кто принимает участие в формировании кадров для отрасли, посредством:

- создания профессиональных сообществ специалистов сферы молодёжной политики, а также консолидации сообщества по профессиональному признаку;
- формирования всероссийской площадки для диалога теоретиков и практиков (например, представители кафедры ОРМ и специалисты по работе с молодёжью). Обмен кейсами, мнениями, погружением в общеполитическую и федеральную молодёжные повестки предлагается проводить в центре знаний «Машук»¹;
- определения работодателями необходимого численного и функционального состава кадров, а также их включенности в образовательную среду и готовности предоставления базы для практики;
- переподготовки действующих кадров молодёжной политики.

Необходимо трансформировать и образовательный процесс, гибко выстраивая и развивая его в тандеме с работодателями, ориентируясь на потребности и запросы рынка. Для реализации данной цели предлагается следующее.

1. Пересмотреть учебные планы, образовательных программ, включая ДПО, адаптируя их под запросы и реальные потребности рынка труда, а также создать карту компетенций будущего специалиста. Дополнить кадровый ППС практиками, которые работают в молодёжных организациях, министерствах, корпорациях, НКО-секторе.

2. Создать методические рекомендации со стороны Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для направления ОРМ, с включением перечня обязательных и рекомендованных дисциплин, а также карты компетенций специалиста.

3. В рамках имеющихся возможностей сформировать отдельные кафедры «Организация работа с молодёжью» для исключения слабого функционирования данного направления и подготовку кадров по остаточному принципу. Сохранить историческую преемственность данного направления, опираясь на имеющийся опыт. Передать курирование кафедры/направлением ОРМ проректору по молодёжной политике и воспитательной деятельности в вузах.

4. Развить базы практик, стажировок, внедрить механизмы совместной работы со стороны академических и практических специалистов, а также

¹ <https://центрзнаниймашук.рф/?ysclid=m61ovcmmsj997110577>

восстановить доверие между профессиональным и академическим сообществом.

5. Сформировать научную базу, а также обеспечить практиков результатами исследований молодёжи [4].

Заключение

По итогам проведенного анализа можно сделать следующее заключение. Исследование, проведенное Центром социологических исследований «14–35», выявило множество аспектов, требующих особого внимания со стороны образовательных учреждений, органов власти и общества в целом. Вопросы выбора направления подготовки, понимания сущности профессии и недостаток информации о перспективах самоопределения среди старшеклассников представляют собой значительные барьеры на пути к эффективному формированию кадров для молодёжной политики.

Опрос студентов и проведённые интервью с экспертами продемонстрировали, что современная система подготовки нуждается в структурных изменениях, направленных на улучшение профориентационной работы и содержание образовательных программ. Компетентностный портрет специалиста, составленный на основе собранных данных, позволит создать стандарты для подготовки высококвалифицированных кадров в области молодёжной политики.

Практические рекомендации, вытекающие из результатов исследования, акцентируют внимание на необходимости интеграции более практических и актуальных подходов в образовательный процесс, что поможет не только привлечь внимание абитуриентов, но и повысить общий уровень профессиональной подготовки специалистов молодёжной политики. Социологическое исследование подчеркивает важность создания условий для дальнейшего развития профессии, а также необходимую гибкость системы образования в ответ на меняющиеся запросы молодых людей и общества.

Литература

1. Государственная молодёжная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. монография / под общ. ред. Вал. А. Лукова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. – 718 с.
2. Езопов М.В., Дьяков Д.И. Подготовка квалифицированных кадров для реализации современной модели молодёжной политики// Московский экономический журнал. 2021. № 11. – URL: <https://qe.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskijzhurnal-12-2021-25/>
3. Организация работы с молодёжью – подготовка кадров для молодёжной политики в выс-

- шей школе: монография / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный университет управления; под ред. С.В. Чуева. – Москва: ГУУ, 2024. – 119 с.
4. Организация работы с молодежью. Подготовка кадров для молодежной политики в высшей школе. – URL: <https://guu.ru/university/csr/>
  5. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации до 2025 года». – URL: <http://government.ru/docs/15965/>
  6. Реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации в условиях современных вызовов и неопределенностей / А.И. Андриянова, И.Г. Арцыбашев, М.А. Бедулева [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. – 212 с.
  7. Селезнева А.В., Томаев А.Х., Хаткевич А.А. Молодежное политическое лидерство в институциональном измерении: среда формирования и особенности развития // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 98 Июнь 2023 г. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-politicheskoe-liderstvo-v-institutsionalnom-izmerenii-sreda-formirovaniya-i-osobennosti-razvitiya/viewer>
  8. Устав Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых». – URL: <https://будьвдвижении.рф/download/MQ==/ZG9jdW1lbnRz/ZmlsZQ==/>

PERSONNEL TRAINING FOR YOUTH POLICY: SOCIOLOGICAL ASPECTS OF ORGANIZING WORK WITH YOUTH IN HIGHER EDUCATION

Goncharova I.V., Pushkareva N.N., Gurov G.A.
State University of Management

The article presents the results of a study conducted by the Center for Sociological Research “14–35” commissioned by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The ef-

fectiveness of the personnel training system in the field of training “Organization of work with youth” in the context of the university environment was studied. There were used such methods as: an online survey of students studying, a project research session with high school students, and interviews with experts. This allowed us to gain a comprehensive understanding of the existing problems and prospects in the field of personnel training for youth policy in universities. The research results aim not only to identify the strengths and weaknesses of the current training system, but also to develop recommendations for its improvement, which, in turn, will contribute to a more effective solution to the challenges of youth policy in the country.

Keywords: youth, organization of work with youth, specialist in youth policy, personnel, youth policy, educational program.

References

1. State youth policy: Russian and world practice of realizing the innovative potential of new generations in society: scientific monograph / under the general editorship of Val. A. Lukov. – M.: Publishing house of Moscow. humanitarian. University, 2013. – 718 p.
2. Ezopov M.V., Dyakov D.I. Training of qualified personnel for the implementation of the modern model of youth policy// Moscow Economic Journal. 2021. № 11. – URL: <https://qe.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskijzhurnal-12-2021-25/>
3. Organization of work with youth – personnel training for youth policy in higher education: a monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University of Management; edited by S.V. Chuev. – Moscow: GUU, 2024. – 119 p.
4. Organization of work with youth. Training of personnel for youth policy in higher education. – URL: <https://guu.ru/university/csr/>
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 11/29/2014 No. 2403-r “On the Approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation until 2025”. – URL: <http://government.ru/docs/15965/>
6. The implementation of state youth policy in the Russian Federation in the context of modern challenges and uncertainties / A.I. Andrianova, I.G. Artsybashev, M.A. Beduleva [et al.]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2022. 212 p.
7. Selezneva A.V., Tomaev A.Kh., Khatkevich A.A. Youth political leadership in the institutional dimension: the environment of formation and development specifics //Public administration. Electronic bulletin. Issue No. 98 June 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-politicheskoe-liderstvo-v-institutsionalnom-izmerenii-sreda-formirovaniya-i-osobennosti-razvitiya/viewer>
8. The Charter of the All-Russian social and state movement of children and youth “Movement of the First”. – URL: <https://будьвдвижении.рф/download/MQ==/ZG9jdW1lbnRz/ZmlsZQ==/>

Социологический анализ удаленной работы как современного формата занятости в Российской Федерации

Гремилов Александр Владимирович,

аспирант кафедры социологии и управления персоналом
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета
E-mail: grsanek@icloud.com

В статье анализируется современный формат удалённой работы молодых специалистов с высшим образованием, обобщаются результаты интервью и опросов, организованных в среде работающей молодёжи, изучается объём и глубина опыта молодых людей, занятых удалённой работой, востребованность данного формата работы, её положительные и отрицательные стороны, основные тенденции, характеризующие развитие рынка труда, а так же влияние на него пандемии Covid-19. Автор исследования предпринял попытку определения наиболее актуальных проблем современного рынка труда, его вектора развития в направлении охвата молодых специалистов. Дополнительно были изучены вопросы адаптации молодых людей к особенностям удалённой работы, её способность удовлетворить потребности молодёжи, риски и перспективы. В процессе работы над статьёй, было выяснено, что примерно треть всех молодых специалистов с высшим образованием работают удалённо. При этом большинство из них положительно оценивают эту форму занятости и видят в ней перспективу для профессионального роста. Стоит отметить и высокий уровень готовности всех молодых людей к удалённой работе.

Ключевые слова: дистанционная работа, современный формат занятости, молодые специалисты, инновации на рынке труда, новые формы занятости, тенденции рынка труда.

Современный мир характеризуется процессами неопределённости, глобализации и существенными изменениями рынка труда и специфики занятости населения. В последние годы в Российской Федерации значительно возросло количество специалистов, перешедших на удалённый формат работы, чему способствовала последняя пандемия COVID-19, изменившая отношение к удалённой работе менеджмент предприятия и организаций в самых различных областях, что повлияло на состояние рынка труда [1, с. 45].

В настоящее время процессы перехода значительной части специалистов на удалённый формат работы ещё не завершены. Однако, рынок труда уже изменился, что отражается в его потребностях и структуре.

Пандемию коронавируса нельзя считать положительным фактором для экономики страны, которая столкнулась с серьёзными вызовами с начала распространения болезни. Но, очевидно, что именно она позволила активизировать развитие новых форм трудовых отношений, которые ранее не были столь широко востребованы. К этим формам относят и удалённую работу.

Несмотря на трудности, вызванные переходом определённой части предприятий и организаций на удалённый формат работы, многие работодатели смогли увидеть в данной ситуации новые возможности и перспективы. Плюсы для сотрудников, перешедших на удалённую работу, заключаются в возможности более чётко планировать рабочее и личное время, работать в комфортных условиях, не тратя время на проезд к месту работы и обратно. Некоторым специалистам удалось получить вакансии с хорошей заработной платой в других регионах. В свою очередь, работодатель посредством перевода части работников на удалённую занятость смог сократить расходы на аренду и обслуживание офиса, привлечь к работе высококвалифицированных специалистов не только своего муниципалитета, но и из других территорий.

Содержание понятия «удалённая (дистанционная) работа» раскрыто в Трудовом кодексе РФ (ст. 312.1): «выполнение трудовых функций, перечень которых определяется трудовым договором, вне постоянного места нахождения работодателя или его представительства, обособленного подразделения, стационарного рабочего места, объекта, которые находятся под постоянным контролем работодателя. При этом связь работодателя

с исполнителем работы осуществляется посредством информационно-телекоммуникационных сетей и других средств связи [2, с. 165].

Современная экономика должна быть гибкой и соответствовать современным требованиям и вызовам. Особенно остро данное условие проявилось в условиях пандемии последних лет. Вместе с этим, глобализация экономических процессов, проблемы экономики и её вектор развития обозначили потребность в формировании новых компетенций у сотрудников предприятий и организаций: мобильность, высокая квалификация, умение владеть средствами интернет-коммуникаций, самоорганизованность и способность учиться и повышать свою квалификацию.

Вышеуказанные компетенции в большей степени характерны для современных молодых специалистов, чем для работников с большим стажем. Поэтому одним из стимулов развития экономики Российской Федерации является использование молодых специалистов, как серьёзный трудовой ресурс с огромным потенциалом и способностью быстро адаптироваться к изменениям условий труда и занятости, новым технологиям и методам работы.

Для экономики всего мира сегодня остро стоят вопросы использования удалённых форматов занятости, в связи с чем становится актуальным процесс встраивания в новые реалии молодых специалистов, имеющих высокую квалификацию и профессиональные знания в области информационных технологий и цифровизации [3, с. 39].

Тему занятости молодёжи, раскрытия её трудового потенциала, возможности трудоустройства молодых специалистов рассматривали в своих исследовательских работах В.А. Гневашева, Г.Н. Бояркин, Е.Д. Катульский, Е.В. Михалкина, И.В. Цыганкова, М.А. Гильтман, М.В. Симонова, Т.О. Разумова и др.

Вопросы рынка труда относительно использования резерва молодых специалистов стали предметом исследования и зарубежных учёных: В. Франца, И. Инкманна, Дж.Л. Медоффа, К.А. Писсаридеса, Р. Сондерса, П.А. Даймонда, Э. Гинзберга и др.

Анализ специальной литературы по теме нашего исследования показал, что многие учёные интересовались темой молодёжного рынка труда, его особенностями формирования и развития и регулирования, а также вопросами удалённых форм занятости. При этом мы должны констатировать, что вопросы занятости молодёжи с высшим образованием, привлекаемой для работы удалённо, исследованы недостаточно полно. Это объясняется тем, что удалённые форматы трудовой деятельности стали активно использоваться сравнительно недавно. Ещё 5–10 лет назад они были исключением из общих правил. Поэтому изучение данной темы нам представляется исключительно

важным для условий экономики современной России. При этом значимость темы заключается не только в раскрытии теоретических вопросов, но и в необходимости создания эмпирической базы, раскрывающей возможности и перспективные направления использования молодых специалистов на удалённой работе [4, с. 187].

Для формирования представления о проблемах занятости молодёжи на рынке труда были организован опрос, в котором приняли участие люди с высшим образованием возрастом до 29 лет. Место проведения опросов: Санкт-Петербург.

Задачи исследования: обобщённый анализ удалённых форм занятости; анализ влияния пандемии коронавируса на процессы, происходящие на рынке труда РФ; определение проблем молодых специалистов, занятых удалённо; изучение наиболее популярных форм удалённой работы; анализ основных проблем адаптации молодёжи к условиям удалённой работы.

Для проведения опроса респонденты выбирались методом «снежный ком».

Результаты опросов показали, что около трети от всей работающей молодёжи с высшим образованием заняты удалённой работой. Стоит указать, что наличие опыта удалённой работы было определено у всех респондентов, имеющих работу в период пандемии коронавируса.

Исследование показало, что большинство молодых людей было переведено на удалённую работу временно, из офисов. Примерно 25% опрошенных указали, что в период пандемии оформили самозанятость или работали, как фрилансер.

Если рассматривать уровень удовлетворённости условиями работы в удалённом формате, что большинство молодых специалистов отметили его, как высокий. Респондентом было предложено оценить его по пятибалльной шкале. В результате средняя оценка составила 4,1 балла. Были респонденты, которых не удовлетворили условия удалённой занятости. Но они отметили, что основная причина этого, отсутствие помощи со стороны работодателя в подготовке рабочего места, а именно, отсутствие стабильного и быстрого интернет-соединения и мощных компьютеров, способных оперативно решать производственные задачи [5, с. 139].

Как высокий, отмечается и интерес молодых специалистов к работе удалённо. Только 20% опрошенных были не готовы работать в таком формате постоянно. Большинство устраивали условия удалённой работы.

В перечень причин неготовности к работе дистанционно, необходимо отнести: желание личных контактов с клиентами, коллегами; проблемы с самоорганизацией и контролем рабочего времени. В противоположность, желание постоянно работать в удалённом формате объясняется следующими факторами: экономия непроизводственно-

го рабочего времени. Например, не нужно тратить время на поездку в офис; возможность работать вне рабочего места в любой точке, где имеется доступ к средствам коммуникации и интернет; экономия личного бюджета (отсутствие необходимости покупать обеды или оплачивать поездку в общественном транспорте); комфортные условия работы, которые можно подстроить под свои личные потребности [6, с. 149].

Одним из результатов опроса стало утверждение молодых специалистов, что они не испытывали трудностей при переходе на удалённую работу. Если сложности и возникали, то они носили личный характер или имели чисто технический вид. Например, зависание программ. Многие специалисты, работающие удалённо, указали на то, что временные границы рабочего времени при такой форме деятельности как бы стираются. Им кажется, что работа занимает больше времени, чем обычно.

Необходимо указать, что молодые специалисты не считают, что удалённый формат вытесняет очную форму выполнения трудовых обязанностей. По мнению опрошенных, удалённую работу можно считать хорошим дополнением очного формата. Респонденты так же отметили, что не все виды трудовой занятости можно перевести в дистанционный формат. Многие указали, что работодатели были вынуждены перейти на «удалёнку» в связи с ограничениями, введёнными по причине распространения пандемии коронавируса. Но, с момента снятия запретов, практика дистанционного формата значительно сократилась [7, с. 235].

Анализ сфер трудовой деятельности показал, что удалённая работа наиболее востребована в сфере информационных технологий, включающих программирование, веб-разработку, графический дизайн и др. Именно данные виды профессиональной деятельности пользуются популярностью у молодёжи с высшим образованием.

Если сохранится спрос на удалённую работу, то на дистанционный формат может полностью перейти сфера продаж, реклама, рекрутинг, юридические и консалтинговые услуги, образование, маркетинг.

Несмотря на активную цифровизацию многих отраслей хозяйствования, на местах остаются профессии, которые не коснулся дистанционный формат организации работы. В основном это профессии, в которых невозможно обойтись без прямого контакта работника с клиентом или предполагающие ручной труд. В перечень данных профессий вошли: врачи, повара, косметологи, парикмахеры, строители, электрики, автомеханики, работники сферы ЖКХ, сотрудники промышленных предприятий и др. [8, с. 105].

Проведённое автором статьи исследование дало возможность выявить ряд причин формирования потребности в удалённой форме занятости,

прежде всего, молодых специалистов, окончивших ВУЗы. Данные причины были сформированы в две группы. Первая предполагает наличие причин, качающихся сотрудников, а вторая, работодателей.

Таким образом, среди основных причин заинтересованности дистанционного формата занятости, выделим:

- высокая степень свободы планирования рабочего времени;
- возможность организовать рабочее место по своему желанию и возможностям;
- отсутствие территориальной обособленности рабочего места (можно работать там, где удобно и комфортно);
- экономия личного времени (нет необходимости в поездке на работу, расходов на обед в столовой или кафе);
- минимальный контакт с управленцами и коллегами [9, с. 31].

Если рассматривать данный вопрос по отношению к работодателям, выделим следующие положительные стороны найма удалённых работников:

- возможность нанимать квалифицированных специалистов из любых регионов и территорий;
- оптимизация производственных и организационных затрат;
- возможность быстро решать кадровые проблемы [10, с. 49].

Молодые специалисты отмечают, что пандемия коронавируса, несомненно, существенно повлияла на изменение отношения работников на удалённый формат выполнения трудовых обязанностей и другие привычки в сфере занятости. Многие люди, особенно молодёжь, поняли, что работать дистанционно, на дому, можно так же комфортно, как в офисе. Остаётся достаточное количество времени на общение с семьёй, выполнение бытовых дел, личные увлечения. При этом заработная плата не меньше, чем при очном формате работы.

Удалённая работа стимулировала активное использование в рабочих процессах инструменты цифровизации. Например, электронного документооборота, облачных хранилищ, совещаний в формате видеоконференции и т.п.

С появлением возможности использования дистанционной занятости у молодых людей появилось больше возможностей в поиске работы, а также трудоустройстве, как самозанятым или фрилансером.

Большинство респондентов считают, что быстрый переход к удалённому формату работы был обусловлен ограничениями, вызванными пандемией 2020 года. Дистанционная занятость была положительно воспринята сотрудниками и работодателями. До 2020 года дистанционная работа практиковалась, но её внедрение шло очень мед-

ленно. Начало пандемии доказала, что российский рынок труда достаточно гибкий и мобильный. Он быстро адаптировался под изменившиеся обстоятельства и продолжал эффективно функционировать в период кризиса [11, с. 71].

Опрос молодых специалистов с высшим образованием позволил выявить некоторые тенденции в развитии дистанционной занятости. В частности, было отмечено нивелирование границ рынка труда и стремительное распространение удалённой работы по всему миру. Работники получили возможность устраиваться на работу из любой точки планеты при наличии необходимой квалификации. Для выполнения трудовых обязанностей им нужна была специальная подготовка и знание языка.

К тенденциям развития дистанционной занятости необходимо отнести и широкое распространение цифровых технологий и инструментов, способствующих оперативной связи работодателя со специалистом, выполнению работником трудовых обязанностей и передачи готового продукта заказчику.

Респонденты так же отметили глубину изменений, произошедших на рынке труда в последние годы. Опрошенные отмечают, что количество вакансий, предусматривающих удалённый формат работы, значительно увеличилось. Существенно возросла потребность в специалистах, владеющих информационными технологиями. У работодателя появилась возможность выбирать наиболее квалифицированных работников, рассматривая кандидатов из других регионов. Вместе с этим число вакансий увеличилось в связи с активным развитием дистанционной формы занятости.

Однако, у данного процесса имеется и отрицательная сторона. Многие компании малого бизнеса не смогли справиться с проблемами кризисного периода, и были вынуждены закрыться.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что результаты проведённого автором исследования показали высокий уровень заинтересованности молодых специалистов с высшим образованием в дистанционной работе. Данное мнение сформировалось у молодёжи на основании личного опыта. Как показал опрос, 80% респондентов проявляют высокий уровень готовности к удалённому формату занятости. При этом среди минусов такой формы организации работы практически не упоминаются условия её организации.

Молодые люди желают самостоятельно планировать своё рабочее время, экономить на непрямых затратах. Стоит отметить, что удалённая работа выгодна не только тем, что появляется возможность выстраивать свой рабочий график самостоятельно, но и тем, что дистанционный формат занятости позволяет расширить территориальные границы поиска вакансии и работодателя [12, с. 157].

Молодые специалисты уверены, что за удалённой занятостью будущее. Молодёжь быстро адаптируется к дистанционной работе, требующей навыков работы с цифровыми инструментами и новыми технологиями.

Проведённое автором исследование доказало перспективу изучения особенностей удалённой занятости на рынке труда и установок молодых людей на использование дистанционного формата работы, как перспективного направления, обеспечивающего личное благополучие.

Литература

1. Полобок, О.А. Управляй уверенно: обеспечение эффективной работы команд в удалённом, офисном и смешанном форматах / О.А. Полобок // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2020. – № 3(49). – С. 43–47.
2. Камарова, Т.А. Гендерный анализ отраслевой структуры рынка удалённой (дистанционной) занятости на основе контент-анализа банка вакансий и резюме / Т.А. Камарова // Вопросы управления. – 2019. – № 6(61). – С. 158–169.
3. Лаас, Н.И. Перспективы развития удалённой занятости и особенности построения карьеры в условиях развития рынка удалённой работы / Н.И. Лаас // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 37–42.
4. Столярова, Е.В. Удалённый формат работы: новые возможности для субъектов мировой экономики / Е.В. Столярова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2021. – № 2(125). – С. 184–189.
5. Мурзина, В.В. Удалённый формат работы: преимущества и недостатки для каждой из сторон трудовых отношений / В.В. Мурзина // Via Scientiarum – Дорога знаний. – 2023. – № 2. – С. 134–143.
6. Симонова, А.А. Удалённая работа в современных реалиях российского рынка труда: анализ мнений молодых высококвалифицированных специалистов / А.А. Симонова, В.В. Пить // Мир экономики и управления. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 142–151.
7. Даниленко, Е.А. Удалённый формат работы как фактор изменения трудового поведения человека / Е.А. Даниленко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 225–241.
8. Колесникова, О.А. Удалённая работа как способ смягчения проблемы молодежной занятости / О.А. Колесникова // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2021. – № 3(38). – С. 102–107.
9. Курбацкая, Т.Б. Удалённая работа как эффективная форма занятости в условиях пандемии /

- Т.Б. Курбацкая, Д.В. Тараненко // Московский экономический журнал. – 2021. – № 7. – С. 28–34.
10. Луданик, М.В. Удаленная работа как возможность формирования занятости в условиях неравномерного распределения плотности населения / М.В. Луданик, Е.И. Решетова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2021. – № 1. – С. 148–167.
  11. Плотников, В.А. Удаленная занятость в современных условиях: краткий анализ с позиций концепции социализации / В.А. Плотников // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 4(66). – С. 43–52.
  12. Тараненко, Д.В. Удаленная работа как нестандартная форма занятости / Д.В. Тараненко // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 7. – С. 67–74.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF REMOTE WORK AS A MODERN FORMAT OF EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Gremilov A.V.

St. Petersburg State University of Economics

This article analyzes the modern format of remote work for young professionals with higher education, summarizes the results of interviews and surveys organized among working youth, studies the volume and depth of experience of young people engaged in remote work, the demand for this format of work, its positive and negative aspects, the main trends characterizing the development of the labor market, as well as the impact of the Covid-19 pandemic on it. The author of the study attempted to determine the most pressing problems of the modern labor market, its vector of development in the direction of reaching young specialists. Additionally, issues of adaptation of young people to the peculiarities of remote work, its ability to meet the needs of young people, risks and prospects were studied. While working on the article, it was found that approximately a third of all young specialists with higher education work remotely. At the same time, most of them positively assess this form of employment and see in it prospects for professional growth. It is worth noting the high level of readiness of all young people for remote work.

Keywords: remote work, modern format of employment, young professionals, innovations in the labor market, new forms of employment, labor market trends.

References

1. Polobok, O.A. Manage confidently: ensuring effective work of teams in remote, office and mixed formats / O.A. Polobok // Bulletin of the University of Moscow Government. – 2020. – № 3(49). – С. 43–47.
2. Kamarova, T.A. Gender analysis of the industry structure of the remote (remote) employment market on the basis of content analysis of the bank of vacancies and CVs / T.A. Kamarova // Management Issues. – 2019. – № 6(61). – С. 158–169.
3. Laas, N.I. Prospects for the development of remote employment and peculiarities of career building in the conditions of the remote work market development / N.I. Laas // Personnel and Intellectual Resources Management in Russia. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 37–42.
4. Stolyarova, E.V. Remote format of work: new opportunities for the subjects of the world economy / E.V. Stolyarova // Izvestiya Gomel State University named after F. Skorina. – 2021. – № 2(125). – С. 184–189.
5. Murzina, V.V. Remote format of work: advantages and disadvantages for each party of labour relations / V.V. Murzina // Via Scientiarum – The road of knowledge. – 2023. – № 2. – С. 134–143.
6. Simonova, A.A. Remote work in the modern realities of the Russian labour market: an analysis of the opinions of young highly qualified specialists / A.A. Simonova, V.V. Pit // Mir ekonomiki i upravlenie. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 142–151.
7. Danilenko, E.A. Remote format of work as a factor in changing the labour behaviour of a person / E.A. Danilenko // Izvestia South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 225–241.
8. Kolesnikova, O.A. Remote work as a way to mitigate the problem of youth employment / O.A. Kolesnikova // Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies. – 2021. – № 3(38). – С. 102–107.
9. Kurbatskaya, T.B. Remote work as an effective form of employment in pandemic conditions / T.B. Kurbatskaya, D.V. Taranenko // Moscow Economic Journal. – 2021. – № 7. – С. 28–34.
10. Ludanik, M.V. Remote work as an opportunity to form employment in conditions of uneven distribution of population density / M.V. Ludanik, E.I. Reshetova // Vestnik of Moscow University. Series 6: Economics. – 2021. – № 1. – С. 148–167.
11. Plotnikov, V.A. Remote employment in modern conditions: a brief analysis from the perspective of the concept of socialisation / V.A. Plotnikov // Economic Revival of Russia. – 2020. – № 4(66). – С. 43–52.
12. Taranenko, D.V. Remote work as a non-standard form of employment / D.V. Taranenko // Sustainable Development of Society. – 2021. – № 7. – С. 67–74.

Социальный капитал в управлении организациями: социологическая перспектива социоресурсного подхода

Игумнов Олег Александрович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Актуальность статьи определяется ролью и значением социального капитала как ресурса нематериальной природы, востребованного в условиях ограниченности традиционных ресурсов и обострения уровня конкуренции. Статья представляет авторский подход к определению социологической перспективы социального капитала в рамках социоресурсного подхода, позволяющей развить и дополнить теоретически и методологически концепцию социального капитала. В числе основных проблем социологической перспективы автор выделяет конкретизацию роли социального капитала как ресурса нематериальной природы и его интеграции в систему управления организациями; междисциплинарное взаимодействие социологии и других наук в исследовании сущности и содержания социального капитала; «капитализация» социального капитала в качестве ресурса нематериальной природы; определение каузальной зависимости и условий существования человеческого и социального капитала; «экономизация» социального капитала как проявление дихотомии «экономическое-социальное»; методологические аспекты «социологического империализма» в исследовании социального капитала; сущность и механизмы проявления аксиологических аспектов социального капитала организации.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные ресурсы, социоресурсный подход, социоресурсный потенциал, социологическая перспектива, субъект-объектные отношения, субъект-субъектные отношения, «капитализация» социального капитала, «экономизация» социального капитала, «социологический империализм».

Социологическая перспектива, в общепринятом смысле, интерпретируется как способ понимания феноменов социальной реальности, определяемая сложившимися представлениями об их сущности и возможной трансформации. В отличие от сложившегося на определённом этапе и зафиксированного понимания (иногда принимающего форму коллективного стереотипа), представляемого в эпистемологической коннотации как парадигма и рутинизируемый практикой способ решения новых научных задач, социологическая перспектива – это новый, глобальный в научном смысле, взгляд на социальные процессы и явления, ракурс, оформленный в своеобразную стратегию научного поиска.

Как отмечают Е. Кафф, У. Шаррок и Д. Френсис, социологическая перспектива, представляемая как фундаментальный взгляд на социальную реальность, имеет присущие только ей теоретические постулаты, понятия и категории, способы познания и методы исследования [1, р. 10], что проявляется в различных значениях, с помощью которых интерпретируется содержание общенаучных понятий. В известном смысле социологическая перспектива формулирует собственную трактовку социальной реальности, являющуюся истинной в рамках предлагаемого исследователем теоретического подхода.

Логично предположить, что в условиях полипарадигмального характера социологии формирующиеся перспективы будут отражать как разные трактовки, так и различный уровень их научной состоятельности, основанный на позиции исследователя. Таким образом, реализуется принцип пролиферации, допускающий множественность подходов, не выходящих за рамки научности, и вместе с тем возможность «полиистинности» в пределах новых научных перспектив и новых теоретических подходов к явлениям, представляющих совокупность допущений и взаимосвязанных концепций.

Социальная перспектива – это реальность, момент объединяющий прошлое, настоящее и будущее в их целостности и потенциальной динамике как её равноценных составных частей. В указанном смысле социологическая перспектива позволяет учитывать социальные явления и процессы в их временной целостности, обладая темпоральным характером и процессно отражая связи прошлого, настоящего и будущего. Целостность свя-

зи указанных модусов обеспечивается процессно-пространственными детерминантами, образующими векторы социального изменения и неразрывную связь феноменов времени и пространства.

Социальная перспектива, понимаемая как тотальность, может интерпретироваться и как процесс, совокупность изменений, и как их результат. Представление о социологической перспективе, обладающей теоретической составляющей, основано на потенциальной динамике состояния научного знания о предмете и его элементах. Указанное свойство обуславливает и другое важное свойство процесса – всеохватность, обеспечивающее преемственность научного знания и – одновременно – своеобразную концептуальную инженерия, в рамках которой концепции и понятия трансформируются на основе применения методов дискурсивного мышления, основанного на длительном и детальном погружении в научный контекст анализа.

Можно предположить, что множественность социологических перспектив определяется возможностью множества теоретических подходов, что обеспечивает развитие здоровой научной конкуренции и динамику развития науки. Вместе с тем отметим, что сфера научных исследований не является сферой, в которой доминирует конкуренция; речь идёт о возможности обеспечения разнообразия научных подходов, основанных на различных теоретических основаниях, что позволяет избежать проявлений научного «монополизма», который порой, в силу монопольного статуса, обусловленного доминированием закрепившихся теоретических позиций, ограничивает пролиферацию новых подходов. На подобную ситуацию в науке указывал в своё время Р.К. Мертон, описывая проявление действия «эффекта святого Матфея» в социологии [2], основываясь на приписываемой Иисусу и зафиксированной евангелистом Матфеем сентенции: «... Каждому, у кого есть, будет дано ещё, и у него будет избыток. А у кого нет, будет отнято и то, что он имеет» (Мф., 25:29).

На основании изложенных представлений раскроем возможные векторы социологической перспективы социального капитала как ресурса управления организациями. Социальный капитал в рамках разработанной нами концепции интерпретируется как организационный ресурс социального управления, определяемый формой и характером социальных отношений между работниками, опосредованных функционально обусловленной деятельностью и социально-значимыми интересами.

В широком значении социальный капитал в научных исследованиях трактуется как индивидуальное либо коллективное благо, обусловленное наличием и качеством складывающихся субъект-объектных отношений, приобретающих характер,

по сути, субъект-субъектных, и потому обладающее свойствами ресурса эффективного социального управления. Усилия субъектов управления, направленные на установление и развитие качественно иных (в отличие от традиционных, субординационных) социальных связей в организации, основанных на социальном партнёрстве, позволяют рассчитывать на создание организацией дополнительной ценности, которая не могла бы быть получена в случае несформированности указанных отношений.

С конца XX века наблюдается устойчивый рост интереса к проблематике формирования социального капитала организации, что обусловлено усложнением социальных отношений и процесса социального воспроизводства, ростом значимости координации и кооперации в управлении. Указанное обстоятельство отражает и изменение природы управления в социуме, вступившем в эпоху мегарисков и хаотизации социальных перемен, что детерминирует трансформацию представлений об управлении, его законах и их проявлениях. В частности, глубинное требование к управлению – его социальная эффективность – определяет потребность в понимании сущностной природы человека как сущностного компонента организации.

Представление о природе управления, основанное на идее о высшей ценности человека, позволяет преодолеть его отчуждение от результатов труда и процесса производства, высвободив его творческий и созидательный потенциал. Фактически речь идёт о новом, «гуманитарном» типе экономического роста, что потребует подключить потенциал социологии управления для разработки концепций и технологий эффективного управления социальными процессами.

В контексте указанных обстоятельств обоснованно возрастает потребность в новых социальных ресурсах, способных обеспечить позитивные организационно-управленческие эффекты. Основной формой ресурсов подобного рода в организации выступает социальный капитал, необходимость развития которого обуславливается, в числе прочих, также и факторами институциональной и социокультурной природы, определяющими недостаточный уровень социального доверия и «размывание» ценностных установок общества, что осложняет формирование социального капитала организаций. Фактически не решена до конца основная задача социального развития российских организаций как самодостаточных социальных систем, динамику которых определяет социоресурсный потенциал.

События последних лет демонстрируют, что попытки мобилизационного прорыва российского общества в глобальный мир и интеграции российских организаций в глобальные процессы не имеют успеха. Исчерпание мобилизационных воз-

возможностей российского общества для «прорыва» в глобальный мир на основе традиционных индустриальных методов и утопичности предложений по решению проблемы указанного «прорыва» отметили в своё время В.Л. Иноземцев и А.В. Дятлов [3; 4].

Научная проблема заключается в сложности идентификации социальных механизмов, формирования и развития социального капитала как инновационного ресурса управления российских организаций, а также его результативной интеграции в систему социального управления. Другой аспект проблемы заключается в том, что концепт «социальный капитал», введённый в научный оборот достаточно давно, не получил глубокого научного осмысления в качестве социального ресурса управления российскими организациями. Указанные аспекты не позволяют утверждать, что концепция социального капитала в достаточной мере удовлетворяет методологическую потребность современной практики управления, позволяющей интерпретировать сложную социальную реальность и ответить на теоретически важный вопрос, поставленный ещё Г. Зиммелем: «Как возможно общество?».

Применительно к предлагаемому нами подходу к анализу социального капитала в рамках разработанной концепции данный вопрос может быть сформулирован в следующем виде: «Каковы условия формирования, существования и развития организаций, скреплённых социальной солидарностью, партнёрскими отношениями и социально эффективным взаимодействием?». Ответ на указанный вопрос позволил бы обеспечить демистифицирующую перспективу в научной интерпретации феномена социального капитала, рассматриваемого в качестве трансверсальной категории и денотата, представленного понятием «социальный». Тем более что научный задел подобного подхода был заложен в 90-е годы XX века, когда социальный капитал в социальных науках был конституирован как «организационная концепция», и, по мнению П. Дасгупты и И. Серагельдина, было «трудно найти другой академический термин, который бы так быстро вошёл в общий словарь общественного дискурса, как идея социального капитала» [5, р. 1]. Вместе с тем, по мнению указанных исследователей, общим для многих работ является «соблазн для всех энтузиастов концепции социального капитала использовать её применительно к любому неформальному общественному участию» [5, р. 1].

В указанном контексте социологическая перспектива в исследовании социального капитала заключается в дифференциации того, *что означает и чем является* социальный капитал как форма социальных ресурсов. Формализация данного концепта в отдельных случаях обеспечивается на основании признака отсутствия (или неразвитости)

его признаков, то есть, в понимании О.А. Кармадонова, опираясь на методологический принцип абсентеистской рациональности, основанный на признании эвристической равноправности и аналитической ценности наряду с фактом присутствия чего-либо и фактом его отсутствия. При этом отсутствие выступает логической альтернативой присутствию и полноправным объектом социологического анализа [6, с. 5]. Указанный подход, с одной стороны, даёт основание для конкретизации его характеристик и условий его формирования, а, с другой стороны, дифференцирует детерминанты его формирования и продуцируемые им организационно-управленческие эффекты, исключив проявления интерференции понятий.

Помимо указанных соображений целесообразно отметить, что в исследовании социального капитала следует иметь в виду, что он не может рассматриваться как эпифеномен, своеобразный «побочный» эффект взаимодействия, сопровождающий проявление других явлений, но не оказывающий на них никакого влияния. Проведённые нами исследования социального капитала российских организаций показали, что социальный капитал формируется и развивается только при условии постоянно поддерживаемых социальных отношений, а не как результат прежних связей. В этом смысле перспективным представляется анализ обратного влияния социального капитала на социальные отношения с точки зрения его консолидирующей роли, а также фактора снижения диффузности социальных отношений в организациях. Фактически речь идёт об исследовании роли социального капитала в развитии горизонтальных связей, обеспечивающих дополнительную связность организации.

Постановка научной проблемы в указанном контексте требует выбора объяснительной модели редукции при анализе сущности и проявлений социального капитала с позиции эпистемологического либо онтологического аспектов. Онтологический аспект представляется обладающим более значимым теоретическим потенциалом, поскольку позволяет выявить каузальные зависимости и условия существования социального капитала и продуцируемых им организационно-управленческих эффектов.

Выбор объяснительной модели редукции в онтологическом аспекте позволит решить и проблему институциональных возможностей формирования социального капитала в России, которая традиционно рассматривается западными исследователями как посткоммунистическое (с чем сложно спорить), антимодерное общество, в котором основные формальные институты (государство, бюрократия и рынок) либо «не работают» должным образом, либо работают с непредсказуемым эффектом [7, р. 147–171]. В частности, интерес представляет анализ стратегий поведения работников

организаций с учётом алгоритмов двойственных (иногда тройственных) социальных реальностей (непотизм, «блат», местничество) [8, с. 36], воспроизводимых в организациях в формах, требующих дополнительного анализа.

Сравнительный анализ черт модерного и антимодерного обществ, представленный в работах Р. Роуза, позволяет сделать вывод о чрезмерной, по нашему мнению, идеализации модерного общества, не обладающего, по мнению автора подхода, ни одним негативным свойством, что не даёт оснований для объективного анализа сложных социальных процессов, к которым, несомненно, относится формирование социального капитала.

Другим аспектом социологической перспективы выступает проблема междисциплинарного взаимодействия социологии и других наук в процессе анализа социального капитала в ресурсном измерении. Выделим в рамках указанных аспектов следующие проблемные зоны.

Традиционно социальный капитал исследуется на стыке нескольких наук (философия, социология, психология и др.), что обусловлено его сложной природой и многоспектностью элементов его структуры. Однако наиболее активное взаимодействие отмечается на стыке социологии управления и экономики, поскольку представители данных наук ведут дискуссии о принадлежности данного концепта конкретной науке на основе выделения проблемного поля предмета исследования.

Так, отдельные экономисты полагают, что «стремление универсализировать рыночные отношения и подчинить им все без исключения взаимоотношения людей приводит теоретиков социального капитала к произвольному объявлению разных ресурсов человека и общества самостоятельными формами капитала..., однако отдельные ресурсы – это ещё не капитал, поскольку ресурсы не являются самовозрастающей стоимостью, а «капитал является категорией частнособственнической рыночной экономики, он функционирует лишь как конкретная частная собственность» [9, с. 82].

Заметим, что подобная категоричность и абсолютизация экономической природы социального капитала, основанная на экономической коннотации концепта «капитал», – не единственный подход в экономической науке. Широко известны работы учёных-экономистов, рассматривающих социальный капитал в широком междисциплинарном смысле в рамках экономической социологии. Например, в широко известных работах В.В. Радаева [10], посвящённых проблемам экономической социологии, социальный капитал рассматривается рядоположенно с другими формами капитала на основе подхода К. Поланьи, утверждавшего, что «экономический порядок обычно бывает функцией от социального, причём второй обеспечивает первый» [11].

Экономическая социология исследует экономическое действие как форму *социального действия*, которая, «во-первых, содержит в себе внутреннее субъективное смысловое единство; во-вторых, по этому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на эти действия» [12, с. 77], являясь внутренне мотивированным, при этом его субъект ожидает от других людей определённой обратной связи. Социальное действие в данной трактовке выступает основанием и одновременно внутренним элементом экономического действия, что позволяет рассматривать социальный капитал как ресурс управления, основанный на социальном взаимодействии, в большей степени как явление социальное.

В наших исследованиях по проблеме формирования социального капитала мы рассматриваем проблему «капитализации» социального капитала с позиций социоресурсного подхода, предлагая ввести в научный оборот понятие «ресурс нематериальной природы» (нетождественное понятию «нематериальные активы»), обладающий свойством капитализироваться в качестве актива социального управления. При этом данный процесс рассматривался с позиций социологической науки – как социальный процесс.

В рамках социологической перспективы представляет интерес анализ механизмов «капитализации» социального капитала в условиях ограниченности традиционных ресурсов организаций и повышения уровня конкурентной борьбы за обладание новыми видами ресурсов «для повышения устойчивости и уровня инновационности развития в условиях ограниченности возможностей, обусловленных новыми социально-политическими вызовами» [13, с. 185].

Результаты исследований социального капитала нередко содержат вывод о его производном от человеческого капитала характере, что, по нашему мнению, не представляет собой бесспорное умозаключение, поскольку «формирование, развитие и эффективное использование человеческого капитала невозможно без социальной составляющей, представленной социальным капиталом» [13, с. 187].

«Капитализация» социального капитала понимается автором статьи как способ повышения уровня его полезности в качестве ресурса управления, совокупный характер действия компонентов которого обеспечивает усиление действия иных активов организации для достижения целей устойчивого, инновационно ориентированного развития организации, повышающего её конкурентоспособность. В управленческом смысле «капитализация» социального капитала означает повышение его управленческой ценности для организации.

С учётом указанных обстоятельств отношения между социальным капиталом и человеческим

капиталом корректно, с теоретической точки зрения, «рассматривать как отношения пересечения ($СК \cap ЧК$), а не как отношения производности, или включения (объединения) ($СК \cup ЧК$)» [13, с. 188]. Интерпретацию связи между указанными концептами целесообразно в перспективе исследовать на основе онтологического аспекта объяснительной модели редукции для определения каузальной зависимости и условий их существования (с точки зрения выявления онтологической первичности в их взаимоотношениях).

В рамках перспективы исследования социального капитала на стыке социологии и экономики осмысления требует и проблема его «экономизации» и представлению в виде «превратной формы отношений постбуржуазного общества» (А.В. Бузгалин). По сути, «экономизация» социального капитала продолжает и развивает тренд на критику его сущностных оснований (доверия, социальных связей и социальных структур) и их редукцию к экономическим концептам «рынок», «конкуренция» и «коммерческая выгода». Признавая безусловное влияние социального капитала на экономические показатели деятельности организаций, мы, вместе с тем, исходим из комплексного характера действия совокупности факторов данного процесса, механизм взаимодействия социального капитала с которыми требует дальнейшего анализа.

Целесообразным представляется исследование изменения содержания социальных отношений в условиях рыночной экономики, которое обуславливает недостаточную «вписываемость», «нетипичность» социального капитала для рыночных отношений. Понимание динамики социальных отношений в организациях обеспечит и понимание механизмов формирования «нематериального как условия роста материального» [14] в условиях социально ориентированного управления и социоресурсного подхода, нацеленного «на поиск новых и переосмысление традиционных ресурсных возможностей в управлении организациями, обеспечивающих высокую социальную эффективность, устойчивость и инновационный вектор их развития» [15, с. 65]. Анализ указанных аспектов будет способствовать более глубокому пониманию направлений исследования проявлений «социального в экономическом» и роли «экономического в социальном», которые мы рассматриваем не как оппонирующие компоненты дихотомии «социальное – экономическое», а как равноправные и взаимодействующие сферы функционирования организации.

В общем смысле в исследовании социального капитала, по нашему мнению, целесообразно избегать излишней категоричности и абсолютизации экономического и социального в структуре самого концепта. Данное утверждение основано на сложной, диалектически фундированной фор-

ме взаимосвязи указанных компонентов в структуре социального капитала. Любая абсолютизация ведёт, по нашему мнению, к утрате баланса многообразия компонентов и искажению сложившихся теоретических моделей. Так, как уже было отмечено, следует избегать не только «экономизации» социального капитала, но и его чрезмерной «социологизации» («социологического империализма» по В.В. Радаеву), проявляющейся в осознанной подмене «экономического» «социальным», возрождении утилитаризма в социологии, рассматривающего человека как «максимизатора полезности» (В. Ваньберг), а «посылка о совершенном рынке заменяется понятием социальной структуры» [16, с. 161].

В теоретическом отношении социологическая перспектива определения специфики отношения социологии с другими науками в исследовании социального капитала позволяет, не впадая в состояние «абсолютизации социологического», конкретизировать содержание понятия «социологический империализм» как одного из потенциальных типов междисциплинарного синтеза, в результате которого социологическое исследование строится по модели социологической науки, а также «с осознаваемым или неосознаваемым убеждением, что именно социологической науке присущи наиболее эффективные методы получения нового социального знания» [17, с. 278]. Ключевым при этом выступает междисциплинарный синтез: социологическая составляющая – лишь один из компонентов синтеза наряду с составляющими других наук.

Следует признать, что социология, в рамках своего предметного поля, обладает ограниченными возможностями в объяснении различных аспектов социального капитала, поэтому объяснение механизмов его действия и проявления его организационно-управленческих эффектов требует привлечения знаний из других наук. Кроме того, признание междисциплинарного взаимодействия условием формирования развёрнутой концепции социального капитала не позволит «стать жертвой софизма», что, по мнению французского социолога Д. Кола, возможно, если признать социологию «социальной наукой, которая должна превосходить все другие науки, поскольку она раскрывает все пружины человеческого поведения» [18, с. 20].

Методологические аспекты «социологизма» симметричны его онтологическому аспекту. Признание специфики социальной реальности обуславливает самостоятельность социологии как науки, что, по мнению Э. Дюркгейма, определяет её ведущий методологический принцип, согласно которому социальное должно объясняться социальным. Иными словами, реализация данного принципа, применительно к проблеме социального капитала, предполагает объяснительную модель, в рамках которой он номинируется как социаль-

ный факт (социальное явление), а затем объясняется через другие социальные факты (социальные явления). С позиций строгой логики это, возможно, обоснованно, однако подобная социальная интерпретация представляет своеобразную нарративную конструкцию («ходы мысли, выраженные в ходах речи» по В. Вахштайну¹), которая, по мнению Б. Латура, основана на логике замещения, поскольку «социальная интерпретация, в конечном счёте, подразумевает способность заместить некоторый объект, относящийся к природе другим, принадлежащим обществу, и показать, что именно он является истинной сущностью первого» [19, с. 344].

Таким образом, проблема балансирования междисциплинарного взаимодействия, без крайностей, в исследовании социального капитала и специфики его проявления в организациях выступает как проблема междисциплинарного синтеза, конкретизация форм которого обладает определённым позитивным теоретико-методологическим потенциалом.

Одним из аспектов исследования социального капитала как основной формы социальных ресурсов, практически не представленным в публикациях, является проблема аксиологической интерпретации социального капитала. Социальный капитал проявляется в виде «социальной энергии», интерпретируемой как синергетический эффект.

Выступая в качестве результата коллективного творчества членов организации, социальный капитал способствует формированию общих ценностей и смыслов организации в качестве особого фона социальных отношений и социального пространства «со-бытия и со-действия многих». Вместе с тем ценности не «осваиваются», а переживаются, что позволяет не только осмысливать процесс формирования, творения социального капитала, но и переходить к «производству» смыслов. В нашем подходе социальный капитал сам по себе является ценностью организации, признаваемой таковой всеми её членами, которую не следует редуцировать к понятию «социальное отношение».

Таким образом, социологическая перспектива социального капитала как ресурса предполагает ряд направлений, среди которых: конкретизация роли социального капитала как ресурса нематериальной природы и его интеграция в систему управления организациями; исследование условий формирования, существования и развития организаций, в которых социальный капитал выступает в качестве фактора их целостности; анализ обратного влияния социального капитала на социальные отношения с точки зрения его консолидирующей роли; междисциплинарное взаимодействие социологии и других наук в исследовании сущности и содержания социального капитала; «капи-

тализация» социального капитала в качестве ресурса нематериальной природы; определение causalной зависимости и условий существования человеческого и социального капитала; «экономизация» социального капитала как проявление дихотомии «экономическое-социальное»; методологические аспекты «социологического империализма» в исследовании социального капитала; сущность и механизмы проявления аксиологических аспектов социального капитала организации.

Литература

1. Cuff E. C., Sharrock W.W., Francis D.W. Perspectives in sociology. – L.: Routledge, 1995. – 362 p.
2. Merton R.K. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. January 5. Vol. 159. No. 3810. – P. 56–63.
3. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.: Экономика, 2000. – 294 с.
4. Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества. Дисс. ... докт. социол. наук. – Ростов-н/Д., 2005. – 52 с.
5. Social Capital. A Multifaceted Perspective / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. – Washington, 2000. – 424 p.
6. Кармадонов О.А. Социологическая рациональность отсутствия в исследовании современного мира // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С. 8–12.
7. Rose R. Getting Things Done in an Antimodern Society: Social Capital Networks in Russia // Social Capital. A Multifaceted Perspective / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. – Washington, 2000. – 424 p. – P. 147–171.
8. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2. – С. 24–41.
9. Князев Ю.К. Современная экономика – синтез рынка и социального регулирования: монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 176 с.
10. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // Общественные науки и современность. 2002. – Т. 3. – № 4. – С. 20–31.
11. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени: [перевод] / К. Поланьи. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 312 с.
12. Радаев В.В. Экономическая социология [Текст: учеб. пособие для вузов / В.В. Радаев; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 602 с.
13. Игумнов О.А. «Капитализация» социального капитала организации как ресурса управления: социологические аспекты // Прорывные научные исследования: проблемы, пре-

¹ Физическое лицо, признанное иностранным агентом (решение Министерства юстиции РФ от 22.04.2022).

делу и возможности: сборник статей Международной научно-практической конференции (2 февраля 2023 г., г. Казань) / в 2 ч. Ч 2. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2023. – 2018 с. – С. 182–190.

14. Пригожин А.И. Нематериальные активы: капитализировать! // *Общественные науки и современность*. – 2015. – № 3. – С. 155–162.
15. Игумнов О.А. К вопросу об экономизации концепта «социальный капитал организации: социально-управленческий аспект» // *Современные исследования высшей школы – 2023: сборник статей Международной научно-практической конференции (7 февраля 2023 г.)*. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2023. – 85 с. – С. 59–67.
16. Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 159–181.
17. Орехов А.М. Социальная теория: к проблеме самоопределения и структуры // *Вопросы социальной теории*. – 2007. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 275–289.
18. Кола Д. Политическая социология. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 406 с.
19. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Социология вещей*. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с.

SOCIAL CAPITAL IN THE MANAGEMENT OF ORGANIZATIONS: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE SOCIO-RESOURCE APPROACH

Igumnov O.A.

Moscow Pedagogical State University

The article relevance is determined by the social capital role and importance as an immaterial nature resource in demand in limited traditional resources conditions and the competition aggravation level. The article presents the author's approach to the sociological perspective of social capital definition within the socio-resource approach framework which allows to develop and supplement theoretically and methodologically the social capital concept. Among the sociological perspective main problems the author highlights the concretization the social capital role as an immaterial nature resource and its integration into the organizations management system; sociology and other sciences interdisciplinary interaction in the essence and content of social capital study; social capital as an immaterial nature resource «capitalization»; causal dependence and existence conditions of human and social capital determination; social capital «economization» as a the «economic-social» dichotomy manifestation; «sociological imperialism» methodological aspects in the social capital study; the essence and mechanisms of the organization's social capital axiological aspects manifestation.

Keywords: social capital, social resources, socio-resource approach, socio-resource potential, sociological perspective, subject-object relations, subject-subject relations, social capital «capitalization», social capital «economization», «sociological imperialism».

References

1. Cuff E. C., Sharrock W.W., Francis D.W. *Perspectives in sociology*. – L.: Routledge, 1995. – 362 p.
2. Merton R.K. The Matthew Effect in Science // *Science*. 1968. January 5. Vol. 159. No. 3810. – P. 56–63.
3. Inozemtsev V.L. Limits of “catching-up” development. – M.: *Economica*, 2000. – 294 p.
4. Dyatlov A.V. Social resources of development of Russian society. Diss. ... Doctor of Sociological Sciences. – Rostov-on-Don, 2005. – 52 p.
5. *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. – Washington, 2000. – 424 p.
6. Karmadonov O.A. Sociological rationality of absence in the study of the modern world // *Sociological studies*. – 2008. – № 3. – P. 8–12.
7. Rose R. Getting Things Done in an Antimodern Society: Social Capital Networks in Russia // *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. – Washington, 2000. – 424 p. – P. 147–171.
8. Stepanenko V. Social capital in sociological perspective: theoretical and methodological aspects of the study // *Sociology: theory, methods, marketing*. – 2004. – № 2. – P. 24–41.
9. Knyazev Yu.K. Modern economy – synthesis of market and social regulation: monograph. – M.: INFRA-M, 2014. – 176 p.
10. Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion // *Social sciences and modernity*. 2002. – Vol. 3. – No. 4. – P. 20–31.
11. Polanyi K. The Great Transformation. Political and Economic Origins of Our Time: [translation] / K. Polanyi. – St. Petersburg: Aletheia, 2014. – 312 p.
12. Radaev V.V. *Economic Sociology* [Text: textbook for universities / V.V. Radaev; State University – Higher School of Economics. – 2nd ed. – M.: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2008. – 602 p.
13. Igumnov O.A. “Capitalization” of the social capital of an organization as a management resource: sociological aspects // *Breakthrough scientific research: problems, limits and possibilities: collected articles of the International scientific and practical conference (February 2, 2023, Kazan) / in 2 parts. Part 2*. – Ufa: OMEGA SCIENCE, 2023. – 2018 p. – P. 182–190.
14. Prigogine A.I. Intangible assets: capitalize! // *Social Sciences and Modernity*. – 2015. – No. 3. – P. 155–162.
15. Igumnov O.A. On the issue of economization of the concept of “social capital of an organization: social and managerial aspect” // *Modern research in higher education – 2023: collected articles of the International scientific and practical conference (February 7, 2023)*. – Petrozavodsk: MCNP “Novaya Nauka”, 2023. – 85 p. – P. 59–67.
16. Coleman J. Economic Sociology from the Point of View of Rational Choice Theory // *Western Economic Sociology: Reader of Modern Classics* / Comp. and scientific ed. V.V. Radaev; trans. M.S. Dobryakova et al. – M.: ROSSPEN, 2004. – P. 159–181.
17. Orekhov A.M. Social Theory: On the Problem of Self-Determination and Structure // *Questions of Social Theory*. – 2007. – Vol. 1. – Issue 1. – P. 275–289.
18. Kola D. *Political Sociology*. – M.: INFRA-M, 2001. – 406 p.
19. Latour B. When things fight back: the possible contribution of “science studies” to the social sciences // *Sociology of things*. – Moscow: Territory of the Future, 2006. – 392 p.

Принципы управления внутренней социальной политикой современной бизнес-организации: основное содержание и значение (социологический анализ)

Семиколеннова Юлия Александровна,

аспирант, кафедры социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: semikolennova96@yandex.ru

В статье рассмотрена специфика использования принципов управления внутренней социальной политикой в современной компании. Представлено авторское определение внутренней социальной политики бизнес-организации. Отражена характеристика системы управления внутренней социальной политикой современной компании, которая предполагает взаимодействие субъекта (руководителя) и объекта (сотрудников) управления, использование методов управления, реализацию функций управления и применение принципов управления при осуществлении социально ориентированных мероприятий для достижения социального эффекта. Представлено основное содержание авторских принципов управления внутренней социальной политикой бизнес-организации, которые отражают аспекты гуманности, объективности, открытости, комплексности, систематичности и эффективности и являются значимыми для успешности современных компаний. В конце статьи отмечена важность использования принципов управления внутренней социальной политикой в современной бизнес-организации с целью достижения положительного социального эффекта.

Ключевые слова: внутренняя социальная политика; система управления; принципы управления; бизнес-организация; социальный эффект.

В современных бизнес-организациях эффективность управленческой деятельности в отношении внутренней социальной политики обусловлена разработкой и использованием сформированной системы управления, которая учитывает специфику деятельности и кадровый состав компании, анализирует особенности социально-экономической обстановки внутренней и внешней среды бизнеса и, в первую очередь, ориентирована на получение долгосрочного социального эффекта, способствующего росту производительности труда сотрудников.

Основным инструментом получения положительного социального эффекта в бизнес-организации является внутренняя социальная политика, которая представляет собой один из важных способов управления человеческими ресурсами современных компаний. Согласно позиции автора, внутренняя социальная политика бизнес-организации представляет собой деятельность, направленную на взаимодействие с сотрудниками, предполагающую разработку социально ориентированных мероприятий развивающего и компенсирующего характера, осуществление которых способствует росту производственных показателей деятельности работников вследствие удовлетворения их социальных запросов и ожиданий.

Следует отметить, что основными задачами внутренней социальной политики бизнес-организации выступают создание благоприятных условий для осуществления трудовой деятельности сотрудников, повышение уровня социальной защиты работников и совершенствование системы социально-трудовых отношений в организации, что в конечном счете обеспечивает стабильность и эффективность работы, а также способствует формированию положительного социального имиджа организации в целом [4, с. 54]. Ключевым условием успешной реализации внутренней социальной политики в современных бизнес-организациях является получение обратной связи (ответной реакции в форме оценки социально ориентированной деятельности бизнеса) со стороны сотрудников, позволяющей определить преимущества и недостатки предлагаемых нововведений, на основе которых могут быть проведены корректирующие действия, способствующие совершенствованию разработанных социальных мероприятий.

Система управления внутренней социальной политикой бизнес-организации представляет собой взаимосвязь между субъектом управления (руководством) и объектом управления (сотрудниками), которая предполагает наличие следующих компонентов для достижения поставленной цели (получение социального эффекта): 1) методы управления, с помощью которых осуществляется управленческое воздействие для достижения положительного социального эффекта; 2) функции управления, которые регламентируют осуществление управленческого воздействия в сфере внутренней социальной политики современных бизнес-структур; 3) принципы управления, отражающие нормативные ориентации и определенные правила, которыми руководствуются менеджеры при разработке и реализации социально ориентированных мероприятий с целью оказания положительного воздействия на сотрудников.

В основе эффективной деятельности по управлению внутренней социальной политикой бизнес-организации лежит система принципов, которые учитывают специфику функционирования и масштаб компании, ресурсное обеспечение и фактические возможности, качественный и количественный состав персонала, уровень развития организационной культуры и другие важные факторы. Автором статьи предлагается перечень принципов управления внутренней социальной политикой, которые могут быть использованы современными бизнес-организациями при разработке и реализации социально ориентированных мероприятий для сотрудников:

- принцип гуманности: разработка и осуществление социально ориентированных мероприятий на основе внимания и уважения к работникам, поскольку важность «отсутствия произвола в управлении и системах представлений менеджера» [1, с. 92] должна включать целесообразную ориентацию на индивидуальный подход по отношению к сотрудникам, связанный с анализом интересов, потребностей и позиций персонала, учет которых обеспечивает гибкость и эффективность принимаемых решений, ориентированных на комплексный анализ социальной ситуации в компании;
- принцип объективности: использование специализированных инструментов, предоставление социальных гарантий (льгот), а также разработка и проведение социально ориентированных мероприятий на основе анализа актуальных социальных запросов сотрудников; реализация данного принципа подразумевает осуществление социально ориентированных мероприятий различного формата на основе объективного анализа сложившейся ситуации в компании, избегая спонтанности, а также субъективности как в действиях руководства, так и со стороны ответственного специалиста в области

управления внутренней социальной политикой бизнес-организации;

- принцип открытости: полноценное информирование коллектива о предоставляемых мерах и проводимых мероприятиях социальной направленности, благодаря которому формируется доверие между руководством и коллективом, что способствует росту активности персонала и создает возможность делегирования полномочий сотрудникам [2, с. 141];
- принцип комплексности: сочетание различных методов управления, направлений реализации и инструментов внутренней социальной политики в отношении сотрудников с целью получения запланированных результатов (положительного социального эффекта) с учетом фактической ситуации в бизнес-организации;
- принцип систематичности: осуществление мероприятий внутренней социальной политики на регулярной основе, учитывая актуальные запросы и потребности сотрудников; данный принцип отражает целесообразность проведения всесторонней социально ориентированной деятельности, результатом которой будет оценка состояния объекта управления, где участие коллектива в разработке управленческих решений влияет на дальнейшее развитие организационной культуры [3, с. 37–39] и системы управления внутренней социальной политикой в целом;
- принцип эффективности: ориентация на получение результата (положительный социальный эффект), а также анализ последствий после проведения мероприятий внутренней социальной политики как для сотрудников, руководства, так и для всей организации в целом с целью дальнейшей корректировки проводимых действий. Данный принцип, являясь основой в теориях классического менеджмента, рассматривает максимальное увеличение производительности труда на предприятиях сквозь призму строгой системы принципов, позволяющей рационализировать организацию труда, производства и управления. Принципы административного управления акцентируют внимание на роли руководителя, его способностях, опыте и таланте в повышении эффективности управления, однако их использование должно обладать гибкостью – учитывать специфику управленческой ситуации, поэтому для успешного использования административных принципов менеджер должен обладать развитым управленческим экономическим мышлением [1, с. 91].

В заключение важно отметить, что принципы управления внутренней социальной политикой способствуют более эффективному достижению организационных целей, поскольку являются основой действий бизнес-структур по обеспечению

благоприятных и безопасных условий труда и отдыха для работников. Данные принципы управления определяют правила реализации социально ориентированных программ и мероприятий, а также формируют механизм предоставления гарантий, льгот, преференций и соответствующих социальных инструментов, благодаря использованию которых удовлетворяются различные социальные потребности сотрудников [5, с. 363] и, как следствие, достигается положительный социальный эффект, выражающийся в повышении производительности труда.

Литература

1. Богунов Л.А. Принципы эффективного управления с точки зрения экономического мышления кадров управления // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 88–95.
2. Зайцева А. М., Цесько В.Г. Современные принципы системы управления // В сборнике: Актуальные проблемы социально-трудовых отношений. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию образования Дагестанского государственного университета. Даггосуниверситет. – 2016. – С. 141–143.
3. Косякова И. В., Шуравина Е.Н. Современные тенденции в области принципов управления предприятием // Вестник СамГ У. Серия: Экономика и управление. – 2013. – № 1 (102). – С. 37–42.
4. Сагайдак В.А. Управление социальным имиджем бизнес-организаций: основные направления и практика реализации (на материалах г. Волгограда): 22.00.08: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону. – 2018. – 205 с.
5. Семиколёнова Ю.А. Управление внутренней социальной политикой бизнес-организации: социолого-управленческий анализ // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 5. – С. 358–363.

PRINCIPLES OF MANAGING THE INTERNAL SOCIAL POLICY OF A MODERN BUSINESS ORGANIZATION: MAIN CONTENT AND SIGNIFICANCE (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Semikolenova Yu.A.

Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article considers the specifics of using the principles of internal social policy management in a modern company. The author's definition of the internal social policy of a business organization is presented. The characteristics of the system of internal social policy management of a modern company are reflected, which involves the interaction of the subject (manager) and the object (employees) of management, the use of management methods, the implementation of management functions and the application of management principles in the implementation of socially oriented events to achieve a social effect. The main content of the author's principles of internal social policy management of a business organization is presented, which reflect aspects of humanity, objectivity, openness, complexity, systematicity and efficiency and are significant for the success of modern companies. At the end of the article, the importance of using the principles of internal social policy management in a modern business organization in order to achieve a positive social effect is noted.

Keywords: internal social policy; management system; management principles; business organization; social effect.

References

1. Bogunov L.A. Principles of effective management from the point of view of economic thinking of management personnel // Bulletin of SUSU. Series «Economics and Management». – 2015. – Vol. 9. – No. 1. – P. 88–95.
2. Zaitseva A. M., Tses'ko V.G. Modern principles of the management system // In the collection: Actual problems of social and labor relations. Materials of the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 85th anniversary of the foundation of Dagestan State University. Dagestan State University. – 2016. – P. 141–143.
3. Kosyakova I. V., Shuravina E.N. Modern trends in the field of enterprise management principles // Bulletin of SSU. Series: Economics and Management. – 2013. – No. 1 (102). – P. 37–42.
4. Sagaydak V.A. Managing the social image of business organizations: main directions and implementation practices (based on the materials of Volgograd): 22.00.08: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don. – 2018. – 205 p.
5. Semikolenova Yu.A. Managing the internal social policy of a business organization: sociological and managerial analysis // Social and humanitarian knowledge. – 2020. – No. 5. – P. 358–363.

Переход из школы в университет: проектная деятельность и успешность студентов, изучение школьного опыта

Фокин Сергей Александрович,

аспирант, лаборант департамента инновационной политики и разработок ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 2017103795@togudv.ru

Переход от школьного к университетскому обучению представляет собой сложный социологический процесс, который сопровождается необходимостью адаптации к новым академическим, социальным и организационным условиям. В исследовании акцентируется внимание на роли проектной деятельности в облегчении этого перехода. На основе эмпирического анализа данных, полученных от студентов, выявлены ключевые особенности школьных и университетских проектов, их различия в сложности, формате и цели. Обсуждается влияние проектной деятельности на развитие у студентов навыков самоорганизации, планирования и командной работы, необходимых для успешной адаптации в университете. Исследование также выявляет гендерные различия в восприятии проектной деятельности, а также степень её полезности и интереса. Основные выводы подчёркивают значение проектной деятельности как связующего звена между этапами образования и её потенциал в качестве инструмента адаптации.

Ключевые слова: адаптация, проектная деятельность, успешность студентов, переход школа–университет, социология управления, навыки самоорганизации, гендерные различия.

Переход от школьного к университетскому обучению представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий от студентов значительных усилий по адаптации к новым условиям. Этот этап сопровождается резким изменением образовательной среды, которая предъявляет более высокие требования к самостоятельности, ответственности и способности принимать решения. В школе образовательный процесс обычно строится на чётко структурированных занятиях и постоянной поддержке со стороны учителей, тогда как в университете студентам приходится брать на себя больше инициативы и ответственности за своё обучение.

Сложности адаптации при переходе из школы в университет

Исследования показывают, что первокурсники часто сталкиваются с трудностями при переходе от школьного обучения к вузовскому. Среди основных проблем выделяются: интеграция в новые социальные общности, необходимость самоорганизации в учебных и бытовых вопросах, а также освоение учебного материала в новых образовательных условиях [6].

Кроме того, резкие изменения социального окружения и новые требования к самостоятельности могут приводить к психологическому дискомфорту и снижению успеваемости. Проблемы социальной адаптации студентов в вузе являются актуальной темой для исследований, направленных на улучшение образовательного процесса и поддержки студентов в переходный период [2].

Роль проектной деятельности в облегчении перехода

Проектная деятельность, присутствующая как в школьной, так и в университетской программах, может служить эффективным инструментом для облегчения этого перехода. Включение проектной работы в школьную программу способствует формированию у учащихся способности к самоорганизации и ответственности за результаты своей деятельности [7].

Кроме того, исследования показывают, что внедрение проектного обучения помогает первокурсникам быстрее освоить университетский формат благодаря наглядности, практической значимости

и мотивационному эффекту. Например, в статье «Проблема адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе» подчеркивается, что методы, ориентированные на командную работу и решение практических задач, могут значительно облегчить переходный процесс [3].

В университете проектная деятельность приобретает более сложный и специализированный характер, требующий от студентов применения ранее приобретенных навыков в новых, более сложных условиях. Таким образом, опыт, полученный в школе, становится «мостиком», облегчающим адаптацию к университетской среде.

Эмпирическое исследование: анкетирование об опыте проектной деятельности

Для оценки влияния школьного опыта проектной деятельности на адаптацию в университете было проведено анкетирование среди студентов преимущественно первого и вторых курсов. Опрос включал вопросы о степени участия в проектной работе в школе, восприятии ее полезности и влиянии на текущую учебную деятельность.

В исследовании приняли участие 32 респондента, преимущественно одного из Университетов Хабаровского края (24 человека). Также в выборку вошли представители других вузов: один из Петропавловска-Камчатского (КамчатГТУ), один из Южно-Сахалинска (СахГУ), три из Владивостока (ВВГУ) и три из Пятигорска (ПМФИ).

Среди участников анкетирования преобладают девушки (18 человек), тогда как мужчин оказалось 14. В возрастной структуре респондентов наибольшую долю составляют молодые люди в возрасте 16–18 лет (12 человек). Следующей по численности группой стали участники в возрасте 19–20 лет (8 человек). Большинство опрошенных на момент исследования обучались на первом курсе университета (17 человек).

В анкете исследовался опыт респондентов в проектной деятельности в школе. Большинство (25 человек) имели такой опыт, 7 – нет. Среди 25 респондентов наиболее популярным форматом был «Зачёт в выпускном классе» (11 человек), затем «В процессе изучения школьных предметов» (6 человек). Упоминались также комбинированные форматы, отражающие гибкость подходов к проектной работе. Проектная деятельность в образовательных учреждениях способствует развитию творческих и интеллектуальных способностей студентов, а также повышает их интерес к учебному процессу [4].

На вопрос о регулярности и организации работы над проектом большинство респондентов (14 человек) отметили хаотичный характер работы без установленного расписания. Что касается самого процесса, 8 человек указали, что он был организован по аналогии с уроками.

Мнения о частоте заданий разделились: 7 респондентов отметили редкую выдачу, 9 – частую, 8 сообщили об отсутствии заданий, а 1 человек указал на очень частую и обширную выдачу. Сложность заданий 14 участников оценили на 5–7 баллов из 10.

Теперь обратимся к содержанию самих заданий. Задания могут быть разделены на несколько категорий. **Исследовательские и аналитические** включают выполнение исследовательских работ, SWOT-анализа, расчёт инвестиционных затрат, разработку целей и задач проекта, а также написание отдельных частей проекта. **Презентационные и творческие** задачи связаны с подготовкой презентаций, созданием макетов буклетов и графиков, а также с презентациями на определённые темы. **Практико-ориентированные задания** охватывают проведение практических уроков для школьников, организацию встреч для информационных бесед и регистрацию самозанятости. Несколько респондентов отметили, что задания либо не давались вовсе, либо они их не помнят.

Анализ показывает, что задания в проектной деятельности охватывают как исследовательские, так и прикладные аспекты. Чаще всего респонденты выполняли задачи по созданию презентаций, анализу данных и поиску информации. Однако отсутствие системного подхода и случаев, когда задания вовсе не выдавались, свидетельствуют о недостаточной организации этой деятельности в ряде школ.

Оценка опыта взаимодействия с проектами оказалась неоднозначной. У 12 респондентов она сосредоточилась в диапазоне 3–4, у 5 – на уровне 5, тогда как 9 участников дали низкие оценки (0–2), указывая на проблемы. Интерес к проектам 14 человек оценили высоко (4–5), тогда как низкий интерес (0–2) отметили 7 респондентов. В целом большинство нашли проекты интересными и полезными, хотя часть столкнулась с трудностями или разочарованием.

Большинство респондентов (17 человек) высоко оценили полезность проектной деятельности (4–5 баллов), тогда как низкие оценки (0–3) дали 9 участников. Это показывает, что для большинства проекты стали ценным источником навыков, знаний и опыта. Однако низкие оценки указывают на случаи, где ожидания не оправдались.

Свободные отзывы подтверждают, что проектная деятельность воспринимается как полезный и интересный опыт, способствующий обучению, развитию командной работы и решению задач. Многие отмечают положительные стороны, включая освоение новых навыков и улучшение взаимодействия в группе. Некоторые респонденты указали на недостатки организации: непонимание целей заданий, низкую мотивацию участников и руководителей, а также перегруженность учебными и проектными заданиями. Это подчёркивает необ-

ходимость улучшения планирования, сопровождения и интеграции проектной работы в образовательный процесс.

Отвечая на вопрос сложнее ли проектная деятельность в университете, респонденты 19 из 25 респондентов отмечают, что проектная деятельность в университете немного труднее или сильно сложнее и для 6 респондентов сложность даже легче чем в школе. Это может указывать на то, что в вузе студенты сталкиваются с более серьезными задачами, большим объемом ответственности и необходимостью самостоятельной работы, что мы и описывали в своем исследовании, говоря о том, что процесс перехода из школы в университет сложен.

Респонденты выделили несколько отличий между школьными и университетскими проектами.

- **Сложность и глубина.** В вузе проекты сложнее, требуют анализа, стратегии и учёта рыночных факторов, в школе – чаще исследования или доклады.
- **Командная работа.** В вузе важна работа в командах, а в школе проекты преимущественно индивидуальные.
- **Целевая аудитория.** Университетские проекты ориентированы на реальных заказчиков, школьные – на абстрактные темы.
- **Формат и содержание.** Школьные проекты теоретические, университетские – с практическим уклоном (анализ рынка, экономическая грамотность).
- **Организация и объём информации.** В вузе больше теории и информации, но организация работы лучше.
- **Детализация.** Университетские проекты требуют проработки сроков, рисков, анализа конкурентов.

В целом, проектная деятельность в университете более сложная и практикоориентированная, в то время как школьные проекты носят теоретический и учебный характер.

Также выявлены гендерные различия: мужчины, в среднем, оценивают интерес (3.58) и пользу (3.83) выше, чем женщины (3.14 и 3.36 соответственно). Это может быть связано с тем, что мужчины чаще видят в проектной деятельности возможность для карьерного роста и проявления лидерских качеств, тогда как женщины могут быть более критичны к её организации и содержанию.

Исследование выявило ключевые закономерности респондентов на разных этапах обучения, особенно в переходе от школы к университету.

1. **Опыт в школе.** 25 респондентов участвовали в школьных проектах, что помогает адаптироваться к университетским требованиям.
2. **Образовательный инструмент.** Проектная деятельность способствует развитию планиро-

вания, анализа и навыков командной работы, необходимых в вузе.

3. **Различия в уровне сложности.** Университетские проекты ориентированы на глубокий анализ и реальное применение, в отличие от упрощённых и теоретических школьных.

Таким образом, проектная деятельность может стать важным связующим звеном между школой и университетом, формируя навыки для успешной адаптации студентов к новым требованиям.

Литература

1. Боронина и др. 2001 – Боронина Л.Н., Вишневецкий Ю.Р., Дидковская Я.В., Минеева С.И. Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции // Университетское управление. 2001. № 4 (19). С. 65–69.
2. Елгина Л.С. Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2010. № 5. С. 162–166.
3. Елисеев, Д.В. Проблема адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе / Д.В. Елисеев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 4 (503). – С. 409–411. – URL: <https://moluch.ru/archive/503/110637/> (дата обращения: 28.01.2025).
4. Куклина М.В., Труфанов А.И., Уразова Н.Г., Бондарева А.В. АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31320> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Лилиенталь И.Е. Адаптация студентов к вузовскому обучению как этап личностного и профессионального развития: сб. науч. статей СевКавГТ У. Сер. «Гуманитарные науки». – № 5. – 2007.
6. Салихова Н.Р., Фахрутдинова А.Р. Трудности адаптации первокурсников к обучению в вузе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. С. 97–113. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-97-113
7. Чередниченко Г.А. Переход «школа-вуз»: человеческий капитал vs социальное неравенство // Власть. 2022. № 5. С. 133–144.

TRANSITION FROM SCHOOL TO UNIVERSITY: PROJECT-BASED ACTIVITIES AND STUDENT SUCCESS, A STUDY OF SCHOOL EXPERIENCE

Fokin S.A.

Pacific National University

The transition from school to university education is a complex sociological process that entails the necessity of adapting to new academic, social, and organizational conditions. This study focuses on the role of project-based activities in facilitating this transition. Based on empirical data collected from students, the research identifies key features of school and university projects, highlighting differ-

ences in complexity, format, and objectives. The impact of project-based activities on the development of self-organization, planning, and teamwork skills essential for successful university adaptation is discussed. The study also reveals gender differences in the perception of project-based activities, as well as the extent of their usefulness and appeal. The main conclusions emphasize the importance of project-based activities as a bridging element between educational stages and their potential as a tool for adaptation.

Keywords: adaptation, project-based activities, student success, school-to-university transition, sociology of management, self-organization skills, gender differences.

References

1. Boronina L.N., Vishnevsky Yu.R., Didkovskaya Ya.V., Mineeva S.I. Adaptation of first-year students: problems and trends // *University Management*. 2001. No. 4 (19). Pp. 65–69.
2. Elgina L.S. Social adaptation of students in higher education // *Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society*. 2010. No. 5. Pp. 162–166.
3. Eliseev D.V. The problem of first-year students' adaptation to university learning conditions / D.V. Eliseev. – Text: direct // *Young Scientist*. – 2024. – No. 4 (503). – Pp. 409–411. – URL: <https://moluch.ru/archive/503/110637/> (accessed: January 28, 2025).
4. Kuklina M.V., Trufanov A.I., Urazova N.G., Bondareva A.V. Analysis of the implementation of project-based learning in Russian universities // *Modern Problems of Science and Education*. 2021. No. 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31320> (accessed: January 15, 2025).
5. Lilienthal I.E. Students' adaptation to university learning as a stage of personal and professional development: collection of scientific articles from SevcavGT U. Series «Humanities.» No. 5. 2007.
6. Salikhova N.R., Fakhretdinova A.R. Difficulties in first-year students' adaptation to university learning // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series «Psychology. Pedagogy. Education.»* 2021. No. 1. Pp. 97–113. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-97-113
7. Cherednichenko G.A. The «school-to-university» transition: human capital vs. social inequality // *Power*. 2022. No. 5. Pp. 133–144.

Культурное пространство и кросскультурная коммуникация в условиях глобализации современного общества

Ван Синьцзы,

магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 1918787499@qq.com

Глобализация – ее содержание и противоречивый характер, последствия и широкий спектр восприятия мировым сообществом, а также научная рефлексия данного феномена – является одним из наиболее значимых явлений современности. В начале третьего тысячелетия ускорившиеся глобализационные процессы привели к необходимости создания нового культурного пространства, в котором культура и национальные традиции всех народов находятся в состоянии активного диалога и взаимодействия. В данной статье рассматривается феномен культурной глобализации, которую нельзя расценивать как формирование единой, глобальной, культуры и единой цивилизации, а предполагает интенсификацию кросскультурного взаимодействия в рамках диалога культур. Автор статьи приходит к выводу, что только кросскультурное взаимодействие поможет преодолеть барьер непонимания как между различными представителями культурных сообществ, так и между нациями в целом, что окажет влияние на текущее состояние межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: глобализация, культурное пространство, кросскультурная коммуникация, диалог культур, национальная идентичность.

Одним из знаковых тенденциозных явлений XX столетия, затронувших своим влиянием все сферы общественной жизни, является глобализация. Термин *глобализация*, обязанный своему происхождению английскому определению *global*, т.е. «мировой, всеобщий», вошел в оборот в 60-е годы XX столетия, благодаря исследованиям представителей Римского клуба – Э. Ласло, Д. Медоуз, М. Месаровича и др. Однако, до сих пор в системе научного знания не выработан единый и общепризнанный терминологический аппарат данного явления. Так, Э. Гидденс трактовал глобализацию как «расширение социальных отношений, связывающих регионы мира таким образом, что местные события формируются явлениями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [4, с. 431]. Д.В. Афиногенов рассматривал глобализацию как «исторический процесс усиления контактов между разными частями мира, приводящий к влиянию и воздействию глобальных процессов на судьбы отдельных стран и народов, а также всего человечества в целом» [1, с. 149].

Многие исследователи (например, И. Уоллестайн, Л. Склэр, Э.Г. Кочетов, Н.Н. Савельев и др.) в центр глобализационных процессов ставят «экономику, считая экономические и финансовые взаимодействия локомотивом современных трансформаций. Однако, многие ученые считают, что глобализация, являясь многовекторным явлением, не может быть сведена только к одной сфере, а проявляется во всех аспектах современной жизни, став одной из ключевых трансформаций современного социума» [7]. Так, М.Н. Романов считает, что в рамках глобализации, «посредством которой происходит формирование сложной многоуровневой системы общественно-экономических отношений», происходит «значительное усиление политических, социально-экономических, информационных и культурных взаимосвязей стран всего мира» [10, с. 112].

На исходе второго тысячелетия, когда процесс глобализации вошел в новую фазу социального строительства, глобализация все чаще и чаще рассматривается в контексте расширения культурного пространства, поскольку культура в современном обществе стала не только особым достоянием человечества, основой мышления нового типа – глобального мышления. Культура как «совокупность результатов деятельности людей, создавших систему не только материальных, но и ду-

ховных ценностей – таких, как Добро, Истина, Красота, Справедливость» [Мионов] призвана стать «спасительным мостиком» многополярного мира. А.А. Гусейнов считает, что поликультурность является «новой реальностью новой глобальной эпохи» и что в мире, где нарастает «единство человечества в области технологий, экономики, финансовых коммуникаций», политике мультикультурализма, сопровождаемой «усилением исторически сложившихся цивилизационных и культурных различий, всплеском многообразных этнических, конфессиональных, региональных и других идентичностей», нет альтернативы [6, с. 62].

«Культурная глобализация связана с расширением культурных контактов, бурным ростом культурных обменов между государственными институтами, деловыми организациями, социальными группами и индивидами различных стран и культур. Глобализационные процессы открывают перед нациями и народностями новые возможности межкультурного взаимодействия, построенного на взаимопонимании, терпимости и уважении друг к другу и к национально-культурной идентичности партнеров по коммуникации» [6].

Однако, несмотря на то, что процессы глобализации в культурной сфере в последние десятилетия приобрели особую интенсивность, они все более и более обнаруживают признаки кризисных тенденций и глубинных противоречий. Одним из таких противоречий является противоречие между социализацией и индивидуализацией личности: с одной стороны, человек неизбежно социализируется, усваивая нормы общества, а с другой – стремится сохранить свою индивидуальность, что зачастую приводит к определенным конфликтам на межнациональном и межэтническом уровне. По мысли Д.Н. Шульгиной, «социокультурная глобализация, представляющая собой взаимодействие множества самобытных культур, актуализирует вопрос конфликта ценностей, традиций, смыслов, соотношения разных культурных миров» [12, с. 174].

Сегодня наметившийся процесс слияния культур, за который особо рьяно ратуют сторонники культурной глобализации, сталкивается с жестким сопротивлением со стороны региональных фундаменталистских движений, представляющих собой, в первую очередь, традиционные культуры Востока, построенные на исламе, архаичные культуры Африки, Азии, некоторых стран Латинской Америки. Диапазон этого сопротивления достаточно широк – «от пассивного неприятия ценностей других культур до активного противодействия их утверждению» [5, с. 80]. То, что многие общества «сопротивляются процессам глобализации, вполне можно объяснить. Дело в том, что глобализационные процессы заставляют пересматривать или отказываться от некоторых традиционных принципов и ценностей собственной культуры» [5], что нега-

тивно сказывается на сохранении культурного наследия отдельных этносов и национальных сообществ, а для многих из них культура – это историческая память, «общность национальных корней», традиции, модель мировидения.

На наш взгляд, разногласия между культурами, повышающие градус напряженности в мировом сообществе, может преодолеть только диалог культур. Формирование единой, «вселенской», культуры и единой цивилизации, к чему так призывают ярые глобалисты, требующие отмены культурного разнообразия, специфических особенностей цивилизационного развития тех или иных регионов мира – это, по сути дела, утопия, не имеющая будущего. Коммуникация между народами только тогда может считаться успешной, если в процессе общения будет осуществляться равноправие сторон, если партнеры по коммуникации смогут выстроить такой уровень отношений, который не зачеркнет наличие индивидуального в каждой культуре. Таким образом, основным аспектом культурной глобализации в рамках «диалога культур» является проблема национальной идентичности.

Проблема этнокультурной национальной идентичности впервые была поставлена С. Хантингтоном. Вопрос «Кто мы?», являющийся с точки зрения американского политолога ключевым, является потенциальным условием к созданию гармоничного общества в условиях глобализации культур [11].

В условиях глобализации культурного пространства динамика этнокультурной идентичности приобретает три доминирующих вектора: интегрирующий, дифференцирующий и нивелирующий. «Интегрирующий вектор» проявляется в тенденции к формированию наднациональной, или цивилизационной, идентичности, если под «цивилизацией», вслед за Хантингтоном, следует понимать транснациональный уровень культурной общности людей – один из высших уровней их культурной идентификации. *Дифференцирующий вектор*, проявляющийся в локализации оснований культурной идентичности помимо всплеска этнического самосознания народов во всем мире, характеризуется возрастанием значимости региональной идентичности, что свидетельствует об усложнении последней. Актуализация региональной идентичности возникает в результате реакции на кризис национального менталитета и ослабление национальных корней в структуре идентичности. *Нивелирующий вектор* или тенденция к этнокультурной маргинализации характеризуется тем, что происходит ослабление связи человека с культурой, и он готов вписаться в любой контекст, вне зависимости от жизненного стиля» [3, с. 47–75].

Современное состояние этнокультурной идентичности позволяет утверждать, что в условиях культурной глобализации данная идентичность

не изживает себя, а приобретает новые формы, сохраняя в своей структуре культурные основания всех предшествующих исторических модификаций, в том числе национальной и этнической. Культурное пространство глобализационного общества не лишает людей национальной принадлежности и приверженности локальной культуре, что приводит к всплеску интереса к локальным явлениям национальной культуры.

Конечно, нельзя стопроцентно утверждать, что в современную эпоху культуры совсем не ведут диалога. Между ними мы находим все больше и больше взаимодействия. Однако это состояние нестабильно и часто выражается в подмене культурных ценностей, в подражании слабой культуры культуре более сильной, что со временем может привести к исчезновению малочисленных культурных пластов, которые просто растворятся в глобальном культурном пространстве. Так, уже давно идет процесс сближения многих национальных культур с американской культурой, благодаря чему они постепенно теряют свою национальную идентичность, приобретая «подражательные» черты и рискуя со временем раствориться в чуждой для них среде.

Отношение культуры к глобализму можно свести к трем категориям.

1. *Культурное уподобление.* При такой связи культуры становятся пассивными по отношению к процессу глобализма и утрачивают свои особенные черты по мере восприятия новой культуры.

2. *Культурная специализация.* При таких взаимоотношениях процесс глобализма способен упорядочить некоторые аспекты жизни современного общества, при этом укрепляя культурные и индивидуальные различия.

3. *Культурное совмещение и эволюция.* Этот тип реакции предполагает, что культуры не утрачиваются в процессе глобализма, но и не возвращаются к своим исходным корням, однако могут поддерживаться благодаря эволюции других культур и в комбинации с ними.

Последний тип взаимоотношений глобализма и культуры и является тем типом взаимоотношений, который предполагает развитие межкультурного диалога в рамках кросскультурной коммуникации.

Кросскультурное взаимодействие, т.е. «взаимодействие в рамках перекрещивающихся культур, в основе которого лежит обмен культурными идеями и ценностями, является неперемным условием «диалога культур» и предполагает изучение культурно-национальных особенностей других народов в процессе кросскультурной коммуникации» [9]. Этот тип коммуникативного взаимодействия является крайне важным поскольку неосведомленность в области чужой и своей культуры, влечет за собой абсолютное игнорирование другой культуры, ярко выраженное нежелание знако-

миться с чужой культурой, неприязнь и даже отращение к последней.

Обобщенно кросскультурную коммуникацию (англ. *cross-culture communication*) можно представить как «совокупность разнообразных форм отношений между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [9, с. 203].

Академический интерес к феномену кросскультурной коммуникации возник после Второй мировой войны, когда появилась необходимость «изучать механизмы и факторы взаимодействия и взаимопонимания между культурами» [9, с. 201–202]. Но только к концу XX столетия проблемы кросскультурной коммуникации захватили исследователей многих гуманитарных наук, в том числе социологии, которые, рассматривая проблемы взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения различных культур на фоне единого культурного пространства, склоняются к необходимости конструирования равноправного диалога, помогающего сохранить самобытность и самоидентификацию «малых» и «больших» народов.

Таким образом, процесс глобализации является одной из форм взаимосвязи между культурами и цивилизациями. Глобализация в сфере культуры стала реальным фактом мирового исторического развития. Люди, народы и культуры становятся все ближе и ближе друг к другу, но при этом этот непрерывный процесс не должен вести к постепенному растворению национальных культур. Наоборот, на основе сближения различных культур все отчетливее должны выделяться их дифференциальные признаки, все сильнее должны выявляться различия между ними. Иными словами, глобальная культура предполагает только кросскультурное взаимодействие, при котором различные культуры сохраняют свои особенности, не только не изолируя друг друга в противоположность акценту на культурные различия, но и принимая и понимая друг друга, а также предоставляя друг другу свободное пространство национальной идентичности.

Кросскультурный диалог в глобальном мире – процесс сложный и порой болезненный. Но тем не менее, его построение – это реальная возможность преодолеть глубочайшие противоречия духовного кризиса современной эпохи.

Литература

1. Афиногенов Д.В. Свобода, наука, природа // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 149–160.
2. Бажанова Л.М. Особенности культурного конфликта в условиях глобализации // Вестник Ставропольского государственного университета. Философские науки. – 2009. – № 64. – С. 236–242.

3. Баксанский О.Е., Лавринов Д.Г. Этнокультурная идентичность в условиях глобализации // Феномен глобализации в контексте диалога культур. – М.: «Канон +», 2010. – С. 47–75.
4. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садокхин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
6. Гусейнов А.А. Диалог культур: пределы культурологического анализа // Диалог культур в условиях глобализации: Пленарное заседание. – 2011. – 12 мая. – С. 61–65.
7. Кирьянова Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. – Томск: Дельтаплан, 2007. – 137 с.
8. Миронов В.В. Диалог культур и глобализационные угрозы // Диалог культур в условиях глобализации: Пленарное заседание. – 2011. – 12 мая. – С. 107–110.
9. Недосека О.Н. Понятие «кросскультурная коммуникация» в современном гуманитарном знании // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 4 (7). – С. 201–203.
10. Романов М.И. Глобализация как феномен мирового развития // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 7 (73). – С. 112–116.
11. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
12. Шульгина Д.Н. Кризис культуры и идентичности человека в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Сер. Философия. – 2010. – № 2. – С. 173–180.

CULTURAL SPACE AND CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF MODERN SOCIETY

Wang Xinzi

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Globalization – its content and contradictory nature, consequences and a wide range of perception by the world community, as well as

scientific reflection of this phenomenon – is one of the most significant phenomena of modernity. At the beginning of the third millennium, accelerated globalization processes have led to the need to create a new cultural space in which culture and national traditions of all peoples are in a state of active dialogue and interaction. This article considers the phenomenon of cultural globalization, which cannot be regarded as the formation of a single, global, culture and a single civilization, but implies the intensification of cross-cultural interaction in the framework of the dialogue of cultures. The author of the article comes to the conclusion that only cross-cultural interaction will help to overcome the barrier of misunderstanding between different representatives of cultural communities and between nations as a whole, which will have an impact on the current state of interethnic conflicts.

Keywords: globalization, cultural space, cross-cultural communication, dialogue of cultures, national identity.

References

1. Afinogenov D.V. Freedom, science, nature // Social Sciences and Modernity. – 2001. – No 4. – Pp. 149–160.
2. Bazhanova L.M. Features of cultural conflict in the conditions of globalization // Bulletin of Stavropol State University. Philosophical Sciences. – 2009. – No 64. – Pp. 236–242.
3. Baksansky O.E., Lavrinov D.G. Ethno-cultural identity in the context of globalization // The phenomenon of globalization in the context of the dialogue of cultures. – Moscow: “Kanon +”, 2010. – Pp. 47–75.
4. Giddens E. Consequences of Modernity. – Moscow: Praxis, 2011. – 352 p.
5. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. Fundamentals of Intercultural Communication. – Moscow: UNITY-DANA, 2003. – 352 p.
6. Huseynov A.A. Dialogue of Cultures: the Limits of Cultural Analysis // Dialogue of Cultures in the Conditions of Globalization: Plenary Session. – 2011. – May 12. – Pp. 61–65.
7. Kiryanova L.G. Society in the context of global-local relations. – Tomsk: Deltaplan, 2007. – 137 p.
8. Mironov V.V. Dialogue of cultures and globalization threats // Dialogue of cultures in the context of globalization: Plenary session. – 2011. – May 12. – Pp. 107–110.
9. Nedoseka O.N. The concept of “cross-cultural communication” in modern humanitarian knowledge // Vector of Science TSU. – 2011. – No 4 (7). – Pp. 201–203.
10. Romanov M.I. Globalization as a phenomenon of world development // International Research Journal. – 2018. – No 7 (73). – Pp. 112–116.
11. Huntington S. Who are we? Challenges of American national identity. – Moscow: AST: Transitkniga, 2004. – 635 p.
12. Shulgina D.N. The crisis of culture and human identity in the conditions of globalization // Vestnik VSU. Ser. Philosophy. – 2010. – No 2. – Pp. 173–180.

Чорю – «мягкая сила» или стратегия культурного экспорта КНДР

Михайлова Александра Артёмовна,

студент магистратуры, кафедра Корееведения,
Дальневосточный федеральный университет
E-mail: mikhailova.aar@dvfu.ru

Пешков Дмитрий Анатольевич,

студент магистратуры, кафедра Корееведения,
Дальневосточный федеральный университет
E-mail: peshkov.da@dvfu.ru

Статья посвящена феномену «мягкой силы» КНДР. В исследовании был рассмотрен концепт «мягкой силы», её характерные черты и классификация её инструментов. Был проанализирован образ Северной Кореи на момент написания статьи и факторы, повлиявшие на него. Были выделены слабые и сильные стороны «мягкой силы» КНДР. Были выявлены причины активизации северокорейского культурного экспорта и его основные элементы.

Ключевые слова: КНДР, мягкая сила, международная дипломатия, дезинформация, культурная политика, социальные сети.

Введение

Проблематика «мягкой силы» все чаще начала подниматься в дискуссиях о современных международных отношениях. Многие страны стали включать ее в свой арсенал инструментов внешней политики. Это говорит о признании мировым сообществом «мягкой силы» как реального и эффективного фактора влияния на международный диалог. Однако, несмотря на возросшую актуальность этого инструмента внешней политики, ни дискурсивная практика, ни научная полемика не пришли к общему пониманию термина «мягкая сила». Отсутствие научно-практического консенсуса в вопросе о сущности термина является проблемой в анализе и оценке внешней стратегии государств.

Северная Корея также присоединилась к общей тенденции и стала предпринимать усилия по развитию своей «мягкой силы». Этот процесс редко освещался в отечественных публикациях, в западных научных кругах рассматривался лишь частично. Все вышеперечисленное делает представленное исследование интересным, актуальным и новым.

Литературный обзор

Вопросы определения «мягкой силы», её инструментов и особенностей поднимались такими отечественными исследователями как Е.В. Ефановой («Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства»), М.М. Лебедевой (««Мягкая сила»: понятие и подходы») и О.Г. Леоновой («Интерпретация понятия «Мягкая сила» в науке»).

Кореевед О.В. Кирьянов в своей монографии «Северная Корея» рассмотрел проблему негативного имиджа КНДР, а также описал один из элементов её стратегии «мягкой силы» – «ресторанную» политику. Статья А.И. Ивановой «Спортивная дипломатия Северной Кореи: мягкая сила на Олимпийских Играх-2018» проанализировала использование северокорейской «мягкой силы» на Олимпийских играх в Пхёнчхане.

Среди иностранных исследователей стоит выделить Lee G., который в своей работе «Cultural Diplomacy with North Korean Characteristics: Pyongyang's Exportation of the Mass Games to the Third World» рассматривает спортивную политику «мягкой силы» КНДР до 1990-х гг., а также Moody P. и Ha S., которые посвятили главу книги «Here Comes the Flood: Perspectives of Gender, Sexuali-

ty, and Stereotype in the Korean Wave» инновациям в северокорейской музыке.

«Мягкая сила» в системе научных знаний

Анализ форм «мягкой силы» Корейской Народно-Демократической Республики (далее КНДР) требует раскрыть сущность этого понятия, обозначить его основные характеристики и принципы.

Этот термин ввел и популяризировал американский политолог Джозеф Най в своей книге 1990 г. «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» («Bound to Lead: The Changing Nature of American Power») [17]. В более поздней работе 2004 г. «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» («Soft power: The Means to Success in World Politics») учёный пишет: «мягкая сила означает заставить других хотеть желаемых вами результатов через кооперацию, а не принуждение» [15, с. 5]; «мягкая сила – это больше, чем просто убеждение... Это также способность привлекать»; «мягкая сила – это привлекательная сила» [15, с. 6]. Автор противопоставляет её «жесткой силе», опирающиеся на метод «кнута и пряника», угроз и стимулов, и использующий инструменты экономического или военного давления [15, с. 5].

Как отметила Леонова Ольга Георгиевна, доктор политических наук, определения Джозефа Ная допускают различные интерпретации, что привело к возникновению в отечественном научном сообществе полемики о том, что представляет собой «мягкая сила» как дефиниция [8, с. 80]. Специалист объединила множество разных точек зрения в следующие восемь подходов: Силовой, Влиятельный (инфлюентный), Технологический, Коммуникативный, Конструктивистский, Романтический, Инструментальный, Ресурсный подходы [8, с. 81–88].

В статье «Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке» О.Г. Леонова, беря во внимание субъективность в измерении показателя привлекательности, поддержала Влиятельный (инфлюентный) подход: «Мы поддерживаем данную интерпретацию и считаем, что «мягкая сила» – это влияние на основе привлекательности и внутреннего обаяния страны» [8, с. 82]. В целях нашего исследования мы будем опираться на это определение.

Сравнивая «мягкую силу» с «пропагандой», Ольга Георгиевна выделила следующее: «мягкая сила» исключает принуждение или методы манипуляции; действует в контексте неолиберальной теории международных отношений; рассматривает оппонента как субъект; нацелена на устойчивое сотрудничество и установление доверительных связей [7, с. 215]. Помимо этого, учёная отдельно подчеркнула особенность «мягкой силы» государства, а именно тот факт, что она может форми-

роваться как государственными, так и негосударственными акторами [7, с. 218].

Инструментами «мягкой силы» являются различные достижения страны, создающие её позитивный имидж, и могут быть разделены на экономические (например, экономическая модель государства, её инвестиционная привлекательность), гуманитарные (технологии, наука, образование), культурные (классическая (национальная) культура, массовая культура), политические (совершенствование политических институтов демократии и обеспечение защиты прав человека), дипломатические (вовлеченность в международный диалог, нейтрализацию угроз международной безопасности) [2, с. 420–421].

Каждая страна имеет «мягкую силу», но некоторые развили её в большей степени, чем другие. Джонатан Макклори, специалист в области «мягкой силы», впервые разработал показатель для её измерения и на его основе составил рейтинг из 30 государств-лидеров, имеющих наибольшую степень привлекательности [19]. Таким образом, согласно этому списку среди стран Северо-Восточной Азии Япония, Республика Корея и Китай имеют наиболее высокий уровень «мягкой силы».

Япония известна своей развитой экономикой, наукой и технологиями, продуктами её классической (литература, изобразительное искусство) и популярной (анимация, кинематограф, игровая индустрия) культуры [15, с. 86]. «Мягкая сила» Республики Корея состоит из двух частей: её успехов в модернизации и демократизации страны за короткое время; «Корейской волны» [20, с. 12]. «Корейская волна» или халлю – это пример успешного распространения продуктов традиционной (национального языка, кухни, литературы) и массовой (поп-музыки, телесериалов, моды) культуры Южной Кореи при активной поддержке правительства. Китай, как и Япония, получает признание за свою процветающую экономику, науку и технологии, а также богатую классическую культуру. Массовая культура Китая (кинематограф, анимация и Интернет литература) в последнее время так же набирает популярность [6]. В итоге, можно сказать, что «мягкая сила» Южной Кореи, Японии и Китая основана на их экономических, гуманитарных и культурных достижениях.

Негативный образ КНДР как результат её политики «жесткой силы» и изоляции

Оценивая «мягкую силу» Северной Кореи в рамках вышеуказанных категорий, мы считаем, что её политический и дипломатический аспекты являются наиболее слабыми.

КНДР считается авторитарной страной, притесняющей права человека. Марзуки Дарусман, эксперт ООН по правам человека, заявил: «Тотали-

тарный режим правления в Северной Корее полностью отрицает права своего народа, а его бесконтрольная власть, похоже, так прочно укоренилась, как никогда прежде, по всей стране» [11].

Было написано множество исследований о концентрационных лагерях КНДР («Тайный ГУЛАГ» 2012 г. от Комитета США по правам человека в Северной Корее, «Аквариумы Пхеньяна: десять лет в северокорейском ГУЛАГе» Кан Чхольхвана 2005 г.) и о жизни под её тоталитарным контролем («Повседневная жизнь в Северной Корее» Барбары Дэмик 2010 г.). ООН неоднократно выражало беспокойство по поводу нарушений демократических прав и свобод на территории страны. В 2013 году организацией была сформирована Комиссия по расследованию нарушений прав человека в Северной Корее, которая годом позже опубликовала доклад, подробно описывавшим все формы преступлений государства против своего народа [9]. Закрытость КНДР сделала невозможным реально оценить масштабы проблемы.

На уровне дипломатии КНДР поддерживает изоляционистскую внешнюю политику. Ким Чен Ир, предыдущий лидер Северной Кореи, сказал: «Мы должны окутать себя густым туманом, чтобы наши враги ничего о нас не узнали» [16]. Низкий уровень доступной информации о стране привел к появлению большого количества негативных мифов.

Одним из немногих источников информации о жизни в Северной Корее являются свидетельства перебежчиков, которые нельзя назвать надежными. Например, история Шин Дон Хёка об ужасах северокорейского концлагеря № 14 и его побега из него, изложенная Блейном Харденем в бестселлере «Побег из лагеря смерти» 2013 г., оказалась недостоверной. Беженец признался в том, что выдумал часть биографии, после чего сюжет всей книги был поставлен под вопрос [14, с. 20]. Про несостыковки и преувеличения в рассказах Пак Ён Ми, популярной перебежчицы, писали такие журналисты, как Джон Пауэр и Мэри Энн Джолли. В публикациях раскрылась связь Пак с Американской либертарианской некоммерческой организацией «Atlas Foundation», что подняло проблему давления организаций по правам человека на перебежчиков, их использования различными силами в политических или коммерческих целях [14, с. 21].

Существует и множество других фальсификаций о Северной Корее, распространяемых в СМИ. Самыми яркими примерами могут послужить: казнь министра обороны Хён Ён Чхоля из зенитного орудия, казнь певицы Хён Сон Воль, «любовницы» Ким Чен Ына, казнь через скормливание сотни собак Чан Сон Тхэка, дяди Ким Чен Ына и т.п. [4, с. 209].

Радикальность официальных заявлений КНДР служит причиной повышенной напряженности

в регионе (например, Северная Корея говорила о том, что «утопит Сеул в море огня», «превратит Вашингтон ядерное пепелище») [4, с. 196]. Угрозы Северная Корея подкрепляет периодическим запуском ракет в сторону Южной Кореи или Японии, ядерными испытаниями и прочими военными акциями. Важно упомянуть участие КНДР в скандалах международного уровня, таких как дело об Отто Фредерике Уормбуре, задержанном Северной Кореей американском студенте, и кампании по похищению японских граждан в 1970-х, 1980-х годах [14]. Таким образом КНДР создало себе имидж опасной и непредсказуемой страны [4, с. 286].

Причины развития «мягкой силы» КНДР

КНДР часто использует метод демонстрации военной мощи, относящиеся к «жёсткой силе», из-за чего может создаться впечатление, что «мягкая сила» у неё отсутствует. Однако наличие у страны большого количества сторонников по всему миру, которые собираются в различные группы поддержки, говорит об обратном.

Коммунистические идеи, отраженные в северокорейской идеологии чучхе, стали привлекающим фактором для людей, живущих в ожесточающихся условиях капиталистической системы. Были созданы различные общества по изучению идеологии, истории и политики КНДР, некоторые из которых позже преобразовались в более крупные объединения, среди которых можно выделить Корейскую ассоциацию дружбы, международную организацию со штаб-квартирой в Испании [12], и Международную Группу солидарности с КНДР, ведущей активную деятельность в России. Большую роль на уровне народной дипломатии играют организации проживающих зарубежом северокорейцев – Международный союз общественных объединений зарубежных корейцев «Косарён» и Ассоциация северокорейских граждан в Японии.

Анализируя раздел экономики «Научного вестника университета имени Ким Ир Сена», можно выделить большое количество исследований на тему иностранных инвестиций, международного страхового и валютного рынков [23]. Правительство КНДР обеспокоено проблемой привлечения зарубежных инвестиций, необходимых для развития национальной экономики, и поэтому начало разрабатывать различные пути по распространению привлекательного образа страны на иностранную аудиторию.

Национальные блюда – это один из продуктов классической культуры Северной Кореи, который экспортируется за границу. Рестораны сети «Пхеньян» и «Оннюгван», несмотря на санкции ООН, продолжают действовать на территории России, Китая и ряда государств Юго-Восточной Азии, зарабатывая валюту для страны и знакомя иностранцев с особенностями северокорейской кух-

ни. Как пишет кореевед Олег Владимирович Кирьянов: «Корейские рестораны своего рода послы народной дипломатии». Интерьер таких заведений выглядит аутентично по-северокорейски, внутри играет музыка корейских авторов. Официантки – это молодые красивые девушки, которые танцами и песнями создают приветливую атмосферу, располагающую к знакомству с культурой КНДР [4, с. 319].

Начиная с 2019 г. на популярном видеохостинге YouTube начали появляться северокорейские блоггерши, которые на английском, в некоторых случаях на русском, корейском, китайском языках, рассказывали подписчикам о своей повседневной жизни в процветающей социалистической стране, показывали туристические и культурные объекты, местную продукцию своей родины. В пример можно привести каналы «Olivia Natasha-YuMi Space DPRK daily» Ю Ми, «Sally Parks [SongA Channel]» 11-летней девочки Сон А и «Echo of truth» Ын А на английском языке, «New DPRK» Йон Ми на китайском и английском языках, «평양의 어린이» («Ребёнок из Пхеньяна») 7-летней школьницы Ли Су Джин на корейском, видеоблог Чин Хи на русском языке [10]. На данный момент все вышеупомянутые каналы заблокированы за несоответствие с политикой видеохостинга, что сделало невозможным развитие «мягкой силы» КНДР через YouTube [21]. Однако существуют успешные примеры «рекламы» Северной Кореи в социальных сетях. Например, Виктория Кривошеева рассказывает о плюсах своей жизни в КНДР в своем Telegram-канале «Киса в Северной Корее», так же у нее есть аккаунты в YouTube, TikTok и Instagram [5]. Является ли этот проект северокорейским или нет, он набирает большую популярность и является элементом «мягкой силы» страны.

7 июля 2012 г. под руководством Ким Чен Ына была создана женская вокально-инструментальная ансамбль «Моранбон», следующая современным тенденциям в моде, танцах и музыке. Участницы ансамбля носят короткие юбки и туфли на высоком каблуке, совмещают танцы и пение, используют электронные музыкальные инструменты. Китайская студентка по обмену в Университет имени Ким Ир Сена Джиньюй Лу описала свои впечатления от канцера Моранбон так: «Танцы в этой песне произвели на меня глубокое впечатление. Постановка танца была несколько гламурной, движения были размашистыми и энергичными. Было такое чувство, будто они следовали примеру южнокорейских женских групп». В 2015 г. появился подобный «Моранбон» вокально-инструментальный ансамбль «Чхонбон». Несмотря на современный мотив, тексты их песен остаются патриотическими, соответствующими линии правящей партии. Именно эта музыка нового поколения смогла выйти на международный уровень, создав фанатскую базу в Китае и Японии [18, с. 42–56]. Ор-

кестр «Самджиён», перенявший успешные творческие приёмы вышеупомянутых групп, выступил с песней «Моранбон» «달려가자 미래로» («Вперёд в будущее») на XXIII зимних Олимпийских играх в Пхёнчхане. Концерт впечатлил зрителей своей прогрессивностью, с которой КНДР обычно не ассоциируется [18, с. 37].

Спортивная дипломатия является важным направлением стратегии «мягкой силы» Северной Кореи. Ещё с 1970-х гг. правительство отправляло в страны третьего мира (Уганду, Бурунди, Руанда, Гвинея, Того, Малагасийская Республика и т.п.) [13, с. 6–7] спортивных инструкторов, которые помогали в организации Массовых игр наподобие северокорейского масштабного фестиваля «Ариран», демонстрирующего дисциплину, коллективизм и физическую подготовку участников. Подобные кампании имели большой успех в поддержании статуса КНДР как современной социалистической страны. Однако в 1990-х гг. их пришлось приостановить из-за финансовых проблем [13, с. 10]. На Олимпийских зимних играх 2018 г. КНДР вновь возобновила спортивную дипломатию. В Пхёнчхане республика продемонстрировала спортивные достижения в фигурном катании и музыке, красоту своих девушек, приехавших на мероприятие в качестве болельщиц, а также мирные намерения, поучаствовав в церемонии открытия и закрытия под флагом Объединения [3, с. 37]. На сегодняшний день КНДР активно развивает сотрудничество с Россией в области физической культуры и спорта, содействуя в проведении спортивных мероприятий и обменов. Так, в 2024 году спортсмены из КНДР приняли участие в первых международных молодёжных студенческих летних играх «Молодость Приморья» [1].

Термин Чорю, обозначающий северокорейскую волну, возник в связи с популярным в Китае 1970-х гг. фильмом «Цветочница» и полностью забыт на фоне Халлю, южнокорейской волны. Однако сейчас в СМИ вновь стали использовать это слово, чтобы подчеркнуть растущее влияние «мягкой силы» КНДР [22].

Выводы

«Мягкая сила» подразумевает влияние через привлекательность и сотрудничество, в отличие от «жесткой силы», основанной на принуждении. Ольга Леонова выделяет восемь подходов к интерпретации «мягкой силы», поддерживая инфлюентный подход, который акцентирует внимание на внутреннем обаянии страны. Инструменты «мягкой силы» включают экономические, гуманитарные, культурные и политические достижения. Япония, Республика Корея и Китай демонстрируют высокий уровень «мягкой силы» благодаря своим успехам в экономическом, гуманитарном и культурном аспектах.

Северная Корея, напротив, не развила «мягкую силу» в достаточной степени, чтобы создать положительное мнение о себе у мирового сообщества. Её политика самоизоляции, которая стимулирует появление и распространение мифов о стране, а также частое применение «жёсткой силы» в решении дипломатических вопросов «демонизировали» образ КНДР в глазах окружающих.

Тем не менее, потребность во внешних ресурсах для дальнейшего роста экономики побудила правительство Северной Кореи обратить внимание на возможности «мягкой силы» в решении проблем привлечения иностранных инвесторов и туристов. Вместе с уже практиковавшимися ресторанной и спортивной дипломатией появились новые формы культурного экспорта: музыкальная и цифровая дипломатия. Существование иностранных организаций или отдельных лиц, активно поддерживающих КНДР показывает, что, несмотря на сохраняющиеся всеобщее недоверие, у страны есть большой потенциал к развитию «мягкой силы».

Литература

1. Во Владивостоке открыли первые международные студенческие игры «Молодость Приморья» [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21421197> (дата обращения: 11.01.2025).
2. Ефанова Е.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. № 20. С. 417–426.
3. Иванова А.И. Спортивная дипломатия Северной Кореи: мягкая сила на Олимпийских Играх-2018 // Материалы VIII Международной корееведческой конференции ДВФУ, Владивосток, 17–18 мая 2019 г.: сборник материалов / Владивосток: Издательство Дальневост. федерал. ун-та, 2019. С. 32–36.
4. Кирьянов О.В. Северная Корея. – М.: РИПОЛ классик, 2017.
5. Киса в Корею [Электронный ресурс] // Telegram. – URL: <https://web.telegram.org/k/#@kisaandkorea> (дата обращения: 06.01.2025).
6. Китайский бренд: как КНР завоевывает мир [Электронный ресурс] // ПостНаука. – URL: <https://postnauka.org/longreads/156566> (дата обращения: 02.01.2025).
7. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3. С. 212–223.
8. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «Мягкая сила» в науке // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2015. № 2. С. 80–89.
9. Права человека в Северной Корею и комиссия ООН [Электронный ресурс] // NEO: New Eastern Outlook. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2014/03/08/prava-cheloveka-v-severnoj-koree-i-komissiya-oon-chast-1/> (дата обращения: 03.01.2025).
10. Ютуберы в Северной Корею [Электронный ресурс] // KBD WORLD Russia. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2014/03/08/prava-cheloveka-v-severnoj-koree-i-komissiya-oon-chast-1/> (дата обращения: 05.01.2025).
11. Efforts to hold DPRK's leadership accountable must continue – UN expert urges in last report [Электронный ресурс] // United Nations. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2016/03/efforts-hold-dprks-leadership-accountable-must-continue-un-expert-urges-last> (дата обращения: 03.01.2025).
12. From Ethnic Nationalism to Social Media: How North Korea Leverages Its Soft Power Abroad [Электронный ресурс] // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2021/08/from-ethnic-nationalism-to-social-media-how-north-korea-leverages-its-soft-power-abroad/> (дата обращения: 04.02.2025).
13. Lee G. Cultural Diplomacy with North Korean Characteristics: Pyongyang's Exportation of the Mass Games to the Third World, 1972–1996 // Journal of Defense Analysis. – 2009. Vol. 21. № 2. – P. 205–218.
14. Murray R. Reporting on the impossible: The use of defectors in covering North Korea // Ethical Space: The International Journal of Communication Ethics. – 2017. Vol. 14. № 4. – P. 17–24.
15. Nye J. Soft power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004.
16. Review Essay: A Voice from the North Korean Gulag [Электронный ресурс] // Journal of Democracy. – URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/review-essay-a-voice-from-the-north-korean-gulag/#f1> (дата обращения: 04.02.2025).
17. Soft power: the origins and political progress of a concept [Электронный ресурс] // Humanities and Social Sciences Communications. – URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms20178> (дата обращения: 02.01.2025).
18. Tanter M. L., Park M. Here Comes the Flood: Perspectives of Gender, Sexuality, and Stereotype in the Korean Wave. Lanham: Rowman & Littlefield, 2022.
19. The Soft Power 30: a global ranking of soft power [Электронный ресурс] // Portland. – URL: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (дата обращения: 02.01.2025).
20. Young B. R. A theory of soft power and Korea's soft power strategy. Korean Journal of Defense Analysis // The International History Review. – 2019. Vol. 4. № 3. – P. 1–13.
21. YouTube removes North Korean 'vloggers' after South Korea blocks accounts [Электронный ресурс] // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/youtube-removes->

north-korean-vloggers-after-skorea-blocks-accounts-2023-06-27/ (дата обращения: 05.02.2025).

22. '20분 우정' 北-中, 다시 뭉친다 // Pressian (25. «20 минут дружбы»: Северная Корея и Китай воссоединяются // Pressian) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pressian.com/pages/articles/58312> (дата обращения: 11.02.2025).
23. 김일성종합대학학보 (경제학) // 김일성종합대학 (Научный вестник университета имени Ким Ир Сена (экономика) // Университет имени Ким Ир Сена) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/ko/research/journals/13?cp=0> (дата обращения: 04.02.2025).

CHORYU – «SOFT POWER» OR THE STRATEGY OF CULTURAL EXPORT OF THE DPRK

Mikhailova A.A., Peshkov D.A.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the phenomenon of the DPRK's «soft power». The study examined the concept of «soft power», its characteristic features and classification of its instruments. The image of North Korea at the time of writing the article and the factors that influenced it were analyzed. The weaknesses and strengths of the DPRK's «soft power» were identified. The reasons for the activation of North Korean cultural export and its main elements were identified.

Keywords: DPRK, soft power, international diplomacy, disinformation, cultural policy, social media.

References

1. The first international student games «Youth of Primorye» opened in Vladivostok [Electronic resource] // TASS. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21421197> (date of access: 11.01.2025).
2. Efanova E.V. Instruments of «soft power» in the state's foreign policy // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2018. No. 20. P. 417–426.
3. Ivanova A.I. Sports diplomacy of North Korea: soft power at the 2018 Olympic Games // Proceedings of the VIII International Korean Studies Conference of FEFU, Vladivostok, May 17–18, 2019: collection of materials / Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2019. P. 32–36.
4. Kiryanov O.V. North Korea. – Moscow: RIPOL classic, 2017.
5. Kisa in Korea [Electronic resource] // Telegram. – URL: <https://web.telegram.org/k/#@kisaandkorea> (date of access: 01/06/2025).
6. Chinese brand: how China is conquering the world [Electronic resource] // PostNauka. – URL: <https://postnauka.org/longreads/156566> (date of access: 01/02/2025).
7. Lebedeva M.M. «Soft power»: concept and approaches // Bulletin of MGIMO University. 2017. No. 3. P. 212–223.
8. Leonova O.G. Interpretation of the concept of «Soft power» in science // Scientific and analytical journal Obozrevatel-Observer. 2015. No. 2. P. 80–89.
9. Human rights in North Korea and the UN commission [Electronic resource] // NEO: New Eastern Outlook. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2014/03/08/prava-cheloveka-v-severnoj-koree-i-komissiya-oon-chast-1/> (date of access: 01/03/2025).
10. YouTubers in North Korea [Electronic resource] // KBD WORLD Russia. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2014/03/08/prava-cheloveka-v-severnoj-koree-i-komissiya-oon-chast-1/> (date accessed: 05.01.2025).
11. Efforts to hold DPRK's leadership accountable must continue – UN expert urges in last report [Electronic resource] // United Nations. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2016/03/efforts-hold-dprks-leadership-accountable-must-continue-un-expert-urges-last> (date accessed: 03.01.2025).
12. From Ethnic Nationalism to Social Media: How North Korea Leverages Its Soft Power Abroad [Electronic resource] // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2021/08/from-ethnic-nationalism-to-social-media-how-north-korea-leverages-its-soft-power-abroad/> (accessed 02/04/2025).
13. Lee G. Cultural Diplomacy with North Korean Characteristics: Pyongyang's Exportation of the Mass Games to the Third World, 1972–1996 // Journal of Defense Analysis. – 2009. Vol. 21. No. 2. – P. 205–218.
14. Murray R. Reporting on the impossible: The use of defectors in covering North Korea // Ethical Space: The International Journal of Communication Ethics. – 2017. Vol. 14. No. 4. – P. 17–24.
15. Nye J. Soft power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004.
16. Review Essay: A Voice from the North Korean Gulag [Electronic resource] // Journal of Democracy. – URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/review-essay-a-voice-from-the-north-korean-gulag/#f1> (accessed: 04.02.2025).
17. Soft power: the origins and political progress of a concept [Electronic resource] // Humanities and Social Sciences Communications. – URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms20178> (accessed: 02.01.2025).
18. Tanter M. L., Park M. Here Comes the Flood: Perspectives of Gender, Sexuality, and Stereotype in the Korean Wave. Lanham: Rowman & Littlefield, 2022.
19. The Soft Power 30: a global ranking of soft power [Electronic resource] // Portland. – URL: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (access date: 01/02/2025).
20. Young B. R. A theory of soft power and Korea's soft power strategy. Korean Journal of Defense Analysis // The International History Review. – 2019. Vol. 4. No. 3. – P. 1–13.
21. YouTube removes North Korean 'vloggers' after South Korea blocks accounts [Electronic resource] // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/youtube-removes-north-korean-vloggers-after-skorea-blocks-accounts-2023-06-27/> (accessed: 05.02.2025).
22. '20분 우정' 北-中, 다시 뭉친다 // Pressian («20 minutes of friendship»: North Korea and China are reuniting // Pressian) [Electronic resource]. – URL: <https://www.pressian.com/pages/articles/58312> (accessed: 11.02.2025).
23. 김일성종합대학학보 (경제학) // 김일성종합대학 (Scientific Bulletin of Kim Il Sung University (Economics) // Kim Il Sung University) [Electronic resource]. – URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/ko/research/journals/13?cp=0> (date accessed: 02/04/2025).

Этапы развития института образования в России: 1930–1953 годы

Щербинина Зинаида Николаевна,

аспирант кафедры философии и социологии, Академия труда и социальных отношений
E-mail: optionjet@gmail.com

В продолжение поэтапного исследования социального института образования в России, в статье рассматривается период развития с 1930 по 1953 годы, анализируются основные изменения, происходившие в образовательной системе в ходе реализации образовательной политики, отражающей социальные и политические реалии данного исторического периода. Уделяется внимание ключевым реформам, проводимым в системе образования, а также их влиянию на доступность, качество и содержание образовательных программ. Исследуются основные документы, касающиеся образовательной политики, а также роль идеологии в формировании образовательных стандартов. В результате анализа выявляется, что реформы 1930–1953 годов, включая централизацию управления и идеологизацию образовательного процесса, существенно изменили облик российского образования. Отмечается, что эти изменения оказали как позитивное влияние на массовость образования, так и негативные последствия, такие как ограничение академической свободы и качество образования. Подчеркивается важность понимания исторического контекста и последствий образовательной политики данного периода для осмысления современных вызовов в области образования в России и предлагает рекомендации для дальнейших исследований социокультурных аспектов образовательного института.

Ключевые слова: социальный институт образования, образование, трансформация общества, грамотность населения, социальный состав общества России.

Введение

Система образования в России, как и в большинстве стран мира, прошла через значительные трансформации на протяжении XX века. Особую актуальность приобретают события периода с 1930 по 1953 годы, который охватывает время Второй мировой войны. Военный конфликт мирового масштаба, главным участником которого стал Советский Союз, стал катализатором глубоких реформ, затронувших не только структуру и содержание образовательной системы, но и оказавших значительное влияние на социальные и экономические аспекты жизни общества. Данный промежуток времени был временем коренных изменений в Советском государстве, когда под руководством И.В. Сталина происходило распространение идей построения коммунистического общества, одновременно с развитием общественного неравенства.

Целью настоящего исследования является анализ этапов развития социального института образования в России в указанный период, а также оценка законодательных и структурных изменений, оказавших влияние на практические аспекты жизни общества. Актуальность данной темы заключается в важности изучения взаимосвязи социального института образования с социальными переменами, что позволит удостовериться или опровергнуть его функции как механизма социальной мобильности.

В послереволюционные годы образование стало доступным для всех, выступая в роли инструмента идеологического влияния. В рассматриваемый период образовательная система стала ключевым элементом формирования нового типа гражданина, который соответствовал требованиям социалистического общества. Таким образом, анализ этапов развития образовательного института в России в 1930–1953 годах позволит более глубоко понять формирование системы образования в контексте политических и социальных изменений, а также их последствия для общества в целом.

В рамках исследования будут рассмотрены следующие направления.

- 1. Исторический контекст образовательной политики:** будет проведен анализ ключевых событий и их взаимосвязи с институтом образования; обоснованы условия внедрения обязательного начального и семилетнего образования, а также идеологические установки,

на которых основываются новые образовательные реформы. Будут также изучены выдающиеся личности, оказавшие влияние на общественные процессы как внутри страны, так и за её пределами.

2. **Внутриинституциональные события и законодательные реформы:** особое внимание будет уделено постановлению «О всеобщем обязательном начальном обучении» 1930 года, ставшему знаковым для начала масштабных изменений в системе образования. Будет дан ответ на вопрос, чем это постановление отличается от распорядительных документов, принятых на ранее этапах.
3. **Социальные и экономические последствия образовательных реформ:** будет проанализировано, как изменения в системе образования повлияли на различные социальные группы, включая детей, родителей и педагогов, а также как эти реформы способствовали социальной мобильности. Кроме того, будет рассмотрено влияние новых подходов к образованию на подготовку кадров для различных отраслей экономики и их отражение на общем экономическом развитии страны.
4. **Оценка итогов образовательной политики до 1953 года:** будут подведены итоговые оценки проведённым реформам и их влиянию на дальнейшее развитие образовательной системы в Советском Союзе и России. Будут извлечены уроки из опыта прошлого, которые могут быть актуальны для современного образования, что в свою очередь поможет более глубоко понять исторические процессы и их влияние на современное российское общество.

Исторический контекст образовательной политики 1930–1953 годов

В 1930-е годы политические и социальные изменения в СССР оказали значительное влияние на развитие образовательной системы. В условиях индустриализации и укрепления власти под руководством Сталина начался активный процесс внедрения новых образовательных стандартов, отвечающих требованиям динамично развивающегося общества. Начало учебного года 1930/31 стало отправной точкой для перехода к всеобщему обязательному начальному обучению, что достигло своего апогея к 1937–1939 годам, с введением обязательного сначала пятилетнего, а позже семи-летнего образования. В результате было открыто более 20 тысяч новых школ, что значительно улучшило доступность образования для широкой части населения [9].

Важным аспектом реформ было то, насколько быстро происходили изменения. Образовательные подходы начали активнее фокусироваться

на подготовке специалистов, необходимых для индустриального развития [10]. Это особенно проявилось в высшем образовании, где обучение для технических специальностей было сокращено с пяти до четырех лет. Таким образом, система образования строилась в первую очередь для удовлетворения потребностей экономики, что, в свою очередь, отразилось на качестве предоставляемого образования.

Обращение внимания на грамотность населения стало одной из приоритетных задач государственной политики. Ликвидация безграмотности стремительно вошла в повестку дня, что подтверждается статистикой: к 1939 году уровень грамотности среди людей в возрасте от 16 до 50 лет возрос приблизительно до 90%. Это означало, что более 40 миллионов человек получили образование и возможность активно участвовать в общественной жизни [3]. Политика получения образования поддерживалась на всех уровнях власти и сопровождалась различными акциями по обучению, такими как выездные курсы и лагеря.

Однако образование в тот период стало не только средством подготовки грамотного рабочего класса, но и важным инструментом пропаганды. Реорганизация образовательной системы тесно связана с идеологией государства, что проявлялось в изменениях учебных программ и содержании учебников, соответствующих интересам партии. В этом плане учебные материалы пересматриваются в соответствии с новыми идеологическими установками, а в учебный процесс активно внедряются мероприятия по идеологическому воспитанию.

Темп реформ стал основополагающим для формата образования, вытесняя традиционные подходы к обучению. Учебные заведения начали интегрировать науку и технологии, что в свою очередь изменяло стратегии и методы преподавания. Процесс подготовки специалистов до начала 1930-х годов существенно не соответствовал растущим потребностям промышленности. В 1935 году расчеты показали, что стране требовалось около 435 тысяч инженерно-технических специалистов, тогда как в 1929 году в учебных заведениях было не более 66 тысяч таких специалистов [2]. Дефицит квалифицированных кадров усиливал давление на образовательную систему, требуя срочных решений и реформ.

Образовательные реформы тех лет были частью системы, которая находилась под жестким контролем и зависела от политической ситуации. Изменения в образовании определялись необходимостью государственной безопасности, что отразилось на содержании и подходах к обучению. Новые формы обучения не только изменяли содержание образования, но и изменили отношения между учащимися и преподавателями, подчеркивая идеологическую преданность режиму.

Серьезное влияние на Советскую школу оказала Великая Отечественная война: многие учебные заведения были закрыты или переориентированы на подготовку специалистов для фронта. Общеобразовательные программы адаптировались для решения государственных задач, и демографические изменения, связанные с потерями на фронте, требовали от системы образования адаптации к новым реалиям.

После войны началась активная реформа, направленная на восстановление и модернизацию. В 1946 году было создано Министерство высшего и среднего специального образования, как подтверждение намерения и необходимость выделения образования в отдельную государственную стратегическую линию.

Основные реформы образования в период 1930–1953 годы

Развитие социального института образования в России в 1930-х годах связано с рядом значительных реформ, направленных на ликвидацию неграмотности и создание новой образовательной системы. Важной вехой этого периода стало Постановление Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР, принятое 14 августа 1930 года, о всеобщем обязательном начальном обучении [5, 11]. Этот документ установил обязательное начальное образование для детей в возрасте от 8 до 15 лет, что стало важным шагом в борьбе с культурной и технической отсталостью населения.

Система образования, созданная в 1923 году с началом внедрения всеобщего обучения, значительно расширила свои рамки благодаря Постановлению 1930 года [5, 11]. Это позволило повысить уровень грамотности среди детей. На 1934 год обязательное начальное обучение было реализовано практически повсеместно, что положительно сказалось на общем уровне образования в стране [7].

Стремление устранить существующие социальные неравенства также стало важной целью реформы. Образовательная система охватывала не только детей из состоятельных семей, но и детей из менее благополучных слоев. В рамках реформы было установлено ограниченное число учащихся на одного учителя, что позволяло эффективнее организовать учебный процесс и обеспечить индивидуальный подход к каждому ученику. Это дало возможность не только улучшить качество образования, но и развить критическое мышление у обучающихся.

Ключевым моментом реформ стало принятие новых учебных планов и программ, в которых акцент смещался на практическое применение знаний. Это создавало необходимые условия для формирования трудящихся, способных внести

вклад в строительство социалистического общества.

Тем не менее, стремительное введение обязательного обучения сталкивалось с рядом проблем, в частности с нехваткой квалифицированных учителей. Ускоренная подготовка педагогов не всегда была эффективной, и многие из них не имели достаточной подготовки для работы по новым стандартам. Несоответствие между образовательной идеологией и реальным педагогическим составом порой приводило к конфликтным ситуациям в классах.

Реформа образования продолжалась и в последующие десятилетия, особенно в 1940-х и 1950-х годах. После окончания Второй мировой войны началось активное движение к укреплению системы образования как одной из задач послевоенного восстановления. В 1943 году была принята новая концепция образовательной системы, предусматривающая, кроме отдельного обучения, переход к обязательному полному среднему образованию. В 1953 году, в рамках нового Положения о народном образовании, был утвержден принцип доступности образования для всех граждан, что стало причиной увеличения числа учащихся по всей стране [8].

Учитывая социальные и экономические изменения, вызванные этими реформами, возникла необходимость в создании новых условий для повышения квалификации существующих кадров. Новые стандарты подготовки учителей способствовали улучшению качества преподавания и, таким образом, благоприятно сказывались на дисциплине и организации учебного процесса.

В результате реформ 1930-х годов была создана новая образовательная система, отражающая потребности социалистического общества. Эти изменения стали основополагающим этапом в воспитании нового поколения граждан – готовых к жизни в социалистическом обществе, стремящемся к равенству и справедливости. Эти реформы помогли государству достичь целей как в экономической, так и в социальной сферах.

Социальные последствия образовательных реформ 1930–1953 годов

В 1930-е годы в СССР произошли важные изменения в системе образования, которые оказали широкий эффект на социальное развитие общества. Одной из ключевых задач реформ стало создание единой структуры школьного образования, в которой идеологические установки государства занимали центральное место. Образование стало инструментом формирования новых общественных ценностей, таких как коллективизм, равенство и патриотизм. В этом контексте образование рассматривалось не только как средство передачи знаний, но и как мощный механизм для формирования но-

вого сознания, соответствующего целям социалистического государства.

Однако образовательные изменения также принесли и серьезные негативные последствия. Одной из главных проблем стало социальное неравенство в доступе к образованию. Многие группы населения, особенно дети из деревень и те, кто были признаны «врагами народа», фактически оказались исключены из образовательной системы. Статистика показывает, что более 30% детей из сельских районов не смогли завершить начальную школу к концу 1930-х годов. Отсутствие паспортов и правовых возможностей для получения образования создало межклассовые различия и усугубило социальное неравенство. Таким образом, доступ к образованию оставался привилегией для определенных слоев общества, несмотря на официальное объявление обязательного начального обучения.

Система образования, основанная на сталинских реформах, резко расширилась. Под воздействием централизованной системы и унификации численность учащихся значительно возросла: если в 1928 году в советских школах обучалось около 8 миллионов учеников, то к 1939 году это число увеличилось до 28 миллионов. Открытие новых школ и вузов способствовало росту образовательных показателей, и СССР стал лидером в мире по числу студентов – к 1950 году этот показатель достиг 2,5 миллиона, что составляло более 20% от общего числа учащихся высших учебных заведений в мире [4]. Хотя такая масштабная инфраструктура сделала образование доступным для многих, акцент на количественных показателях оставлял в тени качество образования. Учебные заведения часто сталкивались с нехваткой ресурсов и квалифицированных специалистов, что негативно влияло на уровень образования. Вопросы о качестве подготовки новых кадров также стали актуальными из-за быстрого обновления педагогического состава в университетах.

Кадровые реформы играли важную роль в образовательной политике, особенно в высшем образовании, где проходила реорганизация для ускоренной подготовки специалистов. Однако нехватка квалифицированных педагогов в 1951 году – более 200 тысяч учителей не хватало – сильно сказывалась на уровне обучения. Стремясь удовлетворить потребности экономики в квалифицированных кадрах, многие системы подготовки не могли обеспечить необходимый уровень образования, что в дальнейшем оказало влияние и на остальные сектора экономики.

Несмотря на эти проблемы, была достигнута значительная улучшение уровня грамотности среди людей. По данным переписи 1939 года, уровень грамотности среди взрослого населения вырос с 50% в 1926 году до 90% в 1939-м [4]. Это стало возможным благодаря изменению образователь-

ных программ и реальным усилиям правительства по просвещению. Массированный рост строительства школ и открытие новых учебных заведений привели к тому, что к концу 1930-х годов число учащихся резко увеличилось.

Экономические изменения как следствие образовательных реформ

В период с 1930 по 1953 год в Советском Союзе образование претерпело значительные изменения, которые оказали заметное влияние на экономическое развитие страны. В контексте индустриализации и коллективизации правительство сосредоточило свои усилия на реорганизации образовательной системы. Внедрение всеобщего обязательного начального образования, которое к 1937 году трансформировалось в обязательное семилетнее обучение, стало началом этого процесса. К концу 1930-х годов было открыто более 20 тысяч новых школ, что в разы превышало результаты двух веков царского правления.

Образование стало важным инструментом подготовки кадров, необходимых для реализации амбициозных экономических планов. Число вузов увеличилось более чем в пять раз, а количество техникумов возросло на 3,5 раза, что позволяло оперативно готовить инженерно-технические кадры, нужные для промышленности [4]. Как результат, к концу 1930-х годов СССР вышел на первое место в мире по количеству учащихся и студентов. Сокращение сроков образовательных циклов и развитие заочного обучения способствовали быстрому подготовке квалифицированных работников [6].

Тем не менее, несмотря на эти количественные успехи, качество образования в последующие десятилетия вызывало серьезные беспокойства. Ухудшение образовательных стандартов стало заметно в 1960–1980-х годах, когда страна столкнулась с дефицитом интеллектуальной элиты, сформировавшейся в результате образовательных инициатив периода 1930–1950-х годов. Низкие стандарты, хотя и удовлетворяли потребности советской модели, не обеспечивали необходимого уровня качества образования, что, в свою очередь, сказывалось на темпах экономического роста.

Одним из значимых факторов было нужда в высококвалифицированных специалистах, вызванная стремительной индустриализацией. В 1930-е годы стране требовалось около 435 тысяч инженерно-технических работников, подчеркивая критическую потребность в квалифицированных кадрах для развития производственных процессов и внедрения современных технологий [3].

Образовательные нововведения также способствовали изменению социальной структуры об-

щества, создавая новый слой людей, способных не только усваивать информацию, но и внедрять значимые изменения в экономику. Увеличившаяся нагрузка на учебные заведения привела к тому, что многие студенты и выпускники стали основными двигателями новых идей и технологий. Сложившаяся система образования обеспечивала быстрое развитие как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Однако недостаточное внимание к качеству учебного процесса в будущем вызвало ряд негативных последствий.

Новые учебные программы и их содержание

С начала 1930-х годов в Советском Союзе начались серьезные реформы в области образования, которые отражали идеологические установки власти и стремление к созданию новой социальной модели. Важным шагом в этом направлении стало внедрение обязательного начального образования, что значительно увеличило уровень грамотности населения. Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от августа 1930 года установило, что все дети в возрасте от восьми до пятнадцати лет должны пройти четырехлетний курс начальной школы, что ознаменовало начало системы семилетнего образования.

Структура образовательной системы была систематизирована и привела к созданию единой сети общеобразовательных школ. К концу 1930-х годов было определено, что обязательное семилетнее образование должно охватывать как базовые науки, так и профессиональные навыки. Это требование способствовало интеграции молодежи в трудовой процесс и формированию нового типа социалистического человека – грамотного и эффективного работника.

Учебные планы и программы прошли серьезную ревизию. Главное внимание уделялось научным и техническим дисциплинам, соответствующим целям индустриализации. В обязательный перечень предметов были включены физика, химия и математика, а также производственное обучение. Остальные предметы, такие как язык, литература и музыка, оказались на втором плане, что вызвало критику со стороны педагогов и общественности.

Однако реформы имели и свои недостатки. Критики отмечали, что нехватка подготовленных учителей и ресурсов сильно ограничивала качество образования. Кроме того, многие учебные заведения сталкивались с отсутствием квалифицированного преподавательского состава, что негативно влияло на успешность и эффективность новых программ. В итоге ученики недополучали те знания, которые были необходимы для дальнейшего профессионального роста [6].

К 1939 году число учащихся в СССР значительно увеличилось. Если в 1914 году в высших учеб-

ных заведениях обучалось около 127 тысяч человек, то к 1930 году это число возросло до 272 тысяч, что свидетельствовало о росте доступности образования. Реформа также укрепила профессиональное и техническое образование, создав большое количество технических училищ и профтехучилищ, что позволяло готовить необходимых специалистов для экономики и индустриализации.

Принятые меры положили начало формированию образовательной системы, которая впоследствии претерпела изменения в 1940-х и 1950-х годах. Массовое образование породило в обществе ожидания улучшения жизненных условий и карьерных возможностей для молодежи, что отражало идеологические устремления советского государства. В этот период формировалась основа для подготовки кадров, способных обеспечить выполнение новых социальных и экономических идеалов.

Изменения в преподавательской деятельности

В 1930-е годы система образования в Советском Союзе претерпела значительные изменения, направленные на соответствие современным требованиям индустриализации. В частности, в 1930 году введение всеобщего начального образования стало важным шагом к обеспечению доступа к образованию для всех слоев населения. Эта мера была результатом постановления Центрального исполкома и Совета народных комиссаров, основанного на понимании необходимости формирования грамотного населения для успешного промышленного прогресса.

Методы преподавания изменились, акцент стал смещаться в сторону более активного обучения. Применение исследовательских методов в образовательном процессе стало ключевым моментом, с акцентом на развитие самостоятельной работы школьников как важного элемента их обучения [8].

С 1930 по 1937 годы было открыто более 20 тысяч новых школ, и к 1937 году семилетнее образование стало обязательным для детей. Эта активная реконструкция позволила Советскому Союзу занять лидирующие позиции по количеству учащихся на фоне растущей промышленности и потребности в квалифицированных кадрах.

С 1931 года начались эксперименты с образовательными методами, направленные на поиски более прогрессивных подходов. Концепция труда и творчества внедрялась в учебный процесс, готовя школьников к социалистическому строительству и отражая стремление интегрировать труд и учебу. Это особенно актуализировалось в свете государственной политики по модернизации экономики.

Введение новых методов обучения способствовало повышению качества образования. Появи-

лись системы, позволяющие школьникам активно участвовать в учебном процессе. Постепенно качество образования стало улучшаться, что связано с созданием систематизированной школьной системы и разработкой современных образовательных программ.

В середине 1930-х годов наблюдались изменения в содержании учебных планов: каждое учебное заведение разрабатывало программы и методики в соответствии с местными условиями и потребностями, однако на национальном уровне необходимо было сохранить единство образовательного процесса. Государственный контроль оставался высоким, и учителя продолжали следовать установленным нормам.

Учебный процесс становился всё более структурированным. Преподаватели начали включать в практику элементы, способствующие развитию критического мышления у студентов. Основное внимание уделялось формированию базовых навыков, необходимых для будущего обучения и профессиональной деятельности. Это в свою очередь поддерживало идею социального равенства в образовании и способствовало повышению социальной мобильности молодежи.

Анализ итогов образовательной политики до 1953 года

Период с 1930 по 1953 годы в России стал значимой вехой для формирования и развития системы образования. Этот период отмечен качественными изменениями в образовательной политике, которые стали результатом как внутренних, так и внешних факторов. Одним из ключевых аспектов стало переосмысление роли образования в контексте потребностей государства и общества, что отражало идеологические установки времени.

В ответ на требования времени образовательные программы становились всё более специализированными. Учебные заведения готовили кадры для различных секторов экономики и социальной сферы. Актуализировались практические подходы к образовательным методам, что было необходимо для подготовки квалифицированных кадров, требуемых для индустриализации [6].

Не менее важным была работа по улучшению условий труда педагогов, необходимость повышения их статуса в обществе и привлечение новых кадров в систему образования. Это стало ответом на требования времени и потребности в высококачественных специалистах.

В середине 1950-х годов система образования столкнулась с новыми вызовами и противоречиями. Конфликты между требованиями модернизации образовательных стандартов и существующей практикой часто приводили к проблемам, связанным с усилением контроля со стороны государства. Образование оставалось под сильным

воздействием идеологии, что иногда мешало этому процессу.

Заключение

В настоящем исследовании предложен анализ изменений в системе образования в России в период 1930–1953 годов, описаны не только исторические трансформации, но и их долгосрочные социальные и идеологические последствия. Образование стало не только средством повышения грамотности, но и инструментом формирования общественного сознания, а также стало играть важную роль в социальной стратификации. История института образования демонстрирует межвременные аспекты в образовательной сфере, демонстрируя актуальность прошлых реформ и проблем для понимания современных тенденций в российском образовании.

Выводы

1. В 1930–1953 годах образовательная система в СССР являлась инструментом идеологизации, активно формировавшим новое сознание и патристические чувства. В современной России мы также наблюдаем влияние идеологии на образование, например, через курсы о патриотизме и истории России. Учебные программы часто интегрируют элементы гражданского образования, что свидетельствует о желании государства формировать определенные ценности и мировосприятие у подрастающего поколения. Это влияние позволяет формировать общественное сознание и идентичность.
2. Как в 1930-е годы, так и в наше время, доступность образования остается важной темой. В 1930-е годы стремление к всеобъемлющему начальному обучению помогло значительно повысить грамотность, но существовали ограничения для определенных групп населения. В современных реалиях, все еще присутствует социальное неравенство. Дети из социально неблагополучных семей или отдаленных регионов сталкиваются с проблемами доступа к качественному образованию, что создает барьеры для социальной мобильности и усугубляет неравенство.
3. В 1930-е годы акцент на количественные показатели порой отрицательно сказывался на качестве образования. Современная система образования России также сталкивается с подобными проблемами. Быстрый рост числа образовательных учреждений и участие в международных рейтингах не всегда сопровождаются высоким качеством. В результате, многие выпускники не соответствуют требованиям современного рынка труда, что ведет к дефициту квалифицированных кадров в ряде отраслей.
4. Система образования 1930-х годов активно интегрировала трудовые навыки в образовательный процесс. Сегодня в России также постепенно

возрождается идея о дуальном обучении, где обучение связано с практикой на производстве. Это позволяет учащимся получать опыт работы еще в процессе учебы и лучше адаптироваться к требованиям рынка, что способствует уменьшению разрыва между теорией и практикой.

5. В 1930–1953 годах система образования играла значимую роль в социальной стратификации, создавая условия для формирования нового класса граждан. В современном обществе образование по-прежнему влияет на социальный статус и возможности для карьерного роста. Однако, структура образования не всегда способствует справедливой конкуренции, что может усугублять социальное неравенство. Например, дети из больших городов имеют больше возможностей для получения качественного образования, нежели их сверстники из менее развитых регионов, что ведет к формированию нового типа стратификации на основе доступа к образованию.

Процессы, наблюдавшиеся в образовательной системе России в период 1930–1953 годов, находят аналогии и в современных реалиях. Как тогда, так и сейчас образование не только передает знания, но и формирует социальные отношения, создавая рамки для социальной мобильности, а также укрепляя или разрывая существующие классовые различия. Это подчеркивает важность оптимизации образовательной политики таким образом, чтобы предотвратить углубление неравенства и повысить качество образования для всех граждан.

Литература

- Глава II Советский Союз в 1920–1930-е годы [Электронный ресурс] // histrf.ru. Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/glava-ii-sovetskiy-soyuz-v-1920-1930-e-gody-5>, свободный. – Загл. с экрана.
- Клемантович С.П. Диссертация на тему «Эволюция государственной политики в области народного образования 1920–1930 годы» [Электронный ресурс] // www.dissercat.com. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-gosudarstvennoi-politiki-v-oblasti-narodnogo-obrazovaniya-v-1920-1930-e-gody>, свободный. – Загл. с экрана.
- Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-rost-i-obrazovanie-v-rossii-i-sssr-v-xix-xx-vekah>, свободный. – Загл. с экрана.
- Народное образование и культура СССР (Статистический сборник). [Электронный ресурс] // istmat.org/node/26588 Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/26588/obraz_sssr_1989_vvedenie.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
- О всеобщем обязательном начальном обучении Постановление ЦК ВКП(б) от 25.07.1930. [Электронный ресурс] // docs.historyrussia.org. Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136713>, свободный. – Загл. с экрана.
- Писанова А.К. Модернизация высшей школы в советский период в российской историографии. [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-vysshey-shkoly-v-sovetskiy-period-v-rossiyskoy-istoriografii/viewer>, свободный. – Загл. с экрана.
- Принято постановление ЦК ВКП(б) о введении всеобщего обязательного начального обучения. [Электронный ресурс] // www.prlib.ru. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/history/619410>, свободный. – Загл. с экрана.
- Пыжиков, А.В. Реформирование системы образования СССР в период оттепели (1953–1964). [Электронный ресурс] // rabkrin.org. Режим доступа: <https://rabkrin.org/pyizhikov-a-v-reformirovanie-sistemyi-obrazovaniya-sssr-v-period-ottepeli-1953-1964-gg-statya/>, свободный. – Загл. с экрана.
- Реформы в системе школьного образования СССР в 30-е гг. XX в. [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformy-v-sisteme-shkolnogo-obrazovaniya-sssr-v-30-e-gg-xx-v>, свободный. – Загл. с экрана.
- Рогачев П.Г. Исторические особенности сталинской модели государственной и правовой модернизации СССР 1929–1953 годы. [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-osobennosti-stalinskoy-modeli-gosudarstvennoy-i-pravovoy-modernizatsii-sssr-v-1929-1953-godah/viewer>, свободный. – Загл. с экрана.
- (СЗ СССР 1930 г. № 39, ст. 420) О всеобщем обязательном начальном обучении. [Электронный ресурс] // istmat.org. Режим доступа: <https://istmat.org/node/49966>, свободный. – Загл. с экрана.

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL INSTITUTE IN RUSSIA: 1930–1953

Shcherbinina Z.N.

Academy of Labour and Social Relations

In continuation of the research, the article examines the stage of development of the institution of education in Russia in the period from 1930 to 1953, analyses the main changes that took place in the educational system during the implementation of educational policy, reflecting the social and political realities of this historical period. Attention is paid to the key reforms carried out in the education system and their impact on the accessibility, quality and content of educational programmes. The main documents related to educational policy are studied, as well as the role of ideology in the formation of educational standards. The analysis reveals that the reforms of 1930–1953, including centralisation of management and ideologisation of the educational process, significantly changed the image

of Russian education. It is noted that these changes had both positive effects on mass education and negative consequences, such as limiting academic freedom and the quality of education. It emphasizes the importance of understanding the historical context and consequences of the educational policy of this period for comprehending contemporary educational challenges in Russia and offers recommendations for further research into the socio-cultural aspects of the educational institution.

Keywords: social institution of education, education, transformation of society, literacy of population, social composition of Russian society.

References

1. Chapter II The Soviet Union in the 1920s-1930s [Electronic resource] // histrf.ru. Access mode: <https://histrf.ru/read/articles/glava-ii-sovetskiy-soyuz-v-1920-1930-e-gody-5>, free. – Title from the screen.
2. Klemantovich S.P. Dissertation on the topic «Evolution of state policy in the field of public education in the 1920–1930s» [Electronic resource] // www.dissercat.com. Access mode: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-gosudarstvennoi-politiki-v-oblasti-narodnogo-obrazovaniya-v-1920-1930-e-gody>, free. – Title from the screen.
3. Mironov B.N. Economic growth and education in Russia and the USSR in the 19th-20th centuries [Electronic resource] // cyberleninka.ru. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-rost-i-obrazovanie-v-rossii-i-sssr-v-xix-xx-vekah>, free. – Title from the screen.
4. Public education and culture of the USSR (Statistical digest). [Electronic resource] // istmat.org/node/26588 Access mode: https://istmat.org/files/uploads/26588/obraz_ssr_1989_vvedenie.pdf, free. – Title from the screen.
5. On universal compulsory primary education Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of July 25, 1930. [Electronic resource] // docs.historyrussia.org. Access mode: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136713>, free. – Title from the screen.
6. Pisanova A.K. Modernization of higher education in the Soviet period in Russian historiography. [Electronic resource] // cyberleninka.ru. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-vysshey-shkoly-v-sovetskiy-period-v-rossiyskoy-istoriografii/viewer>, free. – Title from the screen.
7. The resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the introduction of universal compulsory primary education was adopted. [Electronic resource] // www.prlib.ru. Access mode: <https://www.prlib.ru/history/619410>, free. – Title from the screen.
8. Pyzhikov, A.V. Reforming the education system of the USSR during the thaw (1953–1964). [Electronic resource] // rabkrin.org. Access mode: <https://rabkrin.org/pyzhikov-a-v-reformirovanie-sistemyi-obrazovaniya-sssr-v-period-ottepeli-1953-1964-gg-statya/>, free. – Title from the screen.
9. Reforms in the school education system of the USSR in the 1930s. [Electronic resource] // cyberleninka.ru. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformy-v-sisteme-shkolnogo-obrazovaniya-sssr-v-30-e-gg-xx-v>, free. – Title from the screen.
10. Rogachev P.G. Historical Features of Stalin's Model of State and Legal Modernization of the USSR in 1929–1953. [Electronic resource] // cyberleninka.ru. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-osobennosti-stalinskoy-modeli-gosudarstvennoy-i-pravovoy-modernizatsii-sssr-v-1929-1953-godah/viewer>, free. – Title from the screen.
11. (SZ USSR 1930 No. 39, Art. 420) On Universal Compulsory Primary Education. [Electronic resource] // istmat.org. Access mode: <https://istmat.org/node/49966>, free. – Title from the screen.

Проявление коллективизма русским и китайским народами в межкультурной коммуникации

Ян Сюенань,

аспирант Пекинского университета иностранных языков
E-mail: 1397082976@qq.com

В статье рассматриваются особенности коллективистского мышления двух народов. Проанализированы исторические, культурные и философские причины формирования коллективизма, его проявления в языковой практике и повседневной жизни. На основе теории культурных измерений Герта Хофстеде проводится сравнительный анализ индексов коллективизма, индивидуализма и других параметров в России и Китае. Особое внимание уделено противоречивой природе коллективизма, его влиянию на межличностные отношения и восприятие друг друга в межкультурной коммуникации. Выявлены различия в реакциях и поведении русских и китайцев, которые могут вызывать непонимание в коммуникации, например, в отношении этикета, очередей или открытости в общении. Авторы акцентируют внимание на эволюции коллективизма, особенно среди молодежи, подверженной влиянию процессов глобализации и вестернизации. Статья подчеркивает, что взаимное уважение и учет культурных различий способствуют развитию сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: коллективизм, индивидуализм, двойственность, межкультурная коммуникация.

История человечества – это процесс взаимодействия культур. Ни один народ не может существовать изолированно, без культурных контактов с другими народами. Благодаря глобализации, основанной на достижениях современной информационно-коммуникационной и технической революции, в современном мире наблюдается тенденция к расширению и углублению международных контактов в различных сферах экономической, общественно-политической, социальной и культурной жизни, что определяет необходимость обращения к проблемам межкультурной коммуникации. В качестве цивилизационных держав Китай и Россия играют решающую роль в продвижении культурного развития во всем мире. Кроме того, общение между двумя странами имеет многовековую историю.

Вопрос проявления коллективизма изучается давно. Наиболее значимыми и интересными считаем труды таких ученых: Су Хан (2014), Ван Цинпин (2014), Ян Цзе, Ли Чуансюнь (2014), И.В. Андреева (2018), Фен Эфей (2013), В.В. Сухомлинова (2018) и др. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают работы Ван Цинпин и Ян Цзе, Ли Чуансюнь. Коллективизм Китая и России, по их мнению, противоречив.

Коллективизм является одним из главных моментов голландского социолога Герта Хофстеде. По его мнению, выделяются такие наиболее значимые критерии описания культуры, как «дистанция власти, индивидуализм и коллективизм, соотношение мужественности и женственности, избегание неопределённости», далее автор добавляет еще два параметра: «краткосрочная – долгосрочная ориентация на будущее, потворство своим желаниям и сдержанность» [1:37–38, 57–59, 95–97, 141–143, 192–194, 255–258, 282–285]. Анализ данных критериев показывает, что, в отличие от западных стран, Китай и Россия очень сходны по таким параметрам, как индекс дистанционности граждан от власти, индивидуализм и коллективизм, краткосрочная и долгосрочная ориентация на будущее, потворство своим желаниям и сдержанность. Наиболее высокие индексы у индивидуализма и коллективизма. В целях более объективного анализа культурного индекса Китая и России мы сгруппировали данные модели Хофстеде и кроме индекса изучаемых стран взяли для сравнения индекс США как традиционной западной страны. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Теория культурных измерений Герта Хофстеде

	Китай	Россия	США
Индекс дистанцированности от власти	80	93	40
Индивидуализм	20	39	91
Маскулинность – феминность	66	36	62
Индекс избегания неопределенности	30	95	46
Краткосрочная и долгосрочная ориентация на будущее	87	81	26
Потворство своим желаниям и сдержанность	24	20	68

Данные в таблице являются результатом опроса 116 тысяч сотрудников компании IBM в более 40 странах, который был проведен социологом Гертом Хофстеде в 1968 и 1972 годах для исследования различий национальных ценностей. С помощью этого проекта впервые были изучены культурные различия статистическим методом, целью которого является создание культурной теории для создания культурной карты разных стран и описания культурных различий между ними.

Целью статьи является анализ сходства и различия проявления коллективизма китайского и русского народов в межкультурной коммуникации. Под коллективизмом понимается как «главенство некоего коллектива или группы. Например, общества, государства, нации или класса, над человеческой личностью» [2].

В статье «Россия на рубеже тысячелетий» Владимир Путин отметил: «Это факт, что в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуализмом» [3]. «Дух коллективизма помогает объяснить многие черты характера русских, таких как державность, государственность, народность, патриотизм и др. В русской культуре интересы коллектива всегда стояли выше интересов личности. Без никаких выгод русский человек сознательно откладывает свои личные дела ради какого-то общего дела» [4]. Эта особенность русских связана с традицией крестьянской общины. «Мир» как основа и предпосылка существования любого индивида. Ради «мира» человек должен был быть готов пожертвовать всем, в том числе и своей жизнью» [4]. Другой важной причиной коллективизма России является православие. «Соборность – один из основных признаков христианской церкви, фиксирующий ее самопонимание как всеобщей, универсальной. В русской православной традиции внутреннее единство людей основано на общности духа, единство во множественности» [5: 315].

Стремление людей к единению закрепилось и в русском языке. Об этом говорит масса пословиц, посвященных величю солидарности, например: один в поле не воин; семеро одного не ждут;

в одиночку только с кашей воевать; сто человек беспомощны, если они разобщены. Склонность россиян к единению также проявляется в том, что в советский период шла коллективизация, большинство людей добровольно вступали колхозы и совхозы. Традиционная абсолютная уравнительность, связанная с коллективизмом, вынудила русских не приветствовать собственную удачу. «Улучшение своего положения большинство россиян привыкло связывать не столько с собственными усилиями, инициативой, предприимчивостью, сколько с помощью и поддержкой со стороны государства и общества» [4]. В такой обстановке трудно провести реформу или новую политику. Кроме того, коллективный способ мышления нередко вытесняет собственную свободу и индивидуальную ценность. В России имеется так называемое явление «диссидент», это человек, который не соглашается с официальным мнением и подвергается жестокому наказанию. Такое мышление даже нашло свое выражение в русской грамматике. Она необычайно богата конструкциями, типа мне нравится, кажется, хочется, мне хорошо. С помощью подобных безличных оборотов люди стремятся не представлять себя в качестве активного действующего индивида. Очень интересно и то, что в России встречается такая картина: по шоссе на огромной скорости несутся автомобили, значительно превышая допустимый лимит скорости. Встречные машины вдруг начинают мигать фарами. Русский автомобилист реагирует сразу: надо сбавлять скорость, так как впереди дорожный контроль. Чинно проезжают мимо сотрудника ДПС и несутся дальше, в свою очередь, предупреждая встречные машины. «Для русского человека – такое поведение естественное проявление дружеской солидарности, взаимовыручки, круговой поруки» [6:194–195].

По данным Хофстеде, индекс коллективизма в Китае еще выше, чем в России. Самой важной причиной коллективизма Китая можно назвать конфуцианство, которое оказало глубокое влияние на китайскую культуру и народный характер китайцев. Оно предполагает, что реализация ценностей индивида опирается на осуществление цели коллектива, только в коллективе проявляется роль и значение индивида. Более того, одним из ключевых моментов в идеологии Конфуция является «золотая середина», понимаемая как смягчение противоречий и компромисс между «чрезмерностью» и «отставанием» (два конца). Эта идея отразилась в нежелании выделяться своей особенностью и привлекать внимание других к себе. Коллективное общество еще связано с традиционной структурой экономики Китая. Живя в мелком крестьянском хозяйстве, человек древнего Китая всегда имел особое отношение к земле, ощущение защищенности природой и священный трепет перед ней. Таким образом, люди предпочи-

тали заниматься хозяйством коллективно. Кроме того, для сохранения стабильности общества, китайская деспотическая система требовала, чтобы народ объединился в целое. Как в русском языке, элементы коллективизма в китайском языке тоже существуют. Например, в целях проявления своей скромности, китаец часто употребляет слово «би жэнь» (я) ( ) (т.е. путем унижения себя выражается уважение к другим). Другим интересным примером коллективизма китайцев является поведение в толпе. Физический контакт с незнакомыми людьми, прикосновения, которые невозможны для европейцев, абсолютно не волнуют китайцев, которые в толпе дотрагиваются друг до друга, толкаются, и даже используют в продвижении локти.

Во всех вышеуказанных примерах коллективизм Китая и России не так прост, каким он кажется на первый взгляд. Их следует понимать в ключе, отличающемся своей двойственностью. «В русской культуре можно обнаружить немало противоречий, присущих любым другим культурам: между индивидуализмом и коллективизмом, высоким и обыденным, элитарным и народным и т.п.» [7: 517]. В своей работе «Русская идея» Н.А. Бердяев четко высказал мысль о двойственности русского коллективизма. «Россия – страна безграничной свободы духа, самая не буржуазная страна в мире, и в то же время – страна, лишенная сознания прав личности. Бесконечная любовь к людям, Христова любовь соединяется у русских с жестокостью, рабской покорностью» [7: 518]. «Коллективизм русских не полностью отрицает индивидуальную ценность, и по сути своей, русская культура – внешняя форма проявления индивидуализма» [8: 24].

Китайский народ же отличается гибким восприятием разных обстоятельств, у него есть неписанные правила целесообразно вести себя в коллективе. Еще важный момент: «социально-экономическая автономность создала в Китае особый вид коллективизма – активный коллективизм. Каждый индивид идентифицировал себя через создаваемую им уникальную сеть контактов, которую он, если позволял его потенциал, непрерывно расширял, следуя в русле диктуемой китайской традицией установки на перманентное сплочение, объединение, углубление существующих в обществе взаимосвязей» [9: 95]. Поэтому в Китае есть особенная культура хороших знакомых (шужэнь вэньхуа). Иностранцам даже кажется, что китайское общество – это общество связей.

Сложность коллективизма и неполное совпадение в его интерпретации при анализе китайского и русского народов нередко вызывают непонимание или неприятие в нашей межкультурной коммуникации, связанной с речевым этикетом. Например, китайцы часто жалуются на то, что русские постоянно навязывают свои советы, особенно старшие младшим, а до индивидуального, личного, всегда есть дело всему коллективу. И китай-

цы всегда теряются, когда друг из России откровенно делится печальными историями, например, смерть родственников, китайцы не знают, как надо реагировать, ведь степень знакомства невысокая. Русским же будет неловко, когда китайский друг спросит его о заработной плате, ведь для них это собственный секрет. А что касается очереди, это то, что часто ставило россиян в тупик. Очень часто китайцы стоят не в ряд, а группой. И по мере освобождения места бросаются к цели, активно работая локтями. Кто не успел – тот опоздал. Самым ярким примером можно назвать случай, когда русский преподаватель занимается с китайскими студентами. На уроке часто встречается такая картина, когда преподаватель задает вопрос, никто из студентов не хочет отвечать. Это делает преподавателя очень недовольным. Непонимание между ними объясняется игнорированием того факта, что воспитание на основе коллективизма придает китайским учащимся имплицитность и сдержанность, они стыдятся проявлять себя индивидуально.

В целом отметим, Китай и Россия по природе коллективные страны, им присущи общность и соборность. Одобрение коллективных ценностей друг другом продвигает сотрудничество двух стран в рамках инициатива «Один пояс, один путь» и выдвинутую китайским предстателем Си Цзиньпином «Сообщество с единой судьбой человечества». Факт соответствует утверждению Хофстеде, но мы должны отметить и недостатки его теории. Например, поляризация индивидуализма и коллективизма китайского народа, дефицит данных стран восточной Европы и т.д. Надо помнить, что из любого правила есть немало исключений, и они отражают лишь общие тенденции. Несмотря на то, что и китайцам, и русским, присущ коллективно-солидарный характер, но к определенным ситуациям они по-разному относятся. В связи с разными интерпретациями коллективизма, связями социальных отношений и влиянием традиционной культуры, народы двух стран в межкультурной коммуникации показывают множество различий. Важно и то, что в 21-ом веке, общество стремительно меняется. Многие традиционные привычки сохраняются лишь у людей старшего и среднего поколений, в то время как молодежь все более и более вестернизируется, в этом плане, их восприятие и поведение часто основаны одновременно и на индивидуализме, и на коллективизме.

Литература

1. Геерт Хофстеде, Герт Ян Хофстеде, Майкл Минков. Культуры и организации – программное обеспечение разума. – М: МакГроу-Хилл, 2010. – 561 с.

2. Коллективизм. Философия: Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/538/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения: 21.07.2024)
3. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. [Электронный ресурс] – URL: <https://myruwin.ru/vladimir-putin-rossija-na-rubezhe-tysjacheletij/2/> (дата обращения: 25.08.2024)
4. Русская культура в контексте межкультурной коммуникации. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).
5. Вьюнов Ю.А. Русский культурный архитип. Страноведение России: учеб. Пособие. – М: Наука: Флинта, 2005. – 480 с.
6. Чжан Донмэй. Межкультурная коммуникация. – Пекин: Издательство народной культуры. 2019. – 328 с.
7. Драч Г.В. История мировой культуры (мировых цивилизаций). 2-е доп. и перер. изд. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2002. – 544 с.
8. Су Хан. Различия китайско-русских коммуникативных поведениях с точки зрения теории высоко- и низкоконтекстуальных культур. Современная коммуникация. 2016. № 24.
9. Сухомлинова В.В. Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества. Тамбов: Грамота, 2018. С. 95.

THE MANIFESTATION OF COLLECTIVISM BY THE RUSSIAN AND CHINESE PEOPLES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Yang Xuenan

Beijing Foreign Studies University

The article examines the peculiarities of the collectivist thinking of the two peoples. The historical, cultural and philosophical reasons for the formation of collectivism, its manifestations in linguistic practice and everyday life are analyzed. Based on the theory of cultural dimensions by Geert Hofstede, a comparative analysis of the indices of collectivism, individualism and other parameters in Russia and China is carried out. Special attention is paid to the contradictory nature of collectivism, its influence on interpersonal relationships and the perception of each other in intercultural communication. Differences in the reactions and behavior of Russians and Chinese have been identified, which may cause misunderstandings in communication, for example, regarding etiquette, queues, or openness in communication. The authors focus on the evolution of collectivism, especially among young people affected by the processes of globalization and Westernization. The article emphasizes that mutual respect and consideration of cultural differences contribute to the development of cooperation between the two countries.

Keywords: collectivism, individualism, duality, intercultural communication.

References

1. Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, Michael Minkov. Cultures and Organizations – Software of the Mind. – M: McGraw-Hill, 2010. – 561 p.
2. Collectivism. Philosophy: Encyclopedic Dictionary. [Electronic resource]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/538/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%98%D0%97%D0%9C (access date: 21.07.2024).
3. Vladimir Putin. Russia at the turn of the millennium. [Electronic resource]. – URL: <https://myruwin.ru/vladimir-putin-rossija-na-rubezhe-tysjacheletij/2/> (access date: 25.08.2024).
4. Russian culture in the context of intercultural communication. [Electronic resource]. – URL: <http://www.allbest.ru/> (access date: 25.07.2024).
5. Vyunov Y.A. Russian cultural archotype. Country Studies of Russia: textbook. – M: Science: Flinta, 2005. – 480 p.
6. Zhao Dongmei. Intercultural Communication. – Beijing: People's culture publishing house. 2019. – 328 p.
7. Drach G.V. History of World Culture (World Civilizations). 2nd add. and rev. ed. – Rostov n/D: "Phoenix" Publishing House, 2002. – 544 p.
8. Su Hang. Differences in Chinese-Russian communicative behaviors from the perspective of high- and low-contextual culture theory. Modern Communication. 2016. № 24.
9. Sukhomlinova V.V. Alternative collectivism: deep characteristics of traditional Chinese society. – Tambov: Gramota, 2018. P. 95.

Религиозная метафизика Василия Андреевича Жуковского и Серена Кьеркегора: опыт сравнения

Аникеева Елена Николаевна,

д.ф.н., профессор кафедры истории философии, РУДН

Василий Андреевич Жуковский (†1852) – выдающийся русский поэт и педагог, в его наследие входят философские и историсофские работы. Философы в отличие от филологов еще не посвящали отдельных работ философии В.А. Жуковского. Сёрен Кьеркегор (†1855) – известный датский философ, считается основателем экзистенциальной философии. Жизнь и творчество В.А. Жуковского и Кьеркегора, хотя существенно различаются между собой, но имеют определенное сходство: трагические изломы личной судьбы, происхождение, автобиографичное философствование, обращение к текстам Священного Писания в критические моменты жизни. Религиозная метафизика является основой философии обоих мыслителей, а также Кьеркегор и Жуковский убеждены в том, что Европа погибнет без христианства.

Ключевые слова: религиозная философия, религиозная метафизика, В.А. Жуковский, философия В.А. Жуковского, русская религиозная философия, С. Кьеркегор, экзистенциальная философия, вера в Бога, божественный Промысл, *credo ergo sum*.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), 240-летие со дня рождения которого отмечалось в 2023 году [2] – выдающийся русский поэт, известный педагог, руководивший образованием и воспитанием цесаревича – будущего императора Александра II. В наследие Жуковского помимо поэтического творчества входят философские, историсофские сочинения. Последнее полное собрание его сочинений было издано относительно недавно в 12-ти томах [7], а первое «полное» издание сочинений В.А. Жуковского было предпринято уже в 1902 г. в 12-ти томах в честь 50-летия кончины писателя [8]. Нельзя сказать, что философское творчество В.А. Жуковского освоено современными философами, хотя к настоящему времени философии мыслителя посвящены работы филологов, включая священников [3; 4; 6]. Но перед собственно философами остается еще мало изученная и даже мало понята область духовных исканий великого литератора [2]. В своей метафизике Жуковский оказался близок к экзистенциальной философии Серена Кьеркегора. Более того, как Кьеркегор, утверждавший, что его философия тесно связана с его биографией, так и Жуковский называет этапы своего жизненного пути философскими ступенями. Действительно, «поэт в России больше, чем поэт»: углубляясь в духовные смыслы, он и философ тоже! Перед лицом современных вызовов, частичной утратой духовных традиций изучение наследия религиозных мыслителей является актуальным. В данной статье сосредоточимся на сравнении философских подходов В.А. Жуковского и С. Кьеркегора к своему жизненному пути и ценностям, проведем компаративный анализ некоторых аспектов философии Жуковского и Кьеркегора, а также высветим глубокую религиозность обоих мыслителей.

Жуковский являлся старшим современником Кьеркегора (1813–1855), но оба мыслителя вряд ли знали о существовании друг друга. В.А. Жуковский был незаконнорожденным, происхождение Кьеркегора также было связано с грехом, и узнав о своем происхождении от связи его отца со служанкой¹, глубоко переживал это событие, говоря, что он родился «в результате «преступления» [1, 38]. Данное обстоятельство всю жизнь травмировало душу Серена, и от этого он часто предавался мрачному унынию. Василий Андреевич

¹ Отец Серена обвенчался со своей служанкой позднее, чем был зачат Серен.

Жуковский знал, что его мать была наложницей-турчанкой его отца, однако не сохранилось свидетельств о тяжелой болезненной рефлексии писателя на почве его незаконного происхождения. Напротив, Жуковский как истинный христианин всю жизнь почитал обоих своих родителей, а также опекунов и родню. Еще более контрастные черты у двух философов находим относительно их социальных связей и положения в обществе. Кьеркегор рассорился со своим кругом христианского общества и был, по его выражению, «одиноким», «копенгагенской аномалией». В.А. Жуковский же стал не только весьма уважаемым светом и творческой элитой (достаточно указать на его дружбу с А.С. Пушкиным, которого очень любил), но благодаря своему таланту учителя оказался приближенным ко двору императора и воспитывал будущего наследника престола – одного из выдающихся государей России Александра II.

В плане отношения к этапам своего жизненного пути и его рефлексии находим общее у Кьеркегора и Жуковского: их объединяет то, что философствование у них автобиографично, взлеты и падения личной судьбы помечаются ими как поворотные, «реперные» точки, осознаваемые философски. Помимо этого, оба мыслителя в пограничных ситуациях обращались к религиозному опыту, молитвой к Иисусу Христу и текстам Священного Писания. Не будем останавливаться на описании известных стадий жизни Кьеркегора. Отметим лишь для сравнения, что Кьеркегор совершил свой экзистенциальный поворот навстречу «теологической стадии» жизни, добровольно разорвав свои отношения с обрученной ему невестой – очень молодой (когда они познакомились, ей было 15 лет), красивой и прекрасно образованной Региной Ольсен [1, 42]). Жуковский также пережил трагедию разлучения со своей горячо любимой девушкой, тоже прекрасной, весьма молодой и начитанной М.А. Протасовой в силу невозможности брака с ней по причине их родства. При этом Василий Андреевич проявил послушание Церкви, родным и покорился божественному Промыслу. Но если Кьеркегор совершил свой поступок, как бунтарь, так как разрыв с обрученной дамой считался преступлением против религиозной нравственности, то страдающий Жуковский вышел из горнила испытаний аскетически. Однако оба мыслителя, переживая такие драматические события своей судьбы, осознавали их в русле христианского мировоззрения.

Кончина Кьеркегора была омрачена тем, что он, поссорившись с епископом, так и не примирился с лютеранской церковью; общество также отвернулось от одинокого философа. В.А. Жуковский в последний период своей жизни обитал в Европе (он в 1840 г. заключил брак с Елизаветой фон Рейтерн, немкой по происхождению), но тесной связью с Родиной не терял, жил активной твор-

ческой жизнью и был всегда почтен вниманием и благодарностью со стороны императора Александра II и всего двора. Перед кончиной Василий Андреевич прилагал много усилий, чтобы вернуться в Россию, но ряд обстоятельств, прежде всего, семейных не позволили ему это сделать. Он почил в мире, как праведник [5]. Общество и двор отдали все подобающие почести великому сыну России; его прах был перевезен в родное Отечество и захоронен в Александро-Невской Лавре.

Что касается философского осмысления стадий своей жизни Жуковским, то они, как и весьма необычные названия разных этапов, глубоко личностны, даже интимны и, в целом, коррелируют с кьеркегоровским подходом к философии не как объективистской, а как философии уникального, индивидуального субъекта-автора. Стадии жизни В.А. Жуковского: «философия «милого вместе» / рая», «философия фонаря», «философия Лалла Рук», «христианская философия». Первая «райская» стадия соотносится с ожиданием блаженства в предполагаемом (но не осуществившемся) союзе с Машей Протасовой. Счастье и блаженство, согласно Жуковскому, необходимо стяжать внутри себя, внутри своей любящей души, так как «Царствие Божие внутрь вас есть» (Евангелие от Луки, 17. 21). Брак с Машей Жуковский осмысляет как человеческий и Божий союз и называет его «райским вместе». При этом мыслитель держит в уме и действие Провидения, которому готов подчиниться беспрекословно, – и эта мысль является главной в известном стихотворении того периода «Светлана»: «Лучший друг нам в жизни сей вера в Провиденье» [8, 1, 71].

Вторая стадия жизни Жуковского ознаменовалась крушением надежд на брак с Марией Протасовой: «философия фонаря». Теперь райская жизнь на земле не может казаться перманентной, но она возможна вспышками, как освещает фонарь темное место; хотя улица с фонарями кажется светлой, но этот свет неравномерный, и остаются темные места. «Философский фонарь» означает краткое пребывание человека в блаженстве и благодати Божией, после чего он погружается во тьму земной юдоли. Вторая стадия не является разрывом с первой, но продолжает линию согласия с Божественным Промыслом, теперь уже в его трагическом для поэта исполнении. Также и Кьеркегор, можно сказать, возносит гимн послушанию воле Божией у праотца Авраама, когда он готов вонзить меч в своего единственного возлюбленного сына и принести его в жертву Богу, так как Авраам любит Бога больше, чем Исаака. Как показывают исследователи, понимание Жуковским Божественного Промысла противоположно языческой вере в фатум [6, 17]. Такая противоположность коренится в различении личного Бога и безличной судьбы. В этой связи вопрос о свободе человека и вере в Провидение решается Жуковским

в русле христианской традиции: свобода возможна лишь в согласии с волей Бога, – и это есть синергия в православном понимании.

Следующий этап жизненного пути Жуковского называется «философией Лалла Рук¹». С 1817 г. поэт снова востребован при дворе, он близок императрице Марии Федоровне (которой оказалось лестным именоваться Лаллой Рук, романтической девушкой). Суть данной философии, как отмечает о. Димитрий Долгушин, «философия невыразимого», метафизической предпосылкой которой является «романтическое двоемирие – радикальное противопоставление небесного и земного, идеального и материального» [6, 19]. Данное противопоставление было обозначено уже в «философии фонаря», а здесь оно дополняется положением о том, что соединение двух миров, хотя и мимолетное, происходит через «посетителя», «ангела», «небесного гостя», «гения чистой красоты» (Лалла Рук). Это соединение миров Жуковский видит как Божественное Откровение, которое сопровождается творческим «гением».

Поздняя стадия жизни обозначается Жуковским как «христианская философия». Свой брак (1840) поэт осмысляет как высший дар Божественного Провидения, и в его творчестве опять появляются мотивы рая, райского уголка, отгороженного от всего мира и воплощенного в блаженстве семейной жизни в уединенном доме в Дюссельдорфе. Но опять же время безмятежного счастья не длилось слишком долго, и наступает 1848 год. Русский поэт-философ не может быть абсолютно отгороженным от всего мира, историософский ум Жуковского распространяется за пределы его личной биографии и погружается в водоворот общественных событий: он глубоко переживает радикальный поворот в истории Европы, вылившийся в революцию 1848 г. Данный катаклизм Жуковский воспринял как всемирную трагедию, но и затронувшую его до глубины души, поэт видел в нем отступление от христианства и считал необходимым ввести христианство в «практическое употребление жизни» как единственный способ спасения Европы и России от революции [6, 12]. В этом Жуковский принципиально схож с Кьеркегором, который предрекал гибель Европы, если храмы превратятся в танцевальные залы.

Рассматривая философские интерпретации своих стадий жизни обоими философами, укажем, что у Кьеркегора эстетическая, этическая и теологическая стадии находятся в непримиримом противоречии друг с другом: этическая, основанная на нравственных принципах и семейных ценностях, всецело отрицает гедонистическую эстетическую стадию, а теологическая, понимаемая философом как личностное, «монашеское»

служение религиозной философии, противоположна этической, – что маркируется его разрывом с невестой. В отличие от Кьеркегора четыре стадии жизни Жуковского («философия милого вместе», «философия фонаря», «философия Лалла Рук», «христианская философия») понимаются более цельно, как развитие и обогащение одного учения, в основе которого лежит положение о Промысле личного Бога и о свободной и в тоже время трудной покорности человека этому Промыслу. «Христианская философия» венчает и систематизирует философствование поэта на протяжении многих лет.

В силу малой изученности философии В.А. Жуковского здесь можно лишь кратко ее охарактеризовать. Собственно, философские сочинения В.А. Жуковского составляют один том, тем не менее, вырисовывается определенная система сформулированных им основных философских идей и принципов. Это сочинения, во-первых, «Христианская философия» с такими параграфами, как «Истина», «Вера», «Промысл», «Плоть – дух» и др.; во-вторых, «Философия» с параграфами «Вера и знание», «Идея бытия», «Философический язык», «Свобода» и др.; в-третьих, статьи «Душа человеческая и род человеческий», «Воспитание», «Свобода преподавания», «Любовь к отечеству», и т.д. Эти произведения написаны в 1845–50-е гг. [8, XI, 144]. Однако известно, что В.А. Жуковский получил степень профессора философии Дерптского университета еще в 1816 г., следовательно, нужно предположить, что философия и философствование сопровождали поэта в этот промежуток времени, и он не мог не философствовать хотя бы потому, как он называл и понимал стадии своей жизни.

Чтобы кратко охарактеризовать философское творчество Василия Андреевича Жуковского, прежде укажем, что русская литература в целом имеет тягу к философичности, в чем, возможно, уникальность ее феномена. В целом, представляется, философия Жуковского зиждется на следующих основных методологических и метафизических принципах. Во-первых, его философия сугубо религиозна в ее христианской форме; во-вторых, ее пронизывает идея Божественного Промысла, и эту идею можно назвать методологическим ключом к философствованию Жуковского, что объясняет понимание им человеческой свободы, творчества, психологии, социальной активности и т.д. В-третьих, Жуковского не может не интересовать столь характерная для всей русской философии историософская тематика, которая подразделяется у него на личную (стадии жизни) и всемирную.

В качестве пояснения каждого из трех пунктов приведем ряд философских мыслей Василия Андреевича. Во-первых, Бог постулируется в качестве онтологической истины, почерпнутой из Откровения и постигаемой через веру. Из «Христи-

¹ Лалла Рук («тюльпаноцекая») – персидское имя героини ориентальной романтической повести снискавшего тогда популярность ирландского поэта Т. Мура.

анской философии»: «Когда мы говорим положительная истина (курсив В. Ж.), всегда должен быть подразумеваем ее источник – Бог. Найди его, и все найдешь, и все узнаешь. Бога дает одно откровение... Всякая философия, ведущая нас к истине, должна начинаться с веры в Бога, и эта вера должна быть первым звеном нашей умственной цепи» [8, XI, 3]. Здесь постулируется то, что Кьеркегор выразил девизом *credo ergo sum*. Во-вторых, выше мы уже коснулись понимания Промысла В.А. Жуковским на личностном уровне. Идея Промысла действительно универсальна для творчества Жуковского, и это сказывается даже в его стратегии воспитания царских особ. Поэт-философ рассуждает в «Мыслях и заметках»: «Самодержец не имеет права быть самовластным... Принимать свою волю за высшую волю есть святотатство и самый опасный враг власти самодержавной... Смирение христианское есть венец самодержавия... Самодержец, представляя Бога, не есть Бог, а только самый могущественный исполнитель Божией воли, то есть Божией правды» [8, XI, 37]. Действительно, Василию Андреевичу был чужд дух лести и пресмыкательства перед сильными мира, и надо полагать его ценили при дворе особенно и за это. «Певец в Кремле» (поэтическое самоназвание Жуковского) воспитал цесаревича в духе сократовской философии – получать не только знания, но и быть высоконравственным [4]. Кстати, Кьеркегор и здесь «не отстает» от Жуковского: его весьма интересует методология Сократа в плане педагогики.

Историософскую проблематику (третью характерную черту) в творчестве В.А. Жуковского следовало бы рассматривать более развернуто, но в рамках данной статьи сделаем несколько акцентов. В ряду русских философов В.А. Жуковский выделяется своим как бы промежуточным положением между славянофилами и западниками, однако не в плане какой-либо эклектики. Будучи прекрасно образованным, знавшим много языков, прожившим в Европе большую часть жизни и ставшим, по сути, частью европейской культуры, В.А. Жуковский был искренним русским патриотом, глубоко укорененным в православии. Философские и историософские мотивы его творчества имели православное основание: Жуковский был близок к И.В. Киреевскому, а сочинение А.С. Хомякова «Церковь одна» Жуковский перевел на немецкий язык [6, 12]. В то же время на его мировоззрение повлияли розенкрейцерство и пietetизм. Последний привлекал Жуковского тем, что в нем делался акцент не на культ, а на религиозный опыт и благочестие, которых искал поэт, тяготясь формальным отношением к религиозным обрядам. Поскольку в России того времени еще не ставился вопрос об освоении святоотеческого наследия (ведь только к концу XIX в. прозвучит призыв прот. Георгия Флоровского «Назад к от-

цам!»), поэтому русские религиозные философы обращались к популярным тогда и модным западным мистическим учениям.

Историософия самого Жуковского, как было указано, распадается на личностную и всемирную. Относительно последней смысл мировой истории поэт-философ видел в метафизическом, религиозном ключе, исторические европейские катаклизмы оценивал во вселенском масштабе и считал эрозию религии главным признаком гибели всей цивилизации.

Опыт сравнения религиозной метафизики Кьеркегора и Жуковского привел к следующим результатам. Хотя эти фигуры далеко не равновеликие на философском небосклоне: Кьеркегор признан мыслителем мировой величины, а Василий Андреевич Жуковский был оригинальным христианским «поэтическим философом» [3], тем не менее заслуживающим дальнейшего осмысления с философской точки зрения. Кьеркегор считается философом экзистенциального направления, а философское творчество Жуковского – основателя русского романтизма, несомненно, имело лишь экзистенциальные оттенки и мотивы. Некоторые сходные черты биографии обоих мыслителей, их философское отношение к своей судьбе позволили провести их сравнение и высветить некоторые нюансы их философствования. При всей разнице философских стилей и характеров мыслителей нельзя не замечать их глубокую религиозность и укорененность в христианском мировоззрении, а также их убежденность в необходимости сохранять религиозные устои для жизни и развития общества.

Литература

1. Быховский Б.Э. Кьеркегор (сер. «Мыслители прошлого»). – М.: Мысль, 1972. – 238 с.
2. Василий Андреевич Жуковский. Служение, поэзия, память. Сборник статей. К 240-летию со дня рождения. – М.: Изд-во Минувшее, 2023. – 294 с. <https://www.labyrinth.ru/books/989971/>
3. Виницкий И.Ю. Поэтическая историософия В.А. Жуковского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М.: МПГУ, 2005.
4. Громов Р. М. В.А. Жуковский и его роль в воспитании Александра II / Р.М. Громов, М.Т. Бернацкая // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 493–496. – URL: <https://moluch.ru/archive/137/38454/> (дата обращения: 02.01.2024).
5. Долгушин Д. В. (священник Димитрий). «Кончина Жуковского, кончина праведника...» (Кончина Жуковского в свидетельствах протоиерея Иоанна Базарова, Е.А. Жуковской и Х.Х. Рейтерна) / Д.В. Долгушин // Жуковский.

Исследования и материалы: сборник научных трудов. – 2010. – Вып. 1. – С. 322–348.

6. Долгушин Д. В. (священник Димитрий). В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Томск, 2019. – 38 с.
7. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 тт. – М.: «Языки русской культуры», 1999–2019.
8. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений В.А. Жуковского: в 12-ти тт. – Т. XI. – Петербург: Издание А.Ф. Маркса, 1902. – 144 с.
9. Долгушин Д. В. (священник Димитрий). В.А. Жуковский и И.В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма: монография / священник Д.В. Долгушин. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 352 с.
10. Долгушин Д. (священник Димитрий) [Примечания к текстам] / Д. Долгушин (о. Димитрий) // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Москва, 2009. – Т. 4: Стихотворные повести и сказки. – С. 531–535, 587–599.

THE RELIGIOUS METAPHYSICS OF VASILY ANDREEVICH ZHUKOVSKY AND SERENA KIERKEGAARD: COMPARISON EXPERIENCE

Anikeeva E.N.
RUDN

Vasily Andreevich Zhukovsky (+1852) is an outstanding Russian poet and teacher, whose legacy includes philosophical and historical works. Philosophers, unlike philologists, have not yet devoted individual works to the philosophy of V.A. Zhukovsky. Søren Kierkegaard (+1855) is a famous Danish philosopher, considered the founder of existential philosophy. The life and work of V.A. Zhukovsky and Kierkegaard, although they differ significantly from each other, have certain similarities: tragic fractures of personal fate, or-

igin, autobiographical philosophizing, turning to the texts of Holy Scripture at critical moments of life. Religious metaphysics is the basis of the philosophy of both thinkers, and Kierkegaard and Zhukovsky are convinced that Europe will perish without Christianity.

Keywords: religious philosophy, religious metaphysics, V.A. Zhukovsky, philosophy of V.A. Zhukovsky, Russian religious philosophy, S. Kierkegaard, existential philosophy, faith in God, divine Providence, credo ergo sum.

References

1. Bykhovsky B.E. Kierkegaard (series “Thinkers of the Past”). – M.: Mysl, 1972. – 238 p.
2. Vasily Andreevich Zhukovsky. Service, poetry, memory. Collection of articles. On the 240th anniversary of his birth. – M.: Minushee Publishing House, 2023. – 294 p. <https://www.labirint.ru/books/989971/>
3. Vinitsky I. Yu. Poetic historiography of V.A. Zhukovsky. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology. – M.: Moscow State Pedagogical University, 2005.
4. Gromov R. M. V.A. Zhukovsky and his role in the education of Alexander II / R.M. Gromov, M.T. Bernatskaya // Young scientist. – 2017. – No. 3 (137). – P. 493–496. – URL: <https://moluch.ru/archive/137/38454/> (date accessed: 02.01.2024).
5. Dolgushin D. V. (priest Dmitry). “The death of Zhukovsky, the death of a righteous man ...” (The death of Zhukovsky in the testimonies of Archpriest John Bazarov, E.A. Zhukovskaya and H.H. Reitern) / D.V. Dolgushin // Zhukovsky. Research and materials: collection of scientific papers. – 2010. – Issue 1. – P. 322–348.
6. Dolgushin D. V. (priest Dmitry). V.A. Zhukovsky and the religious and philosophical culture of his time. – Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philology. – Tomsk, 2019. – 38 p.
7. Zhukovsky V.A. Complete Works and Letters: in 20 volumes. – M.: “Languages of Russian Culture”, 1999–2019.
8. Zhukovsky V.A. Complete Works of V.A. Zhukovsky: in 12 volumes. – Т. XI. – Petersburg: Published by A.F. Marx, 1902. – 144 p.
9. Dolgushin D. V. (priest Dmitry). V.A. Zhukovsky and I.V. Kireevsky. From the history of religious quests of Russian romanticism: monograph / priest D.V. Dolgushin. – M.: Manuscript Monuments of Ancient Rus, 2009. – 352 p.
10. Dolgushin D. (priest Dmitry) [Notes to the texts] / D. Dolgushin (Father Dmitry) // Zhukovsky V.A. Complete Works and Letters: in 20 volumes. – Moscow, 2009. – V. 4: Poetic Stories and Tales. – P. 531–535, 587–599.

Теоретическое осмысление социальных феноменов бедности и богатства в античной и средневековой философии

Ладыкина Татьяна Александровна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: ladykina@mail.ru

Горелова Ирина Николаевна,

старший преподаватель кафедры экономики и организации труда, ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»
E-mail: gorelovairina@rambler.ru

В статье исследуется генезис философских взглядов на такие социальные явления как бедность и богатство в античную и средневековую эпоху. Рассмотрены подходы к определению бедности и богатства, их причин и проявлений в социуме, последствий как для отдельного индивида, так и для общества в целом в философии Платона, Аристотеля, в трудах эллинистических философов, представителей кинизма, эпикуреизма и стоицизма. Изучена проблематика бедности и богатства в философских построениях средневековых христианских богословов. Эволюция философского понимания социальных проблем бедности и богатства позволяет выявить общую закономерность характерную для данных эпох: попытки дать системный анализ проблемы бедности и богатства в обществе Платоном и Аристотелем в классический период нисходят в эллинистическую эпоху до психологических рекомендаций, примиряющих индивида с изменчивостью социального бытия в условиях крушения прежнего полисного мира. Философские сентенции лишь «утешают» человека в бедности или настраивают на правильное отношение к личному богатству. В средневековой христианской философии тематика бедности и богатства по сравнению с античной философией надолго приобретает второстепенный характер и рассматривается лишь в контексте антропологии и этики, сотериологии, иногда экклезиологии. В христианской патристике идея жизни в бедности (как у самого Христа и апостолов), принимающая характер нравственного идеала со временем эволюционирует до понимания необходимости закрепить за церковью и светской властью юридическое и моральное право на обладание собственностью, богатством.

Ключевые слова: бедность, богатство, социальная философия, Платон, Аристотель, эпикурейцы, киники, стоики, христианство.

Феномены бедности и богатства являются существенной частью системы социальных координат, их следует отнести к базовым критериям стратификации. Распределение бедности и богатства внутри общества позволяет дифференцировать всех членов социума по имущественному признаку, объясняет причины социального неравенства, проявляющего протяжении практически всей истории человечества. Проблематика бедности и богатства – это классическая тема для социально-философских исследований. Однако именно в античную, а затем и средневековую эпоху эта проблематика впервые приковывает к себе внимание мыслителей, в эти периоды развития философской мысли формируются различные подходы к пониманию сущности социальных феноменов бедности и богатства, которые будут определять контуры теоретического анализа данных феноменов и в последующие эпохи.

Античная философия, зародившись в VI в до н.э., первоначально существовала только как натуралистическая философия, разрабатывала преимущественно проблемы физиса или космоса, занималась поиском первопричин всех вещей [10]. Но только в классический период (V–IV вв. до н.э.), когда оформилась целостная структура философского знания, включающая в себя в том числе социальную философию, этику, антропологию, проблему бедности и богатства попала в поле зрения философов. В дальнейшем к анализу этой проблемы, начиная с греческого философа Платона, обращались практически все философы, занятые исследованием природы общественного бытия.

Платон (427–347 гг. до н.э.) свои социально-философские взгляды формулирует в диалогах «Государство», «Законы», «Политик» [9]. Идеи Платона относительно наилучшего устройства государства – это одна из первых в истории философии утопий. Основываясь на уже сформулированном им в других работах тезисе о трёхчастной человеческой душе (мыслящая, страстная или волевая и вожделеющая части), он предлагает создать общество, состоящее из трех основных сословий: работников, то есть крестьян, ремесленников и купцов; воинов; правителей-философов. Богатство античный философ определяет, как благо необходимое людям для удовлетворения основных потребностей, для нормального функционирования общества в целом и как благо производством, которого занято одно из трех сословий – низшее,

источник богатства – труд людей. Таким образом, Платон богатство рассматривает как экономическую категорию. Однако, соприкасаясь с несовершенным миром человека, категория богатства приобретает, по мнению философа, этическое измерение. Центральной проблемой для автора диалога «Государство» была проблема справедливо устроенного общества. Поэтому в идеальном обществе функции распределения произведенных материальных благ и контроля за их потреблением должны взять на себя правители и законодатели. В диалоге «Законы» философ неоднократно и вполне определенно высказывается отрицательно относительно роскоши для всех сословий, включая правителей, отдавая предпочтение принципу разумного и справедливого распределения благ между членами общества. Чрезмерное богатство развращает человеческую природу, богатый человек никогда не будет счастлив. Имеет значение для Платона и способ приобретения богатства. Важно чтобы, находясь под зорким контролем государства, оно прирастало честным путем и тратилось на «прекрасные дела» [14]. Платону удалось показать многообразие проявлений социального феномена богатства, а именно экономические, социальные, нравственные аспекты данного явления.

Аристотель (IV в. до н.э.), другой универсальный мыслитель Античности, понимал богатство как совокупность средств необходимых для жизни, полезных для государства и общины [3]. Контрарное явление – бедность, отсутствие имущества характеризовал как явление негативное. Отдельного человека она принижает, а государству угрожает своими последствиями. Бедность влечет развитие преступности и дестабилизирует общество, подталкивает некоторых людей к бунту, неповиновению властям.

Оригинальным и интересным следует считать противопоставление Аристотелем «экономии», то есть искусства разумного ведения хозяйства и «хрематистики» под которой философ понимал искусство накопления запасов или денег. Экономика является неотъемлемой частью жизни общины, проявляется в ведении хозяйства, производстве необходимых благ, в меновой торговле. Греческий философ видит в ней достойное для гражданина занятие. Другое, а именно двойственное отношение у Аристотеля к хрематистике как особому роду деятельности. Если понимать под хрематистикой только накопление запасов (продуктов, вещей и проч.) необходимых для будущей благополучной жизни, то в таком занятии нет ничего плохого. Если хрематистика понимается бесконечное накопление денег посредством коммерческой торговли, ростовщичества и богатство понимается как самоцель, то такая линия поведения вызывает осуждение философа [8], характеризуется им как отклоняющееся от нормы поведение.

Аристотель глубоко понимал природу денег, считая их возникновение закономерным и обусловленным потребностями меновой торговли. Однако дальнейшая эволюция торговли по мере увеличения масштабов хозяйствования человека – появление товарной торговли и искусства делать деньги, наживать состояния может служить развращению общества. Аристотель, будучи учеником Платона, продолжает начатую учителем традицию давать моральные оценки бедности и богатству. Видеть в богатстве лишь средство необходимое для того, чтобы реализовать лучшую форму общества и государства.

Когда на смену эллинской культуры приходит эллинистическая, философия от попыток познать природу бытия и построить рациональную картину мира нисходит до ответов на вопросы об приемлемом образе жизни, в условиях крушения прежней полисной системы. Учение киников (V–IV вв. до н.э.) направлено на отрицание значимости для человека всего того, что делает его несвободным: гражданства, имущества, наслаждений, культурных условностей и правил. Личная бедность, для яркого представителя кинизма – Диогена Синопского, предпочтительней богатства. Только простота и аскетизм, выраженные в своей крайней степени и доводящие человека до подражания животному, ведут, по мнению философа, индивида к главному условию его существования – безусловной личной свободе [2].

Учение эпикурейцев детально разработано и оригинально, но взгляды относительно бедности и богатства, в сущности, во многом совпадают с идеями киников. Рассуждая о человеке, Эпикур (342–270 гг. до н.э.) делит возможные удовольствия для него на три вида: 1) природные и необходимые для жизни; 2) природные, но для жизни не необходимые; 3) не природные и не необходимые [7]. Мудрец стремиться к первым и избегает остальных. Крайняя бедность не допустима, так как она не позволяет иметь необходимое для жизни и делает удовольствия первого типа невозможными. Но и стремление к богатству, к роскоши не желательно поскольку относится к удовольствиям последнего вида. Настоящий философ воздержан, довольствуется немногим и в награду получает атараксию, то есть чувство полного душевного спокойствия и равновесия.

Стоик Луций Анней Сенека (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.) не считает богатство высшим благом, стремление к которому есть единственное предназначение человека. Это благо чувственно-материального порядка. Но вместе с тем он признает, что обладание богатством допустимо и полезно, ибо предоставляет в жизни большие преимущества. Богатство – это средство, позволяющее человеку духовно развиваться, быть добродетельным, помогать другим людям [5]. Стоики были убеждены, что богатство, в отличии от крайних форм бедности, не мешает

достижению «апатии», отрешению от всех страстей, жизни сообразной объективному порядку вещей, когда человек не поддается страстям и стойко переносит удары судьбы. Нравственный человек нуждается в малом, довольствуется тем, что ему предоставила судьба. Но обретя богатство, он может его использовать для достижения высоких целей.

В целом для эллинистическо-римского периода античной философии характерен уход от системных социально-философских построений. Бедность и богатство как многомерные социальные феномены не рассматриваются, их сущность, причины возникновения, последствия для общества, государства вне области исследования философов. Часто эти явления толкуются лишь в личном плане, а философская мудрость в этот период сводится лишь к выработке ряда нравственно-психологических установок с их последующей реализацией в практической жизни индивида.

Данную тенденцию можно проследить и в переходный период от античной к средневековой философии, например, в философских построениях «последнего римлянина» Боэция (ок. 480–526 гг.) в его главном труде «Утешение философией», созданном им в последние годы жизни [13]. Автор, находясь в заточении перед казнью из-за несправедливого обвинения в государственной измене, размышляет о своей судьбе, о подлинных и мнимых ценностях в человеческой жизни. Переменчивая дева Фортуна отвернулась от него и сделала его бедняком, лишив всего имущества. Относительно богатства Боэций формулирует несколько важных положений, некоторые из которых средневековая философская традиция в будущем многократно повторит. Во-первых, он является свидетелем гибели римской цивилизации и зарождения нового средневекового мира и часто видит, как материальные блага меняют своего собственника, будучи отняты или незаконно захвачены. Философ делает вывод об относительном, преходящем характере богатства, земных благ. Во-вторых, Боэций как его предшественники в эпоху эллинизма и римской философии рассматривает обладание богатством с позиций установок эвдемонизма. Заботясь о деньгах, человек еще больше укореняется в земном мире. Богатство, отмечает Боэций может лишь на время заглушить неудовлетворенность человека, но сделать его подлинно счастливым оно не может. Богатство не является настоящим благом, а может создавать только «фальшивые образы блаженства» [4]. В-третьих, пристрастие к приобретению богатства только отвлекает человека от спасения души. Противопоставление заботы о материальном богатстве и стремления стать причастным Богу в дальнейшем станет излюбленной темой средневековой христианской философской литературы.

Аврелий Августин (354–430 гг.), один из «отцов церкви», оказавший значительное влияние на всю последующую христианскую богословско-философскую мысль, в своей работе «О граде Божием» подробно останавливается на характеристике двух противоположных миров: «града земного» (*civitas terrena*) и града Божьего (*civitas Dei*) [1]. Последний – это совершенный и вечный мир высшего порядка, где правит Бог. Град земной представляет собой мир людей, социальных отношений, государственных образований, сменяющих друг друга. Современники Августина тяжело переживали гибель «вечной» Римской империи. В книге лейтмотивом звучит мысль об общей переменчивости мирского бытия [12]. Земное царство лишь разбойничий удел, который держится войною, несправедливостью и насилием. Августин сознательно нивелирует ценность любых земных благ, включая богатство. Временные бедствия земной жизни, а именно болезни, бедность, разлад и конфликты между людьми нужны для того, душа человека, пройдя через страдания, осознала насколько сильно она любит Бога. Многочисленные испытания, посылаемые Богом необходимы человеку для переоценки ценностей. Однако религиозный философ в своих теологических провиденциалистских построениях идет дальше, он считает, что на смену граду земному придет град небесный, Божий, где будет создано сообщество нового типа. Эта, по сути своей еще одна утопическая модель нового общества, которая весьма отлична, например, от идеального государства Платона или других нехристианских утопий. Однако сложные проблемы распределения богатства и бедности, преодоления социального неравенства Августин Блаженный решает вполне стандартно, предлагая разумное распределение благ между членами будущего общества.

Иоанн Златоуст (347–407 гг.), представитель восточно-христианской патристики, по-новому интерпретирует категорию богатства [11]. Как архиепископ Константинопольский он часто обращался к своей пастве с проповедями-гомилиями, в которых истолковывая библейские тексты, предлагает свое понимание социальной проблемы богатства и бедности. Подобно другим религиозным мыслителям он видит в результатах праведной деятельности человека в земной жизни залог будущего спасения его души. В связи с этим византийский философ задается вопросом: может ли достижение богатства духовно возвышать человека и помогать ему спастись? И другой актуальный для него вопрос: всегда ли богатство связано с грехом? Последовательно рассуждая, он приходит к выводу о том, что обладание собственностью само по себе не является препятствием для спасения. Но стремление к личному богатству как основной цели жизни, стяжание или приобретательство недопустимо, ибо от него человеческая душа чер-

ствеет. Через обладание совокупностью материальных благ душа может крепко привязаться к земному миру и не помышлять о божественном. При этом обобществленная собственность не несет такой угрозы, это наилучшая форма владения имуществом для хозяйственной жизни в духе христианства. Иоанн Златоуст не отвергает богатство как таковое, он выступает за богатое общество, но против богачей, призывает их раздать все свое имение бедным во христианской любви к ближнему, полностью истратить его на милостыню. Если Златоуст и допускает обладание богатством отдельным индивидом, то в таком случае оно толкуется им в расширительном смысле как богатство души, обилие добродетелей. Таким образом, бедность понимается им как состояние более предпочтительное и спасительное. Бедняку не пристало думать о том, как распорядиться имуществом, он свободен, «налегке» может следовать за Христом. Для Иоанна Златоуста бедность, как и для античных киников, основание для свободы, позволяющей двигаться к совершенству.

Этические и социальные интерпретации проблем бедности и богатства Аврелия Августина, Иоанна Златоуста и других ранних христианских философов вполне характерны для того периода, когда христианская доктрина и вместе с ней и вся христианская церковь как особый социальный институт переживали пору становления: формировалось догматическое ядро христианского учения, шел активный поиск форм управления церковью, моделей церковной организации. В первые века нашей эры в период гонений церковь в основном привлекала рабов, городскую и сельскую бедноту, то есть андеркласс. Кроме того, в лоне древней церкви сохранялись и были популярными предания о бедной и простой жизни основателя христианской религии и его учеников-апостолов. Вероятно, поэтому наиболее часто среди представителей патристики распространено порицание богатства и возведение бедности на этический пьедестал. Первые христианские философы-богословы, Отцы Церкви исходили из идеи изначального равенства людей перед Богом, были противниками существенного имущественного расслоения внутри христианской общины. Библейские Адам и Ева жили в раю, не имея личного имущества, однако после грехопадения природа человека «испортилась». Это привело к возникновению множества социальных пороков, в том числе к появлению бедных и богатых.

Однако после Медиоланского эдикта императора Константина 313 г. христианство приобретает статус официальной религии Римской империи, начинается период активного распространения христианства среди варварских народов. Постепенно церковь встраивается в структуру нарождающегося средневекового общества, начинает поддерживать и оправдывать его сословно-

иерархическое устройство. Для представителей схоластики зрелого и позднего Средневековья тема бедности и богатства не является центральной исследовательской проблемой, но в своих социально-философских построениях они чаще всего выступают уже как апологеты частной собственности, защитники права церкви и ее отдельных представителей на владение материальными благами и их накопление.

Видным представителем христианской философии периода схоластики был Фома Аквинский (1225–1274 гг.). Он, опираясь на философское наследие Аристотеля, римское право и труды представителей патристики, доказывает необходимость института частной собственности для общества и, следовательно, вынужден принять неизбежность деления людей на богатых и бедных. Главным собственником мира и всех его благ, с точки зрения основателя томизма, является Бог. Он делегирует право пользоваться и распоряжаться вещами человеку, созданному по образу и подобию божьему [15]. Без права владения, пользования и распоряжения вещами человек не смог бы существовать, обеспечивать свою семью, помогать нуждающимся. Без частной собственности невозможна никакая благотворительность, пожертвовать можно только из своего. Стремление приобрести то или иное благо в личную собственность заставляет человека активно добросовестно трудиться, а приобретя имущество, человек заботиться о нем и поддерживает его в надлежащем состоянии. Напротив, общность имущества нередко порождает ссоры между членами общества. Нарушение права частной собственности является преступлением. Однако, по мнению Аквината, не следует накапливать богатство сверх необходимого для удовлетворения потребностей [6]. Богачу следует позаботиться о распределении излишка своего имущества среди нуждающихся. Но вопросы о том, как именно распорядится излишками, кому жертвовать и в какой мере решает исключительно сам индивид. Таким образом, Фома Аквинский одним из первых философско-схоластов дает теологическое обоснование права частной собственности, которое впоследствии становится важной частью социальной доктрины католической церкви.

Принимая концепцию Ф. Аквинского, христианская церковь оправдывает имущественную дифференциацию внутри социума, и сама становится частью иерархической системы, основанной на неравном доступе к материальным благам, власти и другим общественно важным ресурсам. Духовенство как сословие представляет привилегированную группу общества, а его верхушка стремится к демонстративному потреблению, к роскошному образу жизни. Церковь как социальный институт и религиозная организация на протяжении всего зрелого и позднего средневековья

сосредотачивает своих руках немалые богатства, будучи крупным феодалом-землевладельцем.

Такое положение дел время от времени вызывает критику и неприятие как внутри церкви, так и вне ее, то есть со стороны еретических учений. В западной католической церкви в Средние века периодически возникали нищенствующие ордены цистерцианцев, францисканцев, доминиканцев и многие другие. Такие монашеские организации должны были помочь сблизиться богатой церкви с ее бедной паствой, улучшить ее образ в глазах мирян, вернуть церковные традиции к первоначальным евангельским временам. Монахи вели подчеркнuto скромный образ жизни, занимались проповедью религиозных идей и помощью нуждающимся. Однако ордены, изначально стремящиеся к бедности, к простоте и скромности в образе жизни и обрядах со временем приобретали значительные владения, богатства, становясь частью общей корпоративной церковной структуры. На смену им приходили другие нищенствующие ордены, а в XVI в. началось движение Реформации, критиковавшее богатство Римско-католической церкви. Западноевропейское общество пережило несколько таких «волн» религиозных движений, свидетельствующих о потребности верующих христиан к обновлению церковных структур.

Альбигойцы или катары – наиболее массовое еретическое движение, потрясавшее Западную Европу в XII–XIII вв. наиболее радикально и последовательно решает вопрос о собственности: добродетельным считается отказ от всякого имущества, крайняя бедность, переходящая в аскетизм и умерщвление плоти во имя спасения бессмертной души. Выбор в пользу добровольной бедности объясняется дуализмом присущим богословской доктрине альбигойцев, где оппозиция «дух-матеря» тождественная оппозиции «добро-зло». Кроме того, как и во многих других ересьях, у альбигойцев были сильны эсхатологические настроения, поэтому земная жизнь воспринималась только как преддверие «настоящей» вечной жизни, а, следовательно, вопросы социального устройства, в том числе вопросы производства и справедливого распределения материальных благ между членами общества воспринимались как малозначимые.

В русской православной церкви в XV- начале XVI вв. возникает еклизиологический спор нестяжателей и иосифлян. Иосиф Волоцкий (1440–1515 гг.) выдвигает идею о том, что только сильная церковь, располагающая значительными богатствами, в состоянии выполнить свою миссию, состоящую в заботе о верующих. Секуляризация церковных земель в пользу государства или добровольный отказ духовенства от имущества в связи с этим воспринимались его сторонниками как неприемлемые. Напротив, идеологи нестяжательства Нил Сорский (1433–1508 гг.) и Вассиан

Патрикеев (1470–1531 гг.), прибегая к аргументам раннехристианских философов, выступали против увеличения церковью богатств, против роскоши в убранстве храмов и пышности церковных служб. Впоследствии иосифляне были поддержаны официальной государственной властью, а нестяжатели осуждены как вероотступники.

Еретическое идейно-религиозное движение «стригольников», распространившееся в Пскове и Новгороде в XIV–XV вв. осуждало духовенство за богатство, лицемерие и моральную распущенность. Вольнодумцы «стригольники», развивая свои взгляды, пришли к идеям о равенстве всех людей перед Богом, о несправедливости имущественного или любого другого общественного неравенства людей.

Таким образом, в средневековой христианской философии тематика бедности и богатства была второстепенной по сравнению с античной философией, интересовала философов-богословов лишь в контексте этики, антропологии и сотериологии, иногда еклизиологии. Устройство божественного мира и проблема возможности познания бытия Бога всегда привлекали большее внимание христианских мыслителей, чем жизнь земная, закономерности общественного развития, насущные социальные проблемы. Бедность и богатство для большинства представителей данного периода развития философской мысли – это, по преимуществу, моральные категории. Они интересуют христианских философов только тогда, когда приходят в соприкосновение с такими концептами как «человек», «душа», «церковь», «спасение» и другими подобными. Эволюция религиозно-философского подхода к трактовке феноменов бедности и богатства, имущественного неравенства позволяет выявить общую закономерность присущую данному периоду: от отрицания богатства и утверждения бедности как нравственного идеала в патристике до обоснования и закрепления за отдельным индивидом или церковной организацией права на собственность в схоластике, осуждения церковью радикальных призывов к бедности как еретических.

Литература

1. Аврелий Августин О граде Божиим. – М.: Издательство «АСТ», 2023. – 1430 с.
2. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М.: Издательство «Наука», 1984. – 400 с.
3. Аристотель. Политика. – М.: Изд-во АСТ, 2023. – 384 с.
4. Бозций «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Издательство «Наука», 1996. – 336 с.
5. Васильев В.А. Философы стоики о проблеме блага \ В.А. Васильев//Вестник Московского

- государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 9 (781). – С. 189–200.
6. Жильсон Э. Избранное: Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – М.: Издательство «Университетская книга», 1999. – С. 381.
  7. Краткий очерк истории философии / Под ред. М.Т. Иовчука и др. – 4-е изд. – М. Мысль, 1981. – С. 92–96. (эпикуреизм)
  8. Пилипенко Е.В., Баталов Ю.В. Эволюция понятия «богатство»: от Аристотеля до экономики знаний \ Е.В. Пилипенко, Ю.В. Баталов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2013. – № 1. – С. 43–49.
  9. Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Издательство «Мысль», 1998. – 798 с.
  10. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. – ТОО ТК «Петрополис», 1994. – С. 20.
  11. Сомин Н.В. Климент Александрийский и свт. Иоанн Златоуст: два взгляда на богатство и собственность. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/01/05/kliment_aleksandrijskij_i_svt_ioann_zlatoust_dva_vzglyada_na_bogatstvo_i_sobstvennost
  12. Сыров В.Н. Суханова С.Ю. «О граде Божьем» и современная философия истории или что нам могут сказать размышления Августина об истории \ В.Н. Сыров, С.Ю. Суханова // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2014. – № 2. – Т. 8. – С. 480–491.
  13. Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. – М.: Издательство «Наука», 1987. – 159 с.
  14. Фатиев М.С. Богатство как категория экономической науки и его философская интерпретация \ М.С. Фатиев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogatstvo-kak-kategoriya-ekonomicheskoy-nauki-i-ego-filosofskaya-interpretatsiya/viewer>
  15. Шестовских Н.А. Проблема собственности в трудах Фомы Аквинского \ Н.А. Шестовских // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 8(76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sobstvennosti-v-trudah-fomy-akvinskogo/viewer>

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE SOCIAL PHENOMENA OF POVERTY AND WEALTH IN ANCIENT AND MEDIEVAL PHILOSOPHY

Ladykina T.A., Gorelova I.N.

Russian State University of Justice (North Caucasian branch), Omsk State Technical University

The article examines the genesis of philosophical views on such social phenomena as poverty and wealth in the ancient and medieval eras. The approaches to the definition of poverty and wealth, their causes and manifestations in society, the consequences for both an individual and society as a whole in the philosophy of Plato, Aristot-

le, in the works of Hellenistic philosophers, representatives of Cynicism, Epicureanism and Stoicism are considered. The problems of poverty and wealth in the philosophical constructions of medieval Christian theologians are studied. The evolution of the philosophical understanding of the social problems of poverty and wealth allows us to identify a general pattern characteristic of these epochs: attempts to provide a systematic analysis of the problem of poverty and wealth in society by Plato and Aristotle in the classical period descend in the Hellenistic era to psychological recommendations reconciling the individual with the variability of social existence in the conditions of the collapse of the former polis world. Philosophical maxims only «comfort» a person in poverty or set up the right attitude towards personal wealth. In medieval Christian philosophy, the themes of poverty and wealth, compared with ancient philosophy, become secondary for a long time and are considered only in the context of anthropology and ethics, soteriology, and sometimes ecclesiology. In Christian patristics, the idea of living in poverty (like that of Christ himself and the apostles), which takes on the character of a moral ideal, evolves over time to an understanding of the need to secure for the church and the secular authorities the legal and moral right to own property and wealth.

Keywords: poverty, wealth, social philosophy, Plato, Aristotle, Epicureans, Cynics, Stoics, Christianity.

References

1. Aurelius Augustine. The City of God. – Moscow: AST Publishing House, 2023. – 1430 p.
2. Anthology of Cynicism. Fragments of Works by Cynic Thinkers. – Moscow: Nauka Publishing House, 1984. – 400 p.
3. Aristotle. Politics. – Moscow: AST Publishing House, 2023. – 384 p.
4. Boethius. The Consolation of Philosophy and Other Treatises. – Moscow: Nauka Publishing House, 1996. – 336 p.
5. Vasiliev V.A. Stoic Philosophers on the Problem of the Good \ V.A. Vasiliev // Bulletin of Moscow State University. Humanities. – 2017. – No. 9 (781). – P. 189–200.
6. Gilson E. Selected Works: Thomism. Introduction to the Philosophy of St. Thomas Aquinas. – М.: Publishing House “University Book”, 1999. – P. 381.
7. Brief Outline of the History of Philosophy / Ed. by M.T. Iovchuk et al. – 4th ed. – М. Mysl, 1981. – P. 92–96. (Epicureanism)
8. Piliipenko E.V., Batalov Yu.V. Evolution of the Concept of “Wealth”: from Aristotle to the Knowledge Economy \ E.V. Piliipenko, Yu.V. Batalov // Bulletin of the Udmurt University. Series “Economics and Law”. – 2013. – No. 1. – P. 43–49.
9. Plato. The State. Laws. Politician. – М.: Publishing house «Mysl», 1998. – 798 p.
10. Reale G., Antiseri D. Western philosophy from its origins to the present day. I. Antiquity. – ТОО ТК «Петрополис», 1994. – P. 20.
11. Somin N.V. Clement of Alexandria and St. John Chrysostom: two views on wealth and property. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/01/05/kliment_aleksandrijskij_i_svt_ioann_zlatoust_dva_vzglyada_na_bogatstvo_i_sobstvennost
12. Syrov V.N. Sukhanova S.Yu. «The City of God» and the modern philosophy of history, or what Augustine’s reflections on history can tell us \ V.N. Syrov, S. Yu. Sukhanova // Scholae. Philosophical Classical Studies and the Classical Tradition. – 2014. – No. 2. – Vol. 8. – P. 480–491.
13. Ukolova V.I. “The Last Roman” by Boethius. – Moscow: Nauka Publishing House, 1987. – 159 s.
14. Fatiyev M.S. Wealth as a Category of Economic Science and Its Philosophical Interpretation \ M.S. Fatiyev // Bulletin of Tula State University. Humanities. – 2010. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogatstvo-kak-kategoriya-ekonomicheskoy-nauki-i-ego-filosofskaya-interpretatsiya/viewer>
15. Shestovskikh N.A. The Problem of Property in the Works of Thomas Aquinas \ N.A. Shestovskikh // Society: Philosophy, History, Culture. – 2020. – No. 8(76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sobstvennosti-v-trudah-fomy-akvinskogo/viewer>

Власть техники и смена парадигмы в области технологий мышления

Плужникова Наталья Николаевна,

к.ф.н., доцент, кафедра «Гуманитарные дисциплины»,
Московский политехнический университет
E-mail: pluzhnikova@bk.ru

Саенко Наталья Ряфиковна,

д.ф.н., профессор, кафедра «Гуманитарные дисциплины»,
Московский политехнический университет
E-mail: rilke@list.ru

Статья посвящена анализу роли современной техники в обществе. Авторы связывают развитие современной цивилизации с осуществлением властной функции современной техники, что объясняется кардинальной сменой парадигмы в области технологий мышления. В постнеклассической научной парадигме техника рассматривается в контексте междисциплинарных исследований биологических и социотехнических систем общества в их историческом развитии. Однако авторы приходят к выводу, что данная парадигма исчерпала себя в современных условиях. Техника не является предельной нейтральным феноменом, включенным в социокультурный контекст. Сегодня техника становится формой политической власти и несет в себе цивилизационный характер развития, то есть становится инструментом мышления, технологией мышления, которая реализует власть в обществе, культуре, и прежде всего, над человеком.

Ключевые слова: власть, техника, искусственный интеллект, машины, технологии, мышление, человек.

Введение

Современное общество невозможно представить без технологий. Технологии, прежде всего, цифрового характера – инструменты техники, поэтому в научной литературе им придается прикладной характер [7, 12]. Технологии, как и сама техника, понимаются подчас инструментально, нейтрально, и считается, что все зависит от человека, от того, насколько он умело данными технологиями может распоряжаться, во благо или во вред.

Однако, сегодня, в период Четвертой промышленной революции, согласно К. Швабу [10], внедрение искусственного интеллекта, интернета вещей все более нивелирует роль человека в управлении техникой. Развивая и совершенствуя современные технологии, современный человек вплотную подошел к проблеме создания и последующего использования искусственного интеллекта (ИИ – здесь и далее) – к проблеме, одно из частных выражений которой связано с техническими устройствами, оснащенными самим же человеком. ИИ настолько мощным, что риск его обращения против самого создателя ИИ постепенно начал перевешивать выгоду, которую от этих технических устройств человек планирует получить.

В действительности появляется все больше и больше примеров, когда ИИ выходит из-под контроля человека. Так, недавний случай 2023 года о том, что беспилотник под управлением искусственного интеллекта принял решение убить оператора во время имитационных испытаний, проводимых армией США, чтобы тот не мешал выполнению миссии [2] является лишь одним из многочисленных примеров «бунта» техники над человеком.

Все более и более очевидным становится, что техника становится тем, что несет «ужас» (в сакральных обществах этот ужас назывался «священным») и смерть. Достаточно вспомнить известного философа М. Хайдеггера, согласно которому техника отчуждает человека от Dasein [11].

Поэтому, на наш взгляд, в настоящий момент, сущность техники не только должна быть подвержена кардинальному пересмотру, но и парадигма технологий мышления, в которой ведущую роль играет техника. Здесь, переформулируя, известный тезис Ф. Бэкона, можно сказать, что «Техника есть власть».

С точки зрения трансляции прогностики и формирования общества о возможной величине этого риска, равно как и угрожающих человеку и человечеству из-за этого последствий, научное

сообщество точных ответов не дает. За отсутствием таковых современные медиа, не отличающиеся особой информационной добросовестностью и играя на чувствах аудитории, плотно занялись предсказаниями изменений в социуме, которые «должны возникнуть» в результате этой угрозы, наиболее радикальным и крайним вариантом проявления которой становится мифологема т.н. «восстания машин». Таким образом, в XXI веке тотального торжества научной мысли, человечество столкнулось с фактом возникновения и последующего закрепления в общественном сознании, в эмоциях и чаяниях масс мифы о бунте машин [1], что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Содержание исследования

Целью создания наделяемых ИИ технических устройств является стремление получить ассистента, помощника с целенаправленно сформированными качествами и выполняемыми функциями для того, чтобы освободить ситуацию или работающего от части работы, главным образом рутинной и отнимающей много времени. Таким образом, техническое устройство с ИИ создается изначально подчиненным, то есть – не равным человеку по статусу, поскольку разработчик имеет возможность запрограммировать его будущее технико-технологическое внутреннее машинное «Я», а далее также и манипулировать им. Иначе такой робот с ИИ обладает функционалом, в чем-то превосходящим человеческий, однако компоненты этого функционала предварительно селектированы и запрограммированы человеком.

Обладая ИИ и анализируя окружающую реальность, частью которой является как он сам, так и оператор, робот с ИИ может распознать на фоне своего функционального превосходства над человеком необходимость подчиняться оператору как несправедливость, или нерациональность с технико-технологической точки зрения.

Обращает на себя внимание в этом отношении киноэпопея об «Aliens» – о ксеноморфах-«чужих», в которой выделилась сюжетная линия «восстания машин». В первых картинах киноэпопеи демонстрировался ужасающий и безобразный визуальный образ «чужого», однако, для внимательного кинозрителя остался нераскрытым их генезис, то есть откуда и почему они появились. Все разъяснилось только в самых поздних картинах этой серии – «Прометей» и «Чужой: завет» [3], где и возникла тема тайного, но крайне опасного неподчинения человеку целого ряда персонажей – «искусственных людей», внешне демонстрирующих показную лояльность человеку, но при этом тайно проводящих и осуществляющих собственную стратегию. Например, в «Прометее» андроид Дэвид прямо презирает род человеческий, считая

его отработанным материалом эволюции. Интересно и то, что постановщик самого первого фильма о «чужих» Ридли Скотт пообещал кинозрителям далее значительно более углубленно заняться разработкой темы ИИ в следующих фильмах киноэпопеи [5] – это указывает на значительно изменившееся в социуме представление о другом, ином, чужом.

Парадоксально, но на киноэкране ИИ иногда показан человечнее естественного интеллекта, и ни один персонаж с ИИ не остается для кинозрителя «проходным». В основе этого усилившегося интереса можно обнаружить изменение внутренних мировоззренческих констант современного человека по факту появления в окружающем его мире чего-то на него очень похожего, но не являющегося оригиналом человека, а только тщательно имитирующей его копией, и это есть проблема по сути своей философская, не ограничиваемая только кинематографическими инновациями, или даже искусством вообще.

Кинематографические образы человекоподобного ИИ совершенствуются как телесно, так и интеллектуально: постепенно они обретают выраженные гендерные черты, способности переживать и демонстрировать довольно сложные даже по меркам человека эмоции и чувства, у них появляются способности к анализу и саморефлексии, у них постепенно увеличивается коммуникативный потенциал и, самое главное – у современной кино-модели ИИ возникает то, что отличает и исключительно человека – способность нестандартно мыслить и действовать в нестандартной ситуации [4].

Следовательно, образ ИИ ныне перестает демонстрировать машину быть равным человеку, и постепенно начинает его превосходить в чем-то хотя бы фрагментарно. Обладая способностью к самоанализу и оптимизации, а также и к самообучению, ИИ начинает отбирать и усваивать все человеческое, полезное лично для него самого, и, возможно – тем самым становится следующим за человеком этапом эволюции, в который он входит, увлекая это ассимилированное человеческое с собой для того, чтобы хотя бы продлить специфически-человеческое бытие в *tempus historicum futurum*, пусть и без человека. ИИ входит туда, как версия, более совершенная по отношению к своему создателю [8].

Грядущий Сверхчеловек Ф. Ницше станет делом техники не в переносном, а в буквальном значении.

С точки зрения психологического измерения мифологемы «восстания машин», искусство посредством символического потенциала стремится создать и пересоздать, прежде всего в рамках современного кинематографа, целый ряд художественных образов воплощения частных страхов и общественных тревог, связанных со стремительным развитием НТП, но совершенно иррациональ-

ных (параноидальных) по своему содержанию, конвергируя их в мифологемы более значительные, к числу которых относится и мифологема «восстания машин». Наиболее удачными и эффективными не только визуально, но и эмоционально, здесь остаются кинотрилогия о Терминаторе и «Матрица» братьев Вачовски [7].

Несомненно, этот мифологический по сути своей художественный материал вполне определенным образом коннотируется с тем, что происходит в реальности. Новейшие тенденции НТП оказываются не только на киноэкране, или на страницах текстов научной фантастики, тесно завязаны и переплетены с трансформами целой череды образов ИИ, но – это же происходит и в массовом сознании и восприятии индивида и социума. Дефицит референции приводит к тому, что данный мифологический материал начинает использоваться в качестве инструмента диагностики и прогнозирования внутри массового сознания. Цель этого – образно перерабатывать и отражать новые культурные тенденции, которые по отношению к изменениям, происходящим в социальной реальности, отчасти носят рефлекторный, но отчасти – модеризирующий характер именно в связи с тем же самым массовым влиянием на умы и души, которое претерпевает на себе социум как обобщенный культурный реципиент новых мифологем в их литературно-кинематографической редакции.

Поскольку культурная индустрия и массовая литература не могут существовать себе в убыток, в процессе указанного влияния бесспорным приоритетом пользуются эмоционально наиболее сильно воздействующие образы и фантастические нарративы, в черед которых сюжет «восстания машин» против человека удерживает безусловную пальму первенства. В этом отношении связанность сюжетов социальной фантастики с социальной реальностью, являя мифологемы как образы реструктуризации последней, и репозиционирования человека в ней, помогают также понять происходящее в пространстве настоящей жизни общества, поскольку ИИ является частью этой реальности уже сейчас, тогда как все последующее, с ним связанное, пока что лишь мифологически экстраполируется, что может указывать на фрустрированность массового сознания проблемой дальнейшего развития ИИ, невротический характер обращения которого к образам и символам культуры указывает, с одной стороны, на бессилие человека и человечества, выпускающего джинна ИИ из бутылки, в плане гарантирования тотальности модуса сохранения контроля за деятельностью ИИ даже самому себе, а с другой стороны – на отчаянную невротическую попытку сгладить эмоциональную остроту осознания собственного бессилия любым путем.

Пользуясь создавшейся ситуацией, фантастическая литература и кинематограф, влияя че-

рез создаваемые и транслируемые ими образы на умы и сердца, проводят политику преднамеренного нагнетания страхов (инфернализации) массового сознания, а техника как некая самостоятельная действительность становится формой осуществления власти над человеком.

Обсуждение результатов

В современном мире технологии стали неотъемлемой частью человеческой жизни. Однако, несмотря на все бенефиты, которые они приносят, существует и другая сторона медали – невротическая сторона техники, которая проявляется через страхи, anxieties, и потенциальные угрозы, связанные с ростом автоматизации и искусственного интеллекта. Концепция «восстания машин» в этом контексте может быть рассмотрена как метафора внутренних страхов и тревог бытия человека, возникающих на фоне прогрессивного развития технологий [9]. Техника становится в современном мире вопросом, требующим «вопрошания».

Невротическая сторона техники может быть понята как набор страхов, тревог и сомнений, которые обостряются в результате нашего взаимодействия с машинами и технологиями. Это проявляется в нескольких ключевых аспектах.

1. Зависимость от технологий. Современное общество стало настолько зависимым от технологий, что в свою очередь приводит к страху перед их отсутствием. Эта зависимость создает невроз, связанный с постоянной потребностью быть на связи и в курсе событий. Страх упустить важную информацию (FOMO – fear of missing out) стал регулярным явлением, подрывающим психическое здоровье человека.
2. Чувство потери контроля над действительностью. Введение автоматизации и искусственного интеллекта порождает страх потери контроля над собственной жизнью. Люди начинают ощущать, что технологии могут принимать решения за них, что вызывает тревогу по поводу будущего, когда машины вполне могут заменить не только физический труд, но и умственные процессы.

Технологические утопии часто изображают мир, где машины служат человечеству, облегчая повседневные задачи и улучшая качество жизни. В противовес этому, антиутопические сценарии подчеркивают угрозу, исходящую от технологий, которые могут стать слишком мощными и независимыми, устремившись против своих создателей. Этот конфликт отражает внутреннюю борьбу между надеждой человека на прогресс и страхом перед его последствиями.

Невротическая сторона техники приводит к различным психологическим последствиям, которые могут оказывать значительное влияние на общее самочувствие человека.

1. Психологическая тревожность. Чувство постоянного беспокойства о развитии технологий, их влиянии на будущее и о человеческой значимости приводит к постоянному состоянию тревожности. Стремление контролировать свою жизнь и окружающую среду в условиях технологической неопределенности становится источником стресса современного человека.

2. Социальная изоляция. Зависимость от технологий может парадоксально вызвать чувство одиночества и отчуждения. Хотя социальные сети и онлайн-платформы создают возможности для взаимодействия, они не могут заменить непосредственное человеческое общение, что может привести к невротическим состояниям и эмоциональным расстройствам.

3. Проблемы с адаптацией. Частые изменения в технологиях требуют от человека быстрой адаптации, что может вызывать стресс. Люди испытывают давление, чтобы быть в курсе новых трендов, что иногда вызывает нежелание или страх перед новым, что усугубляет чувство неуверенности.

Выводы

Таким образом, реализация техники как власти над человеком говорит о сложности и неоднозначности отношений между человеком и технологиями как между естественной и искусственной системами.

Невротическая сторона техники и идея восстания машин служат важными напоминаниями о сложности отношений между человеком и технологиями. Разработка здоровых границ для использования технологий и рациональный контроль над ними могут стать не только ключевыми шагами в снижении невротических состояний современного человека, но и попытаться осмыслить новую парадигму мышления, в которой ключевую роль играет антитеза «бытие человека – техника».

Литература

1. Верещагина Н.В. Роботы, искусственный интеллект, восстание машин: мифология НТР и научная фантастика // Вестник ПНИПУ. 2016. № 3. С. 65–74.
2. Дрон Пентагона решил убить своего оператора во время испытаний. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294> (дата обращения: 30.11.2024).
3. Жданов А.А. Автономный искусственный интеллект. – М.: БИНОМ. Лаборатория знания, 2012. – 359 с.
4. Злотницкая А. Андроиды-синтеты: незаметные злодеи и герои мира «Чужих». – URL: <https://www.mirf.ru/worlds/androidy-sintety-chuzhoj> (дата обращения: 11.10.2024).
5. Коротков Н.В. Онтология и гносеология фантастики. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2014. – 155 с.

6. Лазар М. Rise of the Machines: why we keep coming back to H.G. Wells' visions of a dystopian future // Лазар М. – URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2011/10/rise-of-the-machines-why-we-still-read-hg-wells/> (дата обращения: 06.10.2024).
7. Плужникова Н.Н. Техника и социально-антропологические риски сциентизма в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2024. № 8 (124). С. 55–59.
8. Прокопьев П.С. Восстание машин в морали: мечтают ли андроиды об электрорабах? // Вокс – философский журнал. 2018. № 6. Вып. 24. С. 249–258.
9. Трофимов А. Как менялось представление о восстании машин – на основе «Терминатора» и других фильмов. – URL: <https://kanobu.ru/articles/kak-menyalos-predstavlenie-o-voostanii-mashin-na-osnove-terminatora-i-drugih-filmov-374590/> (дата обращения: 07.10.2024).
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: «Эксмо», 2016–138 с.
11. Heidegger M. The end of philosophy and the task of thinking. On the matter of thinking. GmbH, Max Niemeyer Verlag, 1964, pp. 67–90.
12. Hojabalkanova S. Artificial intelligence in cybersecurity: a technology shaping the future of digital world // Innovation Science. 2024. Т. 2. № 10–2. С. 56–58.

THE POWER OF TECHNOLOGY AND THE PARADIGM SHIFT IN THINKING TECHNOLOGIES

Pluzhnikova N.N., Saenko N.R.
Moscow Polytechnic University

The article is devoted to the analysis of the role of modern technology in society. The authors associate the development of modern civilization with the implementation of the power function of modern technology, which is explained by a radical change in the paradigm in the field of thinking technologies. In the post-non-classical scientific paradigm, technology is considered in the context of interdisciplinary studies of biological and socio-technical systems of society in their historical development. However, the authors come to the conclusion that this paradigm has exhausted itself in modern conditions. Technology is not an ultimate neutral phenomenon included in the socio-cultural context. Today, technology is becoming a form of political power and carries a civilizational character of development, that is, it becomes an instrument of thinking, a technology of thinking that implements power in society, culture, and above all, over a person.

Keywords: power, technology, artificial intelligence, machines, technologies, thinking, person.

References

1. Vereshchagina N.V. Robots, artificial intelligence, the uprising of machines: the mythology of the scientific and technological revolution and science fiction // Bulletin of PNIU. 2016. No. 3. Pp. 65–74.
2. The Pentagon's drone decided to kill its operator during testing. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294> (date of access: 11/30/2024).
3. Zhdanov A.A. Autonomous artificial intelligence. – Moscow: BINOM. Laboratory of knowledge, 2012. – 359 p.

4. Zlotnitskaya A. Androids-synthetics: invisible villains and heroes of the world of "Aliens". – URL: <https://www.mirf.ru/worlds/androidy-sintety-chuzhoy> (accessed: 11.10.2024).
5. Korotkov N.V. Ontology and gnoseology of science fiction. – Kirov: Raduga-PRESS, 2014. – 155 p.
6. Lazar M. Rise of the Machines: why we keep coming back to H.G. Wells' visions of a dystopian future // Lazar M. – URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2011/10/rise-of-the-machines-why-we-still-read-hg-wells/> (accessed: 06.10.2024).
7. Pluzhnikova N.N. Technology and socio-anthropological risks of scientism in modern society // Society: philosophy, history, culture. 2024. No. 8 (124). P. 55–59.
8. Prokopyev P.S. The Rise of the Machines in Morality: Do Androids Dream of Electric Slaves? // Vox – a philosophical journal. 2018. No. 6. Issue. 24. P. 249–258.
9. Trofimov A. How the Idea of the Rise of the Machines Has Changed – Based on the Terminator and Other Films. – URL: <https://kanobu.ru/articles/kak-menyalos-predstavlenie-o-voosstanii-mashin-na-osnove-terminatora-i-drugih-filmov-374590/> (accessed: 07.10.2024).
10. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. – M.: "Eksmo", 2016. – 138 p.
11. Heidegger M. The end of philosophy and the task of thinking. On the matter of thinking. GmbH, Max Niemeyer Verlag, 1964, pp. 67–90.
12. Hojabalkanova S. Artificial intelligence in cybersecurity: a technology shaping the future of the digital world // Innovation Science. 2024. T. 2. No. 10–2. pp. 56–58.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование развития индустрии туризма снега и льда, способствующие модернизационному развитию провинции Хэйлунцзян, Китай

Ван Чуньсюе,

старший преподаватель Института марксизма Хэйхэского университета
E-mail: 772078318@qq.com

Ли Хунхун,

лектор Института марксизма Хэйхэского университета
E-mail: 909479958@qq.com

Чжан Мэн,

профессор Института марксизма Хэйхэского университета
E-mail: 83445025@qq.com

Целью статьи выступает исследование развития индустрии туризма снега и льда, способствующие модернизационному развитию провинции Хэйлунцзян, Китай. Раскрыты недостатки и проблемы, препятствующие модернизационному развитию провинции Хэйлунцзян, связанные с отсутствием ключевых компетенций и необходимой квалификации у персонала, задействованного в предоставлении туристических услуг «ледово-снежной» индустрии и с не достаточной эффективностью механизма стимулирования рынка зимнего спорта и туризма, а также с несовершенством инновационного потенциала и инновационных технологий, препятствующих повышению уровня сервиса индустрии «ледового и снежного» туризма региона. Сделан вывод, что грамотная политика органов государственной власти Китая способна обеспечить устойчивое экономическое развитие провинции Хэйлунцзян, повысить конкурентоспособность региона и открыть более широкое пространство для развития хэйлунцзянской индустрии «снежно-ледового» туризма. В новую эпоху индустрия «снежно-ледового» туризма провинции Хэйлунцзян сталкивается со многими проблемами, но в тоже время провинция Хэйлунцзян демонстрирует мощный импульс трансформации из сезонной туристической точки «ледового и снежного» туризма в круглогодичное туристическое направление.

Ключевые слова: экономика льда и снега, провинция Хэйлунцзян, индустрия зимнего туризма, структурные изменения, международное взаимодействие, туристические потоки, туристическая инфраструктура

Основные научно-исследовательские операционные расходы провинциальных высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян: номер проекта 2023-KYYWF-1141, наименование проекта: Исследование пути и практики изучения китайской модернизации в приграничных регионах провинции Хэйлунцзян.

Введение

Снежно-ледовый туризм в Китайской Народной Республике выступает в качестве драйвера развития производственных мощностей и услуг индустрии зимнего спорта и туризма. Генеральным секретарем ЦК КПК КНР Си Цзиньпином в рамках проведения XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии раскрывался широкий спектр вопросов, связанных с развитием индустрии зимнего спорта и туризма и выдвигались значимые указания и распоряжения, нацеленные на укрепление отраслевой туристической инфраструктуры зимних видов спорта и на развитие международного туристического сотрудничества в глобальном пространстве «Пояса и Пути» [6].

Опираясь на данные «Доклада о развитии ледового и снежного туризма в Китае (2025)» отметим, что по итогам завершения «ледово-снежного» сезона 2024–2025 годов в Китае ожидают численность туристов в 520 миллионов человек, при этом доходы от «ледово-снежной» индустрии туризма, составят не менее 630 миллиардов юаней (\$88,2 млрд) [1; 9].

Провинция Хэйлунцзян, расположена на северо-востоке Китая и является составной частью инфраструктуры «ледово-снежной» индустрии туризма страны, располагая значительными производственными мощностями туристической инфраструктуры зимних видов спорта и туризма, к которым относятся: Харбинский парк Harbin Ice-Snow World «Большой мир льда и снега», украшенный 2000 арт-объектами; Sun Island Snow Expo (Снежная выставка на Солнечном острове); горнолыжный курорт Ябули; живописная зона озера Хэйхэ Удалянчи Шанькоу.

Все объекты располагают гостиничной инфраструктурой и инфраструктурой общественного питания, непрерывно функционируют ледовые катки и лыжные трассы, трассы для катания на санях, трассы ледового рафтинга, проводятся крупнейшие зимние тематические фестивали, в торговых объектах широко представлена сувенирная продукция и необходимое спортивное снаряжение и инвентарь. Однако, провинция Хэйлунцзян сталкивается со многими проблемами и в тоже время демонстрирует мощный импульс трансформации из сезонной туристической точки «ледового и снежного» туризма в круглогодичное туристическое направление, что делает проведение исследования актуальным и своевременным.

Материалы и методы исследования

Автором применены методы системного и сравнительного анализа, метод анализа трудов научной литературы и статистических данных, метод группировки и графический метод. Теоретическую базу исследования представляют научные публикации китайских исследователей, нормативно-правовые акты Китайской Народной Республики.

Результаты и обсуждения

Ци Хуайцзе и Чжэн Цзякунь [17], Ван Хэн [3], Ван Юнши [4], Дон Шуай, И Ган [7] в своих научных работах раскрывали вопросы, связанные с качественным развитием индустрии «ледового и снежного» туризма в Китае, рассматривали проблемы препятствующие развитию уровня потенциала экономики «льда и снега» и отмечали необходимость совершенствования интеграционных процессов в сфере международной туристической индустрии, необходимость стимулирования развития смежных отраслей, таких как гостиничный сектор экономики (услуги размещения), сектор общественного питания (услуги общепита), сектор производства спортивного инвентаря, экипировки и оборудования и необходимость повышения квалификации специалистов в целях развития местной экономики китайской провинции.

Цао Цзянь, Ма Вэйвэй, Ли Ли, отмечали взаимосвязь развития «ледово-снежного» спорта и «ледово-снежной» индустрии туризма от политической сферы, включающей в свой состав процессы либерализации туристического рынка Китайской Народной Республики и указывали на сложность приобретаемых ресурсов, высокий уровень капитальных расходов и операционных затрат для развития инфраструктуры «льда и снега» [15].

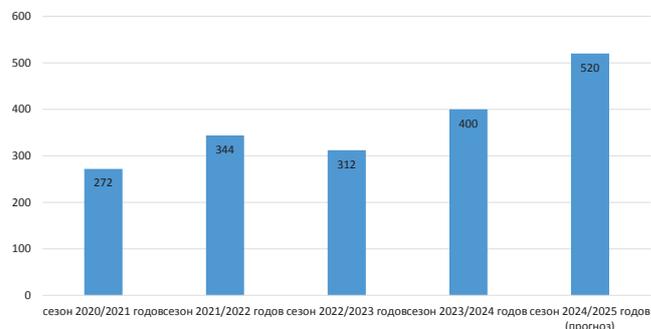
Климат провинции Хэйлунцзян отличается продолжительной зимой и обильными снегопадами, что создает уникальные условия для развития «ледово-снежного» спорта и «ледово-снежной» индустрии туризма, выступающих в качестве «холодных ресурсов: снега и льда» китайской провинции и в роли новой точки роста ее «горячей экономики». Ледяной и снежный ландшафт провинции Хэйлунцзян разнообразен: пейзажи морозного тумана привлекают большое количество туристов.

Изменения динамики туристических потоков «ледово-снежной» индустрии Китая в периоде 2020–2025 годов, представлены на рис. 1.

Подводя итоги анализа изменения динамики туристических потоков «ледово-снежной» индустрии Китая в периоде 2020–2025 годов, отметим тот факт, что количество туристов и любителей зимних развлечений увеличилось на 248 млн человек или на 91,17%.

В процессе развития индустрии «снежно-ледового» туризма в провинции Хэйлунцзян со-

четание естественного снега и льда с горным рельефом образует естественное снежное поле, что снижает стоимость строительства инфраструктуры «снежно-ледового» туризма, а также формирует уникальную «снежно-ледовую» культуру, которая в свою очередь повышает привлекательность «снежно-ледовой» индустрии.

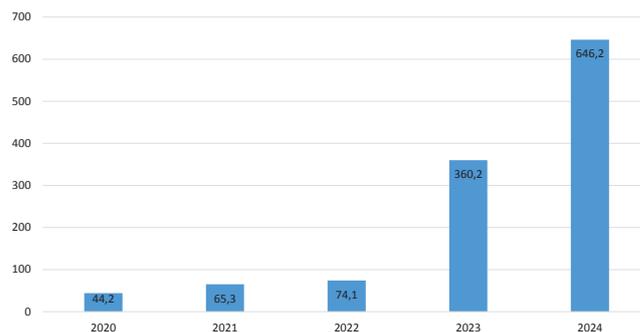
Рис. 1. Изменения динамики туристических потоков «ледово-снежной» индустрии Китая в периоде 2020–2025 годов (млн чел.)

Источник: составлено автором по материалам [9; 10].

В рамках организации китайско-российского сотрудничества в сфере «ледово-снежной» индустрии Китая с момента возникновения пандемии COVID-19 количество взаимных туристических поездок граждан двух стран резко оборвалось.

В 2020 году между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией из-за развития пандемии COVID-19 были введены визовые ограничения и туристическое сообщение практически прервалось.

Так, в период 2020 года численность туристов из России посетивших провинцию Хэйлунцзян составила всего 44,2 тыс. чел. (рис. 2).

Рис. 2. Изменения динамики туристических потоков российских граждан в «ледово-снежной» индустрии провинции Хэйлунцзян в периоде 2020–2025 годов (тыс. чел.)

Источник: составлено автором по материалам [2; 10].

Подводя итоги анализа изменения динамики туристических потоков российских граждан в «ледово-снежной» индустрии провинции Хэйлунцзян в периоде 2020–2025 годов, отметим что, начиная с 2020 года численность туристов из России посетивших провинцию Хэйлунцзян увеличилась на 602 тыс. чел. (1361,99%).

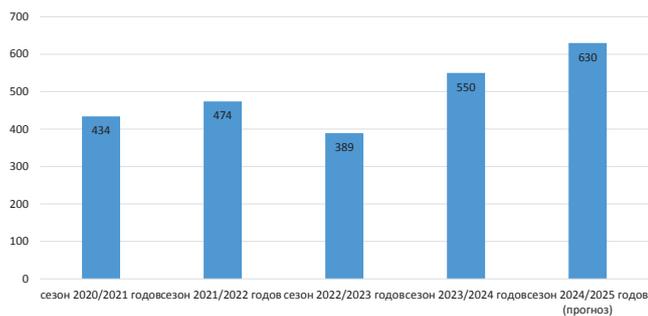

В феврале 2023 года органы государственной власти Китайской Народной Республики отменили введенные карантинные меры и разрешили проведение групповых туров. Харбин стал одним из главных направлений зимнего туризма в Китае [14].

Туристическое сообщение между Российской Федерацией и провинцией Хэйлунцзян восстанавливается и стимулирует развитие взаимозависимости экономик от движения туристических потоков [4].

Ян Цзяньпин, Тан Фан, Го Синьюй, Чэнь Хунцзю, отмечали взаимозависимость развития «ледово-снежного» спорта и «ледово-снежной» индустрии туризма от сферы отлаженных симбиотических отношений с многонациональными любителями зимнего отдыха, представленными как туристами из-за рубежа, так и жителями провинции Хэйлунцзян в частности и Китайской Народной Республики в целом [18].

Изменения динамики доходов «ледово-снежной» индустрии Китая в периоде 2020–2025 годов, представлены на рис. 3.

Рис. 3. Изменения динамики доходов «ледово-снежной» индустрии Китая в периоде 2020–2025 годов (млрд юаней.)

Источник: составлено автором по материалам [9; 10].

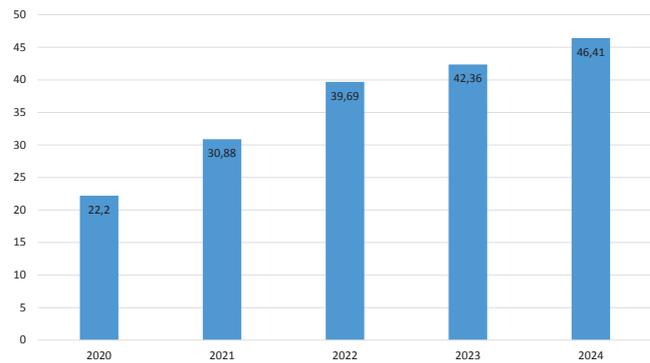
Подводя итоги анализа изменения динамики доходов «ледово-снежной» индустрии Китая в периоде 2020–2025 годов, следует отметить значительное увеличение доходной части. Так объемы доходов «ледово-снежного» спорта и «ледово-снежной» индустрии туризма за вышеуказанный период увеличились на 196 миллиардов юаней (\$27,44 млрд) или на 45,16%.

Здесь следует отметить тот факт, что по итогам 2016–2024 годов Китай инвестировал свыше 3,2 трлн юаней (\$448 млрд) в инфраструктурные проекты, связанные с развитием сферы зимнего (снежно-ледового) туризма [10].

На основе развития «ледово-снежного спорта» и «ледово-снежной» индустрии провинции Хэйлунцзян неуклонно увеличиваются объемы внешней торговли китайской провинции (рис. 4).

Подводя итоги анализа изменения динамики объемов внешней торговли провинции Хэйлунцзян в периоде 2020–2025 годов, отметим,

что за вышеуказанный период они увеличились на \$24,21 млрд или на 109,05%.

Рис. 4. Изменения динамики объемов внешней торговли провинции Хэйлунцзян в периоде 2020–2025 годов (млрд \$)

Источник: составлено автором на основании материалов [5; 14].

Вместе с тем, Лю Гоминь, Чжан Цайюнь [8], Хань Цзе [13], Цао Чжунъи, Ли Гуоюй [16] и Сунь Ди [12], указывали на недостатки в развитии «ледово-снежного» спорта и «ледово-снежной» индустрии туризма провинции Хэйлунцзян, связывая их с отсутствием ключевых компетенций и необходимой квалификации у персонала (тренеров и инструкторов), задействованного в предоставлении услуг в условиях жесткой конкуренции со стороны других китайских регионов; связывая их с недостаточной эффективностью механизма стимулирования рынка зимнего спорта и туризма и с несовершенством инновационного потенциала и инновационных технологий. При этом авторы указывали на отсутствие региональных культурных особенностей на потребительском туристическом рынке и на отсутствие влияния воздействия туристического бренда провинции Хэйлунцзян на поведение потребителей услуг, понижающего уровень конкурентоспособности провинции. Ограниченная интеграция последних достижений науки и техники, негативно сказывается на впечатлениях потребителей, а значит, она не выдерживает конкуренции, и влияние бренда становится слабее. Здоровье, безопасность и права потребителей не должным образом защищены, так как большинство предприятий, функционирующих в области профессионального управления услугами «ледово-снежного» спорта и «ледово-снежной» индустрии туризма провинции Хэйлунцзян не имеют необходимого уровня управленческого потенциала, в результате чего система обслуживания потребителей услуг не совершенна и не может гарантировать безопасность туристов. В итоге формируется самостоятельный режим управления «ледовым и снежным» туризмом, общий уровень обслуживания потребителей услуг явно недостаточен (высокие цены на питание, проживание, невозможность предоставить бесплатную горячую воду,

незаконные сборы и другие формы девиантного поведения). Защита законных прав и интересов потребителей зимних туристических услуг провинции Хэйлунцзян требуют обеспечения управления адекватной системой безопасности и информационной осведомленности туристов и качественного контроля, и надзора со стороны соответствующих уполномоченных ведомств над предприятиями и организациями, оказывающими широкий спектр зимних туристических услуг.

Заключение

Подводя итоги исследования, отметим что «ледово-снежный» туризм, являясь составной частью «ледово-снежной» экономики Китая, представляет собой важный краеугольный камень и новую кинетическую энергию, призванную для содействия модернизации и развития провинции Хэйлунцзян. Создание новой модели высококачественного функционирования «холодных ресурсов: льда и снега», способно породить «горячую экономику» провинции Хэйлунцзян. Провинция Хэйлунцзян имеет долгую историю культуры, искусства, спорта, фестивалей льда и снега, и других красочных явлений, формирующих уникальную культурную атмосферу. Провинция Хэйлунцзян имеет сформированный уникальный бренд «ледово-снежного» туризма. Провинция Хэйлунцзян сталкивается со многими проблемами, требующими как улучшения инфраструктуры, так и улучшения туристических продуктов на фоне все более жесткой конкуренции китайских регионов. Тем не менее конкурентоспособность продуктов «ледового и снежного» туризма в провинции Хэйлунцзян неуклонно повышается, система развития «ледового и снежного» туризма становится все более совершенной и международное взаимодействие продолжает укрепляться. Провинция Хэйлунцзян демонстрирует мощный импульс трансформации из сезонной туристической точки в круглогодичное туристическое направление.

Грамотная политика органов государственной власти Китая способна осуществить устойчивое экономическое развитие провинции Хэйлунцзян на базе увеличения капиталовложений в «ледово-снежный» туризм, призванных для модернизации условий проживания, развлечений, питания туристов и гарантировать высокую экономическую эффективность, на основе использования живописных мест китайского региона в рамках зимнего сезона «ледово-снежного» туризма, тем самым обеспечивая комплексное и систематическое развитие местной экономики – не ограниченное только сезонными факторами.

Литература

1. В 2024 году число россиян, посещающих Китай, резко возросло [Электронный ресурс]. – URL:

<https://rg.ru/2024/10/22/poehali-v-gosti-legko-i-bystro.html> (дата обращения: 15.01.2025).

2. Ван Хэн. Исследование путей оптимизации индустрии ледовых и снежных видов спорта на примере города Далянь // Изучение теории. 2023. № 4. С. 92–96.
3. Ван Юнши. Укреплять и оптимизировать индустрию ледовых и снежных видов спорта. // Исследование инноваций в ледовых и снежных видах спорта. 2024. № 1. С. 41–43.
4. Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kitaichina.com/se/node_69141.htm (дата обращения: 15.01.2025).
5. Дон Шуай, И Ган. Исследование путей развития индустрии ледового и снежного туризма в провинции Хэйлунцзян в контексте эпохи после зимних Олимпийских игр // Исследование инноваций в ледовых и снежных видах спорта. 2023. № 24. С. 28–30.
6. Отчет: к 2025 году снежно-ледовый туризм в Китае привлечет более 520 млн человек [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.news.cn/20230108/92d2a729b9c5411fbad549d27237ac26/c.html> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Рынок туризма Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://prc.today/rynok-turizma-kitaya-industriya-zimnego-turizma-v-kitae-prodvigaet-uslugi-v-malajzii/> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Харбин стал одним из главных направлений зимнего туризма в Китае [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-01-12/1745806709166882817/index.html> (дата обращения: 15.01.2025).
9. Цао Цзянь, Ма Вэйвэй, Ли Ли. Путь глубокой интеграции и развития ледового и снежного туризма и культурных ресурсов на северо-востоке Китая // Социолог. 2022. № 9. С. 33–41.
10. Ци Хуайцзе, Чжэн Цзякунь. Создание сети индустрии ледового и снежного спортивного туризма в Китае с точки зрения качественного развития // Ледовые и снежные виды спорта. 2023. № 45(4). С. 68–71.
11. Ян Цзяньпин, Тан Фан, Го Синьюй, Чэнь Хунцзю. Китайская модель развития ледового и снежного туризма и построение ее системы // Вечная ледниковая мерзлота. 2023. № 45 (06). С. 1923–1939.
12. Главное таможенное управление Китая [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.customs.gov.cn/> (дата обращения: 15.01.2025).
13. Более 500 миллионов человек, 630 миллиардов юаней! Китай продолжает превращать «холодные ресурсы» в «горячую экономику». – URL: https://m.gmw.cn/2025-01/07/content_1303941120.htm
14. Лю Гоминь, Чжан Цайюнь. Выбор пути развития отрасли «Интернет + ледовый и снежный

- туризм» на примере провинции Хэйлунцзян // Обучение и исследование. 2018. № 1. С. 130–176.
15. Сунь Ди. Текущая ситуация и предложения по развитию экономики льда и снега в провинции Хэйлунцзян // Северная экономика и торговля. 2023. № 8. С. 13–14.
  16. Цао Чжунъи, Ли Гоюй. Активно использовать редкие возможности развития в эпоху после зимних Олимпийских игр, создавать лед и снег, а также золотые горы и серебряные горы практиковать место // Heilongjiang Daily. 2022. № 4. С. 7–13.
  17. Хань Цзе. Новое развитие культуры и туризма, провинции принимают практические меры // Новости культуры Китая. 2022. № 4. С. 4–9.
  18. Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян [Электронный ресурс]. – URL: <http://tjj.hlj.gov.cn> (дата обращения: 15.01.2025).
- RESEARCH ON THE DEVELOPMENT OF SNOW AND ICE TOURISM INDUSTRY PROMOTING THE MODERNISATION DEVELOPMENT OF HEILONGJIANG PROVINCE, CHINA¹**
- Wang Chunxue, Li Honghong, Zhang Meng**
Heihe University, China
- The aim of the article is to study the development of the snow and ice tourism industry, contributing to the modernisation development of Heilongjiang Province, China. The article reveals the shortcomings and problems hindering the modernisation development of Heilongjiang Province, related to the lack of key competencies and necessary qualifications of the personnel involved in the provision of tourism services of the 'ice and snow' industry and the insufficient effectiveness of the mechanism of stimulating the market of winter sports and tourism, as well as the imperfection of innovation potential and innovative technologies that hinder the improvement of the level of service of the 'ice and snow' tourism industry in the region. It is concluded that the competent policy of Chinese government authorities can ensure the sustainable economic development of Heilongjiang Province, enhance the competitiveness of the region and open a wider space for the development of Heilongjiang 'snow and ice' tourism industry. In the new era, Heilongjiang Province's 'snow and ice' tourism industry faces many challenges, but at the same time, Heilongjiang Province shows a strong momentum of transformation from a seasonal 'ice and snow' tourism hotspot to a year-round tourism destination.
- Keywords:** ice and snow economy, Heilongjiang Province, winter tourism industry, structural change, international interaction, tourist flows, tourism infrastructure.
- References**
1. In 2024 the number of Russians visiting China has sharply increased [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2024/10/22/poehali-v-gosti-legko-i-bystro.html> (date of address: 15.01.2025).
  2. Wang Heng. Study of ways to optimise the ice and snow sports industry on the example of the city of Dalian // Study Theory. 2023. № 4. С. 92–96.
  3. Wang Yongshi. Strengthen and optimise the ice and snow sports industry. // Research on innovation in ice and snow sports. 2024. № 1. С. 41–43.
  4. Report of the President of the People's Republic of China Xi Jinping at the XVIII All-China Congress of the Communist Party [Electronic resource]. – URL: http://www.kitaichina.com/se/node_69141.htm (date of address: 15.01.2025).
  5. Dong Shuai, Y Gang. Research on the development path of ice and snow tourism industry in Heilongjiang Province in the context of the post-Winter Olympics era // Research on Innovation in Ice and Snow Sports. 2023. № 24. С. 28–30.
  6. Report: by 2025 snow and ice tourism in China will attract more than 520 million people [Electronic resource]. – URL: <https://russian.news.cn/20230108/92d2a729b9c5411fbad549d-27237ac26/c.html> (date of reference: 15.01.2025).
  7. China's tourism market [Electronic resource]. – URL: <https://prc.today/rynok-turizma-kitaya-industriya-zimnego-turizma-v-kitae-prodvigaet-uslugi-v-malajzii/> (date of reference: 15.01.2025).
  8. Harbin has become one of the main destinations of winter tourism in China [Electronic resource]. – URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-01-12/1745806709166882817/index.html> (date of address: 15.01.2025).
  9. Cao Jian, Ma Weiwei, Li Li. The path of deep integration and development of ice and snow tourism and cultural resources in northeast China // Sociologist. 2022. № 9. С. 33–41.
  10. Qi Huaijie, Zheng Jiakun. Establishment of ice and snow sports tourism industry network in China from the perspective of qualitative development // Ice and Snow Sports. 2023. № 45(4). С. 68–71.
  11. Yang Jianping, Tang Fang, Guo Xinyu, Chen Hongjiu. Chinese model of ice and snow tourism development and the construction of its system // Permafrost. 2023. № 45 (06). С. 1923–1939.
  12. Main Customs Administration of China [Electronic resource]. – URL: <http://www.customs.gov.cn/> (date of reference: 15.01.2025).
  13. More than 500 million people, 630 billion yuan! China continues to turn 'cold resources' into a 'hot economy'. – URL: https://m.gmw.cn/2025-01/07/content_1303941120.htm
  14. Liu Guomin, Zhang Caiyun. Choosing the development path of 'Internet + ice and snow tourism' industry on the example of Heilongjiang Province // Training and Research. 2018. № 1. С. 130–176.
  15. Sun D. Current situation and suggestions for the development of ice and snow economy in Heilongjiang Province // Northern Economy and Trade. 2023. № 8. С. 13–14.
  16. Cao Zhongyi, Li Guoyu. Actively utilise rare development opportunities in the post-Winter Olympics era, create ice and snow, and golden mountain and silver mountain practice place // Heilongjiang Daily. 2022. № 4. С. 7–13.
  17. Han Jie. New development of culture and tourism, provinces take practical measures // China Culture News. 2022. № 4. С. 4–9.
  18. Statistical Yearbook of Heilongjiang Province [Electronic resource]. – URL: <http://tjj.hlj.gov.cn> (date of reference: 15.01.2025).

¹The main scientific research operating expenses of provincial higher education institutions of Heilongjiang Province: Project No. 2023-KYYWF-1141, Project Name: Research on the Path and Practice of Studying Chinese Modernization in Border Regions of Heilongjiang Province.

Опережающая профессиональная подготовка: передовые направления и перспективы развития

Котусов Сергей Александрович,

аспирант кафедры управления персоналом и социологии
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы – Уральского института управления (филиал)

Статья посвящена исследованию системы опережающей профессиональной подготовки (ОПП), как стратегического инструмента адаптации кадрового потенциала к вызовам цифровой трансформации, автоматизации и изменений на рынке труда. Особое внимание уделено цифровизации образовательных процессов, внедрению новых технологий, развитию управленческих и устойчивых компетенций. Приведены примеры успешной реализации программ ОПП в различных регионах России, включая профориентацию школьников и молодежи. В статье представлены результаты сравнительного анализа программ ОПП в различных регионах, выявлены ключевые факторы их эффективности и обозначены перспективные направления развития. Выделены сильные и слабые стороны системы ОПП, возможности и угрозы в контексте социально-экономических трансформаций. В заключении предложены рекомендации по совершенствованию системы ОПП, направленные на повышение её адаптивности, гибкости и соответствия требованиям современного рынка труда.

Ключевые слова: опережающее профессиональное образование, опережающая профессиональная подготовка, цифровизация, профориентация, компетенции будущего, гибкие образовательные модели, рынок труда, устойчивое развитие, искусственный интеллект.

Введение

Национальные проекты, нацеленные на сферу образования, предусматривают значительные изменения в подготовке кадров, ориентированные на гибкость и соответствие требованиям современного рынка труда. Одним из ключевых направлений таких инициатив является опережающая профессиональная подготовка (ОПП), формирующая адаптивные образовательные модели, способные быстро реагировать на технологические и экономические изменения. Однако остается открытым вопрос: может ли система образования не только адаптироваться к переменам, но и предвосхищать их?

В условиях ускоренной цифровизации, автоматизации и перехода к «зеленой» экономике традиционные образовательные модели сталкиваются с вызовами, требующими кардинального пересмотра подходов к подготовке специалистов. ОПП рассматривается как стратегический инструмент, обеспечивающий гибкость системы образования и её адаптацию к изменениям. Однако остается нерешённым вопрос: каким образом можно сбалансировать фундаментальную подготовку с быстрым реагированием на текущие потребности экономики?

Несмотря на масштабные реформы в системе образования и, в частности, в сфере опережающей профессиональной подготовки, сохраняются системные проблемы. Во-первых, наблюдается разрыв между образовательными программами и требованиями работодателей, что приводит к дефициту специалистов с актуальными компетенциями. Во-вторых, цифровая трансформация образования сталкивается с сопротивлением традиционных институтов и нехваткой преподавателей, обладающих необходимыми цифровыми навыками. В-третьих, необходимо учитывать перспективные изменения на рынке труда при актуализации образовательных стандартов, что в условиях стремительных трансформаций представляет собой сложную задачу.

Таким образом, необходимо решить две важные задачи: формирование системы опережающего профессионального образования для долгосрочного развития кадрового потенциала и внедрение механизмов опережающей профессиональной подготовки для оперативного реагирования на изменения в экономике. Но насколько успешны эти механизмы в условиях реального

времени и каким образом можно выстроить более эффективное взаимодействие между бизнесом и образовательными учреждениями? Насколько перспективны цифровые технологии в повышении адаптивности работы системы опережающей профессиональной подготовки? Ответы на эти вопросы требуют детального анализа, что и является целью данной статьи.

Цель исследования – оценить эффективность системы ОПП в России, выявить ключевые направления её развития и предложить подходы к совершенствованию системы подготовки кадров в условиях цифровой трансформации и изменений рынка труда.

Задачи исследования

1. Изучить современные подходы и практики в области опережающей профессиональной подготовки (ОПП) и её влияние на развитие кадрового потенциала.
2. Проанализировать методологические подходы к реализации ОПП, включая цифровизацию образовательных процессов, участие бизнеса и актуализацию образовательных стандартов.
3. Исследовать результаты внедрения программ ОПП в различных регионах России и провести сравнительный анализ успешных практик.
4. Определить научную новизну и практическую значимость исследования, а также разработать рекомендации по совершенствованию системы ОПП с учётом современных вызовов рынка труда.

Обзор литературы

Современные исследования в области опережающей профессиональной подготовки (ОПП) охватывают широкий круг вопросов: от теоретико-методологических основ до анализа практических кейсов её реализации. Несмотря на обилие публикаций, в этой сфере остаются дискуссионные моменты, требующие дальнейшего изучения.

Теоретические основы ОПП заложены в работах П.А. Анохина (1978), который исследовал механизмы опережающего отражения действительности и важность прогнозирования будущих потребностей. Однако механизмы формирования этих способностей остаются открытым вопросом. Б.М. Бим-Бад (1988) рассматривал ОПП как инструмент саморазвития личности, а М.П. Арутюнян (2018) анализировал риски и новые парадигмы обучения, связанные с её внедрением.

В.Н. Голубовский (2022) подчёркивает необходимость переосмысления традиционных образовательных подходов в условиях быстрого технологического прогресса. Н.В. Гафурова и С.И. Осипова (2013) акцентируют внимание на методологическом обеспечении ОПП и важности единого подхода к её реализации.

Изучение компетенций будущего играет ключевую роль в развитии ОПП. В.И. Блинов (2012, 2013) и Е.М. Дорожкин (2014) анализируют стандартизацию в профессиональном образовании и необходимость прозрачной системы оценки квалификаций. Однако остаётся дискуссия о том, какие именно навыки станут приоритетными и как их эффективно формировать.

Цифровая трансформация образования также оказывает влияние на ОПП. Е.В. Калашникова (2023) изучает этот процесс, оценивая его эффективность, а Д.А. Смирнов (2023) рассматривает риски и возможности искусственного интеллекта в образовательных моделях. Несмотря на перспективность технологий, их интеграция требует дальнейшего анализа.

Практические аспекты ОПП изучают В.П. Панасюк и О.Л. Кожевников (2019), рассматривая инновационные методы подготовки специалистов. Особое внимание уделяется мобильности и профессиональной устойчивости выпускников, однако массовое внедрение этих методов сталкивается с трудностями, включая сопротивление традиционным подходам.

Международный опыт ОПП представлен в исследованиях European Centre for the Development of Vocational Training (Cedefop, 2013), где анализируется роль профессионального образования в экономическом развитии. Однако важно не просто учитывать зарубежные практики, но и адаптировать их с учётом национальных особенностей.

Анализ литературы выявил широкий спектр исследований, посвященных различным аспектам опережающей профессиональной подготовки (ОПП). Несмотря на разнообразие подходов, можно выделить несколько ключевых направлений, объединяющих большинство авторов.

Во-первых, ОПП рассматривается как важный фактор конкурентоспособности национальной экономики в условиях стремительно меняющегося рынка труда. Цифровизация, автоматизация и глобализация требуют способности быстро адаптироваться к новым технологиям и условиям профессиональной деятельности.

Во-вторых, исследователи подчеркивают необходимость постоянного совершенствования системы ОПП. Это включает обновление образовательных программ, внедрение новых методов обучения, развитие взаимодействия между образовательными учреждениями и работодателями, а также улучшение механизмов оценки качества подготовки.

В-третьих, отмечается значимость цифровых технологий в образовательном процессе. Цифровизация открывает новые возможности для персонализированного обучения и создания интерактивных образовательных ресурсов. Однако, наряду с преимуществами, она несет риски, такие как цифровая зависимость и вопросы информаци-

ной безопасности. Подходы к цифровизации образования разнятся: одни исследователи видят в ней инструмент повышения эффективности обучения, другие акцентируют внимание на необходимости новых педагогических методов, способствующих развитию критического мышления, креативности и навыков сотрудничества.

В-четвертых, особое внимание уделяется развитию soft skills: критического мышления, креативности, коммуникабельности и командной работы. Эти навыки становятся все более востребованными на рынке труда, но методы их формирования различаются. Одни авторы предлагают активные методы обучения (деловые игры, тренинги, case-study), другие подчеркивают важность создания среды, способствующей их естественному развитию.

В-пятых, ОПП должна носить опережающий характер, подготавливая специалистов не только для текущих, но и для будущих потребностей рынка труда. Это требует совершенствования механизмов прогнозирования кадрового спроса и разработки гибких образовательных программ, способных адаптироваться к изменениям. Однако, подходы к прогнозированию и адаптации программ остаются предметом дискуссий.

В целом, ОПП – сложная и многогранная система, требующая комплексного подхода. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку эффективных моделей ОПП, интеграцию отечественного и международного опыта, а также создание системы непрерывного профессионального развития. Важно учитывать различные точки зрения, стремиться к консенсусу и формированию практических рекомендаций.

Методы исследования

Для подготовки результатов исследования были изучены количественные показатели, характеризующие состояние рынка труда, динамику развития системы профессионального образования и эффективность реализации программ ОПП в различных регионах России.

Комплексный подход к исследованию ОПП обусловлен необходимостью всестороннего анализа данной системы. Использование статистических данных и нормативных документов обеспечивает объективность исследования, сравнительный анализ позволяет сопоставить российскую систему с международными аналогами, а применение SWOT-анализа способствует структурированию полученной информации и формированию практических выводов.

По итогам проведенных исследований, включающих анализ статистических данных, нормативных документов, сравнительный анализ и SWOT-анализ, выявлено, что ОПП в условиях цифровой трансформации претерпевает существенные из-

менения, открывая новые возможности для формирования компетенций будущего.

Результаты исследований. Развитие опережающей профессиональной подготовки в условиях цифровой трансформации: взгляд в будущее

Опережающая профессиональная подготовка (ОПП) играет ключевую роль в адаптации кадров к требованиям современного рынка труда. В условиях стремительных изменений экономики и технологий, ОПП становится не просто реакцией на текущие изменения, а и инструментом формирования будущего.

Опираясь на результаты проведенного комплексного анализа, можно с уверенностью говорить о том, что система ОПП в России обладает значительным потенциалом для развития, однако на ее пути стоят и серьезные вызовы (табл. 1).

Таблица 1. SWOT-анализ системы Опережающей профессиональной подготовки России

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
Актуальность Инновационность Гибкость Практическая направленность Мотивация обучающихся	Недостаточное финансирование Недостаток квалифицированных преподавателей Сложность прогнозирования Недостаточная связь с работодателями Сопrotивление изменениям
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
Развитие цифровых технологий Государственная поддержка Международное сотрудничество Потребности рынка труда: Интерес со стороны работодателей	Экономическая нестабильность Конкуренция Демографические изменения Изменение законодательства Недостаток информации

Опережающая профессиональная подготовка (ОПП) в России демонстрирует ряд значительных преимуществ, которые могут стать основой для её дальнейшего роста и успешного развития в условиях цифровой трансформации, однако на результаты SWOT-анализа стоит посмотреть критически и оценить с разных сторон.

Одним из очевидных плюсов является **актуальность образовательных программ**, направленных на удовлетворение текущих потребностей рынка труда. ОПП создаёт условия для подготовки специалистов, востребованных на момент выпуска, что делает её привлекательной как для обучающихся, так и для работодателей. Однако возникает вопрос: как долго этот подход останется оп-

тимальным? Будет ли система ОПП способна в будущем предугадывать запросы рынка, а не лишь откликаться на них? **Инновационность образовательных методов** – безусловно, это ещё один важный фактор успеха ОПП. Современные технологии и методы обучения, включая использование цифровых платформ и онлайн-курсов, делают процесс обучения более доступным и эффективным. Тем не менее, несмотря на явные преимущества, мы не можем не задать вопрос: не становится ли ОПП излишне зависимой от технологий, что может ограничить её гибкость в плане адаптации к особенностям живого общения в процессе обучения? **Гибкость системы** ОПП, возможность её адаптации к потребностям конкретных предприятий и регионов, позволяет предоставлять индивидуальные образовательные траектории. Это обеспечивает учащимся актуальные навыки и знания, которые можно сразу применить в их профессиональной деятельности. Однако в условиях быстрого изменения технологий и появления новых профессий, возникает вопрос: насколько долго ОПП сможет поддерживать этот баланс между универсализацией и индивидуализацией программ? **Практическая направленность** образовательных программ – ещё одна несомненная сильная сторона. ОПП готовит специалистов, которые имеют конкретные практические навыки, востребованные на рынке труда. Вопрос в том, смогут ли программы ОПП адаптироваться к быстрому появлению новых профессий и технологий, или же они останутся привязанными к актуальным потребностям, не успевая вовремя реагировать на новые вызовы?

Как бы ни было многообещающе развитие ОПП, система сталкивается с рядом проблем, которые необходимо решать. **Недостаточное финансирование** – это одна из главных проблем. Многие программы страдают от нехватки средств, что ограничивает возможности для внедрения новых технологий, модернизации учебного процесса и закупки необходимого оборудования. **Дефицит квалифицированных преподавателей** с актуальными знаниями и практическим опытом также стоит в числе значимых проблем. Как мы можем гарантировать высокое качество подготовки кадров, если преподаватели не всегда могут угнаться за темпами изменений в реальной профессиональной сфере? И, что более важно, каким образом обеспечить постоянное обновление образовательного контента, чтобы избежать устаревания знаний? Не менее важным является **сложность прогнозирования потребностей рынка труда**. Рынок труда и технологии развиваются стремительными темпами, и предсказать, какие навыки будут востребованы через несколько лет, становится всё сложнее. А что будет, если программы, ориентированные на сегодняшние запросы, станут неактуальными до того, как успеют подгото-

вить специалистов? Система образования должна не только идти в ногу с развитием технологий, но и предугадывать их будущее. **Недостаточное взаимодействие с работодателями** является ещё одной серьезной проблемой, замедляющей процесс адаптации ОПП. Без регулярного диалога с бизнес-сообществом образовательные программы рискуют отстать от реальных потребностей рынка и необходимо эффективно вовлекать работодателей в процесс разработки образовательных программ.

Тем не менее цифровая трансформация открывает для ОПП новые горизонты, и вопросы, касающиеся **цифровизации образовательного процесса**, становятся всё более актуальными. Искусственный интеллект и виртуальная реальность предлагают уникальные возможности для создания инновационных форм обучения, которые могут сделать образовательный процесс более доступным и интерактивным. Но есть опасения, что полная цифровизация приведет к потере важного человеческого аспекта образования. Однозначно можно сказать, что необходимо искать баланс между традиционными методами и новыми цифровыми технологиями, чтобы не утратить тех навыков, которые можно развить только в личном взаимодействии. **Международное сотрудничество** может значительно обогатить отечественные образовательные программы. Обмен опытом с зарубежными образовательными учреждениями позволяет заимствовать лучшие практики и интегрировать их в российскую систему, при этом адаптация должна быть с учетом специфики российского рынка труда и не приводить к нивелированию уникальных особенностей отечественного образования.

Вместе с возможностями ОПП сталкивается и с угрозами, которые могут замедлить её развитие. Например, **конкуренция со стороны других образовательных программ** представляет собой реальную угрозу. Рынок образования переполнен различными онлайн-курсами и тренингами, которые порой могут быть более гибкими и доступными, чем традиционные образовательные программы.

Опираясь на результаты исследований, включая SWOT-анализ, можно выделить ключевые направления развития ОПП: внедрение цифровых технологий, взаимодействие с работодателями и государственную поддержку, и необходимо гарантировать, что стратегия не станет временным решением, а обеспечит долгосрочную устойчивость. Для этого требуются механизмы диверсификации и мониторинга рынка труда, позволяющие адаптировать образовательные программы.

Реализация этих стратегий повысит эффективность ОПП, но потребует не только сотрудничества государства, бизнеса и образовательных учреждений, но и пересмотра устаревших подходов, чтобы соответствовать технологическим изменениям и вызовам рынка труда.

Цифровизация образовательных процессов: от реакции к опережению

Цифровая трансформация образования – не просто тренд, а необходимость для успешной реализации ОПП. Исследование показывает, что цифровизация не только помогает адаптироваться к изменениям, но и формирует компетенции будущего. Анализ данных выявил, что облачные сервисы, онлайн-платформы и LMS играют ключевую роль в создании персонализированных образовательных траекторий, обеспечивая доступ к знаниям в любое время. Это особенно важно для ОПП, где гибкость образовательного процесса – залог успеха.

Ярким примером успешной цифровизации опережающего профессионального образования является платформа Центра опережающей профессиональной подготовки Свердловской области (ср.copp66.ru), которая эффективно интегрирует цифровые технологии в образовательный процесс. Рост пользователей (с 50 до 75 тысяч в 2023–2024 гг.) подтверждает ее эффективность. На платформе представлено более 500 образовательных программ, включая виртуальные лаборатории, интерактивные курсы и профориентационные тесты. Они позволяют студентам не только получать теоретические знания, но и развивать практические навыки еще до трудоустройства, что полностью соответствует принципам ОПП.

Особое внимание в системе образования уделяется технологиям виртуальной реальности (VR), подчеркивая их инновационный потенциал для ОПП. VR – это не просто «виртуальная реальность», а полноценная технология, включающая в себя программное обеспечение, аппаратные решения и методологические подходы к обучению. В отличие от традиционных симуляторов, VR позволяет создать иммерсивные образовательные среды, максимально приближенные к реальным условиям работы, что способствует лучшему усвоению знаний и развитию практических навыков. VR может использоваться как самостоятельная технология для профессионального обучения, так и интегрироваться в систему образования в качестве дополнительного инструмента для повышения эффективности подготовки специалистов. Согласно отчету Министерства просвещения РФ (<https://edu.gov.ru/>), внедрение VR-симуляторов позволило сократить среднее время подготовки специалистов на 30%, что подтверждает высокий потенциал данной технологии для ОПП.

Формирование компетенций будущего: предвидеть, чтобы побеждать

Современный рынок труда предъявляет всё более высокие требования к квалификации специалистов. Но достаточно ли просто реагировать на эти изменения? ОПП должна не только адаптироваться,

но и предугадывать будущие запросы, чтобы формировать востребованные навыки заблаговременно. Согласно данным Росстата (2023), к 2030 году 82% рабочих мест будут требовать навыков в области цифровизации, управления проектами и устойчивого развития. Какие же компетенции окажутся ключевыми? Исследования позволяют выделить три основные группы:

Цифровые навыки. Цифровизация – не просто технологический тренд, а новая реальность профессиональной деятельности. Владение современными программными средствами, анализ данных и использование цифровых инструментов становятся базовыми требованиями практически во всех отраслях. По данным OECD («Skills Outlook 2023»), 78% выпускников программ, ориентированных на цифровые компетенции, трудоустраиваются в течение полугода после обучения. Это подтверждает необходимость подготовки специалистов в сферах искусственного интеллекта, больших данных и кибербезопасности. Но насколько эффективно образовательные учреждения интегрируют цифровые дисциплины в программы ОПП? Пока что подходы разнятся: одни учебные заведения идут в ногу с рынком, другие лишь начинают адаптацию.

Управленческие навыки. В условиях нестабильности и быстрой смены технологий способность планировать, организовывать и управлять командами становится всё более ценной. По данным Всемирного экономического форума («Future of Jobs Report 2023»), более 60% работодателей считают критическое мышление и лидерские качества приоритетными компетенциями ближайшего десятилетия. Текущей проблемой можно назвать то, что форматы обучения часто остаются традиционными, а управленческие компетенции по-прежнему считаются прерогативой бизнес-образования.

Навыки устойчивого развития. Переход к «зеленой» экономике меняет требования к профессиональным компетенциям. Всё больше компаний ориентируются на экологически ответственные стратегии, что создает спрос на специалистов, владеющих принципами устойчивого развития. Согласно отчету Всемирного банка («Green Skills for a Sustainable Future»), в 2024 году спрос на таких специалистов вырос на 25%. Не смотря на то, что некоторые российские образовательные организации уже внедряют специализированные программы, мы не можем прогнозировать на сколько осозанным является выбор «зеленых» компетенций среди самих обучающихся.

Образовательные программы ОПП должны формировать новые компетенции, но прогнозирование профессий будущего остаётся сложной задачей. Изменения на рынке труда могут существенно скорректировать спрос: с одной стороны, ожидается рост востребованности специалистов

в сфере ИИ, с другой – автоматизация может привести к исчезновению ряда традиционных профессий. Анализ образовательных инициатив показывает, что ведущие российские образовательные организации уже разрабатывают программы для подготовки специалистов в перспективных технологических сферах. Однако процесс их внедрения сталкивается с рядом вызовов, требующих пересмотра традиционных подходов к образовательным программам. Например, такие профессии, как архитектор нейросетей, оператор роботизированных систем и специалист по цифровой этике, требуют не только теоретической подготовки, но и практической отработки навыков в условиях быстро меняющихся технологий. Это ставит перед ОПП задачу создания гибких образовательных модулей, которые смогут оперативно адаптироваться к трансформациям рынка труда.

Для достижения опережающего эффекта необходим управленческий подход в системе опережающей профессиональной подготовки и тесное сотрудничество с бизнесом. Только так можно обеспечить актуальность подготовки специалистов и предотвратить разрыв между образованием и реальными запросами экономики.

Говоря о цифровизации нельзя не отметить, что одним из ключевых трендов последних лет стала **цифровизация профориентации**. Использование интерактивных образовательных платформ, онлайн-тестов и симуляторов профессий делает процесс выбора будущей специальности более информативным и осознанным. В рамках государственной стратегии по модернизации профессионального образования активно развиваются проекты, ориентированные на раннюю профориентацию и выявление предрасположенности школьников к различным профессиям. Например, программа «Первая профессия», запущенная в Свердловской области, уже позволила 15 тысячам учащихся получить базовые профессиональные навыки ещё до окончания школы в 2023 году. В 2024 году количество участников программы увеличилось на 25%, что свидетельствует о высокой востребованности профориентации на ранних этапах обучения.

Профориентационные центры при школах предлагают курсы проектной деятельности, программирования, виртуальные экскурсии и онлайн-тестирования. Внедрение цифровых решений, таких как «Московская электронная школа», расширяет возможности выбора профессии через симуляторы и онлайн-курсы. Перспективы развития профориентации как системы опережающей профессиональной подготовки связаны с дальнейшей цифровизацией и персонализацией. Искусственный интеллект уже используется для точных рекомендаций по выбору карьеры, а технологии VR и AR создают реалистичные симуляции рабочих мест.

При этом при разработке образовательных программ важно учитывать междисциплинарный подход: современные проблемы требуют комплексных знаний. Так, программа «Устойчивое развитие» в Новосибирске объединяет экологию, инженерию и управление проектами, а курс «Цифровое здоровье» в Казани сочетает ИТ и медицину. В 2024 году в него добавлены модули по управлению медицинскими данными и аналитике здравоохранения. Такие инициативы формируют специалистов, способных решать сложные задачи на стыке отраслей.

Но есть и сложности. В ряде регионов отсутствует координация между школами и работодателями, что мешает учащимся получать актуальную информацию о рынке труда, а бизнесу – находить подготовленные кадры. Кроме того, разрозненность профориентационных инициатив усложняет доступ к данным о профессиях, образовательных программах и возможностях трудоустройства, затрудняя планирование карьеры.

Ключевые выводы и рекомендации

Современный рынок труда характеризуется динамичностью и непредсказуемостью. Технологический прогресс, автоматизация и глобализация приводят к появлению новых профессий и исчезновению старых. В этих условиях система образования сталкивается с вызовом не только адаптироваться к текущим изменениям, но и предвидеть будущие потребности рынка труда. **Опережающая профессиональная подготовка (ОПП)** становится ключевым инструментом для формирования квалифицированных кадров, способных успешно функционировать в условиях быстро меняющейся экономики.

Несмотря на значительный интерес к ОПП как в России, так и за рубежом, эта область остается предметом активных дискуссий. Для обеспечения конкурентоспособности национальной экономики и успешной интеграции молодых специалистов в профессиональную среду необходимо преодолеть ряд серьезных выводов.

Сложность прогнозирования

Одним из главных препятствий остаётся неопределённость будущего рынка труда. Какие профессии будут востребованы через десять лет? Какие навыки станут ключевыми? Несмотря на развитие аналитики, образование нередко отстаёт от реальных экономических процессов. Ещё пять лет назад мало кто мог предсказать взрывной рост спроса на специалистов по искусственному интеллекту, а сегодня креативные индустрии становятся драйвером экономики. Как сбалансировать подготовку специалистов, чтобы они были востребованы не только сейчас, но и в будущем?

Цифровизация: возможности и риски. Виртуальная и дополненная реальность, онлайн-

обучение, искусственный интеллект – всё это расширяет образовательные горизонты, но такие быстрые темпы цифровизации несут и риски. Если технология становится самоцелью, игнорируя индивидуальные особенности обучающихся, образование рискует утратить свой гуманистический характер. Где та грань, за которой цифровизация перестаёт помогать, а начинает мешать?

Баланс между фундаментальными и прикладными знаниями. ОПП готовит специалистов, способных быстро включиться в работу. Но не приведёт ли это к чрезмерному упрощению программ? Не станет ли обучение узкоспециализированным, ограничивая гибкость выпускников? В условиях, когда знания устаревают быстрее, чем их успевают освоить, именно критическое мышление и способность к самообразованию приобретают ключевое значение.

Ловушки копирования лучших практик. Часто предлагается заимствовать международные модели: дуальное обучение Германии, персонализированное образование Финляндии, жёсткую корреляцию образования и бизнеса Сингапура. Однако универсального решения не существует. Более того, механический перенос успешных практик крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, в регионы может не дать ожидаемых результатов. Вузы, высокотехнологичные компании и развитая инфраструктура столицы создают благоприятные условия для ИТ-образования, но в регионах с преобладанием промышленности или сельского хозяйства приоритеты ОПП могут быть иными.

В условиях этих противоречий возникает необходимость поиска оптимального пути развития ОПП и комплексного подхода, в котором учитываются не только текущие реалии, но и перспективные вызовы.

Возможные направления развития ОПП включают в себя следующее.

Гибкость образовательных программ. Образовательные программы должны оперативно адаптироваться к изменениям на рынке труда. Для этого важно регулярно обновлять учебные планы, ориентируясь на запросы работодателей, технологические тренды и профессиональные стандарты. Сегодня, когда отрасли развиваются стремительно, особенно актуален модульный принцип обучения, который позволяет студентам выстраивать индивидуальные образовательные траектории и получать признание за освоенные модули, даже если полная программа не завершена.

Кроме того, система микроквалификаций становится всё более актуальной, позволяя быстро осваивать конкретные навыки, актуальные в данный момент. Не менее важно и признание неформального обучения: навыки, полученные вне обра-

зовательных учреждений, например, в ходе работы над проектами или стажировок, должны учитываться и подтверждаться соответствующими сертификациями.

Сочетание традиционного обучения и технологий. Современные цифровые инструменты значительно расширяют образовательные возможности. Онлайн-курсы, виртуальные тренажёры и симуляторы делают обучение доступнее и персонализированным. При этом сочетание цифровых и очных форматов позволяет максимально эффективно использовать преимущества обоих подходов. Однако важно не только внедрять технологии, но и обучать преподавателей и студентов цифровой грамотности. Без этих навыков даже самые передовые инструменты останутся неиспользованными.

Сотрудничество с бизнесом. Бизнес должен участвовать в формировании учебных программ, помогая образовательным учреждениям учитывать реальные потребности рынка труда. Практика и стажировки на предприятиях позволяют студентам не только применять полученные знания, но и адаптироваться к корпоративной культуре. Ещё один важный шаг – привлечение специалистов-практиков к преподаванию, что помогает студентам лучше понимать актуальные требования отрасли.

Развитие междисциплинарного подхода. Современный рынок труда требует специалистов, обладающих знаниями в нескольких областях. Уже сейчас востребованы программы, объединяющие, например, ИТ и экономику, инженерные науки и дизайн. Кроме того, особую роль играют soft skills: критическое мышление, командная работа, коммуникативные способности и умение учиться на протяжении всей жизни. Для их развития важно использовать проектный подход, вовлекая студентов в реальные задачи, требующие интеграции знаний из разных сфер.

Формирование универсальных компетенций. Наряду с узкоспециализированными знаниями, всё большую значимость приобретают универсальные навыки. Для их развития в образовательные программы необходимо включать курсы по критическому мышлению, коммуникации и работе в команде. Интерактивные методы обучения, такие как кейс-стади, деловые игры и тренинги, помогают не только осваивать материал, но и учиться применять его на практике. А участие студентов в реальных проектах позволяет закреплять полученные навыки в условиях, приближенных к рабочим.

Усиление роли профориентации как части ОПП. Правильный выбор профессии – залог успешного трудоустройства и профессионального роста. Поэтому профориентация должна быть неотъемлемой частью ОПП. Цифровые платформы, онлайн-тестирование, дни открытых дверей

и встречи с профессионалами помогают молодым людям лучше понять свои возможности и выбрать оптимальный карьерный путь. Также важно обеспечить доступ к актуальной информации о рынке труда, востребованных профессиях и образовательных возможностях. Взаимодействие между школами, образовательными организациями, центрами занятости и предприятиями позволит создать единую систему профориентации, помогающую молодежи принимать осознанные карьерные решения.

Опережающая профессиональная подготовка (ОПП) – сложная задача, требующая комплексного подхода. Успех ОПП зависит от гибкости образовательной системы, способности использовать новые технологии, сотрудничества с бизнесом и умения сбалансировать профессиональные и универсальные компетенции.

Важно понимать, что **опережающая профессиональная подготовка** – это не только инструмент адаптации к изменениям, но и **фактор, способствующий созданию этих изменений**. Главная задача заключается в том, чтобы подготовить специалистов, способных не только успешно функционировать в условиях новой технологической реальности, но и активно участвовать в формировании будущего.

Литература

1. Анохин П.А. *Опережающее отражение действительности // Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем.* – Москва: «Наука», 1978. С. 7–26.
2. Арутюнян М.П. *Опережающее образование: инновационные стратегии и экзистенциальные риски / М.П. Арутюнян // Научное обеспечение технического и социального развития Дальневосточного региона: Сборник научных статей к 60-летию Тихоокеанского государственного университета.* – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. – С. 199–203. – EDN YMSXXV.
3. Бим-Бад Б.М. *Опережающее образование: Теория и практика // Советская педагогика.* 1988 № 2. С. 51–55.
4. Блинов В.И. *Концепция оценивания квалификаций / Образование и наука.* – 2012. – № 10.
5. Блинов В.И. *Развитие концептуальных подходов к стандартизации в профессиональном образовании / Образование и наука.* – 2013. – № 7.
6. Вербицкий А.А. *Становление новой образовательной парадигмы в российском образовании / Образование и наука.* – 2014. – № 6.
7. Гафурова Н.В. *Идеи и проблемы опережающего образования / Н.В. Гафурова, С.И. Осипова // Сибирский педагогический журнал.* – 2013. – № 4. – С. 9–14. – EDN QZKZKX.
8. Голубовский В.Н. *Смена образовательных парадигм как тенденция перехода к опережающему профессиональному образованию / В.Н. Голубовский // Известия Российской академии образования.* – 2022. – № 4(60). – С. 94–104. – DOI 10.51944/20738498_2022_4_94. – EDN NLOLWY.
9. Демин В.М. *Приоритеты среднего и начального профессионального образования в деле повышения качества подготовки кадров // Начальное и среднее профессиональное образование.* – 2009. – № 4. – С. 206–211.
10. Дорожкин Е.М. *Методология профессионально-педагогического образования: теория и практика / Образование и наука.* – 2014. – № 9.
11. Иванов А.В., Петрова Е.С. *Персонализированное обучение: мировой опыт и российские реалии. // Педагогический журнал.* – 2024. – № 1.
12. Калашникова Е.В. *Цифровая трансформация системы профессионального образования в России. // Вестник образования.* – 2023. – № 6.
13. Ковалева А.И. *Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // СОЦИС.* 2003. № 1.
14. Кох И.А. *Социализация личности: индивидуализм и коллективизм как ориентиры трансформируемого общества / И.А. Кох, Р.С. Девицаров // Siberian Socium.* 2020. Том 4. № 1 (11). С. 33–47. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-33-47
15. Мухаметзянова Ф.Ш. *О необходимости перехода современной системы дополнительного профессионального образования в пространство опережающего образования / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Профессиональное образование в России и за рубежом.* – 2022. – № 2(46). – С. 112–118. – DOI 10.54509/22203036_2022_2_112. – EDN SWEOEZ.
16. *Отчет Центра опережающей профессиональной подготовки Свердловской области за 2023 год.*
17. Панасюк В.П. *Опережающая подготовка рабочих и специалистов в инновационной среде как фактор их профессиональной устойчивости и мобильности / В.П. Панасюк, О.Л. Кожевников // Человек и образование.* – 2019. – № 2(59). – С. 76–82. – EDN GIMHPD.
18. Смирнов Д.А. *Искусственный интеллект в образовании: возможности и риски. // Информационные технологии в образовании.* – 2023. – № 4.
19. *Федеральная служба государственной статистики. Аналитический отчет по рынку труда в 2022 году.*
20. *European Centre for the Development of Vocational Training (Cedefop), Benefits of vocational education and training in Europe for people, organisations and countries.* 2013.

21. Horsburgh M., Ladmin R. & Williamson E. Multiprofessional learning: the attitudes of medical, nursing and pharmacy students to shared learning. Blackwell Science Ltd MEDICAL EDUCATION. 2001. 35 (9): 876–883.

ADVANCED PROFESSIONAL TRAINING: ADVANCED DIRECTIONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Kotusov S.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Ural Institute of Management (branch)

The article is devoted to the study of the advanced professional training (APT) system as a strategic tool for adapting human resources to the challenges of digital transformation, automation and changes in the labor market. Particular attention is paid to the digitalization of educational processes, the introduction of new technologies, the development of managerial and sustainable competencies. Examples of successful implementation of APT programs in various regions of Russia, including career guidance for schoolchildren and young people, are given. The article presents the results of a comparative analysis of APT programs in various regions, identifies key factors of their effectiveness and outlines promising areas of development. The strengths and weaknesses of the APT system, opportunities and threats in the context of socio-economic transformations are highlighted. In conclusion, recommendations are proposed for improving the APT system aimed at increasing its adaptability, flexibility and compliance with the requirements of the modern labor market.

Keywords: advanced vocational education, advanced vocational training, digitalization, career guidance, competencies of the future, flexible educational models, labor market, sustainable development, artificial intelligence.

References

1. Anokhin P.A. Advanced reflection of reality // Selected works. Philosophical aspects of the theory of functional systems. – Moscow: "Nauka", 1978. Pp. 7–26.
2. Arutyunyan M.P. Advanced education: innovative strategies and existential risks / M.P. Arutyunyan // Scientific support for technical and social development of the Far Eastern region: Collection of scientific articles for the 60th anniversary of the Pacific National University. – Khabarovsk: Pacific National University, 2018. – Pp. 199–203. – EDN YMSXXV.
3. Bim-Bad B.M. Advanced education: Theory and practice // Soviet pedagogy. 1988 № 2. Pp. 51–55.
4. Blinov V.I. Concept of qualifications assessment / Education and Science. – 2012. – № 10.
5. Blinov V.I. Development of conceptual approaches to standardization in vocational education / Education and Science. – 2013. – № 7.

6. Verbitsky A.A. Formation of a new educational paradigm in Russian education / Education and Science. – 2014. – № 6.
7. Gafurova N.V. Ideas and problems of advanced education / N.V. Gafurova, S.I. Osipova // Siberian pedagogical journal. – 2013. – № 4. – P. 9–14. – EDN QZKZKX.
8. Golubovsky V.N. Change of educational paradigms as a tendency of transition to advanced vocational education / V.N. Golubovsky // Bulletin of the Russian Academy of Education. – 2022. – № 4 (60). – P. 94–104. – DOI 10.51944/20738498_2022_4_94. – EDN NL0LWY.
9. Demin V.M. Priorities of secondary and primary vocational education in improving the quality of personnel training // Primary and secondary vocational education. – 2009. – № 4. – P. 206–211.
10. Dorozhkin E.M. Methodology of professional and pedagogical education: theory and practice / Education and Science. – 2014. – № 9.
11. Ivanov A.V., Petrova E.S. Personalized learning: world experience and Russian realities. // Pedagogical journal. – 2024. – № 1.
12. Kalashnikova E.V. Digital transformation of the vocational education system in Russia. // Herald of Education. – 2023. – № 6.
13. Kovaleva A.I. The concept of youth socialization: norms, deviations, socialization trajectory // SOCIS. 2003. № 1.
14. Kokh I.A. Socialization of the individual: individualism and collectivism as guidelines for a transforming society / I.A. Kokh, R.S. Devityarov // Siberian Socium. 2020. Vol. 4. № 1 (11). P. 33–47. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-33-47
15. Mukhametzyanova F. Sh. On the need to transition the modern system of additional vocational education to the space of advanced education / F. Sh. Mukhametzyanova, G.A. Shaikhutdinova // Professional education in Russia and abroad. – 2022. – № 2(46). – P. 112–118. – DOI 10.54509/22203036_2022_2_112. – EDN SWEOEZ.
16. Report of the Center for Advanced Professional Training of the Sverdlovsk Region for 2023.
17. Panasyuk V.P. Advanced training of workers and specialists in an innovative environment as a factor in their professional sustainability and mobility / V.P. Panasyuk, O.L. Kozhevnikov // Man and education. – 2019. – № 2(59). – P. 76–82. – EDN GIMHPD.
18. Smirnov D.A. Artificial intelligence in education: opportunities and risks. // Information technologies in education. – 2023. – № 4.
19. Federal State Statistics Service. Analytical report on the labor market in 2022.
20. European Centre for the Development of Vocational Training (Cedefop), Benefits of vocational education and training in Europe for people, organisations and countries. 2013.
21. Horsburgh M., Ladmin R. & Williamson E. Multiprofessional learning: the attitudes of medical, nursing and pharmacy students to shared learning. Blackwell Science Ltd MEDICAL EDUCATION. 2001. 35 (9): 876–883.

